

Рет. 277 d - 1861. 9. 10.

ОСНОВА

1861

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзарь, XXXIV. Частіна поэмн: «Черниця Марьяна», Т. Г. Мисвченка.
- II. Дневникъ Т. Г. Мисвченка.
- III. Народна Слава, Солонця, За Дунаю, Чтѣ есть мнѣ и тебѣ, жено? Н. А. Кулиша.
- IV. Русалка, Ломуса.
- V. Матусяне Благословенія, Олексн Стороженка.
- VI. Украинскія незабудки, Н. А. Кулиша.
- VII. Съ того свѣту, Кумейки, Н. А. Кулиша.
- VIII. Обзоръ украинской словесности. V. Гоголь, Н. А. Кулиша.
- IX. Зъ народнихъ устѣ: I) Се така баба, що чортъ їй на маховихъ виллахъ чоботи оддавъ, Олексн Стороженка. II) Жидівська дяка, Митра Омельковича.
- X. Исторія України, Н. А. Кулиша.
- XI. Памятное дѣло.
- XII. Передовые Жиды, Н. А. Кулиша.
- XIII. О повѣсти Кузьменка, Н. А. Кулиша.
- XIV. Грамота на Рошниця, М. А. Стяхевича.
- XV. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.
- XVI. Вісті.
- XVII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украинны», Л. М. М.
- XVIII. Отъ редакціи.
- XIX. Объясненіе неудовопонятныхъ украинскихъ словъ.

659

78186/50120

9

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русскѣй Земли.»
Владимиръ Мономахъ.

1861

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИШЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ закошенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 21 дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

5

КОБЗАРЬ.

XXXIV.

ЧАСТИНА ПОЭМИ:

ЧЕРНІЦЯ МАРЬЯНА.

Эта поэма, какъ можно догадываться, написана была Т. Гр. Шевченкомъ вслѣдъ за *Катериною*. Черпевой, неполный, подлинникъ ея писанъ почти весь карандашомъ. Поправокъ почти нѣтъ въ рукописи, но оригиналъ, очевидно, содержитъ въ себѣ первый набросокъ. Отъ-этого нѣкоторые стихи не дописаны, въ другихъ не соблюденъ размѣръ; нѣкоторые состоятъ изъ повтореній, а въ одномъ мѣстѣ, черта, проведенная отъ слова *oddámъ*, которымъ начинается неизвѣстный намъ стихъ, показываетъ, что авторъ былъ намѣренъ дополнить и совершенствовать свою поэму. Много въ ней стиховъ слабыхъ, много мѣстъ растянутыхъ, но, какъ набросокъ, поэма эта весьма замѣчательна; она дышетъ свѣжею силою молодого еще таланта, и есть въ ней мѣста высоко-поэтическія. Указывать ихъ мы не будемъ, предоставляя читателю удовольствіе отыскать самому лучшее между слабымъ и прекрасное между хорошимъ. Я списалъ ее съ оригинала, часто очень нечеткаго и сбивчиваго, собственноручно, и нѣкоторыя мѣста редактировалъ, замѣняя, по-возможности, авторскую работу, что и означено въ примѣчаніяхъ.

П. Кулишъ.

У неділю на вігоні . . .
Дівчата гуляли,
Жартували зъ парубками,
Де-які співали —
Про дівсвітни, вечорнійці
Та якъ біла мати,

ОСНОВА.

Щобъ зъ козакѣмъ не стояла...
Звичайно — дівчата,
То про своє все й співають,
Які про що знає.
Ажъ ось, съ хлопцемъ старій сліпець
Въ село шкандибавъ;
Въ рукахъ чоботи; на плечахъ
Латана торбина
У старого. А дитина,
Сердешна дитина,
Обідрана, ледве, ледве
Носє ноженята...
Безталанний синъ Катрусі.
»Дивітця, дівчата,
Кобзарь идє, кобзарь идє!«
Та всі, яко мѣга,
Хлопцівъ кинули, — побігли
Зострічать сліпого.
»Діду-сєрце, голубчику!
Заграй намъ що-небудь:
Я шагá дамъ; я — черешень;
Я напою мѣдомъ;
А тимъ часомъ одпочінешъ,
А ми потанцюємъ.
Заграй же намъ яку-небудь!«
— »Чую, любі, чую!
Спасябі вамъ, мої квіти,
За слово ласкаве.
Загравъ би вамъ, та бачите —
Справи нема, справи.
Учѣра бувъ на базарі —
Кобза зопсувалася,
Развалилася...«
— «А струни?»
— »Тільки три осталося.«
— »Та хочъ на трѣхъ яку-небудь!«
— »На трѣхъ? Охъ, дівчата!
И на одній колись-то гравъ,

Та ба, вже не грати!
 Постривайте жь, мої любі,
 Трошки одпочіну...
 Сядьмо, хлопче.»

Посідали.

Розв'язавъ торбину;
 Вийнявъ кобзу; разівъ зб два
 Ударивъ по рванихъ...
 »Що бь вамъ заграть?... Постривайте...
 Черницю Мар'яну...
 Чи чували, чи не чули?....
 Слухайте жь, дівчата,
 Та кайтеся...

Давно колись

Була собі мати;
 Бувъ и батько, та не стало, —
 Осталась вдовою...
 Ой осталась удовою ¹,
 Та й не молодюю, —
 Изъ волами, изъ возами,
 Зъ малюю дочкою.
 Росла дочка Мар'яночка ²
 Віросла, якъ панна,

¹ Зтого стиха не доставало у Шевченка, очевидно, по недосмотру. П. К.

² Зотъ и слѣдующіе стихи, очевидно, не были читаны авторомъ послѣ
 першого наброска, и потому въ нихъ много разъ нарушена мѣра. Шевченко,
 безъ сомнѣнія, виправивъ бы ихъ лучше, нежели это сдѣлано мною; но что-
 бы не придати ему собственаго вкуса моею редакцією и сберечь мелкія, по
 необходимости слаженныя мною черты, помѣщаю его стихи точь-въ-точь.
 (То же сдѣлано мною и дальше). П. К.

Росла дочка Мар'яна,
 А віросла, якъ панна,
 Чернобрива, уродлива,
 Хочъ за пана гетьмана.
 Стала мати гадати
 Та зята едпати,
 А Мар'яна не до пана
 Виходила стояти, —
 Не до пана товстого,
 Усамого, старого,
 До Петруся, въ гаю, въ лузі,
 Що-вечора святого.

Чорнобріва, уродлива —
 Хоч би й за гетьмана.
 Стала мати міркувати
 Та зятя еднати,
 А Марьяна не до пана
 Ходила стояти, —
 Не до пана усатого,
 Сидого, старого, —
 До Петруся, що-вечора,
 Вечора святого.
 Розмовляла, жартувала,
 Обнімала, мліла,
 Въ раю жила... а йноді
 Плакала, німіла.
 »Чого плачешь, моя пташко?«
 Петро запитає.
 Вона гліне, усміхнєтця:
 »И сама не знаю«.
 — »Може, думаешь, покінпу?
 Ні, моя рибочино.
 Буду ходить, буду любить,
 Поки не загінпу.
 Хіба було коли въ світі,
 Щобъ ті, що кохались,
 Розійшлися, не взялися, —
 Живими остались?«
 — »Ти жартуєшь, мій голубе!
 Ти чувъ, що співають...
 Тó кобзарі вигадують;
 Бо, сліпі, не знають, —
 Бо не бачять, що є брові,
 Чорні й карі бчи
 И високій стає козачий,
 И гнучкий дівочий, —
 Що є кóси, чорні кóси,
 Козацька чуприна, —
 Що на мову на Петрову
 Въ глухий домовині

Усміхнуся... скажу їм:

»Орле сизокрилий!

»Люблю тебе й на тімъ світі,

»Якъ на сімъ любіла.«

Отакъ, сэрце, обнимімось,

Отакъ поцілую!

Нехай врупі заховáють...

Умру — не почую...

Не почую...«

Обняліся,

Обнялісь, зомліли.

Отакъ вони любілися,

На той світъ хотіли ¹,

Щобъ на той світъ переступіть,

Та не по їхъ стало...

Що-вечора схóдилися,

И мáти не знала,

Де Мар'яна до півночи,

Съ кимъ вона гуляла.

»Вонó малé, ще дитіна,

Нічого не знаé.«

Угадала старá мáти,

Та не все вгадала:

Знать, забула, що колись же

Самá дівувала ².

Угадала мáти... Мар'яна — дитіна,

Не знала, якъ трéба на сімъ світі житъ,

Думала ні люди, ані домовіна

Съ Петро́мъ не розлучать — уміла любитъ ³.

Думала, що тільки кобзарі співають,

¹ Вмѣсто этого стиха было сперва написано:

Ога(къ) и хотіли.

П. К.

² Эти два стиха написаны были сперва такъ:

Знать, забула, що минуло, —

Чи не дівувала.

П. К.

³ Этотъ стихъ у Шевченка такъ:

Съ Петро́мъ не рознять — уміла любитъ.

П. К.

Бо сліпі, не бачять кáрихъ оченятъ,
 Що тільки лякають молодіхъ дівчатъ...
 Лякають, дівчата, правдою лякають.
 И я васъ лякаю, бо те лихо знаю...
 Бодáй на сімъ світі ніко́ли не знать
 Того́, що я знаю!... Мину́ло, дівчата, —
 Сѣрце не засну́ло — я васъ не забу́въ;
 Люблю васъ и до́сі, якъ діточо́къ ма́ти;
 Бúду вамъ співа́ти, поки не загіну...
 Тойді, мої любі, якъ мене не ста́не,
 Згада́йте про мене, про мою Марья́ну, —
 Я вамъ съ того́ світа сѣрцемъ усміхнусь...
 Усміхнуся... «

Та й заплакавъ.

Дивились дівчата,
 Не пита́ли, чо́го пла́че,
 Та й на́ що пита́ти?
 Мину́лося — помага́ло
 Ласка́ве дівоче
 Щі́ре сло́во...
 »Вибача́йте...

(Уте́ръ сліпі́ очи)

Вибача́йте, мої любі!
 Не́хотя журю́ся...
 Такъ о́тъ, ба́чите, Марья́на
 Зъ убо́гимъ Петро́усемъ
 Що-вече́ра розмовля́ла,
 А ма́ти не зна́ла.
 Дивува́лась: »Що се такé
 »Марья́ну спітка́ло?
 »Чи не пристрі́тъ? Ся́де ші́ти —
 »Не те вишива́е;
 »Замі́сь *Гри́ця*, задума́вшись,
 »Петру́ся співа́е ¹;

¹ *Грице́мъ* называється пѣсня:

Ой не ходи, Грицю, на ті вечорниці.

з *Петрусемъ* —

Полюби́ла Петро́ся,
 Та й сказа́ти бою́ся.

» Часомъ сонна розмовляе,
 « Подушку цілує... »
 Мати спершу сміялася:
 Думала — жартує;
 Потімъ бачи(ть), що не жарти,
 Та й каже Мар'яні:
 » Треба старостівъ намъ ждати ¹,
 » Та, може, й одъ пана.
 » Ти вже віросла — не врбку,
 » Уже й дівувала;
 » Я вже думаю, що бачишъ ²,
 (Насілу сказала),
 » Що вже й заміжъ, коли тее... »
 — » А за когб, мамо? »
 — » Хто вподоба, то (я) й оддамъ. »
 Співаетъ Мар'яна:
 » Минулася твоя доля,
 » На-віки минула...
 » Чомъ ти вчора, якъ вернула,
 » На-вікъ не заснула?
 » Було бь легше въ домовині
 » Одинбкій спати.
 » Тойді, може бь, надъ тобою
 » Заплакала мати.
 » Теперъ мати не заплаче,
 » Та й не заспіваетъ;
 » А лиха ще буде, буде,
 » Пібки заховаютъ! «
 Отакé-то, мої любі,
 Бувá на сймъ світі:
 Одна дочка у матери,
 Та й тій тяжко жити...

¹ У Шевченка этотъ стихъ такъ:

Треба буде старостівъ ждати.

² Этотъ стихъ написанъ былъ сперва такъ:

Я вже думаю, що й тее...

По садбчку похожає,
 Слізонькй втпрає;
 Поглядіє на сонечко —
 Печє, а не сјає.
 Стоїть собі середь нѣба,
 Мовъ смієтця зъ нѣї.
 Вонó не зна, що Марьяна
 Рада бъ підъ землею
 Заховатьця одъ матери,
 Щобъ не почуть знову
 Тії мóви, що вже чула,
 Проклятої мóви.
 Вонó не зна, що якъ заїде
 Спочіти за гаємъ,
 Петрусь вийде на долину,
 Петрусь заспіває,
 Петрусь її роспитає,
 Якъ братъ заговóрить,
 Поцілує, роспитає
 Про лютеє гóре.

Не знала Марьяна, чого сѣрце мліє,
 Чогó плачуть очі... на що ёго знать?
 Хилитця тополя, кудї вітеръ віє...
 Тяжко одинóкйй на степу стоять.
 Утóмитця вітеръ — тополя спочїне:
 Отакъ и дівоча минє хуртовїна.
 Тяжко одинóкйй въ степу зустрічать,
 А ще гірше любїй попереду знать,
 Дє и якъ спїткає лихїя годїна.
 Несподївано Марьяна
 Зостріла недóлю;
 Спїва-було, а їноді
 Дає слєзámъ вóлю.
 Самá не зна, чогó плаче;
 Мóже, сѣрце й чує,
 Та не вмїє розказати
 Про тє, що віщує.

Разъ увечері Мар'яна,
 Якъ ма́ти засну́ла,
 Пішла слухать соловейка,
 Мовъ зрѳду не чу́ла.
 Війшла въ садѳкъ, послухала,
 Сама́ заспівала,
 Та й замѳвгла; підъ яблуню
 Тихесенько ста́ла,
 Заплакала, якъ дитина
 Безъ ма́тери плаче...
 Петро́ стоїть передъ нею —
 Нічо́го не ба́чить.

»Одда́й мені, моя́ ма́мо,
 »Та не за старѳго,
 »Одда́й мене́, моє́ се́рце,
 »Та за молодѳго.
 »Неха́й старій бурлаку́е,
 »Гро́ши заробля́е,
 »А молодій мене́ любить,
 »До́лі не шука́е.
 »Не шука́е, не блука́е
 »Чужі́ми степа́ми.
 »Свої во́лі, свої возі́,
 »А міжъ парубка́ми,
 »Якъ ма́ківка на вгорѳді,
 »Цвіте—процвіта́е.
 »Ма́е по́ле, ма́е во́лю,
 »Та до́лі не ма́е.
 »Его́ до́ля — мої брові́,
 »Мої ка́рі о́чі;
 »Моє́ сло́во — па́нство-ца́рство,
 »Нічо́го не схоче́.
 »У кайда́нахъ, моя́ сйза,
 »Та не сирото́ю,
 »Ті́лько, ма́мо, що(бъ) плакати,

»Щобъ співать зо мнєю.

»Оддай...

— »Дбчко мой, Марьяно!

»Оддамъ тебе за пана

»За старого, багатого,

»За сѣтника Івана.«

— »Умру сѣрце мамо,

»За сѣтникомъ Іваномъ.»

— »Не вришешъ, будешъ панувати,

»Будешъ дітокъ годувати.«

Мати галка, мати чорна,

Літаючи, кряче;

Чорнобрива дівчинонька,

Ходя гаємъ, плаче.

Летить галка черезъ балку

Въ степу погуляти,

А дівчина пудить світомъ, —

Ні съ кимъ розмовляти.

Не пускає її мати

Вранці до криниці,

Ні жита жать, ні лёну брать,

Ні на вечірнійці,

Де дівчата съ парубками

Жартують, співають,

Та про мене, чорнобриву,

Нішкомъ розмовляють:

»Багатого дочка батька,

»Шляхецького роду...«

Тяжко, мамо, важко, мамо...

На що дала вроду?

На що брови змалювала,

Дала карі очі?

Усе дала, тільки долі —

Долі дати не хочешъ.

На що мене годувала,

На що доглядала?

Поки ліха я не знала,
Чомъ не заховала?

Не слухала старá мати,
Лягла спочивати,
А Мар'яна заплакала,
Ледві пішла съ хати.

»Злякалася«, дума мати:
»Нехай переплаче!«

А Мар'яна за слезами
И світу не бачить.

Пішла въ садокъ... сэрце мліе,
Якъ згадае пана.

Сэрце моє, рибко моя!
Мар'яно, Мар'яно!

Постривайте... заспівала —
Пішла луна гаємъ, —

Не про *Гриця*, — про *Петруся*,
Такъ и виливала.

Заспіваеть, опійнитця,
Послуха та знобу, —

Ажъ голосокъ утомівся.
Петрової мови

Не чутъ, нема, не гукáе,
Не кліче: »Мар'яно!

»Де ти, пташко? вілинь, сэрце,
»Серденько кохáne!«

Нема Петра, не чутъ Петра...
Не вже жъ то покинувъ

Сиротю чорнобріву
При лихій годіні?..

Побачимо... А тимъ часомъ
По-надъ тэмнимъ гаємъ,

Якъ русáлка жде місяця,
Мар'яна блукає.

Не співáет чорнобрива,
Тяжко, тяжко плаче...

Ой верніся, подивіся,

Зрадливи́й коза́че!
 Утоми́лась би Маря́на, —
 Утоми не чу́є;
 Безъ Петруся́ въ гаю́, въ лузі
 Ходячи́ ноче́.
 На східъ сонця́ червоніє,
 Хова́ютця зори́;
 Иде́ дівчина́ до ха́ти,
 Несе́ своє го́ре.
 Пришла́ въ ха́ту — спала́ ма́ти;
 Глянула́ на не́і:
 »Ой якъ би́ ти, ма́мо, зна́ла,
 «Якою́ змією́
 »Окрути́ла моб се́рце,
 »Рідної́ дитя́ни...«
 Та й упала́ на постѣлю́,
 Якъ у домови́ну!...

Т. Шевченко.

Мы не теряемъ надежды добыть эту поэму въ полномъ, обработанномъ видѣ. Говорили намъ, что экземпляръ ея хранится у издателя альманаха *Синь*, г. Корсуна, котораго убѣдительно просимъ сообщить намъ эту драгоценность.

Ред.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Пятый отрывок.

16 июля.

Послѣ заката солнца заштигло, и въ первомъ часу ночи вѣтеръ поднялся отъ зюйдъ—оста, вѣтеръ тихій и ровный, такой самый, какой нуженъ для нашей почтовой лодки. Дождавшись разсвѣта, я вскарабкался на самую высокую прибрежную скалу и просидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ захотѣлось ѣсть, т. е. до полудня. Не увидѣвши на горизонтѣ ни завѣтнаго, никакого паруса, я въ уныніи пришелъ на огородъ, и, въ ожиданіи обѣда, принялся за свою вечную подорожную. Копченный продуктъ мой съ каждымъ днемъ умалается. Еще нѣсколько дней ожиданія—и отъ него останутся ни—къ—чему годныя руины. Хорошо, если я поѣду черезъ Астрахань. Тамъ есть лавки сарептскихъ колонистовъ, а между ними, вѣроятно, есть и колбасныя. Безъ колбасы нѣмецъ и дня не проживетъ, слѣдовательно, копченный продуктъ можно пополнить. А если придется прогуляться черезъ Гурьевъ и Уральскъ, по злачнымъ и серебрянымъ берегамъ благочестиваго Урага? тогда что? Аппетитъ въ торбѣ, а зубы на полку, или, во избѣжаніе голодной смерти, прикинуться ворожейкой, а лучше всего—мученикомъ за вѣру, растрогою—попомъ. Тогда, какъ по щучью велѣнью, все явится передъ тобой, начиная съ каймыка и джурмицы и оканчивая *свальнымъ грѣхомъ*. Отвратительно! хуже всякихъ язычниковъ...

Въ 1848 году, послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ—Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островъ Косъ—Аралъ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе козаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бороною, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я—

непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ же своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ да бацъ передо мною на-колѣни. «Благословите», говорить, «батюшка! Мы», говорить, «уже все знаемъ». Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный всаулъ облобызалъ мою руку, и вечеромъ задать намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась.

Вскорѣ послѣ этого казуса, уже обривши бороду, отправился я въ Раймъ—главное тогда укрѣпленіе на берегу Сыръ—Дарьи. Въ Раймѣ встрѣтили меня Уральцы съ затаѣннымъ восторгомъ, а отрядный начальникъ, тоже не будучи дуракъ, испросивъ мое благословеніе, предложилъ мнѣ 25 рублей, отъ которыхъ я неблагоприятно отказался, и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, подвинулъ благочестивую душу старика отговѣться въ табуиѣ, въ кибиткѣ, по секрету, и, если возможность позволить, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я.

Чтобы не нажить себѣ хлопотъ съ этими сѣдыми безпримѣрными дураками, я поскорѣ оставилъ укрѣпленіе, и уже аккуратно, каждую недѣлю два раза, брѣю себѣ бороду. Случись это глупое, смѣшное происшествіе гдѣ—нибудь на берегахъ Урала, гдѣ были бы женщины, я не раздѣлялся бы такъ легко съ этими пзувѣрами. Весь фанатизмъ, вся эта мерзость, гнѣздится въ ихъ распутныхъ дочеряхъ и женахъ. Въ Уральскѣ постоянно набить острогъ бѣглыми солдатами—ихъ минимыми пресвитерами, и, несмотря на явныя улики, они благоговѣютъ передъ этими разбойниками и бродягами. И это не простые, а почетные чпповные козаки... Непонятная закоспѣлость!

Послѣ полудня отошелъ вѣтеръ къ зюйдъ-весту, прямо въ лобъ почтовой лодкѣ.

17 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же, какъ заколдованный. Передъ вечеромъ, по направленію Астрахани, на горизонтѣ показался пароходъ. Въ укрѣпленіи засуетились, увидя это неожиданное явленіе, а въ особенности капитанъ К—въ, съ своимъ почетнымъ карауломъ и съ ординарцами. Но кого несетъ пароходъ? никому положительно неизвѣстно. Но всѣ, даже самыя умѣренныя фантазеры, догадывались, что если не В. К. К. Н., то непремѣнно адмирала, губернатора астраханскаго. Последней догадки, или предположенія, капитанъ К—въ сначала и слушать не хотѣлъ.

Но, внимая доводамъ ученаго друга своего, лекаря Н-го, о невозможности такого чисто-историческаго событія въ такомъ темномъ уголкѣ имперіи, какъ наше укрѣпленіе,—и ученый мужъ подкрѣпилъ свое мнѣніе историческими фактами, сказавши, что послѣ Петра Великаго, изъ членовъ царской фамиліи, никто не посѣтилъ не только полуострова Мангишлака, даже знатнаго портоваго города Астрахани. Противъ этого аргумента сказать было нечего. Но смѣтливый капитанъ К-въ нашолся, сказавши: «ну, чтожъ? если и не В. К., такъ по-крайней мѣрѣ губернаторъ: все же особа въ генеральскомъ чинѣ, и почетный караулъ необходимъ». На такое простое, по видимому, слово, даже ученый мужъ полѣзъ въ карманъ за возраженіемъ. Но, увы! пока ученый эскулапъ рылся въ своемъ умственномъ карманѣ, таинственная задача разрѣшилась. Прискакалъ козакъ съ пристани, и донесъ коменданту, что на паракодѣ, кромѣ его командира, лейтенанта П-на, никого не имѣется. Гора мышь родила...

Комендантъ послалъ тарантасъ за командиромъ парохода, и велѣлъ его просить къ себѣ на огородъ. А я, чтобы мой походъ въ укрѣпленіе не втунѣ совершился, зашелъ въ казармы и побрился; потомъ зашелъ къ М-скому, посмѣявшись надъ совершившимся. Мы, по-поводу подобнаго же происшествія, случившагося въ 1847 году въ Орской крѣпости, перенесли нашъ разговоръ въ Орскую крѣпость,—какъ ему, такъ и мнѣ хорошо пѣматную. И. М-скій, своимъ живописнымъ слогомъ, такъ живо описывалъ эту не живописную пустынную крѣпость, что я заслушался его,—и первые темные дни моей неволи просвѣтлѣли и улыбнулись въ моемъ воспоминаніи. Неужели и для настоящаго моего положенія придетъ когда-то свѣтлое улыбающееся воспоминаніе? Фактъ передъ глазами, а все-таки не вѣрится.

Въ девятомъ часу вечера я возвратился на огородъ, и засталъ еще моряковъ, громко-любезничавшихъ съ комендантшею. Но мнѣ такъ опротивѣло пустое хвастовство, что я издали, заслышавъ громкіе голоса, сдѣлалъ полъ-оборота направо, и до пробитія зари обошелъ во кругъ укрѣпленія. Песвоевременная прогулка утомила меня и, прежде времени, къ великому моему удовольствію, уложила спать, за что я въ душѣ поблагодарилъ любезныхъ астраханскихъ мореходовъ.

Сонъ мой не былъ, однакожъ, такъ спокойный, какъ я ожидалъ: въ продолженіи ночи, я нѣсколько разъ просыпался и наблюдалъ вѣтеръ. Передъ разсвѣтомъ вѣтеръ затихъ, и я, въ надеждѣ на его непостоянство, успокоился и заснулъ. Во снѣ видѣлъ я Кулиша, Костомарова

и Семена Артемовскаго, будто бы я встрѣтилъ ихъ въ Лубнахъ, во время успенской ярмарки,—Кулиша и Костомарова въ обыкновенныхъ, а Артемовскаго—въ какомъ-то театральномъ костюмѣ; въ этомъ фантастическомъ нарядѣ онъ представлялся на улицѣ Петру В., а я тутъ же, для Кулиша, рисовалъ молодого слѣпного лирика въ тирольскомъ костюмѣ. Продолженію этой безалаберщины помѣшалъ мой услужливый дядька: онъ принесъ мнѣ на огородъ новый китель и разбудилъ меня, за что наградилъ я его большимъ огурцомъ и рѣдкой.

Вѣтеръ не измѣнилъ моей надеждѣ: къ утру отошелъ къ зюйд-осту. Пароходъ поутру вышелъ изъ гавани и направился къ Кизляру. Я проводилъ его глазами на горизонтъ, принялся за свой чайникъ и потомъ за журналъ.

18 іюля.

Кончивши сказаніе о вчерашнемъ событіи, я началъ мечтать о рюмкѣ водки и умѣренномъ кускѣ ветчины, — какъ присылають за мной Б—ва просить на чашку кофе: нашъ Физать чему и радъ. Пошелъ я. Прихожу. Командирша тутъ же, послѣ поздраванья, начала рѣчь о вчерашнихъ гостяхъ. Я спросилъ о цѣли ихъ кратковременнаго пребыванія на нашихъ берегахъ, и на прямой мой вопросъ получилъ отвѣтъ довольно косвенный, и перепутанный, какъ водится, отступленіями, ни къ чему не ведущими. Однимъ—словомъ, я выслушалъ изъ милыхъ устъ такую чепуху, какой мному не удастся выслушать и въ модномъ салонѣ. Гостей оказалось не два, какъ я полагалъ, а пятеро, кромѣ флотскихъ— командира парохода и его штурмана, весьма образованнаго (по словамъ рассказчицы) молодаго человѣка, еще трое штатскихъ, два ученые, а третій — докторъ; и что пароходъ ходитъ около нашихъ береговъ, для какихъ-то наблюденій, и что штатскіе ученые должны быть не ученые, а просто—политическіе педанты, потому что говорили о ваіяни на здѣшнюю туркменскую орду; одинъ изъ нихъ, что помоложе, блондинъ съ длинными волосами à la—мужикъ, можетъ-быть и дѣйствительно только ученый, потому-что, вмѣстѣ съ Данилевскимъ и другими, участвовалъ въ экспедиціи Бера, и что точно такъ же какъ и Беръ, собираетъ степной полынь и другія травы, и что онъ спрашивалъ обо мнѣ, но такъ двусмысленно, что милыя собесѣдницы даже косвенно не умѣли удовлетворить его любопытства, и, какъ я догадываюсь, ловко отстранивши этотъ, по ихъ понятіямъ, щекотливый

вопросъ, онѣ, какъ водится, перенесли свою бесѣду въ Астрахань, прямо въ персидскія лавки съ канаусомъ и другими недорогими матеріями.

Если это былъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ, то какое понятіе получилъ онѣ о нашемъ бонтошѣ, о сливкахъ здѣшняго дамскаго общества?— —

Собравши такія положительныя свѣдѣнія о вчерашнихъ таинственныхъ посѣтителяхъ, я, разумѣется, пересталъ объ нихъ думать и до самого обѣда лежалъ подъ вербою и читалъ Либельта. О вѣтрѣ я также старался не думать. Онѣ изъ меня душу вытянетъ—этотъ проклятый зюйдъ-вестъ. На однѣ сутки, на полсутки отойди онѣ къ осту—и я свободенъ. Невыносимая пытка!

За обѣдомъ опять завязался разговоръ о таинственныхъ путешественникахъ, и, благодаря коменданту, онѣ въ-половину пояснилъ это загадочное событіе. Въ числѣ вчерашнихъ гостей не было главнаго двигателя всей этой суматохи, именно—астронома, который остался на пароходѣ, и дѣлалъ вычисленія. Звѣздочетъ сей присланъ гидрографическимъ департаментомъ, повѣрить астрономическіе пункты на берегахъ Каспійскаго моря, опредѣленные въ прошломъ году какимъ-то другимъ звѣздочетомъ. Вотъ настоящая цѣль неожиданнаго прибытія парохода къ нашему берегу. А два ученые мужа, которые сдѣлали честь огороду и его милымъ обывательницамъ своимъ посѣщеніемъ, не кто иной, какъ одинъ — чиновникъ, мнимый политическій агентъ, отправляющійся на службу въ гебрійскій городъ Баку; а другой—учитель словесности при Астраханской гимназій, пользующійся свободнымъ каникулярнымъ временемъ, и чуть ли еще не землякъ, потому—что передалъ мнѣ поклонъ черезъ здѣшняго плацъ-адъютанта, за что я ему сердечно благодаренъ.

Таинственное происшествіе, къ немалому удивленію нашихъ романтическихъ дамъ, объяснилось очень просто и даже прозаически. По новостю, которую сообщилъ плывущій въ Баку чиновникъ, мнѣ кажется, просто, сочиненіемъ будущаго великаго администратора. Онѣ сообщилъ, и даже съ подробностями, что образовалась коммерческая компанія пароходства на Каспійскомъ морѣ, на началъ Тріестскаго Ллойда, и что уже вызываетъ морскихъ офицеровъ служить на ея пароходахъ съ правомъ чинопроизводства, и что уже назначены три директора, и что онѣ—сей будущій великій администраторъ—ѣдетъ въ Баку занять мѣсто помощника при директорѣ, вѣкомъ баронѣ

Вр. съ содержаніемъ 1500 р. сер. въ годъ: Что будетъ дѣлать этотъ Ллойдъ въ Каспійскомъ озерѣ и какое довѣрить порученіе этому помощнику директора, выпущенному въ настоящемъ году, по его словамъ, изъ С.-Петербургскаго университета?

Съ закатомъ солнца вѣтеръ отошелъ къ зюйдъ-осту, но слабый, безнадежный. Кончится ли наконецъ это грустное существованіе, это однообразное записываніе однообразнѣйшихъ безконечныхъ дней?

19 іюля.

Съ закатомъ солнца вѣтеръ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Обрадовавшись такому неожиданному явленію, я принялся ходить вокругъ укрѣпленія и до пробитія зари обошелъ четыре раза, — значитъ я сдѣлалъ безъ присѣсту 12 верстъ. Прогулка порядочная, но я не почувствовалъ и тѣни усталости. Ночь лунная, прекрасная, и я не перенесъ своего лагеря въ бесѣдку, оставивъ его подъ вербою, чтобы удобнѣе было наблюдать вѣтеръ по флюгеру, вертящемуся на голубитѣ. Часы въ укрѣпленіи пробили 12, вѣтеръ перемѣнился и не слабѣлъ. Добрый знакъ. Въ надеждѣ на добрый знакъ, я задремалъ, и на крыльяхъ волшебника Морфея перелетѣлъ въ Орскую крѣпость и въ какой-то татарскій лачугъ нашелъ М. Лазаревскаго, Левицкаго и еще какихъ-то земляковъ, играющихъ на скрипкахъ и поющихъ малороссійскія пѣсни. Я присоединилъ и свой теноръ къ капеллѣ, и мы пѣли стройно и согласно:

У стѣну моими зъ вітромъ говоримъ.

Не кончивши этой пѣсни, мы начали другую, а именно — *Петруся*, и я такъ громко пропѣлъ стихи:

Люблю, мамо, Петруся,
Поговору боюся, —

что капелла наша замолчала, а я, на послѣдней нотѣ, проснулся. Очнувшись отъ этого сладкаго сновидѣнія, я посмотрѣлъ на флюгеръ. Вѣтеръ, слава Богу, все тотъ же — не перемѣнился. Поворочался, прочиталъ, сколько помню, стиховъ изъ пѣсни про счастливаго, бѣлолицаго соперника Грнца, снова заснулъ, моля Орфея продолжать прерванное сновидѣніе.

Морфей исполнилъ мою молитву, только не совсѣмъ. Онъ перенесъ меня въ какой-то восточный городъ, утыканный, какъ иглами,

высокими минаретами. Въ тѣсной улицѣ этого восточнаго города, встрѣчаю я будто бы ренегата, Н. Э. П—ва въ зеленой чалмѣ и съ длинною бородою; а Б—въ и рядомъ съ нимъ — С. Г—вна П—ва — сидятъ на балконѣ, и тоже въ турецкомъ костюмѣ. Они что-то говорили о Кіевскомъ пашалыкѣ. Но мнѣ на лицо вскопчила холодная лягушка и я проснулся. Перенеся одръ свой въ бесѣдку, я снова-было скорчился подъ шинелью, но, при всемъ моемъ стараніи, заснуть не могъ. У меня все вертѣлся передъ глазами ренегатъ П—въ съ своимъ всемогущимъ покровителемъ и съ своею, красавицей-супругой. Гдѣ онъ? и что теперь съ нимъ?

Въ ожиданіи утра, я на этомъ полноувѣсномъ фундаментѣ построилъ каркасъ поэмы, въ родѣ *Анжело* Пушкина, перенеся мѣсто дѣйствія на востокъ, и назвалъ ее: *Сатранъ и Дервишъ*. При лучшихъ обстоятельствахъ, я непременно исполню этотъ удачно — проектированный планъ. Жаль, что я плохо владѣю русскимъ стихомъ, — а эту оригинальную поэму нужно непременно написать порусски.

Есть еще у меня въ запасѣ одинъ планъ, основанный на происшествіи въ оренбургской странѣ. Не присоединить ли его, какъ яркій эпизодъ, къ *Сатрану* и *Дервишу*? Не знаю только, какъ мнѣ быть съ женщинами на Востокѣ. Женщины—безмолвныя рабыни, а въ моей поэмѣ онѣ должны играть первыя роли,—ихъ нужно провести — какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были—нѣмыми бездушными рычагами позорнаго дѣйствія.

Если бы я зналъ, что эта общипанная *Ласточка* (названіе почтовой лодки) не принесетъ мнѣ свободы, я сегодня приступилъ бы къ дѣлу, вопреки поговоркѣ—*тише ѣдешь, дальше будешь*.

Пока я записывалъ свои сновидѣнія, вѣтеръ отошелъ къ весту, и *Жаворонокъ* (другая почтовая лодка) на всѣхъ парусахъ полетѣлъ въ Гурьевъ. Несносный вѣтеръ, мучительная незвѣстность!

20 июля.

Ильинъ день. Илія — *косматъ*; такъ пишется онъ въ Библии. Онъ не оставилъ посебѣ, подобно другимъ пророкамъ, писаннаго пророчества. У Палестинскихъ Магометанъ (если вѣрять Норову) онъ пользуется такимъ же почетомъ, какъ у Евреевъ и христіанъ.

Ильинъ день. Ильинская ярмарка въ Ромни, — теперь, кажется, въ Полтавѣ. Въ 1845 году, я случайно видѣлъ это знаменитое тор-

жище. Три дня сряду глоталъ пыль, и валялся въ палаткѣ покойнаго *Павла Викторовича Свѣчки*. Самъ онъ себя называлъ только огаркомъ отъ большой свѣчки, и салнымъ огаркомъ. Это былъ сынъ того самаго полковника Свѣчки, что, шутки ради, закупилъ, во время контрактовъ въ Кіевѣ, все шампанское вино, безъ всякой коммерческой цѣли, а такъ, чтобы подурочить польскихъ пановъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ съ единственною цѣлью покутить, а въ своемъ мѣстечкѣ *Городищѣ* (Пирятинскаго уѣзда) онъ учредилъ заставу, чтобы не пропускать никого ни идущаго, ниже въ берлинѣ ѣдущаго, не накормивъ его до-отвалу и не напивъ до положенія ризъ. Послѣ такихъ шутокъ, натурально, что послѣ большой Свѣчки едва остался маленькій огарокъ, да и тотъ скоро погасъ. Миръ праху твоему, мой благородный друже!

Тогда же я, въ первый разъ, видѣлъ гениальнаго артиста *Соленика* въ роли Чупруна (*Москаль-чаривникъ*): онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина. И московскихъ цыганъ тогда же я въ первый и въ послѣдній разъ слышалъ и видѣлъ, какъ они отягчались передъ ремонтерами и прочею пьяною публикою; и какъ, въ заключеніе своего дико-грязнаго концерта, они хоромъ пропѣли:

Не пылить дорога,
Не дрожать листы...
Подожди немного —
Отдохнешь и ты, —

намекая этимъ своимъ пьянымъ покровителямъ, что имъ тоже не мѣшало бы отдохнуть немного и съ силами собраться для завтрашняго пьянства.

Думалъ ли великій германскій поэтъ, а за нимъ и нашъ великій Лермонтовъ, что ихъ глубоко-поэтическіе стихи будутъ отвратительно-дико пѣты пьяными цыганами передъ соборомъ пьянѣйшихъ ремонтеровъ? Имъ и во снѣ не снилась грязная пародія...

Что-же я еще видѣлъ тогда замѣчательнаго на этомъ замѣчательномъ торжищѣ? Кажется, ничего больше. Познакомился съ распутнымъ старикомъ Я — чемъ (отцомъ извѣстнаго) и съ его меньшимъ сыномъ. Еще познакомился съ однимъ изъ безчисленныхъ членовъ фамиліи — Р—з—ко, и на третій день моего пребыванія въ Ромѣ, купилъ на жилетъ какой-то матеріи, фунтъ донскаго балыка и,

съ поименованнымъ Р—з—кою, выѣхалъ изъ этого омута на *Ромадановскій шляхъ*... Вотъ и все, что я на досугѣ припомнилъ о Роменской ярмаркѣ по поводу Ильина дня.

20 июля, — день, въ который я предполагалъ проститься съ моею тюрьмою, такъ написалъ и Лазаревскому и Кухаренку, — а вѣть, — олицетворенная судьба, распорядилась иначе. Что дѣлать! посидимъ еще за моремъ, да подождемъ погоды. Въ продолженіи Ильина дня и ночи, вѣтеръ не шелохнулся. Мертвая тишина...

21 июля.

Записавши Роменскіи воспоминанія, я, по случаю воскресенія, пошелъ въ укрѣпленіе побриться и, отъ перваго унтеръ-офицера Кулиха, услышалъ, что въ 9-мъ часу утра пришла почтовая лодка. Побрившись, скрѣпя сердце я возвращался на огородъ, и выходя изъ укрѣпленія встрѣтилъ смотрителя полугоспиталя Б—ва, и онъ первый поздравилъ меня съ свободой, 21 июля 1857 года, въ 11 часовъ утра.

Въ первомъ часу получилъ отъ Залѣскаго письмо, отъ 30 мая.

Отъ трехъ часовъ пополудни до трехъ часовъ пополуночи сидѣли подъ вербою съ Фіалковскимъ, пили чай и лимонку и на-выдержку прочитали нѣсколько мѣстъ Либельта.

22 июля.

По-случаю сего радостнаго для меня событія можно бы и оставить небольшой пробѣлъ въ сей прозаической хроникѣ. Но такъ какъ въ физической моей дѣятельности, или, лучше сказать, бездѣйствія не послѣдовало рѣшительной перемѣны и, какъ кажется, раньше 8 дня августа не должно ожидать сицевой перемѣны, то во избѣжаніе рѣшительнаго бездѣйствія, а паче—соблазнительной лимонки, и буду, не нарушая заведеннаго порядка, по утрамъ нагрѣвать свой чайникъ и число за числомъ, стройно какъ солдатская шеренга, вести свой журналъ. Отъ бездѣлья и это рукодѣлье.

Сегодня комендантъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ дать мнѣ пропускъ отъ Новопетровскаго укрѣпленія, черезъ Астрахань, до Петербурга, потому—что онъ не имѣетъ приказа по корпусу о моемъ увольненіи, и если таковой приказъ не получится на слѣдующей почтѣ, то предполагаемое мною живописное, спокойное и дешевое путешествіе

Волгою не состоялось. Но это поправная бѣда. Въ Оренбургѣ, съ помощію друзей моихъ Б-но и Г-на; я возставлю свои оскудѣвшіе финансы. Жаль только, что не нужное удаленіе отъ прямого пути заставляеть меня отказаться отъ желанія видѣть въ нынѣшнемъ году художественную выставку въ академіи: опоздаю; а еще больше жаль, что я долженъ отсрочить радостное свиданіе съ Лазаревскимъ и прочими моими земляками—друзьями; а еще болѣе жаль мнѣ, что совершенно лишніе 1000 верстѣ отдалять отъ меня минуту блаженнѣйшаго счастья, минуту, въ которую я сердечною слезою благодарности омочу руку моей благороднѣйшей заступницы графини Н-и И-ны и ея великодушнаго супруга. О, мои незабвенные благодѣтели! Безъ вашего человѣколюбиваго заступничества, безъ вашего теплаго родственнаго участія къ моей печальной судьбѣ, я бы задохся въ этомъ безотрадномъ заточеніи. Благодарю васъ, мои заступники, мои избавители! Вся радость, все счастье, вся моя свѣтлая будущность суть ваше неотлѣнное добро, мои единые, мои святые заступники!

Графу Федору Петровичу съ этою же почтою я напишу письмо. О, какъ бы мнѣ не хотѣлось писать этихъ бездушныхъ каракуль, которыя выражаютъ только одну чопорную вѣжливость, и ничего больше. Графинѣ П-и И-нѣ я не могу теперь писать: все, что бы я ни написалъ ей, это и тѣни не выскажетъ того восторженнаго, сладкаго чувства благодарности, которымъ переполнено мое сердце, и которое я могу излить только слезами, при личномъ моемъ свиданіи съ нею.

Лазаревскому, вмѣсто письма, пошлю эти двѣ тетради моего журнала: пускай читаетъ съ Семеномъ, во ожиданіи меня—его искреннаго, счастливаго друга.

На сегодня довольно. Пойду въ укрѣпленіе, достану свѣжихъ чернилъ отъ Кулиха, новое перо и бумаги на третью тетрадь для сего журнала. Настала новая эпоха въ моей старой жизни. Должно быть все новое...

23-го іюля.

Кулихъ, снабдивши меня бумагою, перомъ и чернилами, предложилъ мнѣ съ собою пообѣдать, быть можетъ въ послѣдній разъ. На такой трогательный доводъ сказать было нечего, и я согласился тѣмъ охотнѣе, что и Фіалковскій, веселый и умный малый, случился тутъ же, и тоже не отказывался отъ солдатской трапезы. Кулихъ, какъ каптенармусъ, къ обыкновеннымъ щамъ и кашѣ прибавилъ ку-

сокъ жареной баранины; я досталъ изъ кармана большой огурецъ (безъ этого лакомства я не являюсь въ укрѣпленіи), а Фіалковскій тоже досталъ изъ кармана, и поставилъ на столъ, бутылку съ водкой. Не пышно, но съ апетитомъ, и такъ искренно-весело мы пообедали, какъ дай Богъ всѣмъ добрымъ людямъ такъ каждый день обѣдать. За обѣдомъ и послѣ обѣда, Фіалковскій забавно подтрунивалъ надъ К—омъ, его чиномъ и въ особенности надъ его тепленькимъ мѣстомъ. К—хъ, чтобы отдѣлаться отъ неистощимаго Фіалковского, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: какъ мнѣ правится книга, которую онъ принесъ для меня изъ Уральска? Я, разумеется, сказалъ, что очень правится. На что Фіалковскій страшно захохоталъ, и громогласно называлъ — Либельта просто дурнемъ, за то, что онъ написалъ такую книгу, П—цкаго за то, что онъ купилъ эту книгу, а К—а *доплетовымъ* дурнемъ за то, что онъ 500 верстъ несъ на плечахъ своихъ эту пустую, увѣсистую книгу. К—хъ не на-шутку обидѣлся такой нецеремонной критикой, и требовалъ ясныхъ доказательствъ на такую грубую клевету. Чтобы утишить возникшую ссору, я пригласилъ пріятелей къ себѣ на огородъ, пить чай. Предложеніе было принято, и мы отправились подъ мою вербу. Либельтъ лежалъ у меня подъ подушкой, и я, во ожиданіи чайника, предложилъ Фіалковскому прочитатъ вслухъ страничку изъ сего великаго творенія. Онъ охотно это исполнилъ. Кулихъ не повѣрилъ слышанному. Онъ думалъ, что Фіалковскій импровизируетъ и продолжаетъ трунить надъ его тяжелою ношею, вырвалъ у него изъ рукъ книгу и прочиталъ самъ весь параграфъ *о фантазій*. Что? спросилъ Фіалковскій наивно изумленнаго Кулиха. П—кій, отвѣчалъ онъ, цивилизованный дурень: вотъ и все! Пасмышки Фіалковскій возобновилъ съ прежней силою, пока не остановилъ его своимъ приходомъ общій нашъ пріятель К—ин. Этотъ безсовѣстный пьяница, ради ркмы лимонвки, не постыдился подѣлаться къ намъ и поздравлять меня съ полученіемъ свободы. Мы встали и разошлись въ разныя стороны, предоставивъ въ полное распоряженіе незапамята гостя чайникъ и бутылку съ лимонвкой. Въжлпвость за въжлпвость.

Ночь была лунная, тихая, очаровательная ночь. Я долго гулялъ по огороду, а пѣжныя наши дамы, изъ опасенія простудиться, сидѣли за сальнымъ огаркомъ въ воющей киргизской кибиткѣ. Имъ бы предложить эстетику Либельта: что бы онъ изъ нея сдѣлалъ? Наверное — пашилотки. И это естественно. Для человѣка-матеріалиста, которому

Богъ отказалъ въ святомъ, радостномъ чувствѣ пониманія его благодати—его нетлѣнной красоты, для такого получеловѣка, всякая *теорія прекраснаго* ничего больше какъ пустая болтовня; для человѣка же, одареннаго этимъ божественнымъ разумомъ—чувствомъ, подобная теорія также пустая болтовня и еще хуже—шарлатанство. Если бы эти безжизненные ученые эстетки, эти хирурги прекраснаго, вмѣсто теоріи, писали исторію изящныхъ искусствъ, тутъ была бы очевидная польза. Вазари переживетъ цѣлые легіоны Либельтовъ.

24 іюля.

Передъ разсвѣтомъ прошелъ сильный дождь съ грозою; около огорода въ запруженную балку налилось съ каменныхъ овраговъ столько воды, что можно плавать порядочной лодкѣ, что мы и пробовали съ Н—емъ А—чемъ послѣ обѣда. Жаль, что, въ этой лоцинѣ, песчаный грунтъ и вода на поверхности его не можетъ удержаться долго; а какое бы было украшеніе и польза этому безводному мѣсту!

Вечеромъ капитанъ К—въ объявилъ мнѣ, съ претензіей на благодарность, что онъ, по приказанію коменданта, отдалъ приказъ по полубаталіону о моемъ увольненіи, за что я нижайше благодарилъ господина коменданта.

НАРОДНЯ СЛАВА.

Нема въ мене рѣду,
 Немає дружини,
 Ані брата-товариша
 На всій Україні.
 Дума сумовита—
 Тѣ моя родина;
 Сѣрце одинѣке —
 Вѣрная дружина;
 Степї, гѣри и долини —
 Товариство-побратими.

Розпушу я свої дѣми,
 Та й не позбїраю:
 Ростеклись, сумуючи,
 По рїдному краю.
 Одъ Лиману до Есманї
 Жовтїе пшениця;
 Я, безрїдний, одинѣкий,
 Всюди чужениця.
 Одъ Лиману до Есманї
 Могїли чорнїють;
 Ой жнуть люде, рїдъ изъ рѣдомъ,
 И надальше сїють...

Ой по тихъ могилахъ, у-гѣру висѣкнихъ,
 По тихъ гробовїщахъ, у зѣмлю глибокихъ,
 Лежить мого рѣду безъ лїку.
 По тихъ степяхъ, по гѣрахъ Днїпрѣвнихъ,
 По балищахъ и лугахъ Нязѣвнихъ
 Живѣ ёго слава одъ вїку до вїку.

Ой встань, славо,
 Устань рано,
 Вийди, славо,
 Изъ туману...

Ти безрідному — родина,
 Одинькому — дружина,
 Товариство — на Україні,
 Одрядонька — на чужині.

СОЛОНЦЯ.

Дума.

(1596).

I.

Іду по́лемъ чїстимъ,
 Гляну́ окомъ бїстримъ—
 Филію́тця жовті нїви
 Жїтомъ колосїстимъ.

Уродїло жїто,
 Та нікому жати: ¹
 Пішли́ наші хлїбороби
 Списами́ орати,—

Списами́ орати,
 Трупомъ засївати... ²
 Ой які-то будемъ жи́ва
 Съ того́ сїву ма́ти!

II.

Крївне товариство:
 »Налива́йку, друже!
 Не впевня́йся, сизий о́рле,
 На лейстро́вихъ дуже; ³

»Бо ті лейстрови́
 Віросли въ невóлі:
 Ой не вдєржять прóтивъ вітру
 Корогви́ у полі.«

III.

Буйний вітеръ віє,
Наганяє хмари:
Чи то Турки наступають,
Чи хижі Татаре?

Ой не Турки, не Татаре,
Християнська сила,
Мовъ хмарами гримучими,
Таборъ обложила.

Стали недоляшки
Поручъ изъ Ляхами,
Обгорнули Наливайцівъ
Леестровиками.

Україно рідна!
Чи се жъ твої діти
Кругомъ шанці покопали,
Щобъ на своїхъ біти? ⁴

»Ой хто изъ Жолківськимъ,
Тому панувати,
А хто стане зъ Наливайкомъ,
Тому погібати.«

Повабились наші
На мову лукаву,
Затоптали, закаляли
Козацькую славу.

IV.

Ой ви, Наливайці,
Молоді орлята!
Ой порá вамъ гостей вашихъ,
Порá привітати.

Блиснула гриміниця
Изъ чорної хмари:

Повалились—покотілись
Пішаки й рейтаре.

V.

Крякне панъ Жолківський
На панськеє військо:
»Не стинайтесь, пані браття,
Зъ Налива́йкомъ близько.

»Роскидайте, браття,
Шовкові намети,
Изви́йте усю шляхту
На гучні бенкети.

»Будемо гуляти,
Пива, меді пити,
А козаків Налива́йцівъ
Голодомъ морити.«

VI.

Бенкетує шляхта,
Играючи въ карти,
А козакі лейстровики
Додержують варті.

Поскидала шляхта
Панцери й шишаки,
Бо козакі лейстровики
Вірні, якъ собаки.

VII.

Кінувсь Налива́йко
Одъ броду до броду;
Сюді трібно й туді трібно—
Нема́ переходу!

Кінувсь Налива́йко
Одъ валу до валу:

»Ой оддайте, менé, браття,
Ляхамъ на поталу!«

VIII.

Чогó, чогó славна
Солониця стала?
Що козакі Налива́йці
На їй воюва́ли.

Солóнні мла́ки ⁵
Слізми просо́лили,
Що козакі Налива́йці
Воюва́ть не вміли.

Вони́ воюва́ли
Чоти́ри неді́лі,
Одъ безхлі́б'я, одъ безві́ддя
Ру́ки обомлі́ли.

Вони́ воюва́ли,
И кровъ розлива́ли,
Бунчуки́ й шаблí підъ но́ги
Ворога́мъ покла́ли.

Вони́ воюва́ли,
Та й довоюва́лись,
Що Ляхамъ та недоляшка́мъ
Въ нево́лю доста́лись.

IX.

Бу́йні ві́три, бу́йні,
Осіпало́сь жі́то:
Добра́ доля́ тимъ суди́лась,
Що зъ гарма́тъ побито́!

Нежа́тні ні́ви
Въ-нівець оберну́лись:

Тяжкѣ лихо тимъ судилось,
Що зъ войни вернулись!

Сумно дощі, сумно
Зерно прибивають:
Ой безъ батьківъ маленіиі
Дітки виростають.

Виростайте, дітки,
Въ щасливу годіну,
Ой рятуйте—визволяйте
Ще разъ Україну!

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУМЪ: »СОЛОНІЦЯ.«

1.—Стр. 26, ст. 6.

*Уродило жито,
Та нікому жати:*

Въ народной пѣснѣ о походѣ на ливію поется:

*Посіяли, поорали,
Та нікому жати:
Пішли наші козаченьки
Ливіі копати.*

2.—Стр. 26, ст. 10.

*Пішли наші хлібороби
Списами орати.*

Польско-козацкія войны были не только борьбою религій съ религією, не только народа съ народомъ, но и стремленіемъ кореннаго народонаселенія старорусскихъ земель отстоять права вольности народной по отношенію къ польскимъ панамъ (1). Поэтому—то, при всѣхъ мрачныхъ чертахъ своихъ съ одной и

(1) Въ самомъ началѣ войнъ козацкихъ, задача его сдѣлалась очевидна для пановъ, но только паны никакъ не признавали себя виновными въ томъ, что такая задача явилась въ массѣ Украинскаго престонородія. Гетманъ Жолкевскій, преслѣдуя Наливайка, въ 1596 году, писалъ къ королю: Brzidko asz y spominacz do czego się to swowolenstwo bralo, iakie spominanie maiestatu W. Kro. Mczi, iakie zamisli o Cracowie stoliczi sławnei W. Kro. Mczi, rozbicziu, witraczeniu stanu szlacheckiego... (*Zródła do Dz. Polsk.*, przez M. Grabowskiego i Al. Przędzieckiego, I. 72).

другой стороны, эта борьба достойна вдохновения поэтов и изучения мыслителей. В последнее время, несколько польских перьев, не весьма впрочем сильных, вооружились за достоинство аристократических представителей старой, давно поконченной борьбы. Не входя с ними в диалектические диспуты, приведем им же свидетельство о господствующих классах в Речи-Посполитой их же писателя, современника Наливайки и Хмельницкого. Он много раз путешествовал по Европѣ; современники прозвали его, за разнообразныя его свѣдѣнія, Польскимъ Варропомъ, а известный польскій писатель нашего времени, Юлианъ Бартошевичъ (*Hist. Literat. Polskiej*, стр. 383) признаетъ за нимъ рыцарское правдушье: Правдо́с miał rycerską). Этотъ писатель, по имени Симоъ Старовольскій, въ знаменитой книгѣ своей: *Reformacya Obyczajów Polskich* (стр. 103—111), пишетъ: Czworakie albowiem u nas zdzierstwo, a zgoła niepohamowane prawem żadnem, znajduje się Polacy moi. Pierwsze starostów i dzierżawców rozmaitych dóbr Rzeczypospolitej, którzy co wiedzieć jakich ciężarów, robocizn i podatków nie wkładają na ubogie poddane królewskie, (a drudzy i swoich własnych ledwie nie ze skóry odzierają) nic na komisye, nic na dekreta królewskie nie dbając. A gdy które go prawem przycisną i inkwizycyami, tedy ci panowie co przy dworze natenczas będą, jeden drugiego ratują, omawiają przed królem jako mogą, przyczyniają się za oskarżonym, chłopcy gromią, strofują, straszą i odpowiadają im, aby koniecznie sprawy odstąpili, i zamilczeli krzywd swoich nieznośnych. A gdy którzy z chłopów rozumniejszych, spodziewając się jakiej poprawy, stoją mocnie przy prawie swoim i nie ustają z suplikami do dworu, — wnet ich pozabijają każą, albo potopić, a chudobę jeśli jaką mieli konfiskować, i między szczwacze swoje rozdać, zadawszy chłopu utopionemu, że buntownik był, że opryszek, że złodziejską z pogranicznymi przewodnią trzymał. I taci *quorum os maledictione et amaritudine plenum est*, urzędnikowie, ekonomowie i służkowie wierni, albo raczej zauszniczekowie panów swoich, którzy *linguis suis dolose agebant*, przywiódą wnet pany do tego, że będą *veloces pedes eorum ad effundendum sanguinem*. — — Другое zdzierstwo jest tak panów wielkich, jako i szlachty miernej zuchwałey, którzy podróże z gromadnemi orszakami czyniąc, nie płacą w gospodach co natrawią, na polu szkody ludziom ubogim czynią, a ich gwardye niekarne przez wsie albo miasteczka jadąc co jeno po drodze potkają — porwą; gęś, kurę, barana, ser, masło, kiełbasy, chusty i wszelakie naczynia domowe, chłopu do komory wpadłszy. A panowie, skargę słysząc, albo się skryć każą temu co uszkodził, albo chłopu pofukają i obuszkwac każą, że o lada co turbuje jego mości. A tym też sposobem i z rzemieślnikami, i z kupcami wszędzie poczynają, na bóg rzeczy nabrawszy, albo robić sobie co rozkazawszy, nigdy się nie iszczą nikomu, nie płacą, ale zawsze się z prace cudzej i najesć i napić i z bogacić chcą, kaduki upraszając po ludziach co możniejszych, tak zażywota ich co jeno mają wydzierają, jako i dziatkom ich ubogim, po śmierci onych. — — Trzecie zdzierstwo czynią w Polsce wszystkie urzędy, przełożenstwa, i sądy tak wielkie jako i małe. — — Czwarte zdzierstwo czyni w Polsce żołnierz, który Boga zapomniawszy i sprawiedliwość jego, jest ojczyźnie swej teraz harpią i tyranem nieubłagany. — — Idzie żołnierz na wojnę, drze, łupi ludzie ubogie, i bracia swoje. Jest na wojnie w obozie, na czaty wysyła na wszystkie strony, jak w nieprzyjacielskiej ziemi. Z wojny się wraca, drze, bierze, łupi po staremu, jakoby to z holdowanego poganina, i w jednej wsi wyjada, z drugiej wóz skarbnny picuje, z trzeciej do domu swego posyła, a z dziesięcin pieniądze wybiera. I by to ieszcze jedna chorągiew

brała, a dalej tak plądrując niepostępowała, tedyby jakokolwiek *sustinissem utique*, ale jedna chorągiew wybrawszy co może wydrzeć ze wsi wynijdzie, a druga tegoż dnia zarazem następuje, trzecia nazajutrz. I tak niemasz tak podlej wioski, tak lichej miejscinki, coby w niej trzydziści i czterdziści chorągwi nie brało. Aż się ludzie z niej rozejdą, płacząc, przeklinając i o pomstę ze wszystkiego serca wołając. Этой-то жажды мести и удовлетворям козаки, которыхъ отдѣльные интересы совпадали съ интересами простонародья вездѣ, гдѣ они ни появлялись. Чтобы дорисовать картину неистовствъ короннаго и панскаго войска, которое, большею частью состояло изъ благородной шляхты, не говоря уже о ротмистрахъ, хоружихъ, поручикахъ и прочая, которые были всѣ безъ исключения чистѣйшей, благороднѣйшей дворянской крови, скажемъ, что въ *Актахъ Западной Россіи* напечатаны документы, которыми одно и то же правительство увольняетъ одинъ города на нѣсколько лѣтъ отъ податей и пошлинъ за то, что они претерпѣли татарскій набѣгъ, а другіе—также на нѣсколько лѣтъ за то, что въ нихъ квартирвало войско (См. т. 1-й, стр. 347 и 380.) Между рукописями С. Петербургской публичной библіотеки авторъ нашелъ наивныя жалобы отъ войска королю: что когда войско идетъ походомъ и приближается къ какому-нибудь городу или мѣстечку, то мѣшавъ, узнавъ объ этомъ, заблаговременно ломаютъ мосты на рѣкахъ, запираютъ ворота и защищаютъ отъ него переправы и проходы, какъ отъ непріятеля. (См. Фоліантъ Польскаго отдѣла рукописей, № 94, стр. 244, 463—469 (годъ 1637) и 711—718 (годъ 1639).

3.—Стр. 26, ст. 16.

Не спелійся, сізній дрле.

На лейстрдвнхъ дужв.

За бунты противъ воеводъ, старостъ и коронныхъ гетмановъ, изъ козацкаго реестра выключались всѣ безпокойныя головы. Эти козаки, выписанные изъ реестра, и потому называвшіеся *выписчниками* (*wypiszczyki*), отличались отвагою, какъ люди, которымъ нечего терять, и постоянно враждовали съ реестровыми козаками, которыхъ они ненавидѣли, которымъ завидовали и которыхъ старались поднимать противъ установленныхъ сеймомъ властей, чтобы общимъ возстаніемъ возвратить утраченные права и, вмѣсто управления дворянскаго (воеводско-старостинскаго), установить въ Украинѣ управление козацкое, основанное на общей для всего населенія подачѣ голосовъ. Таковъ былъ искони идеалъ общественнаго благоустройства у украинскаго простонародья (4), и ради этого-то идеала помогало оно козацкимъ ополченіямъ, и на козаковъ, часто поступавшихъ съ нимъ варварски, смотрѣло обыкновенно какъ на своихъ защитниковъ.

4.—Стр. 27, ст. 16.

Щобъ на своїхъ біти.

Въ народной пѣснѣ о разореніи Сѣчи поется:

Ой уклонілися тому Турасові,

А що підъ нимъ лѣбре жити,

(4) Dyaryusz Okolskiego, str. 81: O jak wiele tego *in bello servili* najduje się, którzy życzą, aby odrobina panów i szlachty nie zostawała, aby uszczerebek majestat królewski cierpiał, a chłopski regiment następował!

Ой тільки тебе та и неприятно,
Що на своїх треба бити.

8.—Стр. 29, ст. 8.

Солдні мляки

Мляками называються мочары въ пясинахъ. Трава ростеъ по нимъ только нэрѣдка, потому что они пропитаны горькою солью.

33А ДУНАЮ.

Олександрі Михайловні К.

Покіну, покіну
Чужую чужину,
Та на Україну
Собокомъ поліну.
Ой хто жъ мене дома
Щіро привітає,
Любо въ вічі гляне,
Про життя спитає?
Привітають мене
Вовки-сірманці,
Залігши дорігу
Въ зеленимъ байраці:
«Годі тобі жити
За тихимъ Дунаємъ:
Ми на тебе, друже,
Давно вже чигаємъ;
Годі тобі здобичъ
У насъ одбивати —
Зъ світломъ доглядати
Убогої хати.
Нехай темна нічка
Хату обгортає,
Наше серце хіже
По-вікъ звеселяє.

Привітають мене
Яструбі зъ орлами,

Роспустивши крила
 По-надъ городами:
 «Ой ми тобі любо
 У вічі заглянемъ,
 Твої очі-зорі
 Изъ лоба достанемъ.
 Годі прозира́ти
 У далекі віки,
 Голубіти въ серці
 Наді великі.
 Прѣдн твої въ шляхти
 Хаті відбивали, —
 Своімъ тіломъ въ полі
 Вовківъ годували, —
 Панянські роброни
 На унучи драли, —
 Лисиці зъ їхъ трўпу
 Серце виідали, —
 Очáми-зоря́ми
 Далєко сягáли, —
 Яструбї зъ орлáми
 Очі їмъ клювáли: —
 Ой то твоя дбля,
 Ой то твоя воля;
 Втікай на чужїну
 Изъ рідного пбля!
 Тобі рідь-родїна —
 Чужая чужїна,
 Нáша любá здбичь —
 Слáвна Укрáина...»

П. Кулішъ.

РУСА́ЛКА.

Мицкєвичова БАЛЛАДА.

Ой щó жъ то за хлбнець,
 Хорбний, вродлївий?

Що то за дівчина крий ёго?
 Ходять надъ водою
 Тихою ступою, —
 Світить молодякъ срібнорѓгий.

Годує дівчина
 Хлѳця ягідками,
 Що въ гаю зелєнімъ набрала,
 А вінъ їй голѳвку
 Квітчає квітками...
 Пєвпе жъ то коханаая пѳра!

Скоро день погасне,
 Зійде місяць ясний —
 Вже вони вихѳдять изъ гаю:
 Хлѳпець той — мисливий,
 Стрїлєць уродливий;
 Хто така дівчина — не знаю.

Звідкиля прихѳдить —
 Не питай дарємне;
 Якъ вона зникє — Богъ знає.
 Мовъ зоря засвітить
 Попидь гаємъ тємнимъ;
 Мовъ їскра въ темнѳтї, згасєє.

»Скажи менї правду,
 Сєрденько дівчино,
 (На що ти зъ умѳ менє звѳдишь!)
 Дє твоя хатїна?
 Хто твоя родїна?
 Зъ якого сєлѳ сюдї хѳдишь?

»Лїтечко минєє,
 Лїстя опадає,
 Холоднї зближаютьца нѳчи;
 Не въ гаю, а въ хатї
 Мѳшу цілувати
 Твоє лїчко, твої карї бѳчї.

»Коли жъ ти безрідня,
 Серденько дівчино, —
 Ходімъ до мові господи;
 Жітимемъ съ тобою,
 Якъ риба зъ водою;
 Всі матимешъ въ мене вигоди.

»Що въ мене достатокъ
 И худоби статокъ;
 Що въ мене и вівці й бжолята;
 Що въ мене світлиця —
 Царєві годятця;
 Моя мати твоя буде мати.»

— »Ой козаче—тумо,
 Горда—пінна думо!
 Не йме тобі моє серце віри.
 Мати говорила,
 Що въ васъ така віра,
 Якъ на синімъ морі піна.

»Мати говорила,
 Що въ васъ стільки ласки,
 Якъ на тихимъ ставі ріски;
 Солов'ємъ спів'яешъ,
 А серцемъ бу'яешъ, —
 На іншую менé промін'яешъ.»

— »Серденько дівчино!
 Отъ же на колінахъ
 Клянусь тобі місяцемъ, зор'ямн,
 Присягаю небомъ,
 Землею и пекломъ,
 Що не буде іншої міжъ нами!»

— »Ой місяцю—князю!«
 Озв'алась дівчина,
 »Я тебе за свідка призиваю.

Якъ слово зламає,
 Нехай покарає
 Їго твоя сила святая!

Скоро зговорила —
 Мовъ віросли крила,
 Голубкою поміжъ віття ліле.
 Назадъ обернулась,
 Лукаво всмихнулась, —
 Мовъ та іскра, у темряві гине.

Шкода здоганяти,
 Шугати, гукати!
 Пішла луна по гаєві сумно.
 Ніхто не озвався,
 Ані засміявся.
 Зоставсь козакъ самъ собі думно.

Думає-гадає,
 Додому вертає,
 Сумуючи, понадъ сонною водою.
 Тіхо, тіхо въ лісі,
 Хибі тільки трісне
 Суха вітка въ його підъ ногою.

По сонній водіці
 Проміння блищить:
 Срібноорігий въ воду зазирає.
 Ажъ ось изза гаю
 Вітрець подихає, —
 Ясна філя по озеру грає.

Чи то жъ забіліла
 На озері піна,
 Чи то дівне проявилось диво:
 Що посередъ пини,
 Мовъ би на картині,
 З'явилось дівчя уродливе?

Молодѣнька, гѣжа,
 Якъ пѣвная рѣжа,
 Покрѣплена раннѣю росю.
 То спѣвомъ озвѣтця,
 То смѣхомъ залетця,
 Берѣ очі, вабитъ сѣрденько красю.

»Козаче мисливий,
 Хлѣпче уродливий!«
 Озвѣлася изъ срібної піни:
 »Чогѣ въ ночі блудишь
 И сѣрденькомъ нудишь
 По зрадливий, лукавий дівчині?

»Гѣді сумувати,
 Важенько здихати!
 Ході, сѣрце, до мене гуляти.
 Будемъ танцювати,
 Якъ рибонька грѣти,
 Якъ ластівка, по воді черкати.

»Абѣ підъ водою
 Ляжемо зо мною
 На мякѣму, лилійному лѣжі.
 Тїхкими речами
 Ї карими очами
 Роскажу я тобі про всі дивѣ Бѣжі.«

Зъ воді вирипаѣ —
 Якъ сріблѣ синѣ...
 Мутить єму душу наготѣ дівоча.
 А вона сміѣтця,
 Якъ рибонька вѣтця,
 Якъ голубка, до єго буркѣче.

Ой манить словами
 Ї чѣрними бровами,
 Весѣлкою по воді кружляѣ.

То зновъ поринає,
 Лебідкою грає,
 Въ срібні брызьки воду розбиває.

Забилось серденько:
 Підбігъ вінъ близенько,
 Хоче скочить въ воду и не хоче.
 А срібная філя...
 Нбги ёму зміла...
 Дзюркотять — и підмива — й лоскоче.

Вабить ёго, тягне;
 Серце въ грудяхъ тәне,
 Мовъ ёго до лоня міла пригортає.
 И божбу святюю,
 И тоску німюю —
 Усе, про все козакъ забуває.

Ринетця у воду;
 Пішную уроду
 Окомъ, серцемъ и душею обіймає.
 Пливé, допливає,
 Рўки простягає,
 И до серця любо дівча пригортає.

Ой гляне—спогляне
 На личко румяне —
 Що за диво, що за нове чудо!
 Се жъ ёго кохана,
 Забўтая пара!
 Знігла разомъ зъ очей ёму, лўда.

»А ти жъ присягався
 И місяцемъ клявся!..
 Бўде жъ тобі кара по заслўзі:
 Пóки місяць світить,
 Бўдешъ ти ходіти
 Надъ водою у великій тўзі.«

Скоро зговорила —
 Зашуміла еяля...
 Підъ водою оббе сховались...
 Де вони гуляли,
 Любо розмовляли,
 Ні жадного сліду не зосталося.

Тільки, якъ день згасне,
 Зійде місяць ясний
 И загляне въ таємнічі води, —
 Изъ озера ріне
 Вродлива дівчина,
 Зустріть — хлопець хорбоші врди.

Вона надъ водою
 Сияє красюю,
 А вінъ тужить у темному гаю.
 Хлопець той — мисливий,
 Стрілець уродливий;
 Хто така дівчина — не знаю.

Ломусь.

МАТУСИНЕ БЛАГОСЛОВЕННЯ.

(Зь оповідань Олексія Петровича Стороженка).

Отцєвська-матчина молитва зо дна моря виймає,
Одъ грїхвъ душу визволяє,
На пдлі й на морі на помічть помагає.

Народня дума.

Мині частєнько доводилось, клопотавшись ремонтъ, кидатись туди-сюди по Вкраїні до кінських табунівъ.

По дорозі изъ Ромна до Придївки, все, було, становлюся на нічъ у селі К** на вїзднїмъ-дворі знакомаго мені козака, Тараса Самсоновича Коротая, діда розумного, письменного и добре собі заможного. Повиводивши дітей у люде, вінъ подїливъ худобу свою, достатокъ добрий, zostавивъ собі тільки самий двіръ уїздний и тихо доживавъ віку зъ своєю дружиною, доброю та клопїтною бабусяю.

Тарасъ Самсонович доживавъ сємого десятку лїтъ, а ще бравий бувъ, кремезний дїдокъ, съ поглядомъ бїстримъ, а волосся єму, біле якъ цвітъ на садахъ, трохи до плечей не спадало. На видї здававъсь черезъ те ще свїжїйший. Марьяна Онупрієвна, дружина єго, весєла, привїтна, грубєнька зъ стану бабуся, ходїла поміській, такъ, у каптанку, и завязувалась чорною габбовою хусткою нїзько на лобі. Старі жили собі въ любїй згбді по старосвїтському звичаю; у розмовахъ съ собою звали одно одного по йменю и батькові, та усє на «ви», а не инako.

Старїй синъ вїслуживъ на губєрського секретаря, молодїй въ Роменскї купці написався, а дочка, то на панствї вже жила, за дворянїномъ. Тарасъ Самсоновичъ, чи то зъ похвалки вінъ,

чи такъ якось на жартъ, а все було старшого дразнить *Его Благородіе*, меншого—*Господа Купецъ*, а дочку прозвѣвъ *Німкенею*—черезъ тѣ, мабѣть, що вона у сѣняхъ ходила, въ моднихъ убраняхъ.

Старій бувъ дуже гострий на языкъ,—важний зъ него бувъ гадѣла, охоту мавъ пореготѣть, а иноколи й підсміяти когось, та все примовками смішними, и що бовкне на гумъ, ти берй собі на умъ, а скажешъ слово—на все въ ёго найдеться приказка. Бувъ у всіхъ на повѣзі и на ймовірности. Селяне въ сваркахъ и розправахъ не йшли до судівъ и до земського начальства, а все до ёго удавалися, и ёго вирікъ приймався безъ озву и апелляції. Нѣщо вже паничі судові, и ті ёго опасувалися: не одного опентавъ вінъ передъ громадою и на чисту воду вѣвивъ. Більшъ двадцѣтка годъ служивъ за Голову; гараздъ умівъ законівъ и доброго ладу доводивъ справамъ.

Господа Тараса Самсоновича ділилася скрізними сінцями на дві половини—одна отдавалася для проїзжачихъ підъ номері; у другій жпвъ самъ.

У мене душа раділа на порозі цего не бучного, але до-велика чепурного, захісного житла. Гарно побіляні стіни викрашалися образками заграничної літографії. Вишарований, вигблѣваний помість лощивъ якъ новій; замість лавокъ роставлено стільці и канапъ підъ баєвими клітчастими чохлами. Въ кутку, підъ божничкою, на столі, окрімъ книжокъ церковнихъ, лежали ще *Письмовники Куріановъ*, *Провѣди Леванды*, *Лѣствица на небо* и другі тогбжъ розбору книжки, а съ підъ щотівъ дивилася здорова купа губерськихъ відомостей; а божничка-жъ то уквічана васильками, кануперомъ, аглицькою мѣятою,—такъ и розливалися зъ їхъ пахощі по покбяхъ.

Одъ уїздного двору одлягала шпрѣка левѣда зъ ставкомъ, садкомъ, горбодомъ, баштаномъ, а въ-конецъ левѣди стоявъ хольварокъ, зъ хазійствомъ Марьяни Онупрієвни: пасіка, обора и птішня для дробини, зъ кучками, чи то кобцями.

Разъ, на схбді Сѣрпня, зъ-ранку, коло одинадцѣтої годіни, бричка моя стала підъ цимъ же вїздімъ дворцемъ. Тарасъ Самсоновичъ сидѣвъ на лавочці біля дверей и дуже зрадівъ, менѣ побачивши.

— »Занято, неприймаю!» гукнувъ. Шукáйте гáншого пiдвiзду! На що це похóжo?—прихали не ночувáть, а тiльки попáсувать.»

— »Пiльне дiло, Тарасъ Самсоновичъ» казавъ я, вилiзаючи зъ брiчки; »нóжда закóнь перемiняе.»

— »Ну, Богъ зъ вáми! на сей разъ вибачáю; а вдрóгте, дáлебi, не пуцá!»

Я обiнявъ старóго и по-друзькiй зъ нимъ чмóгнулись.

— »Якъ же тебе Богъ милуе?» питаю.

— »Дiякувать Бóгу—дóбре. — Навiдали насъ недáвнечко нашi. Господá Купецъ привóзивъ жiнку молодú показувати; а пiдъ той часъ и Ёгó Благорóдiе зъ сiм'ею, и Нiмкени зъ чоловiкомъ нагодiлись; спасибi iмъ, зъ тiждень прогостювали. Отъ було весело! За тежъ, вiри не дасте, якá теперъ нóда! Пiсля ярмарку и тóргу нема! Самъ собi сиджу, якъ бáчите.

— »А Марьяна Оцупрiевна?»

— »Зовсiмъ здурiла. Узяла до себе на розвáгу онука. Бáchte, не мала бáба клóпоту, та купила поросi—и вóзитця зъ нимъ, якъ кiтъ зъ оселéдцемъ. Бáвптця, грáстця вь-кóнi. Скáзано—старé, якъ малé. А вiнь, собáчий синъ, пудить старú безъ мiлости, що iй вже й такъ запáль и шпатъ вгiгнулись! Оцъ-бiтъ—подивiтця: ну, не здурiла жъ на старiсть?»

Тарасъ Самсоновичъ показавъ на Марьяну Оцупрiевну, що сiме вiскочила зъ-за причiлку. Хочъ якá була вмóрхана, хочъ якъ задiхалась, а головá нáбiкъ, та звивáетця якъ тáя орчикóва, стрибае та брикае; а жвáвий хлопчикъ при здорóв'ю, шостачóкъ на годá, тягнувъ ii за полски, пришиненi до капóта.

— »Бóже мiлостивий,» казавъ дáле Тарасъ Самсоновичъ, хитáючи головóю: »якé навiсне сёрце—у тихъ бабóкъ! Та гóдi мóрдувáтьця,» грiмнувъ дiдъ: подивiтця лишéнь, якóго гóстя Богъ намъ пославъ!»

Стара припинiлась. На-сiлу духъ звóдила—такъ збiгалась. Угледiвши мене, затулила видъ руками, и мiттю кiпнулась у-дверi. На порбi посаяла черевiка, ажъ плiхнувся на рундуцi.

— »Дiду!» скáзало хлопця, показуючи черевiка; »кóбила розкувáлась!»

Зареготáлись ми.

— »Отъ до чо́го доіздивсь, собачий сїну!» говоривъ старій, жалуючи онука, славінького хлопчину.» Озьмі жъ підкову, да бабу підкуй.»

— »Німкєнинъ?» спитавъ я, глїдючи хлопчика.

— »Нї, се Е́го Благородїя; тажъ и воно, якъ бачите, благородїє собі, хочъ такє, якъ за дєнежку пістолєтъ; та все не нашъ братъ, мужїкъ. Просїмо мїлости до хати.» —

Переходивши сїни, ми чули дзвінкій голосъ Марьяни Онупрїевни, якъ вона опоряджала въ пекарні, загадуючи наймичкамъ:— »Рїжъ каплуна, запарюй тісто, бїжи по раки, унесї мїсла зъ знімокъ.»

Тарасъ Самсоновичъ приймавъ менє за гостя и нїко́ли не хотївъ платї за обїдъ та попаси коней, а щобъ не бути виннимъ єму, я що-разу привозивъ гостїнчика: книжечку, образчокъ, або цигаркї: на се вінъ бувъ здорово лїсний и звавъ їхъ головєшками. Той разъ я привїзъ розмалєвану літографовану картинку: штурму Варшави, та скринечку лїхенькихъ цигарокъ. Старій любовавъ картинку, да чо́гось усє стогнавъ и кулився, згадуючи, що я не зостануся въ єго почувати. —

— »Не любї менї ваши подарунки й трохи» говоривъ менї зъ жалємъ: «годъ не бачились, а заїхали на часокъ; а менїбъ трєба багачкò зъ вами побалагати, та де-що й розказати—теперъ нїчо́го не почувете!»

Повижъ що, старій не вгававъ, и часъ нечутиò блїзився до обїду. Хазяйка увїйшла до насъ зъ розжєврілимъ відъ огню личчемъ и завітїла насъ до садку, де вони літнєго заспїл часу обїдали.

Обїдъ бувъ споряжений підъ гїллястимъ дубомъ, такимъ, що мòже єго тромъ не обїять. Навкругї дуба грїдочка квасòли та бòбу, котрїхъ паростя, посплїтавши на тичкахъ, роскїшно повились буйно-ярою зєленню м̀ало-що не до верховїни, и тимъ ще бїльший робїло холодокъ коло дуба. День бувъ душнїй, сòняшне прòмїння пачє спїкало усю зємлю, а підъ дубомъ булò свїжо, простòро и відродòстно. Меже двома дерновими лавами стоявъ накрїтий стїлъ, заставляний мискїми, горшкїми, макїтрами.

— »Оце наше гульбище», промòвивъ старій.

— »Тутъ літомъ сидимò увєсь день, а въ хату тїльки спатъ вдемò.»

Старий прочитавъ гóлосно Отче нашъ, тай узяли́сь ми до смачного обіду.

На закуску натрусіли гливъ, дуль, грушóкъ бергамóтъ, сливокъ зъ деревья, якé було по близу, наносіли зъ баштану динь та кавунівъ.

— »А вамъ, бачу,« сказавъ сміючись хазяїнъ, »нашъ дубъ сподбавсь... по всій околиці такого не знайти.«

— »Чудовий! що ви йому лічите роківъ?«

— »Двісті годъ вла́сти; ми его звемъ *Матусине Благословіння*; та па́дькаємось коло ёго, коли́бъ ви зна́ли, мовъ коло малі́ дитіни.«

— »Черезъ що ви ёго зветé—Матусине Благословіння?«

— »Зіста́ньтесь ночувать, то розкажу; а по вашому сказавши, історія ёго дуже гарна, и не казка абó вигадка, а щіра правда.»

— »Другимъ разомъ почую.«

— »Колі не забуду. Я збіравсь розказати про ёго Гоголішиному паничеві Микола́йнові, та оце й до́сі розказую.«

— »А ви й того зна́ли?«

— »А тожъ! зъ са́мого малку, якъ ще ёго возили до ніженьскихъ шкіль. Все бувало вь мене становля́тця. Розумний бувъ хлопець. Вінъ тепе́рь про насъ пи́ше щось, та й дуже, ка́жуть, добре пи́ше.

Мені прóбу закортіло почути про того, дуба; хочъ и пі́льна нужда́ була іхати, та думаю собі—звернути, на ну́жду.

— Що жъ, кажу, Тарасе Самсоновичу? Нужда и заво́нъ зміни́е. Зоста́нусь — розказуйте.

Марья́на Онупрієвна пішла по господарстві, а наймичка догадлива унесла́ намъ подушкі; ми простяглися на дерновій ла́ві.

Тихе́сенькій вітре́ць, проліта́ючи крізь лися, повинувъ на насъ па́хощами резиді́, гвозді́ківъ, та й ми, по добрімъ обіді, не чулися, якъ послули, и про дуба байдуже. А прогинувшись, за́разъ не про́що, якъ про Матусине́ Благословення завели річъ. Старо́му, бачу, то жъ кортіло. Старовина́—до́вге життя́—ті́і спо́минки. Ко́му не лубо до́вго на світі жити?

»Я буду вамъ такъ розказувати, якъ чувъ одъ свого ді́да,« почавъ старий, закуривши *голове́шечку*; »а ді́дъ чувъ одъ праді́да, а мого пращура. Дія́лося це́е тоді, якъ Богданъ Хмельні́цький рятовавъ ба́ть-

квацину. Піднялась ráзонъ уся́ Україна, — хто зду́жавъ Ляха́ зъ лука, зъ ору́жия підцю́кнути, або кіємъ опереза́ти.

Не диво, що въ такій гурбі люду да зъ такій справі святи́й проявілося стільки полковниківъ, старшини́, лицарства́ и такі дія́лися діла́, що не чува́но першъ ніколи́ та вже ніколи́, ма́біть, и не почувъ́. По Кбрсу́нській потре́бі, якъ збу́рені Ляхи́ розбіглися по своїхъ замочка́хъ, гетма́нъ щобъ не да́ти їмъ схамену́тьця, посла́въ на їхъ несчисленну́ лічбу́ охочого коза́цтва, що било́ и грабовало́ наумі́р шля́хту и негоді́лівъ. Підъ той часъ ме́жъ козака́ми и ме́жъ самі́мъ прб́стимъ наро́домъ, обра́лися такі вата́жки, що постяга́вши охочого това́риша, ажъ на Воли́нь и на Подо́ль ході́ли господари́ти. Тоді́-то вия́вивсь коло́ Лубе́нь сла́вний по всій Украі́ні лицаръ, кото́рого за лю́тість та си́лу прозва́ли Вовгу́ре́мъ—тобъ́ то вовкъ. Такий́ бувъ дуженни́й, що коли́ роска́зовать тепе́речки, якъ вже вовки́... звели́сь на ягні́ть, то поверну́ть, гляді́, ще въ ка́зку: а тимъ́ часомъ, якъ ві́ри не пони́ти? Той Вовгу́ръ зде́ржувавъ у мли́ні шістерню́, перекида́въ черезъ Сулу́ дво́хъ-пудо́ву гіру́ и де́сять разъ́ обно́сивъ коло́ своєї́ ха́ти два ка́мені млино́вихъ, у де́сять пудъ́ ка́мень.

Охотника́ прийма́въ до гу́рту не іна́ко, якъ съ про́би. Хто на́вругъ ха́ти трі́чи обнесе́ ка́мня, той ё́му това́ришъ, а хто ші́сть, той бра́ть. У тому́-то това́ристві, въ тихъ́ Вовгу́рівця́хъ бувъ, и мій пра́щуръ, Самсо́нъ Корота́й,—пра́вий Самсо́нъ. Вели́кий, широкоплечи́й и страше́нно дужи́й, дарма́ що молоді́й коза́къ ще тоді́ бувъ. Ві́нъ обні́съ кругъ́ ха́ти ка́мня ші́сть разъ́, зарва́вся бувъ́ и се́мий разъ́ нести́, да Вовгу́ръ вже́ не давъ́, зъ опа́ски, щобъ́ хлопець́ не ввереди́вся.

Набра́вши таки́хъ собі́ сотні́гу лицари́въ, Вовгу́ръ погна́вся зъ свої́мъ заго́номъ на Воли́нь. Ё́му стра́хъ якъ ма́нулось захо́піть у свої́ ру́ки князька́ Яре́му, що здо́рово держа́вся проти́въ коза́цтва, да зъ тимъ́ не такъ́-то бу́ло шви́дко спра́витись. Яре́ма бувъ́ самъ́ лицаръ, и ві́сько мавъ́ до́бріне. Скри́зь, де ві́нъ пере́йшовъ́, зъ жовні́рами свої́ми, усе́ огне́мъ та мі́чемъ поплю́ндрува́въ, не жало́вавши ні старо́ї голови́, ні маля́тка.

Разъ́, пі́сля сі́чи зъ княземъ́, заго́нъ Вовгу́ре́вий стано́вивсь на но́чліги підъ́ пущею́, а мого́ пра́щура по́слато на ча́ти, догляда́ти чи́ не бу́ло де́ Ляхи́въ у за́хисті. Уже́ на́двечі́р, з'я́жджа́е ві́нъ до крини́ці, и ба́чить—набира́ во́ду висо́ка ставна́ дівчи́на, и така́ вже

гърпа—прегърна,—хочь воду зъ лица пий; тільки чогось бліда, якъ той мрець, и очи заплавані.

— »Що ти тутъ робишь, небого?« спитавъ мій пращуръ.

— »Воду,« каже »беру для матусі«.

— »Дежь твой матуся?«

— »Тутечки, у лісі; слабує, помірає. Жовніри спалили наше село, убили мого панотця, брата, матусі ратищемъ бікъ проколѳили и намъ би була смерть неминуча, да ми поховалися въ пущі и ось четвѳртий день рiски въ рѳті не було.

Пращуръ мій, хочь и Вовгурянець, а бувъ чоловікъ чулий и богобоящий: доставъ изъ тѳрби шматѳкъ хлiба, подавъ дiвчині и каже: »веді мене до своiї матусі: може я чiмъ-небудь ії у пригѳді стiну.«

Такъ, зъ пiвѳ-верстви перейшовши, застановилися біля дуба. Підъ тимъ дубомъ лежала, — доходила бабуся — Бѳже мій — покривавлена, зъ попеченими ногами... лихо такє, Бѳженьку! Вглєдiвши пращура, нинiче одживiла, очи ії засiяли радiсно.

— »Козiче!« мѳвить глѳхимъ гѳлосомъ, а ще виразно: »не по своiї волi ти сюдi нагодився: самъ Богъ тебе занiсъ до насъ прятѳвати сирѳтiну оцѳ безпорядно: (скинула окомъ на дочку). Ми козiче, не прѳстого рѳду, и були здiвна богiтi, да тi ксєндзi вiдерли въ насъ добрѳ наше все; одного найдорѳжшого скiрбу не забрали—вiри нашої святѳі благочестiвоi. Гiркоi вiпила я за свiї вiкъ: ще тiжня не вийшло, якъ усю до дна спiлi. Передъ моiми вiчми вбiто мѳго чоловіка, замѳчено сiна мѳго... (Страдальна душа до землі припiла, на землі заридiла). Дожидала я смертi, и за одиѳ Бѳгi прохiла,—вiнъ Милосердний почувъ мою молiтовъ: ти не покинешъ сирѳтiни, мiцнi правиця Бѳжа пiдсилить тебе, оддiкує.

— »Панимiтко!« сказавъ мій пращуръ: «я буду твоiї дочцi за рiдного брата.

— »Будь ії дружиною: тодi будешъ за бiтка, мiтiръ и за брата.«

— «Нехай же воля Бѳжа бiде надъ нами!» сказавъ пращуръ, и вклонилися зъ Марусею (такъ звалася дiвчина) до пiгъ матусі.

Лiпала напѳрсного хрестi на грѳдяхъ, щѳбъ нимъ благословити, а єго вже немає: дєсь на втiкахъ загубiла.

— »Чимъ-же«, стiла тужити «благословлю я васъ, дiтки? щѳ на-незабудъ zostавлю!» А делi схопила жолудькi, та й прореклi: »Не-

хай же надъ вами, діточки мої, благословіння Бóже спочиває.... Возміть отцего жолудька, посадить у зéмлю, виросте зъ его дубъ високій, и дóти, дóкіль вінъ стоятиме на землі, дóки коріння ёго не струхне підъ землею, и ви и рідъ вашъ увесь будете щасливі, чесні, довговічні».

Стара зговорила се слóво такимъ твердимъ духомъ, наче самъ Богъ промовлявъ її устами. И схилившись на рúки до Марусі, віддала Богу духъ. Маруся злила свіми слізьми тіло матусине, а пращуръ вікопавъ яму їй шаблею. Помолілися надъ замученою, поховали, посіяли на могильці жолудьківъ. А въ тій пуші крився невеличкий хуторецъ, моєму пращурові свідомий. Вінъ завівъ туди Марусю, приручивъ її якийсь бабі, и поїхавъ.

Щось днівъ після того не вь-скількохъ, пращуръ мій повертався зъ попомъ уже, справить надъ матірью похоронъ християнський. Маруся кинулась на зустрічку до ёго зъ щирою великою радістю. Якъ поглянула на ёго своїми ясними очима, та простятнула білі рученята, то вь мого пращура наче душа загорилась и вперве тоді застúкало ёго сёрце вірнимъ коханнямъ.

Пішли на матусину могилу, запечатали пебжичню. Маруся зняла зъ себе дукáчикъ зъ Бóжою Матірью и почепила на могó пращура. «Се,» каже, тобі заступниця; нехай Пречиста оборонить тебе відъ усякої напасти!

Прощавшись вь Марусею на довгі часи, прédко мій подарувавъ їй тутій чересъ зъ червінцями, надрáтими одъ Ляхівъ. Война ще точилася зъ чотіри рóки и на всей той часъ Госпóдь вíдимо боронівъ мого пращура. Одноб ráзу Вовгуръ послáвъ на рóзвídъ чоловіка дéсятъ изъ свогó загóну; мій пращуръ бувъ вь тихъ десятихъ. Одлузавши верстóвъ зъ двадцáтокъ и не наскóчивши нíгдé ляшківъ, вони негáдки — становилися на ночлігахъ вь лóсі, та ще, знаєте, по добрій чáрці проти снú вíкотили, та й поснúли безь-кóмъ. Опівночи якъ наче хто обудивъ потихёньку могó пращура. Вінъ—зиркь! бáчить, що передъ нимъ висока жінка, уся вь білому, якъ марá стояла. Зъ óстраху вінъ наміривсь кричáти, такъ вона поманула ёму рукою, щобъ за нею йшовъ; мусивъ послухатись, пішовъ. Завела ёго зъ півъ-верстві, а позаду їхъ, стúгомъ застугонила кінська тупá, вдáрила пальба, гáласъ піднявся. Тутъ жінка знігла, не скажй—у зéмлю ввійшла. Сторопілий, здеревянівъ прédко мій и не знавъ щó ёму й починáть. Ажъ чує, щось у ку-

щáхъ затупало, затріщáло, передъ нимъ ставъ якъ укóпаний Гнід-ко, его кінъ и вірний товаришъ. Тоді вже прѣдко догадавсь, хто се его порятовáвъ. Недóвго думавши, скóчивъ на Гнідка та гукнувши на рóзні голосі, помість то вінъ не самъ, порвáвся виручати своїхъ. Жовніри подумали, що то підмóга козакамъ, та й кинулись у—рóстичъ. Такимъ побитомъ прáщуръ мій вирвавъ одъ немáнучої погібелі пятéхъ товаришівъ своїхъ, а четвірко наложили такі головáми.

Чотирохлїтня розлúкá не прохолодїла въ моєму прáщурові кохáння, и якъ все утихомірилось, вінъ, чáсу не гáявши, поїхавъ до своєї Марусі. Доїздїть до тогó хуторця, де вінъ її покинувъ, ажъ и слїду ёго не бачить: все вигорїло до пня и розпитáтьця ні въ кого. Зажурївся мій прáщуръ и поїхавъ на могїлу до матуси. Тільки вона ёму й zostáлася. На могїлі стоявъ висóкїй хрестъ и жолудькі ряси́мъ кущемъ розросліся, а навкругъ знáти слідъ засóхлихъ грядóвъ, де—не—где на їхъ ще квіточкї поростáли. Відно було, що те мїсце zostáвлено и вже зъ дві лїтї стоїть безъ догляду. Помолївшись, удáривсь питáти Марусі. Кудї приїде, скрізь погорїджа: не було селá, хочъ хўтора, цілого відъ огню. Попоїздивши кїлька днівъ, надїбавъ вінъ якогось сóтника и одъ тогó назнавъ, що всі жителці тогобóчні виселились за Дніпрó. Тамъ було тоді простóро и безпечнїйше. Мій прáщуръ цілий рїкъ виїздивъ по новосїлкахъ, уступáвъ до кожнїсенької хáти, скрізь роснїтувавсь.

— Одногó рáзу заїздїть вінъ до хўтора новосїлянцівъ; бачить на одшибї стоїть така славна хáтка, а кругъ неї одóране пїдъ левáду простóре мїсце. Вїйшовъ у сїни,—нікого нема; вінъ черезъ другї дверї вїйшовъ на горóдъ,—тамъ дівчина якáсь поле грядкї.

— »А чїя се хáта?» спитавсь вінъ.

— »Хазáйчина,« одмовила дівчина.

— »Дежъ твої хазáйка?»

— »Пїшла до Кїева на прóщу.«

Отъ вінъ ужé йти дума, ажъ углédивъ на сторонї молоденькїй дубóкъ, загорóжений лозюю; а навкругї ёго росплóджений горóдчикъ. Могó прáщура наче щó торкнуло.

— »А чого се«, каже вінъ, »дубóкъ сей въ такїй у васъ ша-нбї?»

— »Не скажу«, вона ёму: »щобо хазяйка ёго зве Матусине Благословення.«

Тоді вінъ догадавсь и почавъ роспитувать, яка зъ лиця хазяйка,—дівчина чи молодіця?

— »Дівчина« розка́зує паймичка: »и гárна така що на всю околю другої нема такої; багáцько, сла́влють, до неї люде́й сла́лося, и не прóсті, а осау́ли да сóтники, та вона и диві́тись на їхъ не хоті́ла: все когóсь чека́е.«

Почувъ се прашуръ мій, та й зомлівъ одъ радости.

— »Ну«, промовивъ, »приймай же мене за хазяїна: я той самій, що вона жде.«

Вступивъ до хати: чистенько, біленько, ажъ духъ радіе. Дівитця: въ кімнáтці помòщена постіль на двохъ, на жéрдці висіть козацька одéжа, сорочкí тóнкого полотна зъ вишиваними комірами; на пріпечку чóботи червоні, на кiлкú ша́пка, а на вікні лю́лька, не сказавъ би—тутъ живъ коза́къ, а не дівчи́на. Прéдко мій пону́ривъ гóлову: для вóгожь це вона зладна́ла зóдіжь? се, пéвно, суджени́й у неї!.. Такъ—то ти вволи́ла остáнню волю́ мату́сину! такъ оце пам'ятуешъ обі́тню кля́тбу на непростиглому ще ті́лі ма́тернєму! Да́къ не бува́тижь сєму́! не мо́й, такъ и ні́чия! Ві́рву зъ ко́рнемъ Мату́сине Благословення, що ёго ти неварта; роскíну хату́ и задавлю́ тебе́ підъ нею́ якъ лю́ту гáдину!..

Зі́рвався зъ сє́рцемъ до тогó дубкá и руку́ вже простя́гъ, щобъ ёго ви́корчить, та миттю за́пинiвся. П'ять ро́ківъ, погада́въ, ми бу́ли въ розлу́ці, мóже вона́ личила́ мене́ за погíбшого, а якъ побáчить, що живий, то жени́ха свогó одчура́етця. А про те, коли вона́ ёго лúче любить, то Богъ зъ нею́; я ста́ну йй за брáта.« Потiмъ того́ встро́мивъ сво́е рати́ще бі́ля дуба, да й ка́же на наймичку:

— »Якъ твоя́ господíня верне́тця та побáчить се рати́ще, то самá пізна́е, хто ёго поста́вивъ. Скажí тільки йй: коли́ вона́ мене́ ще не забу́ла и любить, то неха́й прив'я́же до рати́ща черво́ну корогóвку; коли́жь ні, то неха́й чепля́ бі́лу.«

Самъ по́хавъ на пúшу и звíдти визи́равъ на лева́ду. Сидить день, сидiть другий день, ни їсть ни п'є, ни спить; на трéтiй знемíгся—засну́въ. И присни́тця єму́ мату́ся, буцiмъ попровáдила ёго́ зъ—пiдъ висóкого дуба по зелéній оболóні до цє́ркви. Лє́дві ступи́въ на порiгъ цє́ркóвний, назу́стріч єму́ Мару́ся, у́брана, якъ до ві́н-

ція, обійняла єго, поцілювала. Прокінувся вінъ, дивитця—червона короговка грає зь вітромъ: серце въ єго заколотилось, тріхи не відскочить; сівъ на коня, та й дмухнувъ до Марусі. Стрїла єго на дорозі зь хлібомъ, зь сіллю, склонїлася до землі, заговорила: «Орле мій, съ—підъ тёмної хмари відъ Бога мені насланий, матусею призначений, серцемъ моїмъ нарекований! за що се ти поневірєшъ наші лїббощі?... Все що бачивъ у світлиці, все то для тебе, мого голуба сїзого, наготовано; про тебе тїльки я й думала, и Бога благала, щобъ повернули тебе до мене. Уступїжъ до свої хати, господару мій лїбий! стань мені спротиві татомъ, мамою и братікомъ рїднєсенькимъ.»

Тутъ мій пращуръ ще не мавъ и часу гаряздъ оглєдїтьця зь тїхъ радощивъ великихъ, а тутъ Богъ несє старєнього дїда, прїситця обночувати. Роздивїлись—той самий панотєць, що ховавъ матусю.

Назавтре жъ їхъ перевїнчавъ и вже не пїйшовъ далї.

Поблагословївъ їхъ Господь сїномъ одиначкомъ, щастївимъ та довгимъ вікомъ. Пращуръ мій вмеръ на сто и пєршїмъ року, а пращурїха на девядесять—трейтїмъ. Обїдва переставились на одному тїжневї, якъ за рўки побрїались.

Після того всі мої прїдковья переживали за девядесятъ годъ, тїльки батько мій вісімдєсятъ—пять живъ, и то того, що молодого віку багачко принявъ гбря.

Черезъ стїльки годівъ, молитвами нашої матусі, Богъ насъ не зоставляє; ми щаслїві, довговїчні и не було въ нашимъ родї ні одного нещасливого чоловіка. Що вже въ ту халеру! Якъ вона скрізь по свїту душїла безъ мїлости людїй! до насъ и не доторкнулась.

Шануємо велико нашого дїба и кїжне зь нашої сїмї, впрямїючись въ далєку дорігу, Богу помолївшись, приходить поклонитьця Матусїному Благословєнню и для одвїду відъ себе напастї, берє зь собїю жолудькї.» —

Дякувавъ я старому за єго оповїданнїя, а тутъ и сонєчко, якъто кажуть, примерхло—лученько стало їхати холодкомъ. Попрощались ми. Поїхавъ я и все думавъ, якї—то наша гїрна старовина була! щото за лїде, що то за дїши були въ насъ підъ ту велику руїну! Та дежъ воно дїлося? на що попереводилось, що теперъ мало такихъ людїй задержалось на свїті, прїстїхъ и щїрїхъ и богобоязливїхъ, якъ отцей Тарасъ Семєновичъ. Тїльки й жити намъ споминкам.

та дарма. Хочь одінь дубъ zostавсь, та багато на ёму жолудівъ... Матуся наша, Украина, не покинула насъ безъ свого благословення.

Проїхавъ я скільки верстівъ; думки вляжались; сонце сіло; и въ голові въ мене тихий помрокъ залігъ, — тільки щось несказанне на душі либо мені сяло. Не хотячи, оглянувся назадъ: село ховалося за могилами, окриваючись піломъ вечірнімъ, а ще зоривъ велично вскрай неба дубъ той старенний — »Матусине Благословення«.

А. М.

УКРАИНСКІЯ НЕЗАБУДКИ.

ОЧЕРКИ ПЪЗЪ НЕВОЗВРАТНАГО ВРЕМЕНИ.

(Писано довольно давно, и собственно для памяти любознательному потомству.)

I.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВОРЯНЪ КВАЧЕЙ.

Дворяне Квачи давно ужь процвѣтають въ уѣздѣ, который центромъ своимъ имѣетъ городъ Стѣвбуръ, и потому называется Стѣвбурскимъ. Въ настоящее время дворянскій родъ Квачей значительно размножился, и мудрено даже представить, чтобы когда-нибудь перестали ихъ считать десятками въ Стѣвбурскомъ уѣздѣ. Три брата, окруженные многочисленными семействами, составляютъ надежную опору этой, можно сказать, знаменитой фамилии. Старшій пѣзъ нихъ, Гаврило Петровичъ Квачъ, со славою занимаетъ должность исправника и отличается добродушнымъ, веселымъ характеромъ. Его фязіономія съ-молоду принадлежала къ числу красивѣйшихъ лицъ въ уѣздѣ. Портитъ ее только черзъчуръ низкій лобъ; но зато на этой фязіономіи находился носъ, дотога прямой и зумфренный, что отъ него не отказался бы многія изъ нашихъ самыхъ щеголеватыхъ помѣщницъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, носы большею частью торчатъ кверху, а нѣто—расплываются вовсе не по-дворянски посреди лица. Теперь эта фязіономія сдѣлалась массивнѣе и подалась своимъ болѣе выразительными частями внизъ, такъ что верхняя половина головы Гаврила Петровича представляется какою-то пустою крышкою, не

болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Господь не одарилъ Гаврила Петровича Квача особеннымъ умомъ; но, не смотря на то, его у насъ въ уѣздѣ за что-то уважаютъ. Онъ восемь лѣтъ служилъ въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, а вотъ уже другое шестилѣтіе сряду выбираютъ его исправникомъ.

Гаврило Петровичъ не живетъ въ городѣ, какъ и всѣ почти наши уѣздныя власти. Онъ водворился посреди многолюднаго села Буртница, населеннаго козаками, а отчасти и помѣщичьими крестьянами. Тутъ живутъ и оба его брата. Три усадьбы господъ Квачей занимаютъ одинъ конецъ села, прилегающій къ рѣчкѣ, нѣкогда судоходной, еще недавно двигавшей мельничныя колеса, а нынѣ почти пзсякшей. Каждая усадьба отдѣляется одна отъ другой крестьянскими хатами и панскими яблонями, вишнями, огородами.

Гаврило Петровичъ, какъ уже сказано, — старшій изъ троиухъ братьевъ. За нимъ слѣдуетъ Антонъ, по прозванію Мотузочка, челоѣкъ очень основательный; служилъ прежде, также какъ и старшій братъ, въ военной службѣ; теперь идетъ по его же слѣдамъ и засѣдательствуетъ въ уѣздномъ судѣ, но имѣетъ ту особенность, что по праздникамъ, или когда нужно быть въ большомъ собраніи, надѣваетъ армейскій мундиръ и шпагу. Портупея отъ шпаги куда-то затерялась у него, много лѣтъ тому назадъ, и онъ, по необходимости, подвязываетъ шпагу къ мундиру веревочкою, по-нашему *мотузочкою*, отчего и дано ему такое странное прозвище. Впрочемъ Антонъ Петровичъ менѣе добродушенъ, чѣмъ его старшій братъ, часто задумывается послѣ обѣда и не такъ любимъ въ уѣздѣ, какъ Гаврило Петровичъ, который каждому запросто говоритъ *братъ* и почти со всѣми на *ты*.

Третій изъ братьевъ Квачей еще менѣе любимъ господами дворянами и, сверхъ имени Петра, даднаго ему при крещеніи, и фамильнаго имени Квачъ, носитъ странное прозваніе... Я затрудняюсь даже произнести его; но исторія не щадитъ никого. Это имя — Злѣдій, что по-великорусски значитъ — воръ. Петръ Петровичъ Квачъ, прозванный Злѣдіемъ, шелъ сперва также по слѣдамъ старшаго брата и уже былъ въ какомъ-то полку подпоручникомъ, но вдругъ вышелъ въ отставку съ аттестатомъ, въ которомъ сказано, чтобъ его впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Впрочемъ его врожденныя способности не остаются праздными. Когда бра-

тъя дѣлился общимъ наслѣдствомъ, онъ не взялъ на свою часть ни одной десятины лѣсу и, вмѣсто того, удвоилъ свой паи шахатною землей. Сосѣди надъ нимъ подтрунивали, и никому не приходило въ голову, что въ душѣ Петра Петровича Квача созрѣлъ глубоко обдуманнй планъ жизни. Вступивъ во владѣвіе законною частью наслѣдства, онъ образовалъ изъ своихъ крестьянъ отрядъ волонтеровъ-дровосѣковъ и напустилъ его на всѣ сосѣдскіе лѣса безъ разбору. Сперва этихъ удалыхъ охочекомонниковъ ловили и представляли къ исправнику, но когда убѣдился, что воронъ ворону очей не выключетъ, то ограничился только тѣмъ, что прозвали Петра Петровича Квача на весь уѣздъ Злѣдіемъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы исправникъ нашъ потакалъ воровству въ своемъ уѣздѣ: онъ дѣлаетъ исключеніе только для родного брата, да и то подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ: ввну вторженія въ чужую собственность взваливаетъ онъ обыкновенно на крестьянъ и, въ случаѣ «попмкис», наказываетъ ихъ тутъ же, при земскомъ судѣ, примѣрно. Но крестьяне Петра Петровича, должнѣ быть, происходятъ отъ древнихъ Спартанцевъ: возвращаются изъ суда съ веселыми лицами и совершаютъ новыя подвиги. Не только сосѣдскіе лѣса, но и поля, во время жнивья, отъ нихъ не безопасны. То, что говорится въ древней нашей поэмѣ о хищныхъ Половцахъ, можно сказать о нихъ безъ всякой натяжки: *кричатъ телеги въ полунощи, рцы лебеди распущени*. Одѣтые непроглядной темнотою ночи, являются они на чужія нпвы и увозятъ на скрипящихъ возахъ своихъ не ими сѣянный, не ими сжатый хлѣбъ. Сосѣдніе козаки и мелкопомѣстные дворяне терпятъ это хищничество безропотно, такъ какъ извѣстно, что Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Злѣдій, поставляетъ пзъ чужихъ лѣсовъ дрова во всѣ присутственныя мѣста уѣзднаго нашего города всенародно, и никто не останавливаетъ его подводу. Впрочемъ, Петро Петровичъ, въ своихъ смѣлыхъ набѣгахъ, обходитъ людей богатыхъ и довольствуется только похищеніемъ у нихъ лошадей для передачи ярмарочнымъ коноводамъ.

Читатель, незнакомый съ Стѣвбурскимъ уѣздомъ, вообразить, пожалуй, что такая личность, какъ Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Злѣдій, отвергнута всѣмъ благороднымъ сословіемъ и не имѣетъ доступа ни въ одинъ помѣщичій домъ. Нѣтъ, мы слава Богу, не потеряли еще стариннаго малороссійскаго добродушія, котораго луч-

шимъ представителемъ можно считать нашего исправника. Петро Петровичъ принять у насъ во всѣхъ лучшихъ домахъ не хуже каждаго потомственнаго дворянина, и когда вы увидите его въ обществѣ, то никакъ не подумаете, чтобъ это былъ тотъ чело-вѣкъ, о которомъ ходятъ по всему уѣзду столь неблаговпдные слухи. Недавно онъ лишился жены, и черезъ полгода женился на дочери своего сосѣда, молоденькой дѣвцѣ съ хорошимъ приданымъ. Съ того времени утвердилось въ уѣздѣ мнѣніе, что будто бы Петро Петровичъ превзошелъ богатствомъ даже старшаго своего брата; но это совершенная неправда. Послѣ раздѣла имѣнія всѣхъ тремъ братьямъ достались, конечно, участки небольшіе; но природа наградила каждаго изъ нихъ равно могущественными средствами къ увеличенію своего благосостоянія. Старшій братъ, отличающійся собственно гражданскими способностями, вскорѣ удвоилъ, а потомъ и удосытерпалъ наследственное имущество. Меньшой, въ душѣ завоеватель, которому не выпалъ только случай прославиться «на полѣ брани», не отставалъ отъ старшаго брата, по мѣрѣ возможности. Средній, Антонъ, по прозванію Мотузочка, будучи нрава робкаго и миролюбиваго, повидимому долженъ былъ бы остаться у нихъ позади на пути къ обогащенію, но судьба и этого не обошла своими дарами. Ему на долю выпала завидная участь—часто жениться и за каждой женой братъ хорошее приданое. Теперь онъ женатъ на третьей, которою также доволенъ, какъ и двумя первыми. «У меня», говоритъ онъ, «было три жены, и всѣ три — ангелы».

Такимъ образомъ три брата Квача не имѣютъ никакого повода къ зависти и недоброжелательству, но пребываютъ въ совершенномъ согласіи и даже, встрѣчаясь въ обществѣ, называютъ другъ друга вѣжными дѣтскими именами. Гаврило у нихъ до сихъ поръ *Рѣля*, Антонъ у нихъ — *Тѣля*, а Петро — *Петя*. И трогательно, и назидательно видѣть подобныя отношенія между тремя братьями, въ наше время, столь близкое къ оному страшному сроку, когда возстанетъ братъ на брата и сынъ на отца. Обратите при этомъ вниманіе на различіе характеровъ и склонностей каждаго, и подивитесь еще болѣе неразрывной дружбѣ этого родственнаго триумвирата.

Гаврило — чело-вѣкъ общежительный, характера открытаго, нрава дружелюбнаго, склоненъ къ жизни роскошной. Антонъ бо-

лѣе замкнуть въ самомъ себѣ, молчаливъ и склоненъ къ уединенію. Въ домашнемъ быту отлпчается простотою пищи и питія; если же предается роскоши, то это единственно въ гостяхъ, во время праздниковъ, вмання и свадьбы у сосѣдей. Будучи отъ природы робокъ, при всей любви своей къ военной одеждѣ, — онъ извлекаетъ изъ службы очень мало выгодъ, но зато вознаграждаетъ себя бережливостію и ограниченіемъ издержекъ до такой степени, что, когда случилось ему однажды отправить къ кому-то по почтѣ письмо, — онъ торговался съ почтмейстеромъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не отправилъ письма вовсе безъ платы. Наконецъ, третій братъ, очевидно, исполненъ духа своихъ предковъ, обогащавшихся, какъ извѣстно, вѣчными набѣгами на сосѣднія земли.... Впрочемъ козакъ села Бѣртища объясняютъ его страсть къ чужому добру родословною дворянъ Квачей, сохранившеюся у нихъ въ свѣжей памяти.

Между бѣртицкими старожилами, помнящими еще времена свободныхъ подсосѣдковъ, населявшихъ панскія земли, сохранилось преданіе, что въ послѣдніе годы сотническаго управленія, какой-то пономарь, существовавшій въ Бѣртищѣ, яко лицо духовное, безъ всякаго фамильнаго прозвища, — укралъ на ярмаркѣ у козака-дегтяря мазницу дегтю; что козакъ поймалъ его *на гарячому ечинку*, окунули головою въ дегтяную кадъ и тутъ же прозвали Квачемъ. Не знаю, слѣдуетъ ли обращать вниманіе на подобныя сказанія простолюдиновъ въ столь серьезномъ сочиненіи, какъ сія повѣсть; но преданіе гласитъ положительно, что опозоренный пономарь, исключенный изъ духовнаго званія, затаилъ въ сердцѣ глубокую злобу противъ козацкаго сословія и рѣшился, во что бы ни стало, выдти въ люди, чтобъ отомстить потомъ своимъ насмѣшникамъ. Въ самомъ дѣлѣ — продолжаетъ преданіе — остривенный и вымытый олією и мыломъ, Квачъ въ короткое время доблся званія сотеннаго писаря и насѣлъ на козаконъ такъ ловко, что, при закрѣпощеніи вольныхъ подсосѣдковъ въ царствованіе блаженныя памяти императрицы Екатерины Вторыя, нѣсколько козацкихъ убогихъ семействъ приписалъ къ отнятой имъ у нихъ же землѣ, и съ того будтобы времени Квачи вошли въ составъ образовавшагося тогда малороссійскаго дворянства. Впрочемъ подобныя басень о началѣ дворянскихъ родовъ въ нашемъ уѣздѣ ходятъ много между простолюдинами, но никто изъ благородныхъ

людей не обращает на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что у многихъ существуютъ древнія жалованныя грамоты, писанныя въ весьма недавнее время.

По этому краткому, но, надѣюсь, выразительному очерку дворянъ Квачей, читатель никакъ не ожидаетъ, чтобы у нашего исправника была дочь, вовсе на него не похожая. Но природа человѣческая распоряжается иногда удивительнымъ образомъ. Она посреди Стóвбурскаго уѣзда, гдѣ всё живутъ почти одни Квачи-помѣщики, готова создать какое угодно чудо, — и создала его въ исправницкой дочкѣ. Нина (такъ ее звали) родилась необыкновенно счастливо. Такого красиваго ребенка, такого тихаго, умнаго дитяти не видали еще въ Стóвбурскомъ уѣздѣ. Она отличалась отъ всѣхъ другихъ дѣтей Гаврила Петровича; она какъ-будто случайно попала въ его семейство, да и судьба ея была особенная. Нинѣ было десять лѣтъ, когда, въ ненастный осенній день, на дворъ къ ея отцу привезли поврежденную карету. Это случайное обстоятельство рѣшило судьбу Нины. Изъ кареты вышла немолодая уже дама, вся въ червонѣ. Исправникъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, взвелъ ее подъ руку на крыльцо и предложилъ свой домъ и всего себя къ услугамъ ея *превосходительства*. Дама была очень печальна и почти больна: она въ дорогѣ лишилась единственной дочери, и страдала великою скорбію матери. Она едва имѣла силы благодарить исправника за его услуги; она видимо тяготилась сострадательными разспросами исправницы; но когда увидѣла Нину, лицо ея просіяло: Нина напомнила ей черты милой дочери. Она приласкала прелестную дѣвочку и живо была заинтересована ея умомъ и тонкими чувствами, выразившимися во всѣхъ ея словахъ и поступкахъ. Грустнымъ и проникательнымъ взглядомъ слѣдила она за остальными членами исправничьяго семейства. Ей было жаль прелестной дѣвочки, которая должна вырости въ этой средѣ, питаясь ея нравственною атмосферой. На другой день она сдѣлала родителямъ предложеніе, отъ котораго тѣ пришли въ восторгъ неописанный. Она объявила имъ, что она — директриса института благородныхъ дѣвицъ въ Аскольдовѣ и что ей было бы пріятно заняться воспитаніемъ Нины, въ память своей дочери. Она прибавила, что въ отношеніи къ прочимъ своимъ воспитанницамъ она стѣснена существующими правилами, но что Нину воспитаетъ она, хотя въ институтѣ, но семейнымъ

образомъ. Исправникъ и исправница, разумѣется, не поняли ея программы. Съ благословеньями на устахъ и гордыми надеждами въ душѣ, проводили они благодѣтельную *генеральшу* съ Ниною. Зависть всего уѣзда возбуждала въ нихъ сладостное чувство удовлетвореннаго себялюбія и проливала счастье въ самую глубь ихъ родительскихъ сердець.

Между Ниной и другими дѣтьми былъ у нихъ большой промежутокъ. Такимъ образомъ заботы о воспитаніи чадъ своихъ, начинающіяся въ нашемъ уѣздѣ довольно поздно, отодвинуты были отъ нихъ надолго. Вся дѣятельность ихъ устремилась отнынѣ на устоятво дома, въ который съ каждымъ годомъ приливало откуда-то богатство, — и исправницкій домъ мало-помалу совершенно измѣнилъ свою довольно смиренную физиономію. Едва ли въ немъ хоть что-нибудь осталось старое: все было воздвигнуто вновь, по образцамъ богатыхъ сосѣдскихъ усадебъ. Исправника въ уѣздѣ начали называть человекомъ *тузовитымъ*; недоставало ему еще одной степени, чтобъ сдѣлаться тузомъ.

Прошло уже восемь лѣтъ съ достопамятнаго поврежденія дорожной кареты. Генеральша сдержала слово. Нина воспитывалась у ней, какъ родная дочь. Нину видали постоянно вмѣстѣ съ генеральшей въ семейныхъ кружкахъ города Аскольдова. О Нинѣ доходили въ Стѣвбурскій уѣздъ восторженные отзывы. Нину называли умницей не по лѣтамъ, своимъ чулкомъ и красавицей, какихъ на свѣтѣ мало. Нина возбуждала, какъ водится, и благовидное злословіе. Искусные въ общепитіи люди (ихъ въ Стѣвбурскомъ уѣздѣ много) поговаривали иногда, что, по ихъ наблюденіямъ, она ужъ черезъ-чуръ смѣла въ обществѣ и что въ ней нѣтъ этой милой застѣнчивости, которая такъ плѣняетъ насъ въ молодыхъ институткахъ.

— Генеральша, прибавляли они добродушно, — не всегда будетъ охранять ее своимъ присутствіемъ отъ злорѣчія. Такая привычка держать себя въ обществѣ, замѣчали они глубокомысленно, — годится, можетъ быть, для столпчнаго круга, но у насъ въ уѣздѣ она можетъ повредить репутаціи молодой дѣвушки. Чтѣ ни говори, но главное достоинство молодой дѣвицы всё-таки — скромность.

До слуха исправника и исправницы доходили всѣ эти толки; но они твердо вѣровали въ умѣнье генеральши повести дѣло вос-

питанія и втайнѣ радовались, что дочь ихъ отличается свободной свѣтскостью обращенія.

— Сохрани Богъ, говорила исправница, — явиться въ наше общество съ тихимъ, боязливымъ характеромъ! Не дадутъ житья наши Чечотки. (Чечотками называла она двухъ старыхъ дѣвъ, господствовавшихъ надъ всѣми дамскими языками въ уѣздѣ.) Отчего я не пользуюсь всѣми преимуществами моего положенія? Оттого, что съ дѣтства не давали мнѣ высказываться, конфузили на каждомъ словѣ, приучали къ молчаливости. Меня и теперь каждая изъ нашихъ умницъ можетъ смутить посреди самаго живого разговора. Хорошо ли это? Нѣтъ, слава Богу, что наша Нивочка выйдетъ изъ института незастѣнчивою. Она покажетъ этимъ Чечоткамъ, что значитъ настоящая образованность.

А время выпуска изъ института между тѣмъ приближалось, и наконецъ приблизилось.

II.

Приготовленія исправницы къ радостной встрѣчѣ дочки.

Среди знойнаго лѣта выпалъ какъ-то удивительный вечеръ, тихій, прохладный и вмѣстѣ сіяющій; и нигдѣ, кажется, не было такой тишины, какъ въ селѣ Буртшцѣ. Все живое выбралось изъ села въ поле, по случаю жнивъ; осталась развѣ гдѣ-нибудь полуслѣпая старушка, или шамкающій и едва таскающій ноги старикъ. Они молча сторожили опустѣлыя хаты отъ путешествующихъ изъ дальнихъ сѣверныхъ странъ богомолковъ, которыя вытаскиваютъ въ *кватірки* ⁽¹⁾ разбитые украинскіе рушники, обыкновенно висящіе въ хатѣ на кілочкахъ, и другія неубранныя подалше вещи, а нето — ловятъ по дворамъ куръ, а по огородамъ выбираютъ огурчики-ста. Эти благочестивыя странницы, называемыя у насъ *квіянками*, вообще не терпимы въ нашихъ селахъ за вѣчное канюченье, до котораго никогда не унижается богомолецъ украинскій; но особенно ненавидятъ ихъ за ихъ манеру

(1) *Кватірка* — отодвигающаяся форточка въ окнѣ.

отодвигать сваружи кватірку въ окнахъ и высматривать, не лежить ли что плохо въ хатѣ. Но теперь не видно было и Кіянокъ. Глубокое, невозмущаемое ничѣмъ спокойствіе царствовало надъ селомъ Буртищемъ. Даже собаки ушли на ниву за жнецами. Только покашливали кое-гдѣ, грѣясь на солнышкѣ, запоздалые жители другого свѣта да кудахтали куры по дворамъ и огородамъ. Тихо было и у Антона Петровича Квача, по прозванію Мотузочки, и у Петра Петровича Квача, по прозванію Злодія. Всѣхъ людей услали они въ поле на жнива, и сами съ женами и дѣтьми выѣхали на ниву для присмотра за работою. Это у насъ дорогое время. Въ эту пору лѣта не только мужчины, но и мелкопомѣстные барышни и барышни наши, боящіяся загару больше всего на свѣтѣ, остаются на нивахъ при жнецахъ по цѣлымъ днямъ, и если не жнутъ сами, то единственно изъ уваженія къ своему дворянскому достоинству.

Но у Гаврила Петровича Квача, нашего исправника, положивна дворовыхъ людей оставалась дома, и на кухнѣ происходило необыкновенное движеніе. Множество куръ лишено было жизни. Ключница доставила повару большой запасъ масла и сливокъ. По всему было видно, что въ домѣ готовится къ ночи пирושка. Хозяйина нѣтъ дома; хозяйка, Степанида Карповна, вся раскрасилась, бѣгая по всему дому изъ угла въ уголъ. Меньшія дѣти, непристроенныя еще въ учебныя заведенія, бѣгаютъ вперед и позади маменьки съ запачканными въ варенье руками и носами. Ихъ крикъ и пискъ надоѣлъ бы самому терпѣливѣйшему изъ нашей братии, людей кабинетныхъ; ихъ путающаяся веревка сбила бы съ ногъ самаго поворотливаго изъ насъ. Но Степанида Карповна только отъ времени до времени покрикиваетъ на нянюшекъ; дѣти не мѣшаютъ ей исполнять тысячу хозяйственныхъ загѣй и веселятъ своимъ шумнымъ присутствіемъ материнское сердце.

Между тѣмъ оба брата Гаврила Петровича заохочпвають своихъ жнецовъ къ работѣ и наслаждаются зрѣлищемъ тучныхъ колосьевъ, складываемыхъ въ жмѣні, потомъ въ снопы и, наконецъ, въ полукіпки. Вечеръ, какъ я уже сказалъ, выпалъ удивительный. Петро Петровичъ пользуется прозрачностью воздуха, потерявшаго свой ослѣпительный, жаркій блескъ, и озираетъ весь ровный кругозоръ полей, усѣянныхъ жнецами и полукіпками.

Молодецъ изъ себя Петро Петровичъ, красивѣе обоня братъевъ! Взглядъ у него не такъ добродушенъ, какъ у брата Гаврила, но зато въ немъ нѣтъ и той задумчивости, которая овладѣваетъ послѣ обѣда братомъ Антономъ: взглядъ его быстръ, какъ у орла, и не напрасно разбрасываетъ Петро Петровичъ глазами по сосѣдскимъ полямъ....

Весело звучать вблизи и вдали зажививныя пѣсни. Буртицкіе козаки знаютъ, что не всѣ ихъ полукіпки будутъ лежать у нихъ на гумнѣ; но это ихъ безпокоитъ мало: они и при посѣвѣ молятся: *Роді, Бóже, и на трудящого, и на крадючого*. Звучать поля торжественными сельскими гимнами; чистая, вдохновенная народная поэзія наполнила ихъ прекрасными образами, — и, углубляясь въ общую гармонію звенящихъ серповъ и голосовъ людскихъ, забываешь о разстояніи, отдѣляющемъ людей работающихъ отъ тѣхъ, которые смотрятъ на работу. Обманутому согласіемъ природы воображенію кажется, будто всѣ эти высыпавшіе на жива люди связаны одними и тѣми же нравами, обычаями, чувствами.

Нива Антона Петровича — рядомъ съ нивами старшаго брата, на которыхъ недостаетъ столькихъ работниковъ. Жнецы его далеко опередили сосѣднихъ и воспѣли дружными голосами хвалу своему господну:

Ой чѣ то поле
Зазвеніло, стóя?
Зазвеніло, зазвеніло, стóя!
Антонове поле
Зазвеніло, стóя,
Зазвеніло, зазвеніло, стóя!
Женці молодіи,
Серпіи золотіи...
Зазвеніло, зазвеніло, стóя!
И жіто пожали,
И въ копи покляли...
Зазвеніло, зазвеніло, стóя!

Ой чѣ то поле,
Задрімало стóя?
Задрімало, задрімало, стóя?
Гаврилове поле
Задрімало, стóя....
Задрімало, задрімало, стóя!

Женці все старі,
Серпі любячі...
Задрімаю, задрімаю, стба!
Жіта не пожали,
Серпі поламали....
Задрімаю, задрімаю, стба!

Солнце ласково наклонило сіяющую свою голову надъ работающимъ дружно народомъ и бросило длинную тѣнь отъ каждаго дерева, случайно уцѣлѣвшаго на межѣ, — отъ каждаго воза, на которомъ развѣшены лишнія плахты и свиты, — отъ каждой дѣтской люльки, висящей на полевомъ треножникѣ, отъ каждаго коня и вола, наслаждающагося роскошною пашею по стернѣ. Уже пастухи, осторожно напускающіе на очищенные поля свои отары, хлопаютъ длинными пугами на возвратный ходъ къ селу, и насытившіяся зернами и полевыми насѣкомыми птицы разлетаются стадами съ полей въ ночныя свои убѣжища — по лѣсамъ, болотамъ и рѣчнымъ камышамъ. Дружнѣе прежняго принялись жнецы и жницы за работу, почувавъ въ воздухѣ живительную свѣжесть; но дѣятельность ихъ — ничто въ сравненіи съ тою, которая кипѣла въ домѣ пана исправника.

Хозяйка, перебѣгая много разъ съ толпою дѣтей изъ дома въ кухню и изъ кухни обратно въ домъ, боязливо поглядывала на спускающееся ниже и ниже солнце. Оно сегодня быстрѣе обыкновеннаго прячется за вишни и развѣсистыя груши... свѣтитъ оттуда еще нѣсколько времени множествомъ сверкающихъ глазъ... и наконецъ его невидно... Покраснѣвшее на западѣ небо возвѣщаетъ конецъ дня. Стада шумно наполняютъ сельскія улицы. Жнецы слышны уже въ отдаленіи, и скоро ихъ голоса зазвучатъ у самихъ воротъ исправника:

Чужі папі, якъ пугачи,
Держать людеі до півночи,
А нашъ соловейко
Пускає раненько.....

Вдругъ раздается желанное и страшное для Степаниды Карповны слово: *Гости! гости!* сперва на дворѣ, потомъ въ передней и, наконецъ, въ комнатахъ. Она, съ нѣкоторымъ отчаяньемъ, но вмѣстѣ и съ сознаниемъ, что ни одна хозяйка не совершила

бы столько подвпговъ въ такое короткое время, запирается на-
крѣпко въ спальнѣ. Дѣвушки льютъ на нее холодную воду; дѣ-
вушки распускаютъ ей волосы и тутъ же сообщаютъ имъ, по-
средствомъ помады и гребенки, удивительный видъ. Что-то въ
родѣ утки съ растопыренными крыльями является надъ повели-
тельнымъ челомъ псправницы. Прозрачная черная наколка съ
зеленью въ видѣ какого-то кустарника довершаетъ уборку головы
ея, и всё это стóитъ ей не болѣе пяти-шести молчаливыхъ толч-
ковъ. Поднятое надъ нею двумя горничными платье съ шумомъ
окружаетъ ее своими складками. Дѣти не смѣютъ больше прика-
саться къ ней своими липкими руками, и сама прислуга посто-
ронилась далеко отъ барыни. Криволиивъ граціозно колеблется
подъ шумящимъ по полу шелкомъ.

Пока она одѣвалась, въ гостинную выбѣгали изъ спальни
черезъ дѣвпчью дѣти, по одному, по двое, а иногда и всѣ пя-
теро вмѣстѣ, и увѣдомляли гостей веселымъ крикомъ: «Узе мама
умылась!» «Узе мама надѣла криволиивъ!» и такъ далѣе. Гости,
двѣ старыя, но очень живыя дѣвы-сосѣдки, стараются поймать и
расцѣловать прелестныхъ малютокъ; но съ буйнымъ хохотомъ
мальчики и дѣвочки убѣгаютъ во внутреннія комнаты. Въ ожи-
даніи хозяйки, гости любятъ новыя литографіи, появивши-
мися на стѣнахъ у псправника, который очень любитъ портреты
въ генеральскихъ мундирахъ и не упускаетъ случая увеличить
свою коллекцію.

Наконецъ обѣ половинки двери изъ спальни въ гостинную
распахнулись. Въ пышномъ нарядѣ явилась Степанида Карповна,
какъ солнце въ радужныхъ облакахъ. Глубоко ненавидитъ она
пріѣхавшихъ сосѣдокъ, прозванныхъ Четотками за ихъ болтли-
вость и насмѣшливость; глубоко ненавидятъ ее пріѣхавшія сосѣд-
ки, за вѣчно новые и недоступные для нихъ наряды; но съ обѣ-
ихъ сторонъ раздаются радостныя восклицанія, какихъ вы не услы-
шите нигдѣ, при самой неожиданной встрѣчѣ друзей.

Степанида Карповна не получила никакого воспитанія и вовсе
не готовилась къ той роли, которую теперь играетъ въ уѣздѣ.
Сосѣдки, напротивъ, выросли въ богатомъ домѣ, среди большого
уѣзднаго свѣта, и при всякомъ случаѣ даютъ ей это чувствовать.
До сихъ поръ она подавляла ихъ только своими нарядами, но се-

годня настала новий періодъ ея жизни: сегодня Гаврило Петровичъ воротится въ назначенный заблаговременно часъ изъ Аскольдова и привезетъ домой дочь-институтку. Она уже получила извѣстіе черезъ нарочнаго, что они ожидаютъ съѣзда гостей въ ближайшемъ стану, чтобы поразить всѣхъ и новою каретою, и красотою воспитанной надиво дочки.

Не успѣла Степанида Карповна развѣяться привѣтствіями съ двумя первыми гостями, какъ прикатили *стрипчиге*, то есть стряпчій съ женою и тремя дочерьми-невѣстами. Еще не умолкли радостныя восклицанія по случаю приѣзда стряпчихъ, какъ явился Капитонъ Павловичъ Иволгинъ, содержатель станціи въ нашемъ уѣздномъ городѣ и душа нашего уѣзднаго общества.

Я пропускаю столько лицъ безъ подробной характеристики единственно потому, что мнѣ, какъ сосѣду и земляку всѣхъ ихъ, какъ-то неловко хвалиться ими передъ публикой; но не могу умолчать о Капитонѣ Павловичѣ. Онъ происходитъ изъ семейства, которое искони отличалось умѣньемъ составлять лестныя для себя знакомства и передало ему это качество въ числѣ другихъ наслѣдственныхъ даровъ. Никто въ уѣздѣ не знакомъ съ такимъ количествомъ генераловъ, графовъ и князей, какъ Иволгинъ. Въ послѣднее время онъ весь досугъ свой посвящалъ недавно возвратившемуся изъ столицы князю или графу, и уѣздное общество наше долго лишено было удовольствія видѣть его въ своемъ кругу. Барышни Чечотки разнесли при этомъ слухъ, будто бы онъ не выходитъ изъ своей *дѣтской*, какъ называетъ онъ, подъ веселый часъ, свою кладовую съ бочонками и сумеями, что съ горя онъ совсѣмъ опустился и одѣтъ всегда грязно, «какъ лакей». (Лакси, дѣйствительно, въ нашемъ уѣздѣ одѣты по большей части замѣчательно грязно, а въ томъ числѣ и у самихъ Чечотокъ). До какой степени справедливы были слухи объ Иволгинѣ, трудно сказать навѣрное. Извѣстно только, что въ послѣднее время онъ началъ знакомиться преимущественно съ учеными и литераторами, и очевидно открылъ для себя новый источникъ внутренняго довольства. Начали даже поговаривать, что Капитонъ Павловичъ самъ сочиняетъ стихи, но какъ они «содержанія національнаго», то онъ не всякому ихъ показываетъ, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе космополитовъ. Какъ бы то ни было, но физиономія Иволгина сіяла новымъ блескомъ, и еслибъ

ему не было пятидесяти лѣтъ (что, впрочемъ, онъ держитъ въ секретѣ), то можно было бы подумать, что онъ дожидается прелестной институтки съ какими-то неясными надеждами. Поглаживая свои густые, сѣрые усы, вовсе непохожіе на мышъ, какъ увѣряла насмѣшливыя барышни Чечотки, онъ подсѣлъ къ хозяйкѣ съ невданной доселѣ въ немъ величавостью и между прочими приятными рѣчами упомянулъ въ десятый разъ о своемъ знакомствѣ съ ученымъ профессоромъ, который преподавалъ въ Аскольдовскомъ институтѣ исторію и отзывался съ необыкновенными похвалами о mademoiselle Квачъ.

— Степаннда Карповна! говорилъ Иволгинъ, положи торжественно руку на сердце, — вотъ убей меня Богъ, если это не собственные слова его: »Сколько прелестна, столько же и умна!« Умноцъ у насъ довольно, слава Богу, прибавилъ онъ, взглянувъ не безъ свирѣпости на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми постоянно былъ въ ссорѣ, — но *прелестныхъ*... (тутъ онъ кашлянулъ и понизилъ голосъ) Господь какъ-то не вспомнилъ объ нашемъ уѣздѣ во время его сотворенія.

Обѣихъ сестеръ точно какъ-будто потрясло гальванизмомъ отъ этихъ рѣчей. Меньшая изъ нихъ, тонкая и блѣдная дѣвица съ острыми черными глазами, подпрыгнувъ на своемъ стулѣ, тотчасъ отрѣзала:

— Зато онъ одарилъ его дворянами, которые охотно постояли бы съ салфеткой за стуломъ у генерала, чтобъ только рассказать потомъ, о чемъ бесѣдовалъ у себя за обѣдомъ его превосходительство.

Съ сознаниемъ своего достоинства посмотрѣлъ на нее Иволгинъ и сказалъ:

— Инымъ-прочимъ, конечно, недоступно аристократическое общество, но между нами есть и такіе, которые сидѣли vis-à-vis съ фельдмаршалами.

— И которые теперь прислуживаются школьникамъ изъ мужиковъ, рѣзко замѣтила другая Чечотка, круглолицая и довольно прямодушная на видъ особа, съ голубыми, вѣкогда прелестными глазами и съ золотистыми, вѣкогда удивительными волосами.

Никто не понялъ этого намека: ни стряпчій, человекъ пронырливый по самой профессіи своей, ни его супруга, достойно раздѣлявшая съ нимъ его служебные заботы, а тѣмъ менѣе Сте-

панна Карповна, при всей своей гордости, довольно простодушная. Но Иволгинъ завертѣлся на своемъ стулѣ, какъ-будто его укололи въ самое чувствительное мѣсто. Дѣйствительно, ученый профессоръ, котораго знакомствомъ онъ такъ величался, былъ сынъ простого козака-хлѣбороба. Иволгинъ узналъ объ этомъ скандальномъ обстоятельстве отъ самого профессора, но утаилъ оно отъ всѣхъ, и теперь былъ въ совершенномъ неудомѣиіи, какимъ образомъ пронюхали его тайну барышни Четочки!

Вмѣсто всякаго возраженія, онъ величаво поправилъ на шеѣ новый, въ первый разъ надѣтый, галстухъ и обратился къ стряпчему, какъ-бы продолжая прерванный разговоръ:

— Дѣ, Никодимъ Трифоновичъ! я съ вами совершенно согласенъ, что нашъ уѣздъ начинаетъ замѣтно очищаться отъ всякой ветоши и украшаться личностями, достойными благороднаго дворянства. Но, впрочемъ, попадаетея иной разъ подъ руку такая ветошь, которой не сбудеши ни въ какомъ ветошномъ ряду.

Эти слова привели стряпчаго гораздо въ большее смущеніе, нежели тѣхъ, къ кому относились. Онъ подумалъ о своихъ дочеряхъ, которыхъ давно бы ужъ пора было сбыть съ рукъ, и невольно покраснѣлъ, что сообщилось и его супругѣ, а вслѣдъ за ней и всѣмъ тремъ дочерямъ.

Иволгинъ это замѣтилъ и, подобя къ старшей, которую, какъ онъ звалъ, прочли ему въ невѣсты, сказалъ, пріятно ослабивъ свою физиономію:

— Марья Никодимовна! позвольте мнѣ быть съ вами дерзкимъ!

Марья Никодимовна отвѣчала машпвально:

— Извольте!

— Мнѣ не безызвѣстно, что вы играете новую польку Шопена или Моцарта. Сыграйте намъ, осчастливьте наши уши!

Но польки рѣшительно нельзя было сыграть: къ подѣзду подкатила огромная кочъ-карега; изъ нея высыпалось множество дѣтей, начиная съ трех-лѣтнаго до тринадцати-лѣтнаго возраста, а вслѣдъ за ними и сама родительница ихъ, великолѣпнѣйшая изъ женщинъ, по выраженію Иволгина, который былъ въ нее нѣкогда влюбленъ и чуть было не застрѣлился, когда она вышла змужъ за другого, но раздумалъ и началъ пить. Великолѣпнѣйшая изъ женщинъ недавно овдовѣла, и съ того времени не разстается съ своими дѣтьми ни подъ какимъ видомъ, увѣряя, что

всѣ они—совершеннѣйшіе портреты покойнаго ея мужа. Ее пменно за то и уважали, что она необыкновенно нѣжна къ своимъ дѣтямъ.

Когда она заняла приличное ей мѣсто, Капитовъ Павловичъ, вспомнивъ старину, заговорилъ съ нею поэтическимъ языкомъ, который онъ усвоилъ себѣ съ недавняго времени, и распространился на счетъ какихъ-то унылыхъ чувствъ и соловьиныхъ пѣсень; но она перебила его рѣчь восклицаніемъ:

— Какъ-таки вы, Капитовъ Павловичъ, не боитесь Бога! Братъ мой Костя вчера пріѣхалъ изъ Полтавы, и съ него на вашей станціи взяли прогоны за тройку лошадей!

Иволгнѣ сваливалъ свою вину на писаря, но грудь великолѣпнѣйшей женщины волновалась негодованіемъ, и она прибавила:

— Съ того времени, какъ вы начали проводить по цѣлымъ днямъ у князя, вы на насъ, бѣдныхъ дворянъ, не обращаете вниманія.

Это была не болѣе, какъ острая шпилька, безъ которыхъ наши уѣздныя дамы никогда не входятъ въ общество. Надобно пожить между ними довольно времени, чтобы повяты вполне, что это за воинственный народъ. Многія изъ нихъ одарены самыми кроткими голосами, но вслушайтесь, какія тонкія, тонкія жала выпускаютъ онѣ другъ другу въ сердце, повидимому безъ всякаго намѣренія! Напримѣръ, госпожа Протазанова отзывается весьма благосклонно о блестящемъ воспитаніи нынѣшней молодежи и тутъ же прибавляетъ съ добродушной прямоюю:

— А мы съ вами, Степанна Карповна, въ шестнадцать лѣтъ едва читаютъ умѣли!

Степанну Карповну отъ этихъ словъ коробить, и отъ нея не ускользнулъ полувзглядъ, брошенный госпожей Протазановой на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми она состоитъ въ родствѣ и дружбѣ.

— Дѣ, сказалъ стряпчій, не успѣвшій дать своимъ дочерямъ никакого воспитанія, — это должно быть особенно пріятно для родителей, когда дѣти знаютъ то, о чемъ они и не слышали. Я бы желалъ хоть на старость поумнѣть въ просвѣщенной компаніи.

Хозяйка вертится, какъ муха въ кпяткѣ, но скрываетъ свое

свое смущеніе тѣмъ, что велитъ дѣтямъ сказать Пазькѣ, чтобъ подала варенье.

Горничная и вмѣстѣ ключница Пазька, въ нанковомъ поло- сатомъ платьѣ дудочкой и въ башмакахъ на босую ногу, подаетъ варенье на превосходномъ хрустальномъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого изъ гостей.

Хозяйка бросаетъ торжествующій взглядъ и думаетъ:

»Погодите, пріѣдетъ моя Инна.... Зададимъ мы балъ, — всѣхъ васъ уничтожимъ!«

Гости въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ больше прежняго уваженіе къ хозяйкѣ, оцѣнивая мысленно хрусталь и золоченныя ложечки подъ чернью; но никто не обращаетъ вниманія на сервизъ. (Мы ужъ усвоили себѣ аристократическую манеру — ничему не удив- ляться.) Только старшій сынокъ исправника, наслушавшись до- машнихъ толковъ о дорогой посудѣ, сказалъ:

— Это папенькѣ Мирскій изъ губерліи привезъ!

Мать ударила его за это разшитымъ душистымъ платкомъ, а гости значительно переглянулись, очень хорошо зная, что ис- правникъ спасъ Мирскаго отъ тюрьмы и Сибири.

Исправницкій сынокъ не совсѣмъ понялъ, за что его ударили, и, подойдя къ Иволгину, сказалъ въ полголоса:

— Мирскій прислалъ еще папенькѣ сѣраго жеребца.

На это Иволгинъ отвѣчалъ ему также въ полголоса:

— Хорошо, душенька! Когда ты вырастешь, то и тебѣ бу- дутъ дѣлать такіе подарки.

— Матюша! сказала рѣзкимъ голосомъ мать, — поди руки вы- мой: ты совсѣмъ запачкалъ Капитона Павловича. — Пазька! ты чего смотришь?

Матюша, глядя на свои грязныя руки, медленно вышелъ въ дѣвичью къ Пазькѣ.

III.

Возвращеніе институтки въ родной домъ.

Въ эту минуту на дворѣ раздался стукъ, непохожій ни на звяканье старосвѣтской коляски, въ которой пріѣхали барышня Чечотки, ни на тяжелый гулъ брички стряпчихъ, ни на дре-

безжанье и грохотъ огромнѣйшей кочъ-кареты Протазановыхъ, словомъ — ни на одинъ изъ тѣхъ знакомыхъ нашему слуху стуконъ, которымъ сопровождается появленіе гостей на нашихъ сельскихъ и хуторскихъ дворахъ. Какое-то ровное, благородное урчанье и щелканье сопровождало легкое потрясеніе почвы вдоль оконъ. Всѣ оживились, всѣ спѣшили къ окнамъ.

У подъѣзда блистала новая карета на лежачихъ рессорахъ. Изъ кареты вышелъ, съ помощью ливрейнаго лакея, исправникъ и, обратясь широкимъ своимъ тыломъ къ зрителямъ, подалъ руку пріѣхавшей съ нимъ дочери.

Чувство красоты доступно всякому, и въ красотѣ несомнѣнной, рѣшительной примиряются всѣ вкусы. Дочка исправника поразила наше общество удивленіемъ. Она дѣйствительно была прекрасна, и при этомъ въ ея лицѣ, манерѣ и самой одеждѣ было столько честной и кроткой простоты, что сама зависть должна была умолкнуть передъ нею, — по крайней мѣрѣ въ первую минуту встрѣчи.

Мать бросилась на крыльцо; за нею двинулись и гости, придавъ своимъ лицамъ возможно пріятныя выраженія.

— Нина! Ниночка! Ангелъ мой! раздавалось на крыльцѣ.

Сцена была трогательная, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ водится. А тутъ еще выбѣжали толпою меньшіе братья и сестры Нины и, вѣсивъ ей въ платье, требовали отъ нея самыхъ горячихъ поцѣлуевъ. Поцѣлуй были имъ розданы; дѣти кой-какъ отстали отъ нея и позволили ей бросить взглядъ на общество.

Дѣвочки Четочки очень церемоніально и съ чувствомъ своего достоинства напомнили ей о себѣ. Потомъ заключили ее въ обычныя при такихъ встрѣчахъ объятія. Ихъ поцѣлуй были очень громки, и обѣ онѣ казались взволнованными.

Тоже сдѣлала и госпожа Протазанова; тоже сдѣлалъ и стряпчѣ. Вышло какъ-то такъ странно, что всѣ гости представлялись ей, какъ старшей, и только успокоясь отъ перваго порыва удивленія и безотчетной радости, общество наше, размыслило что дѣло сдѣлано неловко, и всѣ молча были собой недовольны, — недовольны тѣмъ болѣе, что спокойный видъ Нины казался имъ выраженіемъ гордаго о себѣ мнѣнія.

Одинъ только Пюльгвинъ оказался человѣкомъ *comme il faut*. Дождавшись, пока толпа возвратится въ гостинную, онъ проспѣлъ

своего друга Гаврила Петровича представить его своей дочери, и потомъ очень удачно напомнилъ о себѣ Аннѣ Гавриловнѣ.

Она не узнала его, такъ онъ обрюзгъ и осунулся въ послѣднія восемь лѣтъ, но не дала ему этого замѣтить.

Тутъ Иволгину представился отличный случай распространить о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Нечаемъ.

Знакомое и, какъ видно, милое имя вызвало радостную улыбку на уста институтки; она даже немножко покраснѣла отъ этой неожиданности, что и было тотчасъ подмѣчено обѣими Чечотками.

Госпожа Протазанова не имѣла надобности быть проницательною, потому что отъ барышень Чечотокъ не укрывается ни одна тайна во всемъ уѣздѣ, а барышни Чечотки состоятъ съ нею не только въ родствѣ, но и въ тѣсной дружбѣ.

Молодой части стряпчихъ сдѣлалось почему-то очень неловко, и она съ удовольствіемъ уѣхала бы домой; но старая часть впилась глазами въ институтку съ какимъ-то помѣшательствомъ. По крайней мѣрѣ такъ казалось самой институткѣ.

Ей было тягостно въ родительскомъ домѣ среди этихъ гостей. Она воображала иначе возвратъ въ родную семью, къ тѣмъ лицамъ, которыя знала въ дѣтствѣ, къ тѣмъ предметамъ, которые какъ-то поэтически напечатлѣлись въ ея памяти. Ей бы хотѣлось броситься въ объятія матери и своихъ нянекъ безъ постороннихъ свидѣтелей, и потомъ обѣжать по-дѣтски весь домъ и садъ, и всѣ памятыя ей тропинки и уголки. Но теперь она была здѣсь, какъ чужая: столько глазъ было устремлено на нее съ невыносимой для нея пытливостью; столько лицъ окружило ее густой толпою; столько знакомствъ пришлось ей вдругъ возобновить послѣ долгаго пребыванія въ иномъ мірѣ вещей и понятій.

Самыя стѣны и мебель были не тѣ, которыя она знала въ дѣтствѣ. Ей было жалъ стараго, скромнаго домика и его убогой, но дорогой для нея, обстановки. Но исправнику и въ умъ не приходили подобныя сожалѣнія. Онъ тотчасъ повелъ ее въ комнату, отдѣланную собственно для нея. Вся толпа гостей съ хозяйскими дѣтьми и градаціею большихъ и малыхъ Протазановыхъ повалила за ними слѣдомъ. Анна Гавриловна благодарила отца, и тотъ поймалъ ея поцѣлуй своими толстыми губами, точно какой ловушкою. Мать при семъ удобномъ случаѣ бросилась цѣ-

ловать ее съ новою горячностью. Дѣти также повторили прежній манѣвръ; и Анна Гавриловна, послѣ ихъ усердныхъ объятій, не безъ сожалѣнія увидѣла на свѣтлой кисеѣ своего дорожнаго платья отпечатки ихъ рукъ.

— А что, дочко! сказалъ исправникъ, обнявъ своей жирной рукой ея тонкій, изящный станъ: — я говорю тебѣ, что теперь ты дома ничего не узнаешь!

— Ниночка моя! сказала съ другой стороны мать, — пойдемъ, я покажу тебѣ мою спальню и гардеробную.

— Веди ее, душа моя, къ себѣ, а я покажу гостямъ Ниночку карету, сказалъ исправникъ. — Это вѣдь ея карета: она давно была заказана къ ея выпуску.

Всѣ послѣдовали за исправникомъ смотрѣть карету, хотя вечеръ надвинулся темнѣе прежняго. За ними бросились и дѣти съ крикомъ: »Карлету, карлету смотрѣть!«

Сколько счастья устроено было родителями для милой дочери! Чего еще оставалось ей желать? Взявъ подъ руку свою дорогую Нину, исправница, съ торжествомъ въ душѣ, вела ее черезъ длинный рядъ комнатъ. Впереди шелъ ливрейный лакей, игравшій роль дворецкого, буфетчика, камердинера и чуть ли еще не постельничаго. Онъ отворялъ двери и отгонялъ толпу дѣвчонокъ и бабъ, тѣснившихся смотрѣть на барышню. Этотъ манѣвръ производилъ онъ съ такимъ успѣхомъ, что до сихъ поръ ни одна простонародная физиономія не оскорбила зрѣнія выхоленной въ институтѣ барышни. Нина не догадывалась, въ чемъ дѣло, и удивлялась только, что лакею открытъ свободный доступъ въ дамскую спальню. Но онъ прижалъ очень больно дверью спрятавшуюся дѣвчонку. Дѣвчонка, съ чулкомъ и прутками въ рукахъ, вдругъ запищала не своимъ голосомъ, и изъ дѣвичей, забывъ страхъ, бросились къ ней на помощь разныя служилыя личности. Это дало барышнѣ случай увидѣть вдругъ передъ собою цѣлое общество босоногихъ людей одного съ нею пола. Одѣтые очень убого и смиренныя видомъ, онѣ не осмѣлились подступить къ ней близко, и только издали кланялись. Но Нина, вовсе неожиданно для матери, обрадовалась чрезвычайно этимъ знакомымъ ей, только постарѣвшимъ, лицамъ и бросилась совершенно подѣтски ихъ цѣловать. Это были единственные памятники ея безопаснаго дѣтства. Они одни воскресили въ ней рядъ мел-

кихъ, но вѣчно дорогихъ воспоминаній. »Пазька! Улька! Палажка!« восклицала она, засыпаемая ихъ поцѣлуями въ лицо, въ плеча, въ руки.

Степанида Карповна боязливо оглядывалась, не видятъ ли этой сцены барышни Чечотки.

— Оставь ихъ, душенька! говорила она: — онѣ такія грязныя. — А вы что уцѣпилсь въ барышню? прикрикнула она на прислугу.

Но никто не слушалъ исправницы. Убогій и смиренный горничный народъ, почуявъ теплое человѣческое чувство въ барышнѣ, которой ожидали съ такимъ ирготовленьемъ, прильнулъ къ ней съ неспритворными, горячими слезами, — точно какъ-будто до сихъ поръ сидѣлъ въ безотрадной темницѣ и вдругъ увидѣлъ посреди себя свѣтлаго ангела. Невозможно выразить чувства, съ которымъ приняли эти бѣдные люди дѣтскіе поцѣлуи прелестной, блистательной институтки. Каждое сердце какъ-то болѣзненно и сладко повернулось, и слезы ихъ были иѣмыми жалобами на все, что они испытали въ послѣднія восемь лѣтъ исправничьяго благоденствія.

Степанида Карповна оцѣнила, однакожъ, привязанность своей прислуги къ барышнѣ, вовсе не предполагая, что въ ней чувствуетъ народъ противоположность старымъ господамъ, или по крайней мѣрѣ чувствуетъ этой противоположности. Она сама прослезилась и сказала:

— Ну, полно же вамъ, полно! Надобно и честь знать! Ато *коли медъ, такъ и ложкою.*

Ливрейный лакей также принялъ участіе въ трогательной сценѣ и, расталкивая густую толпу, сравнилъ ее очень выразительно съ свиньями, бросившимися къ корыту.

— Маменька! велите ему отсюда выдти! сказала жалобно Ниша.

— Ты здѣсь зачѣмъ? грозно обратилась исправница къ лакею, какъ-будто онъ никогда не входилъ въ спальню.

И ливрейный лакей, не показавъ никакого изумленія, вышелъ. За нимъ уплелись робко изъ спальни и прочіе захребетники, какъ-будто вдругъ сообразивъ, какъ далеко увлеклись они за предѣлы почтенія къ господамъ.

— Ниночка моя! сказала мать, отирая своимъ душистымъ

платкомъ слезы на глазахъ дочери, — ты этимъ чернавкамъ обрадовалась больше, чѣмъ мнѣ.

— Мама! отвѣчала дочь: — я до сихъ поръ не могу првдти къ себѣ: зачѣмъ вы назвали этихъ гостей?

— Дружечекъ мой! это всё наши близкіе сосѣди. Я хотѣла раздѣлнть съ ними нашу радость.

— Но папа мнѣ дорогою рассказывалъ, какіе они завистники и недоброжелатели. Онъ хвалилъ одного Пволгина, который, однакожь, мнѣ не нравится. Прежде онъ былъ не такой противный.

— У него, мой другъ, предоброе сердце, и знакомства у него всё такія прекрасныя. Ну, будь же веселѣе, моя Ниночка! покажи нашимъ сосѣдкамъ свое превосходство!

— Богъ съ ними! сказала дочь. — Я не хочу съ ними ни въ чемъ соперничать. Я бы желала только, чтобъ онѣ не смотрѣли такъ на меня. Скоро ли онѣ разъѣдутся, мама?

— Чтó ты, мой другъ Ниночка! Сегодня у насъ вечеринка. Еще подѣждутъ гости.

Ихъ разговоръ прервали гости, шумно возвращавшіеся въ комнаты. Ливрейный лакей подаль свѣчи въ тяжелыхъ повѣшенькнхъ подсвѣчникахъ, какихъ не было ни у кого изъ сосѣдей. Стряпчій не выдержалъ и подошелъ полюбоваться; но потомъ сказалъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, обращаясь къ Пволгину: »Мѣдь!«

Пволгинъ, какъ человѣкъ, вхожій въ аристократическое общество, объяснилъ ему, что это мѣдь очень дорогая и стóитъ массивнаго сребра, чѣмъ исправникъ остался очень доволенъ и объявилъ, что пора и намъ цѣнить вещи по работѣ, а не по матеріалу.

— Вотъ я купилъ для моей Нины въ Аскольдовѣ часы съ цѣпочкою, продолжалъ онъ. — Взять въ руку и взвѣсить — дрянъ. Привычная къ золоту рука тотчасъ сообразить, что тутъ золота... ну, пускай будетъ на десять полумперіаловъ, а заплатилъ я ровнѣшенько 200 цѣлковыхъ!

— А гдѣ же они, Ріля? спросила нѣжно исправница.

— Ну, вотъ поди съ твоею дочкою, Нидя! отвѣчалъ нѣжно мужъ: — пожалѣла надѣтъ въ дорогу!

Гости улыбнулись простодушню институтки. А исправникъ досталъ изъ кармана футляръ съ часами и распустилъ сверкающую передъ завистливыми глазами гостей золотую цѣпочку.

— Тутъ уже Никодимъ Трифоновичъ не скажетъ *млъдь!* замѣтилъ онъ, глядя съ самымъ счастливымъ смѣхомъ на стряпчаго.

— Суета суеть! отвѣчалъ, вздыхая, стряпчій.

Нина, по настоянію отца, должна была надѣть на себя часы, и по этому поводу онъ поймалъ еще одинъ ея поцѣлуй своими жирными губами.

Вдругъ подъ окнами раздался конскій топотъ, стукъ экипажа и голосъ кучера. Иволгинъ взглянулъ въ окно и опрометью бросился изъ гостиной. Нѣсколько голосовъ въ одно слово сказали: »Михайло Андреевичъ!« Видно было, что гость, означенный этимъ именемъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Исправникъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ты, душенька, помнишь Михайла Андреевича? спросила Степаньда Карповна у дочери.

Дочь отвѣчала, что къ ней и въ институтъ доходили объ немъ слухи, какъ объ очень умномъ и почтенномъ человѣкѣ.

— Нашъ профессоръ Нечай знакомъ съ нимъ, прибавила она.

При этихъ словахъ, Богъ знаетъ почему, на щекахъ ея заигралъ легкій румянецъ. Барышни Чечотки, сидя подлѣ госпожи Протазановой, толкнули незамѣтнымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ сію великолѣпную женщину. Но институтка спокойно продолжала:

— Отзывъ такого человѣка, какъ Нечай, очень для меня важенъ, и я въ восхищеніи отъ сосѣдства Конашевича. Нечай называетъ его человѣкомъ рѣдкимъ по уму и по сердцу.

— А самъ Нечай хорошъ собою, молодъ? спросили Нину по-стѣвбурски.

Нина поняла смыслъ вопроса и отвѣчала спокойно:

— Красота и молодость не главные его достоинства. Моя наставница указывала намъ на него, какъ на образецъ хорошаго тона.

Поняли и барышни Чечотки отвѣтъ Нины, и почти въ одно слово сказали:

— Это странно слышать о козацкомъ сынѣ!

Но тутъ исправница, глядя въ окно, сказала:

— Кого жъ это привезъ съ собой Михайло Андреевичъ? Кого-то незнакомаго!

Всѣ бросились къ окнамъ смотрѣть, но никто не узнавалъ молодого господина въ сѣромъ пальто и въ сѣрой круглой шляпѣ,

который, выйдя изъ брички, здоровался съ Иволгинымъ. Къ счастью, ни барышня Четочки, ни Протазанова и никто въ эту минуту не оглянулся назадъ, ато бы они увидѣли, какъ инстигутка, завидѣвъ издали сѣрую шляпу съ черными, падавшими изъ-подъ ней волосами, горячо покраснѣла. Но яркій румянецъ погасъ на ея щекахъ прежде, нежели гости и ея маменька вернулись къ своимъ мѣстамъ.

IV.

Возобновленіе стараго знакомства.

Михайло Андреевичъ Конашевичъ, высокій старикъ съ сѣдыми кудрявыми волосами и благосклоннымъ выраженіемъ лица, подвелъ къ хозяйкѣ своего хорошаго знакомаго, профессора Нечая. »Вотъ легокъ на помпѣ!« чуть чуть не вскрикнула исправница въ порывѣ простодушія, и едва проговорила сквозь зубы, что очень ему рада. Зато мужъ объявилъ громко и какъ-бы официально, что господинъ профессоръ дѣлаетъ ихъ дому честь.

— Я зналъ, что онъ у тебя будетъ, да нарочно не говорилъ, сказалъ Иволгинъ на ухо исправнику, хотя это было вовсе не правда.

Исправникъ съ чувствомъ пожалъ Иволгину руку.

Анна Гавриловна встрѣтила своего бывшаго наставника съ простою радостью ученицы, безъ всякаго видимаго волненія.

Нечай, сѣвъ подлѣ нея, объяснилъ, что, захвавъ къ Михайлу Андреевичу, онъ засталъ его наготовѣ ѣхать въ Буртнице, куда его просили по одному торжественному случаю. Онъ очень обрадовался, узнавъ, что этотъ торжественный случай былъ ея пріѣздъ, и просилъ Михайла Андреевича взять его съ собою.

Все общество вслушивалось съ напряженнымъ вниманіемъ въ разговоръ молодыхъ людей, и сама хозяйка едва отвѣчала на вопросы подѣшшаго къ ней Михайла Андреевича, котораго посѣщенія были для нея большою рѣдкостью.

Нечай очень понравился всѣмъ присутствующимъ, не смотря на дворянское противъ него предубѣжденіе. Только Протазанова находила, что онъ, для полнаго очарованія не довольно высокъ

ростомъ. Чтѣ касается до барышень Чечотокъ, то онѣ внутренно паумлялись, какъ это отъ простыхъ козаковъ, которые вѣчно возятся съ плугомъ и волами, могъ прозойти такой приличный джентельменъ. Но меньшая замѣтила Протазановой потихоньку, что въ его манерахъ, не смотря на хорошій тонъ, замѣствованный въ знатномъ кругу, всё-таки осталось что-то мужиковатое, и Протазанова, какъ всегда и во всемъ, согласилась съ нею.

Иволгинъ очевидно гордился новымъ своимъ знакомымъ и старался позабыть, кто его родители.

Стряичій удивлялся, что ученый профессоръ п челоувѣкъ, принадлежацій къ генеральскому кругу, говоритъ такъ просто и даже вмѣшываетъ въ свою рѣчь украинскія шутки; а жена его готова была принять эту послѣднюю особенность городского гостя за насмѣшку надъ ея необразованными дочерьми, которыя изо всѣхъ свѣль старались выбиться изъ мужицкой рѣчи, какъ называли они родной языкъ свой, но никакъ не могли выбиться, и потому въ гостяхъ большею частью молчали. Старшая дочь ея досадовала на безпрестанно пріѣзжающихъ гостей: ей очень хотѣлось щегольнуть своимъ недавними успѣхами въ музыкѣ. на зло барышнямъ Чечоткамъ, которыя музыки не знали. Замѣчу кстати, что отецъ ихъ, разбогатѣвъ на должности стряпчаго, рѣшился поправить недостатокъ воспитанія дочерей дорогимъ роилемъ. и онѣ всѣ трое принялись за музыку съ ожесточеніемъ, выпрая въ жертвы своего искусства самыхъ знаменитыхъ композиторовъ.

Присутствіе Нечая преобразило Нину въ глазахъ всего общества. При немъ она почувствовала, что она у себя дома и, какъ будто позабывъ обо всѣхъ окружающихъ, передала ему свои дорогие наблюденія надъ людьми, которыхъ столько лѣтъ не видела изъ своей институтской кѣтки. Веселая рѣчь ея была направлена чѣмъ-то въ родѣ насмѣшливости, потому что встрѣчные купцы, помѣщики, попы съ ихъ многочисленными попадьятами и украинскіе ямщики съ ихъ замѣстованнымъ ухарствомъ бросались ей въ глаза своей комической стороною. Нечай смѣялся, но тутъ же ей замѣтилъ, что она еще не видитъ внутренней связи и причинъ всѣхъ этихъ явленій, ато бы ей было не до шутокъ, и хотѣлъ было рассказать одинъ случай, въ которомъ смѣшное на взглядъ дѣлалось печальнымъ въ глазахъ внимательнаго наблюдателя, какъ въ эту самую минуту передъ нимъ явилось нѣчто

и смѣшное, и печальное. Какая-то грузная мужская фигура, въ военномъ сюртукѣ стараго покроя, въ которомъ талія приходилась на лопаткахъ, приблизилась къ Нинѣ и, прогремѣвъ слова: „Любезнѣйшая племянница“, обняла ее предплечьями руками въ складкахъ и напечатлѣла на ея щекѣ громкій родственный поцѣлуй.

Институтка была оглушена этимъ привѣтствіемъ; но дядя Антонъ Петровичъ, по прозванію Мотузокка, не далъ ей опомниться отъ изумленія и пихнулъ къ ней (по крайней мѣрѣ ей такъ показалось) какую-то даму, тоже довольно грузную и накрытую желтою шалью.

— Это моя жена, дружочекъ Нина! сказалъ онъ: — не та, которая некла тебѣ изъ тѣста голубковъ, а другая, или лучше сказать, третья, — такой же ангелъ, какъ и двѣ первыя. Всѣ три жены у меня вышли сущими ангелами, дружочекъ Нина.

Между тѣмъ ангелъ во плоти, накрытый желтою шалью, купленною къ вѣнцу еще для первой невѣсты Антона Петровича, расцѣловалъ свою родственницу, какъ только было возможно радушиѣе.

Казалось, этого двойного приступа было бы совершенно довольно; но вѣжные супруги разступились и открыли за собою цѣлый строй своихъ любезныхъ чадъ, которыя бросились осыпать институтку самыми нештовыми поцѣлуями. Антонъ Петровичъ, стоя въ сторонѣ, прилагалъ отъ себя къ каждому лицу комментарий:

— Это моя дочка, Даря, отъ первой моей супруги, Федосіи Ивановны. Она къ тебѣ бѣгала въ дѣтствѣ еще безъ пояска. Это другая моя дочка, Катя, отъ первой же моей супруги — упокой Господи ея душу! Ты, бывало, дразнишь ее замарашкою. Это третья моя дочка, Анюта, твоя тезка, уже отъ второй моей супруги, которая была такой же ангелъ, какъ и первая. При тебѣ она еще только начинала ходить. Это четвертая моя дочка, Параскевія, тоже отъ второй моей супруги. Она родилась въ тотъ самый день, какъ тебя повезли въ Аскольдовъ. А это сыночекъ мой, Федя, также отъ второй супруги. Онъ, бѣдняжка, и груди материнской не сосалъ. Поди, Федя душенька, ко мнѣ: я тебя поцѣлую. А это опять дочка, Настенька, уже отъ третьей моей су-

пруги, Ульяны Павловны, моего ангела-хранителя. Да еще дома осталось двое маленькихъ, близнецовъ. Ихъ принесутъ сюда къ матери покормить, какъ проснутся. Мы провели цѣлый день на нивѣ. Я сегодня и въ судъ не ѣздилъ. Погода удивительная! (эти слова относились ужъ ко всѣмъ вообще присутствовавшимъ). Тихо да любо въ полѣ! Жито такъ и звенитъ на серпахъ. (Тутъ онъ ударилъ по плечу старшаго брата). А жнецы мои надъ твоимъ полемъ смѣялись, Риля! Пѣли, что оно задремало стоя и что серпы у тебя лубяные.

— А тебѣ, Тоня, и не стыдно, что надо мною твои мужики смѣются? отвѣчалъ исправникъ. — Постои, братику, я имъ покажу при случаѣ, что у меня не лубяное.

— Ну, этого-то я тебѣ, Риля, не позволю, хоть ты и старшій братъ, отвѣчалъ спокойно Тоня. — Изъ пѣсни слова не выкидать, а домочадцевъ моихъ я и самъ съумѣю наказать, когда нужно.

— Да Богъ съ ними! сказалъ добродушно исправникъ: — съ голаго ничего не возьмешь.

Здѣсь кстати замѣтить, что крестьяне Антона Петровича считались самыми убогими въ уѣздѣ, — на томъ основаніи, что онъ всѣхъ ихъ обратилъ въ дворовые и выдавалъ имъ хлѣбъ изъ собственной печи. Но сосѣди не выкакали во внутреннія побужденія Антона Петровича, который называлъ крестьянъ своими домочадцами, какъ никто во всемъ уѣздѣ, а бѣдность поддерживалъ между ними, какъ противодѣйствіе пьянству и другимъ вреднымъ порокамъ.

— Удивительно, право, говорилъ онъ, обращаясь ко всему обществу, — какъ эти мужики ловко складываютъ свои пѣсни! Оно и глупо, какъ розобрать хорошенько, а слушаешь — и пріятно! Я вотъ въ судѣ, отъ нечего дѣлать, пробовалъ сложить что-нибудь про вишневый садъ, или тамъ про долю, какъ они поютъ, — нѣтъ, вѣдь ничего не выходитъ. А, кажется, владѣя русскимъ языкомъ, можно бы сложить получше этой хохлячкины.... На все отъ Бога талантъ: и птичка поетъ — никто ей не учитъ.

Я уже сказалъ, что Антонъ Петровичъ отличался отъ братьевъ самоуглубленіемъ. Натура у него была дѣйствительно философская, ровная и невозмутимая. Иволгпнъ, по своей склонности къ смѣ-

хотворству, часто рассказывалъ объ немъ забавные анекдоты въ его же присутствіи. Антонъ Петровичъ не сердился за это несколько и, похлопывая Иволгина по плечу, говорилъ: »Какой, право, вы шутникъ, Капитонъ Павловичъ!« Впрочемъ онъ рѣшительно отвергалъ, будто бы не заплатилъ ничего городовому врачу, который ѣздилъ къ нему цѣлый мѣсяцъ лечить ангела жену его. По разсказу Иволгина, Антонъ Петровичъ, заѣхавъ къ доктору изъ суда, сказалъ: »За то, что вы вылечили мою жену, я васъ приглашу къ себѣ обѣдать,« и тутъ же обратился къ Иволгину: »А васъ приглашу за то, что вы привезете его ко мнѣ и доставите въ городъ обратно.« Напротивъ, Антонъ Петровичъ утверждалъ, не придавая впрочемъ этому никакой важности, что онъ предлагалъ доктору для охоты отличныя ботфорты, доставшіяся ему въ числѣ военной добычи въ 1831 году, но что докторъ самъ отказался отъ подарка.

Когда Пазька приготовила гдѣ-то въ другой комнатѣ и принесла гостямъ чай на велколѣнномъ подносѣ накладного серебра, въ залѣ раздался громкій и ровный стукъ, какъ отъ марширующаго солдата, и показалась новая чета Квачей, но уже безъ юныхъ своихъ отраслей, потому что молодая супруга Петра Петровича Злодія собственныхъ дѣтей еще не имѣла, а тѣхъ, которыхъ застала въ его домѣ готовыми, сослала въ заточеніе на кухню. Это была чета, на которую стоило полюбоваться. Петръ Петровичъ имѣлъ въ своей фигурѣ что-то геройское. Даже въ церкви онъ становился всегда у самихъ царскихъ вратъ и не иначе, какъ выставя впередъ ногу и почти подбоченясь. По его благородному и властительному виду, его бы слѣдовало прозвать Завоевателемъ, а не Злодіемъ; но сіе послѣднее названіе утвердилось за нимъ уже до такой степени, что и его потомковъ будутъ звать Злодіенками. Любо было взглянуть, какъ онъ подошелъ къ племянницѣ и поцѣловалъ ее сперва въ руку, а потомъ въ щеку. Можно было подумать, что онъ только вчера снялъ съ себя эполеты. Чтó ни говори, а такое ремесло, какимъ занимался Петръ Петровичъ, придаетъ человѣку что-то молодецкое, и нечему дивиться, если хорошенькая дѣвица Потрибенькина, нынѣшняя его супруга, увлеклась нѣжною къ нему склонностію. Она явилась дамой совершенно приличною. Даже долгое пребываніе на знойной ипѣ не помрачило ея кожи, которой сіяющій цвѣтъ чудесно сплывался

съ золотомъ ея густныхъ волосъ и возвышалъ красоту голубыхъ ея глазъ, нѣжно глядящихъ на супруга. Петръ Петровичъ и по костюму своему принадлежалъ къ высшему разряду уѣздныхъ дворянъ: ухаживая за невѣстой, онъ возобновилъ весь гардеробъ свой и рѣзко отличался отъ обоихъ братьевъ, которые, впрочемъ, нисколько ему не завидовали, такъ какъ старшій, Гаврило, любилъ платье мѣшковатое, а средній, Антонъ, всему на свѣтѣ предпочиталъ военную униформу пазъ нарочито крѣпкаго и носкаго сукна. Жена Петра Петровича была тоже одѣта, какъ куколка. Счастье первыхъ мѣсяцевъ супружества сіяло на обоихъ лицахъ.

Между тѣмъ, какъ Петро Петровичъ представлялъ свою молодую жену племянницѣ съ почтительно-ловкимъ поклономъ, Иволгинъ, стоя за стуломъ у профессора Нечая, сказалъ ему потихоньку:

— Это у насъ первый воръ въ уѣздѣ.

— А кто второй? спросилъ Нечай.

— Второй — старшій братъ его.

На это Нечай отвѣчалъ:

— Я воромъ называю всякаго, кто не хочетъ подуматъ, честными ли средствами онъ живетъ на свѣтѣ....

Но Иволгинъ его не понялъ и остался очень доволенъ интимною бесѣдою съ профессоромъ, которая была замѣчена всею честной компаніей.

— Какой умница этотъ Нечай! сказалъ онъ, подойдя къ Михайлу Андреевичу, котораго онъ очень уважалъ за тысячу незаложенныхъ душъ и за то, что у него можно было выманить денегъ взаимы.

— А что? спросилъ тотъ, глядя на него съ холодной благоклонностью, извѣстной всему уѣзду.

— Онъ тотчасъ опредѣлялъ, что за лицо нашъ Петро Петровичъ.

Михайло Андреевичъ улыбнулся, какъ человѣкъ, невѣрящій тому, что слышитъ; но, по своему обычаю, удержалъ свою мысль про себя.

Это была одна изъ личностей, рѣдко встрѣчающихся въ уѣздой глуши. Приготовленный воспитаніемъ для дѣятельности на аренѣ обширной, онъ запертъ былъ нѣкоторыми обстоятельствами въ тѣсный кругъ уѣздныхъ помѣщичьихъ интересовъ и всю жизнь

чувствовалъ себя уединеннымъ посреди шумящаго хуторскаго общества. Онъ не встрѣтилъ здѣсь людей, достойныхъ душевнаго съ ними сближенія, и потому былъ ко всѣмъ равно близокъ и равно далекъ. Онъ дѣлалъ многимъ добро, хотя очень хорошо зналъ людскую неблагодарность. Онъ не чуждался уѣзднаго общества вообще, хотя мало находилъ въ немъ людей честныхъ. Онъ не вооружался противъ злоупотребленій такихъ людей, какъ исправникъ, зная по опыту, что дворяне его не поддержать и выберутъ на слѣдующій срокъ того же самого Гаврила Петровича, или Пвана Ивановича, или Семена Семеновича, котораго поступки онъ пробовалъ разоблачать до послѣдней наготы ихъ. Все перепробовавъ, обо всемъ передумававъ въ долгомъ своемъ уединеніи, Конашевичъ сдѣлался наконецъ молчаливымъ зрителемъ того, что передъ нимъ происходило. Онъ отводилъ душу обширнымъ чтеніемъ по разнымъ отраслямъ знаній человѣческихъ да перепискою и изрѣдка свиданіемъ съ такими людьми, какъ введенный имъ въ домъ исправника Нечай.

Молодые люди, знакомые между собой въ иномъ кругу и въ иной сферѣ общественныхъ интересовъ, очутились вдругъ подъ надзоромъ множества глазъ, ловившихъ всякое ихъ движеніе съ тою неотвязчивостью, которую можетъ родить одна пустота помѣщичьей жизни. Имъ бы хотѣлось переговорить о многомъ вдали отъ постороннихъ ушей, но они были окружены со всѣхъ сторонъ родными и сосѣдями, точно картина на выставкѣ. Положеніе ихъ дѣлалось невыносимо тягостнымъ. Но ихъ выручила наконецъ Степанида Карповна, сгравшая нетерпѣніемъ показать превосходство своей дочери предъ всѣми сосѣдними барышнями.

— Нина дружочекъ! сказала она, — сыграй намъ что-нибудь.

— Охотно, отвѣчала дочь, — но не разстроены ли у васъ рояль?

— Какъ это можно? Вчера нарочно послали въ городъ за настройщикомъ. Да я рѣдко кому и позволяю играть на немъ. У насъ тутъ проявился одинъ такой музыкантъ, что разбиваетъ сразу хоть какой инструментъ. «Я, говоритъ, подражаю Листу!» Богъ съ тобой и съ твоимъ Листомъ! Третьяго дня онъ былъ у насъ; такъ я и не показала ему твоего рояля; сказала — ключъ потеряли. Пазька, а подай ключъ отъ рояля!

Пазька знала, гдѣ хранится всякая мелочь въ домѣ, и въ ту же минуту принесла ключикъ.

Все общество перешло въ залу, за исключеніемъ задумчиваго Михайла Андреевича, любившаго слушать музыку пздамп. Нечай помѣстился подлѣ виртуозки, чтобы переворачивать ей нотные листы, и не догадывался, какъ это было досадно Иволгину, который выдавалъ себя за знатока музыки.

V.

Торжество исправника и исправницы.

Нина спросила свою тетрадь нотъ въ черномъ футлярѣ, и вскорѣ исправничья зала наполнилась чистыми, задумчивыми звуками, которые на нѣкоторыхъ, и въ особенности на дѣтей. сдѣлали такое впечатлѣніе, какъ-будто въ залѣ нкого не было, кромѣ очаровательной музыкантки, задумавшейся надъ роялемъ. Въ самомъ дѣлѣ, душа Нины полна была грустныхъ думъ и чувствъ, которымъ одно присутствіе неожиданнаго гостя не давало перейти въ безотрадную горестъ. Она думала о богатствѣ своего отца, которое озадачло ее съ той самой минуты, какъ получила она отъ него, при выпускѣ изъ института, нѣсколько коробовъ, коробковъ и коробочковъ, наполненныхъ роскошнымъ бѣльемъ, нарядами и драгоценностями, надъ которыми разъежались ея подруги и классныя дамы. Изъ чтенія и изъ бесѣдъ съ такими людьми, какъ Нечай, она получила невыгодное понятіе вообще о членахъ земской полиціи, богатѣющихъ скрытыми отъ общества средствами. Ее часто занимала мысль: каково-то подвизается ея отецъ въ должности исправника? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ были его великолѣпные подарки, по случаю ея выпуска. Ей было стыдно передъ самой собою, когда она вообразила, что все это было результатомъ такихъ сценъ, какія она читала у журнальныхъ обличителей беззаконія, облеченнаго въ форму законности. Но она успокоила себя мыслью, что отецъ, вѣроятно, много лѣтъ копилъ остатки своего жалованья, чтобы порадовать любимое дитя блестящими игрушками. Великолѣпная карета со множествомъ сундуковъ и вкладокъ полуразрушила ея успокоительныя размышленія, а счастливый отецъ, не подозревая, что дѣлается въ

душѣ прелестной дочки, всю дорогу твердилъ ей, съ природнымъ своимъ добродушіемъ. что она теперь не узнаетъ своего дома. Въ самомъ дѣлѣ она нашла всю обстановку домашняго быта своихъ родителей далеко не тою, какую сохранила въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Только закулисный штатъ горничной прислуги оставался все такимъ же убогимъ и смиреннымъ, какимъ она его оставила. Блестящіе на стѣнахъ обои и шелкъ на неуклюжей мебели, своею разпительной противоположностью, дѣлали эту убогую толпу еще бѣднѣе, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ; а множество морщинъ, прибавившихся на постныхъ лицахъ кормилицы и нянекъ Нины, были для ея любящей и симпатичной души вопіющими письменами, по которымъ она читала исторію быстро возрастающаго благоденствія своихъ родителей. Обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ думала наша институтка, и грустныя думы ея отразились въ музыкѣ. Въ ея игрѣ слышался голосъ тоскующаго ангела, обзрѣвающаго смущеннымъ взоромъ страшныя вертепы, въ которыхъ толпится, въ грустномъ безпорядкѣ, Божій народъ, не зная, какъ найти выходъ.

Этому впечатлѣнію грусти не поддались однѣ только дочери стряпчаго, у которыхъ въ ушахъ звучали пьесы, недавно разученныя ими подъ руководствомъ свирѣлаго подражателя Листа. Все остальные слушатели, каковы бы ни были у нихъ сердца, почувяли въ музыкѣ Нины что-то какъ-будто давно знакомое, родное, и конечно никому не приходило въ голову, что все они — и Гаврило Петровичъ, пристрастившійся къ роскоши, и Антонъ Петровичъ, обратившій своихъ крестьянъ въ домочадцевъ, безъ всякихъ правъ собственности, и Петро Петровичъ, считающій все то дозволеннымъ, чего не въ силахъ преслѣдовать законъ, спутанный такими господами, какъ его братецъ, и стряпчій, и барышни Четочки, и все до единого — были взлелѣяны, въ нѣжномъ, неповнномъ дѣтствѣ, подъ музыкальнѣйшія въ мірѣ, подъ самыя поэтическія въ мірѣ, украинскія пѣсни. Не подозревая, что значитъ и откуда происходитъ одолеваящая его какая-то тоска, Антонъ Петровичъ, разставивъ ноги и повѣсивъ голову, припался отъ всего сердца плакать, и напоминалъ въ этомъ положеніи быка на такъ называемомъ *рѣвищѣ* (1), гдѣ флегмати-

(1) *Рѣвищемъ* называется мѣсто, черезъ которое быки и коровы не мо-

ческое животное вдруг останавливается, роетъ рогами землю и жалобно рычитъ, само не зная, чего. Прочіе также были болѣе или менѣе тронуты; но какъ Иволгинъ, подмѣтя слезы Антоны Петровича Мотузочки, сдѣлалъ нѣсколько искусныхъ гримасъ, то барышни Чечотки первыя, а за ними Протазанова и другіе, начали осторожно смѣяться. Только отецъ и мать музыкантки ничего не видѣли и не слышали, и отъ всей души предались родительскому восторгу.

— Но истиннѣ скажу, возвысилъ голосъ Иволгинъ, когда Анна кончила, — что вы, Анна Гавриловна, играете никакъ не хуже нашей губернаторши.

Тутъ онъ гордо посмотрѣлъ на все свое общество, потому что одинъ онъ былъ знакомъ съ «начальницею губерніи» домашнимъ образомъ. (Исправникъ тоже зналъ ее лично, но состоялъ съ нею въ оффиціальныхъ отношеніяхъ).

— Это, скажу вамъ, дама — цвѣтъ и украшеніе аристократическаго круга, продолжалъ Иволгинъ. — Надобно, непременно надобно васъ представить ей, Анна Гавриловна! Недавно я былъ въ губернскомъ нашемъ городѣ... Встрѣтила меня съ радостнымъ лицомъ: «Посмотрите, говоритъ, любезнѣйшій Капитонъ Павловичъ, какую брошку пожаловала мнѣ великая княгиня.» Въ самомъ дѣлѣ, брошка дивная. Но я говорю ей: «Ваше превосходительство, вы слишкомъ низко изволили приколотъ ее: она выше будетъ имѣть другой видъ», и тотчасъ приколотъ ей, какъ слѣдуетъ.

На этотъ разъ Иволгинъ показался институткѣ пьянымъ, и она боязливо попыталась отъ него назадъ. Это движеніе было тотчасъ замѣчено барышнями Чечотками, и онѣ, отойдя въ уголокъ съ Протазановой, смѣялись отъ всей души, присовокупляя къ разсказу Иволгина какія-то объясненія.

Такимъ образомъ вечеръ проходилъ въ невинныхъ семейныхъ удовольствіяхъ, и если кто не принималъ участія въ общей радости, такъ это старшая дочь стряпцаго, которой не удалось показать свой музыкальный талантъ на новомъ роялѣ, выписанномъ изъ Петербурга. Для нея рояль заказывалъ въ губернскомъ городѣ услужливый подражатель Листа. Инструментъ вышелъ отъ

гуть пройти равнодушно, почуявъ недавно, а иногда и давно пролитую кровь.

личной прочности, такъ что никакія руки не были для него страшны; но всё же вещь петербургская имѣетъ что-то обаятельное для провинціальныхъ глазъ. А главное — надобно было поразить барышень Чечотокъ, которыя очень тонко и зло смѣялись надъ стряпчими барышнями, что онѣ еще недавно сами бывало жнуть у себя на нивѣ, вмѣстѣ съ своею маменькою, дочерью убогой вдовы-попады. Еслибъ Чечотки смѣялись не такъ тонко, то нашлись бы стряпчанки, какъ отвѣчать имъ, и выставили бы имъ на видъ, что лучше собственными руками жать на нивѣ, чѣмъ перехватывать чужія письма и писать подъ чужую руку отвѣты. Вступились бы они и за свою маменьку, сказавши, что хотя она и простая женщина, но зато не рѣзала кость дѣвушкамъ, которыя ничѣмъ не хуже ихъ, Чечотокъ. Много бы сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженій излилось изъ устъ молчаливыхъ стряпчанокъ на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онѣ владѣли въ совершенствѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что, съ одной стороны, старыя дѣвы клевали ихъ въ сердце очень искусно, а съ другой — надобно было возражать имъ на языкѣ иностранномъ, руссійскомъ, который употребляется нашими невоспитанными въ пансіонахъ панночками только по праздникамъ, когда къ нимъ являются изъ уѣзднаго суда подражатели Листа, или армейскіе офицерки, скучающіе до сумасшествія посредн простолюдиновъ. Старшая стряпчанка была въ этотъ вечеръ истинная страдалица; да и все семейство стряпчихъ какъ-то приуныло, увидѣвъ, что Пвогпизъ все свое вниманіе и угодлиность посвящаетъ новой царпцѣ красоты, дочери исправника. Что касается собственно стряпчаго, то онъ грустилъ еще больше оттого, что невозможно было составить пульку, такъ какъ исправникъ никогда не смѣлъ развернуть зеленого стола въ присутствіи Конашевича, зная, что онъ тотчасъ уѣдетъ. Но Конашевичъ и безъ того ужъ засидѣлся: визиты его рѣдко бывали такъ продолжительны. Онъ всё поглядывалъ на своего гостя, Печая, и очевидно, для него только оставался въ этой толпѣ долѣе обыкновеннаго; а когда увидѣлъ, что Печай слишкомъ дорогою цѣною покупалъ удовольствіе видѣть свою ученицу, онъ перекинулся съ нимъ парюю словъ, и оба взяли за шляпы. Ихъ, по обычаю нашей уѣздной жизни, упрашивали остаться, если не для нихъ, то для ужина; но оба они оказались людьми неужинающими, хватиться больше бы-

ло не за что, и хозяева, такъ сказать, выпустили изъ рукъ ихъ помы.

— Непремѣнно, непремѣнно завтра къ вамъ, Михайло Андреевичъ! сказалъ прощаясь исправникъ и проводилъ гостей на крыльцо, въ сопровожденіи своихъ малютокъ, которыя, вооружась кусками хлѣба, намазаннаго масломъ, желали посмотрѣть на лошадей.

— Отчего это, папа, спросилъ старшій сыпокъ, — у насъ тысячи душъ иѣту, а лошади лучшія и экипажъ лучшій, и кучеръ нашъ въ золотомъ поясѣ?

— Оттого, мой другъ, отвѣчалъ добродушно исправникъ, — что я служу, такъ начальство меня награждаетъ.

— И я буду исправникомъ, папа!

— Учись, душевѣнка, такъ и ты будешь исправникомъ.

— Я куплю себѣ такую карлету, какъ у Нины, и всё буду въ карлетѣ сидѣть!

Исправникъ поднялъ и расцѣловалъ своего любимчика.

VI.

Родители и гости озабочиваются будущностью институтки.

— Отчего ты такъ молчалива, Ниночка? спрашиваетъ исправника у своей дочери съ такимъ вѣжливымъ участіемъ, къ какому только была способна ея въ самомъ дѣлѣ чадолюбивая душа.

Что было отвѣчать на это Нинѣ?...

— Я всегда такъ, маменька, отвѣчаетъ она.

Но это была неправда, и какая неправда! Еще такъ недавно она была оживлена присутствіемъ дорогого для нея гостя, и только съ его удаленіемъ сдѣлалась молчалива.

Нина была очень дружна съ Нечаемъ. Это значитъ, что она его любила подъ видомъ дружбы. Но ей не приходило въ голову, чтобъ ихъ отношенія могли перейти въ болѣе близкія. Она всё еще смотрѣла на него, какъ на наставника, и гордилась его вниманіемъ, которое дѣлила очень высоко. Еслибъ она знала, что у него давно живетъ въ душѣ желаніе присвоить ее себѣ на всю жизнь, во сколько разъ она была бы теперь счастливѣе! отъ какихъ тяжкихъ мукъ была бы она теперь свободна! Можетъ быть,

все кругомъ показалось бы ей въ нномъ свѣтѣ, и не томилъ бы ее до такой степени сіяющая обстановка родительскаго дома. Она далека была отъ мысли, что онъ готовъ освободить ее изъ этого душнаго круга, подавляющаго въ ней все живое, разумное, свободное, и возвратитъ въ общество такихъ людей, какъ онъ самъ. Въ удаленн отъ роднаго дома, добрые люди научили ее лучшему, болѣе глубокому разумѣнію жизни, чѣмъ научилась бы она дома, — и для чего же? чтобы разойтись на-вѣки съ тѣмъ обществомъ, среди котораго она родилась, чтобы въ отцѣ и матери увидѣть людей не ея убѣждений, не ея нравственности.

А нѣжная мать ожидаетъ отъ нея побѣдъ надъ языками сосѣдокъ, а отецъ видитъ въ ней средство войти въ родство съ богатѣйшимъ домомъ въ уѣздѣ, и уже вертится въ его воображеніи молодой обладатель семисотъ душъ и шести тысячъ десятинъ превосходящей земли, у котораго притомъ есть въ виду наследство, вмѣющее удвоить его благосостояніе. Правда, этотъ молодой счастливецъ надѣленъ отъ природы наружностью, которую сосѣдки съ сожалѣніемъ находили простонародною; но не сомнѣвается исправникъ, что семь-сотъ душъ сдѣлаютъ его въ глазахъ дочери образцовымъ баринномъ. Правда и то, что этотъ господинъ вынесъ изъ университета одну охоту повторять чужія слова; но въ глазахъ пана Квача, получившаго воспитаніе въ какомъ-то 49 пѣхотномъ полку, онъ былъ фенпекъ образованности. Еще извѣстно было о предметѣ нѣжныхъ помышленій исправничьихъ, что сей предметъ не обнаружилъ склонности ни къ какому сколько-нибудь серьезному занятію и пребываетъ въ постоянной лѣни и разсѣянности; но кто же можетъ налагать условія серьезнаго труда на человѣка, которому судьба еще до рожденія заготовила роскошное обезпеченіе на самую долготѣнюю жизнь? Такимъ образомъ участь втайнѣ тоскующей Нины была уже, можно сказать, рѣшена, и рѣшена не только въ умѣ ея почтеннаго папаша, но и въ умѣ барышень Чечотокъ, что вовсе не такая бездѣлица, какъ это можетъ показаться новнпкнвшему въ ихъ характеръ читателю.

Син двѣ дѣвы, давно лишившіяся природныхъ своихъ руководителей на пути жизни, шествовали по этому пути самыми смѣлыми и рѣшительными шагами. Необычайная ихъ храбрость, достойная коронованныхъ повелительницъ рода человѣческаго, от-

пугнула отъ нихъ всѣхъ жениховъ, порывавшихся внутренно къ ихъ наслѣдственному благосостоянію. Зато онѣ сдѣлались диктаторами цѣлаго уѣзда или по крайней мѣрѣ той среды, которая ихъ окружала, по части устройства и разстройства брачныхъ союзовъ. Еслибы я не былъ стѣсненъ законными предѣлами моего повѣствованія, то могъ бы описать здѣсь, какъ онѣ, на-перекорь отцу, матери и братьямъ, выдавали молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвицъ за старыхъ и истасканныхъ уродовъ, и имѣли потомъ удовольствіе оплакивать, вмѣстѣ съ родными своей жертвы, печальную развязку подобныхъ браковъ. Это были истинныя мастерицы своего дѣла, и если только онѣ рѣшили въ своемъ умѣ, чтобы такой-то быть за такимъ-то, то развѣ одна смерть, или крутой, неожиданный и, разумѣется, скандалѣзный поворотъ ихъ субъекта могъ разрушить ихъ глубоко разсчитанныя соображенія. Иногда онѣ совершали подвиги виѣ всякихъ предѣловъ вѣроятности, и разводили навѣки такихъ супруговъ, которые давно выдали замужъ, при ихъ же содѣйствіи, дочерей и дожили уже до внучатъ. Зато и наоборотъ, еслибъ имъ вздумалось женить внука на бабушкѣ, или дѣдушку на внучкѣ, то и передъ подобнымъ предпріятіемъ онѣ бы не остановились.

И сіи-то могущественныя волшебницы нашего уѣзда начертали уже планъ жизни институтки, между тѣмъ какъ она взирала на нихъ, какъ на особъ, съ которыми никогда не можетъ имѣть ничего общаго. Уже сообщено было объ этомъ къ свѣдѣнію и, въ надлежащемъ случаѣ, къ исполненію великолѣпнѣйшей женщины, окруженной живыми портретами покойнаго мужа. Уже введенъ былъ въ разговоръ, ни для кого незамѣтнымъ способомъ, господинъ Каптуровъ, по имени Павелъ Мионовичъ, и хотя всѣ, кромѣ Нины, знали, что онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, что у него столько-то земли во владѣніи, но обо всемъ этомъ заппала бесѣда съ такою живостью, какъ-будто каждый изъ собесѣдниковъ сдѣлалъ неожиданное открытіе.

Барышни-стряпчіе, ненадѣявшіяся привлечь къ себѣ лестное вниманье молодого богача, и неумѣвшія поспать въ тактъ новой для нихъ жизни, указали спроста на его простонародную наружность; но это неумѣстное замѣчаніе дало только новый толчекъ убѣдительному краснорѣчію прочихъ дамъ, которыя, къ великому удовольствію хозяйна, доказали, что выраженіе лица молодого Кап-

турова совершенно дворянское, величественное, вальяжное, и что изъ него современемъ выйдетъ отличный предводитель благороднаго сословія.

Иволгинъ, ухаживавшій за Каптуровымъ ради его богатства, но страдавшій отъ превосходства его свѣжеспросольной образованности, сказалъ, что не мѣшало бы ему быть немножко остроумнѣе и повоздержаться отъ чтенія наизусть печатныхъ страницъ, въ видѣ разговора съ дамами. Но выходка Иволгина принята была съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и исправникъ замѣтилъ, въ качествѣ общественнаго дѣлателя, что если этакъ будутъ поощрять молодыхъ дворянъ къ обогащенію себя познаніями, то никто не станетъ посылать дѣтой въ университеты.

Братья поддержали исправника и объявили, что господинъ Каптуровъ дѣлаетъ честь всему ихъ благородному сословію и составляетъ украшеніе уѣзднаго общества.

Въ странное положеніе поставлена была Нина, къ которой обращались всѣ лица и глаза, какъ-бы отдавая ей на судъ каждую фразу и требуя ея мнѣнія. Дядя Антонъ Петровичъ подѣлкъ къ ней съ одной стороны и внушительнымъ тономъ объявилъ ей, размахивая передъ ней широкими общлагами длинныхъ рукавовъ своихъ, что Павелъ Мироневичъ можетъ служить образцомъ свѣтской любезности и ловкости; а дядя Петро Петровичъ придвинулся къ ней со своимъ стуломъ съ другой и увѣрялъ ее, что молодой сосѣдъ ихъ пользуется самою безукоризненною репутаціею въ уѣздѣ.

Нинѣ было тѣсно и жарко въ толпѣ, разгорячившейся по поводу спора. Громкіе голоса, сражавшіеся одни съ другими, оглушали ее. Она съ трудомъ улучила моментъ, чтобы вырваться на просторъ, въ садъ; но и тамъ не позволили ей остаться одной. Многочисленная толпа, послѣдовавъ за нею, шумно утверждала, что прогулка вечеромъ по саду очень пріятна, хотя, безъ Нины, никто и не подумалъ бы подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ у насъ въ уѣздѣ вообще не понимаютъ, чтобы можно было находить удовольствіе въ движеніи, безъ хозяйственной надобности.

Нина, очутившись между сестеръ Чечотокъ, которыя, съ видомъ дружескаго покровительства, подхватили ее подъ руки, спѣшила сойти по спуску прямой дорожки къ болоту, которымъ замыкалась перспектива. Увѣщанія спутницъ и спутниковъ, что

внизу сыро и непріятно, не остановили ея. Ей хотѣлось взглянуть на дикую природу, непокоренную наемнымъ садовникомъ роскошному господству ея папеньки. Болото, съ блестящими нитями воды въ его заросляхъ, сохранило тотъ самый видъ, какой имѣло въ ея дѣтствѣ. Мѣсяцъ выкатился краснымъ шаромъ изза очерету и зарумянилъ воду точно такъ, какъ и во времена оны, когда нянька не позволяла ей указывать рукой на небесное чудо Божіе. Въ водяномъ царствѣ, покрытомъ высокими травами, кустами и лепехами, полно было говору, напоминавшаго ей лѣтніе вечера, когда она оставалась одна съ дворовыми дѣвчатами и вслушивалась попеременно то въ этотъ таинственный говоръ, то въ пѣсни усѣвшихся въ кружокъ дѣвчатъ, то въ ихъ фантастическіе и страшные рассказы о непроходимыхъ болотныхъ топяхъ и разныхъ приключеніяхъ среди этихъ топей. Съ какимъ бы удовольствіемъ осталась она и теперь одна въ саду! Пускай бы ея нѣжные родители попрежнему ѣхали себѣ куда-нибудь на пляжны, на свадьбу, на праздникъ, на балъ, а ее бы оставили подъ охраною этой бѣдной, затасканной, но добродушной и даже веселой толпы домашней челяди, которая, очевидно, выѣздъ господъ въ гости считаетъ своимъ праздникомъ и умѣетъ провести время въ свое удовольствіе даже безъ музыки, безъ нарядовъ и угощеній. Но то время прошло, и уже не воротится. Теперь ужъ она не *Галля*, какъ ее запросто звала горничная прислуга, а Анна Гавриловна, и никто ужъ не назоветъ ее нѣжнымъ украинскимъ племенемъ, ни даже родная мать, которая прозвала ее, по какому-то высшему образцу, Ниною. Теперь всѣ старыя и вновь появившіяся въ домѣ служилыя фигуры, даже и въ порывѣ усердія, приближаются къ ней съ какимъ-то обратившимся въ привычку подобострастіемъ, которое не допустило бы уже той искренности и свободы, съ какою прежде шла между ними бесѣда въ присутствіи панночки, которой всѣ говорили *ты*. Теперь отецъ и мать не оставляютъ ее дома одну и повезутъ ее по всему уѣзду, чтобы сдѣлать ее участницею въ тѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ, которымъ нѣкогда сами они предавались съ такимъ увлеченіемъ. Теперь она у всѣхъ на виду, у всѣхъ на примѣтѣ. Ей не даютъ покаместъ шагу ступить свободно. Ей не позволяютъ посмотрѣться даже на дивное свѣтло небесное, которое, въ своей величавой и спокойной красотѣ, вѣчно кажется челоуѣку новымъ, еще неви-

даннымъ явленіемъ. Вдохновенную свыше пѣснь поетъ ей неподвластная уѣзднымъ властямъ природа, но никто не хочетъ вслушаться въ эту пѣснь, и счастливая маменька самымъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ зоветъ свою Нину ужинать. Повторяющееся каждый день слово *ужинать* производятъ на все общество несравненно пріятнѣйшее впечатлѣніе, нежели полный, румяный мѣсяцъ, рѣдко являющійся хлопотливому челоуѣку въ такой торжественной красотѣ.

Идутъ ужинать, спѣшать ужинать. Съ веселымъ говоромъ и оживленнымъ выраженіемъ въ лицахъ садятся за ужинъ.

VII.

Ужинъ и разъѣздъ гостей.

Госпожа Протазанова выставляетъ по одну сторону стола длинный рядъ вѣрныхъ портретовъ покойнаго мужа, уменьшающихся постепенно въ объемѣ, но оживленныхъ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ. Прелестныя малютки, отъ тринадцати до двухъ лѣтъ, перестали теперь смотрѣть на Нину съ отвислою нпжнею губою, свидѣтельствующею то удивленіе, съ какимъ, по народной поговоркѣ, теленокъ смотритъ на новую дверь, и вперяютъ всё свое вниманіе на блюда, разноспыма неутомимую Пазькою и липрейнымъ лаксемъ, не сводя ни на одно мгновеніе глазъ и глазенокъ своихъ съ толстыхъ и тонкихъ, смуглыхъ и бѣлыхъ рукъ, которыя поочередно простираются къ блюдамъ и уменьшаютъ болѣе или менѣе ихъ объемъ, смотря по аппетиту того, кому онѣ принадлежатъ. Руки, принадлежащія Антону Петровичу Мотузочкѣ, уменьшали объемъ каждаго блюда въ такой степени, въ какой бывало уменьшали всегда и вездѣ подносимыя кушанья покойный родитель маленькихъ Протазановыхъ, котораго образъ и подобіе сохранили они въ столькихъ экземплярахъ, въ утѣшеніе осиротѣлой матери.

Иволгинъ, помѣстясь противъ Нины, былъ съ нею очень любезенъ, такъ какъ въ напиткахъ у исправника не было недостатка, и между прочимъ рассказалъ ей, что хотя онъ лишенъ удовольствія проваждать семейную жизнь, но что у него въ домѣ есть *дытская*. Онъ былъ очень доволенъ, что вызвалъ живую краску на прелестныя щечки своей *визавой*, какъ гово-

рять у насъ въ уѣздѣ нѣкоторыя весьма почтенныя дамы, и тутъ же объяснилъ ей, что дѣтьми своими называетъ онъ боченки съ *дуліакою*, *сливянкою* и другими наливками, которыхъ съ осени всегда у него заготавливается большое количество, но подѣ конецъ зимы, къ великому посту, ничто ужъ не мѣшаетъ ему помышлять о спасеніи души. Можетъ быть, въ другихъ обстоятельствахъ, его сколько-нибудь смутили бы насмѣшливые взгляды вѣчныхъ его гонительницъ, барышень Чечотокъ, и ихъ слова, бросаемыя въ него въ видѣ трескучихъ гранатъ; но подѣ защитою бутылокъ, которыя онъ сдвинулъ около своего прибора, Иволгинъ былъ храбрѣ до невѣроятности, такъ что подѣ конецъ ужина Пина принуждена была дѣлать видъ, что его не слышитъ, и самъ хозяинъ сказалъ ему съ обычнымъ своихъ добродушіемъ по-украински: *Ну бо, братіку! що ти тамъ брѣшеши?*

Ужинъ пдетъ, однакожъ, очень весело; только нѣжная маменька Пины всё беспокоится, что дочка мало кушаетъ. Этимъ Пина возбуждаетъ въ добродушной старухѣ стряпчей и въ обѣихъ своихъ теткахъ, второй и третьей женахъ обоехъ дядюшекъ, серьезныя опасенія на счетъ ея здоровья. Наши милыя и любезныя дамы привыкли цѣмрять здоровье близкихъ сердцу особъ количествомъ отправляемому въ ротъ кусковъ.

Для вѣрности повѣствованья, долженъ, однакожъ, я сказать, что не одна Пина кушала мало. Иволгину что-то не здоровилось, и онъ обратилъ главное свое вниманіе на напитки. Меньшая дѣвца Чечотка тоже не отличалась аппетитомъ. Лицо у ней было какое-то вдохновенное, что никогда не предвѣщало добра, и тотъ бы не ошибся, кто бы подумалъ, что она, при всей многорѣчивости своей, высказываетъ не болѣе десятой доли того, что у нея кипитъ въ душѣ. А кипѣло у ней въ душѣ много, много всякихъ горячихъ, расплавленныхъ матеріаловъ. Во-первыхъ, она вспомнила въ этотъ вечеръ какъ-то особенно живо, что и она была когда-то также молода, какъ исправницкая дочка. Во-вторыхъ, сравнила она исчезнувшую красоту свою съ этой роскошной красотой и, въ самолюбивомъ ослабленіи, отдала своему прошедшему рѣшительное превосходство. Далѣе, пришла ей на мысль лѣтнія ночи въ саду, проведенныя когда-то напролетъ съ человѣкомъ, на котораго нельзя было досыта наглядѣться, котораго нельзя досыта послушаться. Онъ не принадлежалъ къ толпѣ уѣздныхъ по-

мѣщиковъ и ихъ неженатыхъ сыновей, которыхъ она, въ минуты ожесточенія, называла вообще сопунами: онъ прїѣзжалъ на короткое время домой изъ просвѣщеннаго въ высокой степени общества; отъ него такъ и сіяло высшее просвѣщеніе; онъ говорилъ языкомъ, едва доступнымъ для уѣзднаго разумѣнія, и, вдали отъ наблюденія родныхъ и знакомыхъ, а именно, по ночамъ, въ глухомъ саду, посвящалъ ей много часовъ краснорѣчивой бесѣды. Могла ли она думать, что для этого члена просвѣщеннаго въ высшей степени общества она была не болѣе, какъ легкою забавою, на время его деревенскихъ отдыховъ, и что онъ предпочтетъ ей вдову съ высокопревосходительною роднею? Да, у людей высшаго просвѣщенія тоже бываютъ слабости въ родѣ страсти къ обогащенію или къ выходу въ люди посредствомъ антипатичной женитьбы, и молодая, прекрасная собою, щедро одаренная природою и страстно любящая дѣвушка сдѣлалась жертвою такого поползновенія. Теперь эта дѣвушка сидитъ за ужиномъ, рядомъ съ расцвѣтшею красавицею, точно выточенная изъ пожелтѣвшей кости. Сохранились слѣды того, чѣмъ она была когда-то, въ тонкихъ и умныхъ чертахъ лица ея, но вдохновенное ихъ выраженіе дышетъ какой-то злобою. Рѣчь ея замѣтно отличается выборомъ словъ и оборотовъ отъ рѣчи всей честной компаніи, не исключая и самого Иволгина: видно, что она многимъ позаимствовала отъ своего ночного собесѣдника, но эта рѣчь приправлена такими острыми спичками, что самъ Иволгинъ, посреди своихъ любезностей, отъ времени до времени останавливается и встряхиваетъ головой, какъ медвѣдь, ужаленный пчелою.

Другая барышня Четотка, отличавшаяся всё еще богатыми золотистыми волосами и извѣстная въ уѣздѣ не столько природнымъ умомъ, сколько готовностью на все дурное, что она воображала прекраснымъ, кушала довольно исправно, смѣясь вмѣстѣ съ госпожею Протазановой остромамъ своей сестры, и никто бы не подумалъ, что это — бывшая невѣста Иволгина, совершенно успокоившаяся отъ самой нѣжной, самой безразсудной любви къ нему. Заброшенныхъ въ уголъ и позабытыхъ романовъ и насъ въ уѣздѣ много. Можетъ быть, ни въ одномъ уѣздѣ нѣтъ ихъ столько, какъ въ нашемъ захолустьи, котораго я далеко еще не изучилъ вполне. И надобно отдать справедливость нашимъ женщинамъ: онѣ во сто кратъ лучше нашихъ мужчинъ. Если онѣ полюбятъ,

то любятъ горячо и остаются вѣрны своему чувству до конца. Правда, иногда бѣдный любовникъ, или мужъ, не знаетъ, куда дѣваться отъ ихъ горячихъ чувствъ, и очень охотно уменьшилъ бы эти чувства на девять десятыхъ. Правда и то, что, отъ излишней преданности къ любимому существу, онѣ царапаютъ его иногда очень больно по сердцу (если таковое имѣется) и гонятъ отъ себя за тридевять земель. Но всё же это лучше того коварнаго равнодушія къ участи увлеченной женщины, которое обнаружилъ оный высоко просвѣщенный господинъ, или холопскаго способа пзмѣны; которую дозволилъ себѣ Иволгнъ съ златовласою барышнею-сосѣдкою. Онъ пополнялъ ущербъ своихъ финансовъ изъ ея кошелька до-тѣхъ-поръ, пока кошелекъ совершенно истощился, и потомъ обнаружилъ передъ ней инстинктивное отвращеніе къ брачному обязательству. А какой славный былъ это романъ! Сколько было явлено истинно женскаго самоотверженія со стороны героини, въ то время прехорошенькой блондинки, золотоголовой, голубоглазой, свѣжей какъ роза! Кто помнитъ, какъ она любила, какъ она страдала, съ какою самопожертвованіемъ отдалась было корнету Иволгнву, тогда еще не обрюзглому и необветшавшему; тотъ до сихъ поръ не можетъ смотрѣть на нее безъ уваженія. Но этотъ романъ уже давно заброшенъ въ уголъ и валяется тамъ вмѣстѣ съ изломанными прилками, дншцами и другимъ хозяйственнымъ хламомъ. Иволгнъ встрѣчается съ своей Мальвиной, какъ прозвалъ онъ ее во время оно, совершенно спокойно. Она тоже смотритъ на него равнодушнымъ и почти презрительнымъ взглядомъ, и если проявляется въ ней что-то страстное къ нему, то не иначе, какъ въ видѣ ѣдкой насмѣшки, въ чемъ младшая, гораздо болѣе даровитая, сестра помогаетъ ей безъ всякой особенной злобы къ Иволгнву, а такъ, изъ любви къ предмету.

Жалкіе! всё они болѣе или менѣе несчастны, болѣе или менѣе уроды, неизлечимые калѣки, надломанные люди, надорванные души... Выпсая машина гражданственности прошла изъ конца въ конецъ по ихъ захолустьямъ и кой-кого швырнула, обработавъ наскоро, въ другія губерніи, для разныхъ полезныхъ и вредныхъ употребленій, а многихъ, подобныхъ исправичьему обществу, только переломала, выворотила наизнанку, одурманила на-вѣки и бросила на мѣстѣ, какъ-будто только для того, чтобы труд-

нѣе было справитъся съ мѣстнымъ населеніемъ другой гражданственности, болѣе естественной, болѣе разумной. И вотъ они копышутся себѣ въ умственныхъ потемкахъ и доживаютъ вѣкъ, барахтаясь въ грязи. Сколько бы вышло людей изъ этого общества при другомъ порядкѣ вещей, подъ иными вліяніями! Эти самыя дѣвочки Четочки, воспитанныя не въ помѣщичьемъ домѣ, роскошномъ и грязномъ, суетливомъ и лѣнивомъ, надменномъ и изкопосклонномъ, номинально благородномъ и фактически хитромъ, были бы украшеніемъ лучшаго человѣческаго общества: столько имъ отмѣрено щедрою украинскою природою красоты, естественной граціи, ума и сердца, — сердца въ особенности! Но, подбитыя несчастной своею любовью при началѣ жизни и лавируя потомъ между женихами безъ любви, по указанію дворянской полптики, — они мало-помалу потеряли все, что можетъ нравиться въ женщинѣ даже и такому господину, какъ Антонъ Петровичъ Мотузочка, сдѣлались язвою своего общества, и безъ того пораженнаго всякими нечестными заразами. Преслѣдуемый ими на каждомъ шагу Иволгпнъ выражался объ нихъ, въ своемъ ожесточеніи, рѣзко, но справедливо. Онъ говорилъ: »Если добрые духи не сдѣлали изъ женщины ничего хорошаго, пока она была молода и прекрасна, то дьяволы берутъ ее къ себѣ на фабрику и выдѣлываютъ изъ нея кпслиую горечь, отъ которой морщится всякое живое созданіе».

Иволгпнъ выражался иногда классически и могъ назваться представителемъ умственнаго развитія всего мужского населенія своего околотка, точно такъ какъ барышни Четочки были достойными представительницами женскаго. И этикія могущественныя личности, засѣвъ по обѣ стороны стола въ ближайшемъ соседствѣ съ Ниною, развернули передъ нею всѣ боевыя свои силы въ неслыханныхъ ею доселѣ словахъ и фразахъ, между тѣмъ какъ остальное общество занималось дѣломъ совершенно мирнымъ и очевидно полезнымъ. Нина очень обрадовалась, когда наконецъ ужинъ кончился и гости потребовали къ себѣ пріѣхавшихъ съ ними лакеевъ.

— Что у тебя такая заспанная физиономія?

Этотъ вопросъ предложила своему Филькѣ младшая изъ барышень Четочокъ. Другіе гости, какъ напримѣръ стряпчій, пли

хоть и госпожа Протазанова, обратились къ своимъ Элькамъ, Филькамъ и Кузькамъ въ болѣе простыхъ выраженіяхъ:

— Ты, Элька, хотьбы немного пригладилъ свою кучму. (Это значило, что у Эльки волосы на головѣ были неприлично взерошены).

Или:

— Чтѣ у тебя, Кузька, за скверная мужичья натура? Вѣчно тебя надо отыскивать по хатамъ!

Всѣ эти увѣщанія предлагались во всеуслышанье въ гостяхъ, и потому облекались, какъ читатель видитъ, въ утонченныя формы. Напротивъ, дома, гдѣ можно быть гораздо прямодушнѣе, — къ тѣмъ же самымъ личностямъ обратились бы барышни Чечотки и сама госпожа Протазанова въ болѣе натуральныхъ выраженіяхъ, и уши нашей Нины, отвыкшей отъ сельской мелкопомѣстной жизни, могли бы услышать фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— А что это у тебя морда такъ расплылась? Всѣ только спишь, а проснувшись пьянствуешь!

Элька, Филька или Кузька отвѣчалъ бы на полурусскомъ языкѣ, еще не совсѣмъ выломанномъ господамъ, что онъ и въ ночь не досыпаетъ (хотя это была бы ложь), а пьянствовать ему не на чтѣ.

На это ему возразили бы совершенно основательно, что скорѣй у господъ хлѣба не станетъ, а у такого гайдамаки, какъ онъ, всегда найдется, чтѣ спести въ шинокъ.

Тутъ Элька, Филька или Кузька попытлся бы къ порогу, незвѣстно изъ какой предосторожности, а довольная своимъ краснорѣчіемъ барышня или барыня вдругъ перемѣнила бы предметъ бесѣды и спросила бы:

— А это гдѣ уже клѣпотъ изъ армяка вырвалъ?

Отвѣтъ былъ бы самый искренній: *не знаю*. Но господскій языкъ возразилъ бы на это въ дидактическомъ духѣ, и даже съ примѣсью народнаго языка:

— Вырви себѣ носъ, вырви себѣ око и не знай, — чортъ твоего бѣтька бери! Но кла-а-потъ... знай ты, каторжный твой духъ!

Сильнѣе этого ничего сказать невозможно, и потому, не вступая въ дальнѣйшія контроверсіи съ кучеромъ, съ лакеемъ или кто бы то ни былъ этотъ Элька, Филька или Кузька, велѣли бы ему, послѣ этого, сдѣлать то-то и то-то, и ужъ ни мало не сомнѣвались бы, что дѣло будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ.

На сей разъ гости, потребовавшіе передъ себя своихъ слугъ, заспавныхъ, взъерошенныхъ, или заговорившихся въ дворовыхъ хатахъ, прочитали имъ небольшія проповѣди, собственно для того, чтобы не прямо распорядиться о закладываньи лошадей въ брички, коляски и кочъ-кареты. Это всегда ужъ такъ дѣлается въ нашемъ уѣздѣ, и кто бы вздумалъ поступать иначе, у того, по общему мнѣнію, люди начали бы ходить по головѣ. Такъ ужъ заведено пэстарп въ коренныхъ дворянскихъ фамліяхъ нашего уѣзда; такъ ужъ и слуги привыкли. Поэтому и удивляться тутъ нечему. У насъ одинъ Михайло Андреевичъ говоритъ при гостяхъ съ своимъ людьми на какомъ-то непонятномъ языкѣ, полусловами, а иногда просто жестами. Зато жъ его и передразниваютъ барышня Трищотки очень смѣшно, хотя и осторожно. Что касается до Сагайдачнаго, то этотъ, не имѣя за собой тысячи душъ, охраняющей Конашевича отъ болѣе строгаго осужденія, и будучи радикаломъ, какихъ свѣтъ не производилъ, карается безъ всякой пощады за свои кроткіе домашніе нравы и обычаи.

Но мы уклонились въ сторону широкимъ и довольно мутнымъ теченіемъ уѣздной нашей жизни. На вечерникѣ у исправника не было рѣчи ни объ Михайлѣ Андреевичѣ, ни о Сагайдачномъ, котораго имя какъ-то неприятно звучитъ въ ухахъ нашего дворянства, и если гдѣ-нибудь вспоминается, то не иначе, какъ съ придачею сердитыхъ и насмѣшливымъ прилагательныхъ. Гости, повелѣвъ заложить свои экипажи, занялись разговоромъ о своихъ слугахъ, сообщая другъ другу, въ каррикатурномъ видѣ, ихъ природныя свойства и привычки. Смѣху было довольно, потому что въ самомъ дѣлѣ это былъ народъ псковеркашый, съ какой стороны ни возьмите его, и особенно былъ страненъ и неловокъ въ обращеніи съ господами.

Иволгинъ, какъ человѣкъ бывалый и наблюдательный, объявилъ, что пэ Малороссіянина иногда не будетъ хорошаго лакея, что къ этому способенъ и можно сказать рожденъ человѣкъ чисто Русскій, который даже смѣется надъ собратомъ, немѣющимъ господина, и презрительно говоритъ ему: »Эхъ ты, безгосподчина!« Но меньшая барышня Чечотка, всегдашняя преслѣдовательница Иволгина, смѣло возразила ему:

— Нѣтъ, Капнтонъ Павловичъ! напрасно вы думаете, что виновата въ этомъ маллороссійская скверная, упрямая и непокорная

натура! Нѣтъ, нѣтъ! (тутъ она вытянула впередъ руку, какъ-бы желая зажать ротъ готовому съ нею спорить Иволгпну): виноваты въ этомъ мы сами, мы, *здышніе* дворяне! (Она никогда неговорила *малороссійскіе*).

— А чѣмъ же мы виноваты? позвольте спросить васъ, сударыня, сказалъ Иволгпнъ, затянувшись табакомъ Жукова и какъ-то особенно ловко колебля выставленною впередъ ногою. (Это одна изъ любимыхъ его позъ).

— Виноваты мы тѣмъ (и барышня Четотка обвела торжественно глазами все общество, основавъ пхъ всего выразительнѣе на Нпнѣ), что неспособны подражать въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ помѣщикамъ, живущихъ въ губерніяхъ великороссійскихъхъ.

— Конечно, намъ далеко до нихъ, сказалъ Иволгпнъ, и, чтобы дать почувствовать своей соперницѣ собственное превосходство, прибавилъ: — Тамъ барство утвердилось еще при царѣ Борисѣ Федоровичѣ Годуновѣ, а Годуновъ, сударыня, если вамъ угодно это знать, царствовалъ тому назадъ болѣе двухъ-сотъ пятидесяти лѣтъ-съ. (И Иволгпнъ, не безъ гордаго чувства во зорѣ, остановилъ глаза на Нпнѣ). У насъ же, сударыня, вольные подсосѣдки прикрѣплены къ землѣ не болѣе восьмидесяти лѣтъ. Такъ какъ же вы хотите, чтобы наши земляки помѣщики успѣли во всемъ сравняться съ стариннымъ великороссійскимъ барствомъ? Я квартировалъ съ полкомъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и прпсмотрѣлся близко къ домашнему быту тамошнихъ баръ.

Тутъ Иволгпну представился прекрасный случай рассказать съ живѣйшихъ сочувствіемъ объ образѣ жизни, правахъ и обычаяхъ нѣсколькихъ древнихъ великорусскихъ фамилій, съ которыми онъ, по его словамъ, былъ очень друженъ. Поименованные имъ чины и количества крѣпостныхъ душъ придавали его разсказу характеръ несомнѣнной автентичности.

Лакей Иволгпна, по имени Стѣпка, малый повидпмому цыганскаго происхожденія, но чрезвычайно похожій лицомъ на своего барина, въ самую пору доложилъ ему, что лошади поданы.

Какъ Иволгпнъ поставилъ въ уголъ докуренную трубку и раскланялся съ дамами, этого не опишетъ никакое перо. Внутреннее довольство самимъ собою и увѣренность, что оставляетъ самое

пріятное впечатлѣніе въ прекрасной институточкѣ, сообщили его движеніямъ и всей фигурѣ граціозность, до которой достигаютъ немногіе, не только отставные, но и служащіе корнеты, исполненные несомнѣнной надежды быть генералами. У хозяйки поцѣлована была ручка; хозяинъ заключенъ въ тѣснѣйшія объятія; съ прочими мужчинами совершенно рукопожатіе, исполненное благородной прямоты и нѣкотораго даже ухарства.

Звенящій у дуги колокольчикъ свидѣтельствовалъ, что Иволгинъ не только помѣщикъ, но и содержатель почтовой станціи, съ которой, впрочемъ, проѣзжающіе по собственнымъ надобностямъ отправляются всего чаще на вольныхъ. Когда Иволгинъ скрылся наконецъ изъ виду, пріятный, такъ называемый на лицѣскомъ языкѣ *малиновый* звонъ его колокольчика долго еще напоминалъ оставленному обществу о его существованіи.

II. Кулишъ.

(Продолженіе обѣщано.)

СЪ ТОГО СВІТУ.

Варвoломéєві Шевченкові.

Не хотіли панські діти
 Мою вольненьку вволіти, —
 Щобъ менé тамъ поховáли,
 Де бъ одраду сёрце máло,
 Де бъ мучене моé тіло
 Тіхо тліло, не боліло,
 Де бъ моя душа убóга
 Злінула колісь до Бóга.
 И прохáвъ я, и благáвъ я,
 И на кóбзі вигравáвъ я, —
 Шкóда співу кобзáрського!
 Шкóда слóва козáцького!

Не хотіли паненя́та
 Послухати мого брата,
 Щобъ мені почетъ вчиніти —
 Китáйкою мэри вкрити,
 Червоною китáйкою, —
 Заслúгою козáцькою.
 И прохáвъ вінъ, и благáвъ вінъ,
 И холóпствомъ дорекáвъ вінъ:
 Занедбáли паненя́та
 Дорекáння мого брата!

Не хотіли, та вчиніли —
 Китáйкою труну вкрили,
 Та й віслали до могíли,
 Де співа́въ я, сумува́въ я,
 Зъ Дніпрóмъ — брáтомъ розмовля́въ я.
 Не хотіли, та вчиніли —
 Спочивáю на могíлі,
 Паненя́тамъ на досáду,
 Товари́ству на одраду,
 Україні на порáду.

Спочиваю, дождіаю,
 Дблі—вблі виглядаю...
 Годі, браття, сумувати:
 Ще не вмерла наша Мати!

П. Кулішъ.

Примѣчаніе. Когда умеръ Шевченко и возникъ вопросъ о перевезеніи его тѣла въ Украину, нѣкоторые изъ Украинцевъ настаивали, чтобы похоронить его въ Кіевѣ, тогда какъ въ записаніи поэта сказано, чтобы его похоронить въ степи, надъ Днѣпромъ. Этихъ нѣкоторыхъ почитатели воли покойнаго называли пацеентами и панскими дѣтьми, т. е. людьми, не понимающими жизни Шевченка и духа его поэзіи.

КУМЕЙКИ.

Дума.

(1637.)

I.

Закипіла на Вкраїні
 Страшенна трівога,
 Якъ на шляхту піднялася
 Сіромѣ убога.

Піднялася за оранди,
 За жидівські дуди,¹
 Що терпіли—не стерпіли
 Убогні люди.

Руйнували сіромѣхи
 Кірчми малѣвані;
 Де спіткали — порубали
 Рандарські ридвані.

Почалѣ сірому шляхта
 За жидівъ карати,
 Забірала всю худобу,
 И ґрунтѣ и хати.

Розлетілось по Україні
 Безхатнее птаство, —
 Затрусилось по будингахъ
 Вельможнее панство.

II.

»Ой Потюцький, батьку панський,
 Рушай на Україну!
 Зупни кварцінимъ військомъ
 Повшехну руїну.«

Роспустили орлі крила,
 Зъ орлами злітались:
 То кварціне військо съ панськимъ
 До-рупи зійждались. ²

Течє річка міжъ каміннямъ,
 Россю прозивають;
 По тій ріці середь нѣчи
 Огнища палають.

Червоніють чорторіі,
 Підпвають кручи.
 Втаборились сіромахи,
 Потюцького ждучи.

III.

Ой не довго піджидали —
 Кіоники заржали:
 Вони нашимъ немнуче
 Ліхо віщували.

Зійшло сонце у тумані,
 Ревнули гармати:
 Не по однімъ козаченьку
 Заплакала мати. ³

Ой розбивъ зъ гарматъ Потоцький
 Таборъ, мовъ кошару; ⁴
 Розигнали Ляхи нашихъ,
 Ягъ вовгий отару.

Ой мостили на Росаві
 Мости тулубами,
 Засивали чисте поле
 Густво головами.

IV.

Никли трави жалощами,
 Гинлось древо съ туги: ⁵
 Дознавали наші предки
 Тяжкої наруги.

Кого били—потопили
 Въ глибкій Росаві,
 А кого судомъ судили
 Въ далекій Варшаві.

Осудили недобитківъ
 На великі муки:
 Розійшлися по Україні
 Каліки безрукі. ⁶

Огласили изъ Варшави:
 »Дивітеся, люде!
 Хто вставатиме на шляхту,
 То всімъ тее буде.« ⁷

V.

Нехай буде, нехай буде,
 Коли Бóжа воля,
 Щобъ росла въ бояхъ кривавихъ
 Українська доля!

Нехай знають на всімъ світі,
 Якъ ми погибали
 И, гінуучи, свою правду
 Крѣв'ю записали.

Записали — прочитають
 Неписьменні лїбде,
 Що до суду изъ шляхѣтствомъ
 Згоди въ насъ не буде.

Піки Рось зовѣтця Рѣссю,
 Дніпро въ море лѣтця,
 Піти сѣрце українське
 Зъ панськимъ не живѣтця. *

П. Кудішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУМЪ: «КУМЕЙКИ».

1.—Стр. 54, ст. 21.

За жидівські дуди,

О *дудахъ* или *дудекъ* упоминаютъ нашъ Самовидецъ и польскій историкъ Грондскій (*Historia Belli Cosaco-Polonici*). Это была плата арендатору отъ

* Подъ словомъ *Ляхъ* издревле подразумѣвалось понятіе — папъ, т. е. чело-
 вѣкъ, вообразившій за собою какое-то родовое право на своевольство. Отъ
 этого въ нашихъ народныхъ думахъ къ слову *Ляхи* всегда прибавлялось иро-
 пически — *мостиві папѣ*. Украинская народность не чуждается никакого пле-
 мени, никакого сословія. Это доказано свободнымъ вступленіемъ каждаго, кто
 бы онъ ни былъ, въ запорожское братство. Хмельницкій, въ перелаявскихъ
 переговорахъ съ Адамомъ Киселемъ, говорилъ, что въ Украинѣ свободно мо-
 гутъ проживать и владѣть землями всякіе магнаты, только бы подлежали об-
 щему праву, т. е. отрелись отъ своихъ родовыхъ предрасудковъ. Но, сколь-
 ко наши козаки ни убѣждали Поляковъ и собственныхъ ополяченныхъ зем-
 ляковъ «железными доволанми», эти господа остались глухи къ голосу чело-
 вѣчности и къ народному праву. Мы понимаемъ это такимъ образомъ, что
 для Поляковъ отказаться отъ своихъ панскихъ тенденцій — было все-равно,
 что отказаться отъ исторической будущности. Почему же наши не-панскія
 тенденціи должны были быть для насъ менѣе дороги? Отречься отъ нихъ ради
 братства съ *Лягами*, *мостивыми папами*, для насъ то же, что отказаться отъ
 своей будущности. Вотъ почему Украинцы могли сказать имъ:

Піки Рось зовѣтця Россю,
 Дніпро въ море лѣтця,
 Піти сѣрце українське
 Съ панськимъ не живѣтця.

поселяища за рожденіе дѣтей. Названіе ея произошло отъ монеты, называвшейся попросту *dudek*. Она соответствовала нынѣшнимъ 18 копейкамъ; но, по замѣчанію Гроцкаго, Жиды, медленною выдачею квитка и разными унаследованными отъ предковъ и обратившимися въ ремесло ухищреніями, умѣли увеличивать эту плату по своему усмотрѣнію, такъ что народъ, и безъ того съ негодованіемъ окупавшій рожденіе дѣтей, терпѣть отъ нихъ не только моральное, но и матеріальное бремя. Польско-украинскіе паны, нуждавшіеся постоянно въ деньгахъ, старались упрочивать за собой арендную плату отъ Жидовъ, и потому узаконивали въ своихъ вѣншіяхъ всѣ жидовскія выдумки, карали смертью ослушниковъ и грубіяновъ, а перѣдко предоставляли и самимъ Жидамъ-арендаторамъ право жизни и смерти надъ *хлѣбами*. Ни что до такой степени не ожесточало противъ шляхты нашихъ хлѣборобовъ, какъ жидовскіе грабежи и притѣсненія, и потому, каковы бы ни были у козаковъ побужденія къ войнѣ, но помогавшіе имъ хлѣборобы и ремесленники управлялись только жаждою мести за жидовскія неистовства.

2.—Стр. 53, ст. 13.

*То кварцане вѣйсько съ панськими
Докупи звѣжджалося.*

Силы польскаго государства состояли, во-первыхъ, изъ войска, состоящаго на жалованіи, которое выдавалось по четвертямъ года, *кварталъ*, — почему и называлось *кварцянныи*; во-вторыхъ, изъ наемныхъ вѣнцевъ; въ-третьихъ, изъ ополченій панскихъ, которыми паны защищали пограничья отъ Татаръ и воевали другъ съ другомъ, и, въ-четвертыхъ, изъ козаковъ украинскихъ, получавшихъ небольшое жалованье и содержавшихъ свою артиллерію изъ отведенныхъ имъ на Украинѣ волостей.

3.—Стр. 53, ст. 30.

Три стиха этого куплета взяты изъ пародіи пѣсни:

*У городі у Глухові
Ревнули гармати:
Не по однімъ козаченьку
Заплакала мати.*

4.—Стр. 53, ст. 2.

*Ой розбивъ зъ гарматъ Потоцькій
Таборъ мовъ кошару;*

Самымъ употребительнымъ у козаковъ способомъ защиты былъ *таборъ*. Иногда во время пораженія своего они усѣивали *етаборитись* меньшимъ таборомъ, т. е. сомкнуть вокругъ себя четырехугольнымъ воя въ нѣсколько рядовъ, и тогда опять дѣлались страшными для враговъ. Такъ было и подъ Кумейками. Когда Потоцкій разорвалъ таборъ, въ которомъ воя скваны были одиѣ съ другимъ пѣнями, и врѣзался въ него съ конницею, козаки, занимая Потоцкаго съчею и ружейною перестрѣлкою, *етаборитись* наново, занявъ меньшее пространство. Этими они спасли себя отъ окончательнаго пораженія и ночью отступили къ Боровицѣ, гдѣ еще разъ проиграли битву.

5.—Стр. 56, ст. 11.

*Никли трави жалощами,
Гнулось древо съ туми:*

Изъ Пѣсни о полку Игоревѣ: »Ничить трава жалощами, и древо съ туюго къ землѣ приклонишася.«

6.—Стр. 56, ст. 21.

Розійшился по Украинѣ

Калики безрукі.

Такихъ *безрукихъ каликъ* встрѣчали еще недавно въ Западной Украинѣ, какъ памятникъ *Калишцани*. Обыкновенно отрубали осужденнымъ правую руку и лѣвую ногу, и въ такомъ видѣ пускали ихъ на всѣ четыре стороны для устрашенія народа. Это было послѣднее повтореніе тѣхъ ужасовъ, которые побудили Украину соединиться противъ магнатскаго владычества. Руководимые питомцами современной инквизиціи, польскіе паны воображали, что наводятъ на нашихъ предковъ ужасъ безчеловѣчными казнями, тогда какъ этимъ—то именно и поддерживали они въ нихъ жажду мести, ненасытившуюся до послѣднихъ столкновеній Украинцевъ съ Поляками. Желая опозорить, въ глазахъ толпы, предводителей ея публичнымъ терзаніемъ ихъ тѣлъ, паны придавали имъ величіе мученичества, заставляли забывать всѣ ихъ недостатки и память ихъ дѣлали священной для потомства. Это мы видимъ всего яснѣе на Гонтѣ, съ котораго сняли съ живаго кожу и проч. и проч. (ужасно даже пересказывать), а народъ тутъ же воспѣлъ его смерть въ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ не умолкаютъ, внушая простолудинамъ презрѣніе къ мучителямъ и негодованіе на ихъ злѣчество. Вѣрный духу своего народа, Шевченко возвелъ Гонту, »мученика праведнаго«, какъ онъ его называетъ, въ апотеозъ величія, и ни одна душа не усомнилась въ истинѣ словъ его, потому что поэтому управляло правосудіе сердца, котораго никакими проповѣдями и политическими доводами невозможно разубѣдить въ его чувствахъ, хотя они въ-отношеніи къ какому-нибудь отдѣльному факту и могутъ быть ошибочны.

7.—Стр. 56, ст. 23.

Этотъ куплетъ заимствованъ изъ народной пѣсни о казни Гонты:

Панъ реимѣнтаръ похожае:

»Дивітеся, люде,

Ой хто тілько збунтуєтця,

То всімъ тѣе буде!»

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

V.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ПЪЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья третья.

На сочиненія Гоголя, послѣ критикъ Бѣлинскаго, и въ особен-ности послѣ смерти самого Гоголя, начали смотрѣть съ суетвѣрнымъ уваженіемъ. Что оно вполнѣ заслужено, объ этомъ нѣтъ и рѣчи, но заслужено оно не повѣстями изъ украинской жизни, или, по край-ней мѣрѣ, не первыми повѣстями. Прежде нежели приступимъ къ указанію недостатковъ въ Гоголевыхъ изображеніяхъ Украины, счита-емъ не лишнимъ замѣтить, что покойный Бѣлинскій, при всемъ критическомъ талантѣ своемъ, — относительно Гоголя, увлекался въ грубыя ошибки даже и тамъ, гдѣ отъ критика не требовалось зна-нія представленнаго у Гоголя народа со стороны этнографіи. Онъ, какъ и всѣ того времени люди, отдавался Гоголю на-вѣру въ томъ, чего самъ не видѣлъ и не изучалъ. Не хорошо только, что, хваля Гоголя, онъ позволялъ себѣ говорить тономъ знатока украинской жизни. Напримѣръ, по случаю выхода, въ 1842 году, *Сочиненій* Гоголя, Бѣлинскій объявилъ читателямъ *Отечественныхъ Записокъ*, что *Тарасъ Бульба*, отъ передѣлокъ автора, сдѣлался »безконечно прекраснѣе«, тогда какъ этими передѣлками Гоголь лишилъ свою псевдо-историческую повѣсть прелести молодого, неопытнаго вдохно-венія и, снявъ съ Тараса Бульбы козацкій кобелякъ, драпировалъ его

плащомъ гомеровскихъ героевъ: »Поэтъ (говорить Бѣлинскій) чувствовалъ, что въ первомъ изданіи *Тараса Бульбы* на многое только намекнуто, и что многія струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, *пловецъ* Бульбы (въ томъ—то и горе, что онъ съѣхалъ на гомерическую пѣснь, въ разсказѣ часто ошибочно, но всегда полною образовъ, оригинальныхъ, ни у кого не заимствованныхъ) не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей (а онъ именно прибавилъ много чуждаго, вовсе негармонизирующаго даже съ тѣмъ козачествомъ, до котораго могъ додуматься Гоголь, опереживая всѣхъ своихъ современниковъ), но только развилъ многія уже заключавшіяся въ ея основной идеѣ подробности. (Развилъ—и обнаружилъ больше прежняго незнаніе исторической и этнографической почвы, на которой подвизаются его герои). Онъ исчерпалъ въ ней всю (!) жизнь исторической Малороссіи, и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда напечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ безсмертную жизнь... (Вотъ оно, журнальное оракульство!) Особенно замѣчательны (продолжаетъ Бѣлинскій, вовсе не подозревая, что впадаетъ въ грубѣйшую ошибку, въ какую когда—либо впадалъ талантливый критикъ) подробности битвы Малороссіянъ съ Поляками подъ городомъ Дубно (гдѣ, *notabene*, онъ вовсе не происходилъ) и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной Полькѣ (эпизодъ, свидѣтельствующій объ авторскомъ незнаніи вѣка, общества, нравовъ, понятій и объ неумѣннн его изображать любящихъ женщинъ вообще). Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнулась лиризмомъ (который—прибавимъ отъ себя—и затмилъ достоинства перваго ея изданія). (1)

Мы привели самое слабое мѣсто изъ статей Бѣлинскаго о Гоголѣ, для того, чтобы разъ навсегда отвергнуть его критическій авторитетъ на судъ современной критики, прилагаемой къ изображеніямъ украинской жизни. Бѣлинскій сдѣлалъ много, для развитія въ обществѣ здравыхъ понятій объ искусствѣ, но это вовсе не значитъ, чтобы послѣ него не осталось намъ ничего дѣлать. Напротивъ, есть цѣлыя области мыслей, или вовсе имъ нетронутыя, или затуманенныя условными, такъ сказать, городскими понятіями о человѣческомъ об-

(1) См. Соч. Бѣлинскаго, VII, 219—220.

ществѣ. Къ такимъ областямъ принадлежить этнографія и исторія Украины, насколько она входитъ въ критическую разработку литературныхъ произведеній.

Гоголь, по собственному его сознанию, смотрѣлъ на свои первыя повѣсти, какъ на легкую забаву воображенія. Естественно, что въ его время такъ смотрѣли на нихъ и читатели; а поэтому самому и рецензенты его, отъ Сомова до Бѣлинскаго, не могли смотрѣть на нихъ иначе. Бѣлинскій, впрочемъ, искалъ въ нихъ художественности, какъ насущной пищи развивающагося общества; но понятія о самой художественности этихъ повѣстей имѣли у Бѣлинскаго не тѣ основанія, какихъ нѣтъ въ нихъ — и не находить — современныи намъ читатель. Развернемъ, напримѣръ, *Ночь наканунѣ Ивана Купала*, и спросимъ другъ у друга: для чего нужна обществу эта повѣсть? какое употребленіе можетъ сдѣлать изъ нея живой, дѣятельный умъ, который никогда не тратитъ своего времени и вниманія попусту? На этотъ вопросъ безусловные почитатели Гоголя, намъ кажется, скорѣе всего могутъ отвѣчать: что *Ночь наканунѣ Ивана Купала* вноситъ въ общественный капиталъ понятій о жизни живописныя черты времени, исчезнувшаго незамѣтно для общества, — характеръ мѣстности, для него неизвѣстной, или извѣстной мало, — картину нравовъ и обычаевъ, остававшихся до тѣхъ поръ неизображенными, и, наконецъ, свѣжія наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ, вѣчно поучительныя для человѣка. Мы не допускаемъ мысли, чтобы читатель нашего времени дѣлалъ изъ чтенія пустую забаву и воображалъ такихъ людей, какъ Гоголь, посланными свыше — служить ему по части сваренія въ желудкѣ. Было такое время, да прошло, или быстро проходить. Поэтому, обращая свою рѣчь къ читателямъ, глядящимъ на дѣло литературы, какъ на повершеніе всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, какъ на самое вѣрное и самое прочное достояніе нашего потомства, мы станемъ разсматривать, какъ упомянутую, такъ и другія повѣсти Гоголя изъ украинской жизни, по отношенію ихъ художественности ко времени, мѣстности, нравамъ и обычаямъ, которыя Гоголь взялъ на себя представить въ осязательной ясности (какъ это и должно быть задачею каждаго повѣствованія), и наконецъ — по отношенію къ человѣческой натурѣ, выражающейся во всѣхъ этихъ формулахъ.

Сперва нужно опредѣлить: къ какому именно времени относится *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*?

Гоголь начинаетъ свой рассказъ такъ:

«Лѣтъ болѣе чѣмъ за сто (говорилъ покойникъ дѣдъ мой) —нашего села и не узналъ бы никто.»

Выходитъ, что дѣло происходитъ во времена Анны Иоанновны, или въ послѣдніе годы царствованія Петра Перваго. Какъ бы это было интересно, еслибы Гоголь освѣтилъ свою повѣстью, хотя слегка, эту темную для насъ область, этотъ страшный періодъ времени, новаго для Украины во многихъ отношеніяхъ, когда въ ней начало заводится между козаками дворянство, подражавшее изю всѣхъ силъ нересозданному Петромъ великорусскому обществу, когда козаки начали терять свою солидарность, какъ самоправная корпорація, долго представлявшая собою народъ украинскій и сообщившая всему населенію Украины извѣстный характеръ, и когда крѣпостное право, такъ сказать, *наклѣнулось* въ яичкахъ, которыя положили петровскіе Нѣмцы въ навозныя кучи, оставшіяся по всей Украинѣ отъ польской шляхты, въ видѣ ни на что живое негодныхъ старшинъ козацкихъ!

Мы, конечно, не имѣемъ права требовать отъ автора, чтобы онъ, въ своей повѣсти, изобразилъ намъ извѣстное время такъ, а не иначе, да и вообще мы должны разсматривать только то, что авторъ намъ даетъ, а не задавать ему задачъ, которыхъ онъ, можетъ быть, никогда не захочетъ выполнять. Но, говоря объ авторѣ, сошедшемъ съ поприща жизни, мы вправѣ обратить его недостатки въ собственное назиданіе.

Писать въ видѣ повѣсти исторію извѣстнаго времени можно различными способами. Можно, вовсе не трогая историческихъ фактовъ и лицъ, изобразить данную эпоху такъ, что повѣсть выйдетъ строго историческою. Можно прикасаться къ извѣстному вѣку слегка, мимоходомъ, такъ что только самый опытный читатель уловитъ обязательную точку соприкосновенія свободнаго вымысла съ историческою дѣйствительностью. Но, во всякомъ случаѣ, отъ автора требуется, чтобы повѣсть была проникнута воздухомъ того времени, къ которому относится. Этого мы не видимъ, не чувствуемъ въ *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*. Повѣсть эта, отнесенная авторомъ ко временамъ петровскимъ или аницкимъ, можетъ безразлично быть отнесена къ какой угодно эпохѣ, начиная съ польскаго владычества до времени жизни самого автора. Въ ней всего захвачено понемножку, какъ это часто бываетъ у авторовъ, знающихъ исторію своего народа только по нѣсколькимъ случайно прочитаннымъ книгамъ. Вотъ, напри-

мѣръ, черта, отбрасывающая повѣсть Гоголя, Богъ знаетъ въ какую старину, — пожалуй хотъ во времена Палывайка:

«... нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, необмазанныхъ, неукрытыхъ, торчало, то сямъ, то тамъ посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма— вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ божій. Вы спросите: отчего они жили такъ? Бѣдность, не бѣдность: тогда козаковалъ почти всякій и набиралъ въ чужихъ земляхъ не мало добра; а больше оттого, что не зачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ! Крымцы, Ляхи, Литвинство! Бывало то, что и свои найдутъ кучами и обдпраютъ своихъ же. Всего бывало!» ⁽¹⁾

Настроивъ такимъ образомъ воображеніе наше къ созерцанію давно прошедшаго, темнаго для насъ времени, авторъ описываетъ, въ общихъ чертахъ, лицо, которое не перевозитъ насъ ни въ какую опредѣленную эпоху и является какимъ—то неопредѣленнымъ, необъяснимымъ призракомъ. Можно бы прямо начать повѣсть съ описанія характера Басаврюка, вовсе не упоминая о Крымцахъ, Ляхахъ и Литвинствѣ, которые, держа Украину нашу въ вѣчномъ ожиданіи опасности, выковывали такихъ пограничныхъ феодаловъ, какъ Іеремія Вишневецкій, но вовсе не воплощенныхъ чертей-соблазнительей, какимъ является у Гоголя Басаврюкъ. Личность эта, представленная въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлась она суевѣрному воображенію хуторскихъ разсказчиковъ, могла бы быть изображена авторомъ посреди какой угодно обстановки и въ какое угодно время. Но лишь только онъ предпослалъ своему разсказу картину даннаго времени, — мы вправѣ ожидать отъ его разсказа живописи той, а не другой, эпохи.

Для насъ не бесполезно замѣтить у Гоголя эту погрѣшность противъ искусства, потому что и наши, собственно такъ называемые украинскіе писатели впадаютъ иногда въ подобныя ошибки. Приступая къ повѣсти, они не рѣдко забываютъ, что всякая проведенная ими въ началѣ черта должна имѣть органическую связь съ дальнѣйшимъ разсказомъ: иначе—въ воображеніи читателя происходитъ хаосъ, который оставляетъ впечатлѣніе какого—то наслія, сдѣланнаго авторомъ благо-

⁽¹⁾ Сочиненія и Письма Гоголя, I, 41—42.

роднѣйшей части нашего ума. Напримѣръ, Марко Вовчокъ, въ *Трехъ Дбляхъ* ⁽¹⁾, прежде всего описываетъ уединенныя пещеры въ меловой горѣ, которая какая-то отшельница рыла въ теченіе сорокалѣтъ. Это описаніе, сдѣланное съ особенною, усиленною выразительностію, кладетъ въ воображеніи читателя подмалевокъ повѣсти и, при болѣе внимательности къ предмету, имѣло бы для нея существенное значеніе. Но Марко Вовчокъ оставляетъ свою картину и остановившагося надъ нею читателя, во вредъ послѣдовательности впечатлѣній, которыя произведены имъ въ нашемъ воображеніи, и уже полъ конецъ повѣсти обращается опять къ пещерѣ въ меловой горѣ, которая тутъ всего лучше и могла бы быть описана.

Гоголя нельзя упрекнуть въ подобной небрежности. Онъ дѣлалъ большіе промахи въ первыхъ своихъ повѣстяхъ, но все, что онъ писалъ въ—послѣдствіи, было обработаннѣе первыхъ его опытовъ. Даже *Ночь наканунѣ Исана Купала* лучше *Сорочинской Ярмарки* тѣмъ, что въ ней нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ противъ украинскихъ нравовъ, какія указаны нами въ разборѣ первой его повѣсти.

Разсматривая вторую повѣсть Гоголя подъ условіемъ раскрытія передъ нами чего-то новаго для насъ, подъ условіемъ внесенія въ умственный капиталъ нашъ ясныхъ понятій о томъ, чего мы до тѣхъ поръ не понимали, мы въ ней находимъ невѣрное изображеніе времени, къ которому она отнесена авторомъ, и даже въ самомъ опредѣленіи эпохи дѣйствія — грубую смѣсь разнородныхъ моментовъ украинской жизни. Это производитъ такое впечатлѣніе, что автору не вѣришь далѣе ни въ одномъ словѣ, видншь въ немъ молодаго говоруна (какимъ онъ и былъ тогда въ самомъ дѣлѣ), но вовсе не художника, уважающаго не эффектъ, а истинность въ словесной живописи. Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь, вовсе не у мѣста, подбрасываетъ такими словами, какъ Запорожье, муки въ плѣну у Турокъ, турецкая сабля, и проч. Въ его картинѣ все это похоже на позолоту, употребляемую малярами тамъ, гдѣ нужно бы было выразить красками блескъ золота. Таковъ же почти и весь его рассказъ о красотѣ и горѣ влюбленной четы. Повѣсть свою вкладываетъ онъ въ уста балагура—дьячка. Силою таланта, который въ дѣтствѣ, очевидно, находилъ себѣ нишу въ рассказахъ окружавшей его прислуги, гостей-говорунувъ и, можетъ быть, какихъ-нибудь стариковъ—насичниковъ, Гоголь часто возвышался до живой

⁽¹⁾ См. *Основу*, кн. 1.

простоты рѣчи, которая, въ устахъ простолюдина, для своей убѣдительности, довольствуется практическимъ и, такъ сказать, эгонистическимъ прикосновеніемъ къ жизни, и прибѣгаетъ къ украшеніямъ поэтическимъ только въ порывахъ страсти; но тутъ же рядомъ, безъ всякой надобности, рассыпаетъ передъ вами такъ называемыя мѣстные краски. Людямъ, видящимъ и любящимъ народъ только на театральныхъ подмосткахъ, это нравилось во времена Гоголя и нравится въ немъ до сихъ поръ; но на человѣка, который знаетъ простолюдина не по книгамъ и спектаклямъ, это производитъ такое впечатлѣніе, какъ еслибы поселяне являлись передъ нимъ вѣчно въ праздничныхъ нарядахъ, съ праздничнымъ разгульемъ, играми, танцами, пѣснями.

Грустно какъ-то, съ пылѣвшимъ нашимъ взглядомъ на простолюдина, читать рассказы Гоголя изъ простонародной жизни. Даже любовь его къ поселянамъ теперь ужъ не можетъ нравиться. Онъ обращается съ ними въ своихъ повѣстяхъ—и конечно вовсе безъ умысла—такъ, какъ обращался во времена оны пной владѣтель душъ, который, когда, бывало, заѣдешь къ нему въ качествѣ путешественника по Украинѣ, велитъ одному—другому изъ рабочихъ оставить пѣнницу, приодѣться почще и позабавить гостя пѣснями или танцами. Положеніе гостя въ этомъ случаѣ самое тягостное. Не стать же читать любезному, обязательному хозяину проповѣдь о томъ, что такое человѣкъ; не броситься же ему на шею уничиженнымъ братьямъ, прося прощенія за человѣка одного съ собою званія. Ни тотъ, ни другіе не поняли бы его чувствъ. Остается молча наслаждаться заказными танцами и пѣснями. Такъ точно, лѣтъ десятокъ—другой назадъ, дико показалось бы многимъ, если не вѣмъ, когда бы кто вздумалъ отвергнуть истинность въ украинскихъ поселянахъ Гоголя и скорбился бы ихъ изображеніями по глубинѣ души своей.

У Гоголя только и рѣчи, что о поленькиихъ щекахъ козачки, которые были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, о ротикѣ, который «казался, на то и созданъ былъ, чтобъ выводить соловьиныя пѣсни», о поцѣлуяхъ, которые молодежь неосторожно влѣпываетъ другъ другу. Все это слишкомъ сильно отзывается плохими театрами прежняго времени; это немного лучше бѣллы, румянъ и заманчивыхъ сценическихъ случайностей; а гдѣ же самая жизнь? гдѣ та воздѣлываемая въ потѣ лица почва, на которой только изрѣдка вырастаютъ цвѣты красоты ненаглядной и поэтической любви? Ея нѣтъ

въ разсказѣ Гоголя. У него все заготовлено только на праздникъ, на выставку. Позабавятся зрители, опустится занавѣсъ, а что и какъ дѣлается потомъ, до этого не додумывался Гоголь, будучи авторомъ украинскихъ повѣстей. Додумался онъ до многого прозаически грубаго только въ тотъ періодъ жизни, когда бросилъ мало извѣстную ему сферу творчества и взялся за сферу, слишкомъ хорошо ему извѣстную. Тогда у него явилась и настоящая поэзія, поэзія жизни, хотя онъ чаще говорилъ о фривовыхъ шинеляхъ, чѣмъ о полненькихъ щекахъ; а въ украинскихъ повѣстяхъ изъ простонароднаго быта у него на каждомъ шагу встрѣчаешь или аффектацію, или карриатуру. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь, сквозь театральность и искусственность, только какъ—бы случайно, какъ—будто мимо вѣдома самого автора.

Между тѣмъ, такова была сила изобразительности у Гоголя, что, создавая украинское простонародье по нѣсколькимъ плохимъ и плохому ему извѣстнымъ образцамъ его, онъ придавалъ ему столько выразительности, столько движенія, что на его картины, какъ на Рубенсовскія уклоненія отъ натуры, до сихъ поръ невольно заглядываешься. Очень естественно было восхищаться имъ безусловно въ то время, когда самъ Пушкинъ долженъ былъ показывать видъ, что литературой занимается только для забавы. Я хочу сказать, что въ эпоху появленія *Вечеровъ на Хуторѣ* отъ писателя требовалось только пріятно и, если можно, пріятно занять, увлечь общество, а какъ онъ это сдѣлаетъ относительно самого предмета повѣсти и какое будетъ пріобрѣтеніе отъ чтенія—вопросъ объ этомъ показался бы страннымъ тогда огромному большинству читателей и самихъ критиковъ. Художественность или, что одно и то же, истинность изображеній понимали, знали, видѣли и цѣнили у себя только сами поэты, дѣлаясь строже и строже сами къ себѣ, какъ это въ—особенности замѣтно изъ напечатанныхъ Пушкинымъ сочиненій и найденныхъ у него, по его смерти, рукописей. Публика и ея критическіе представители видѣли иногда упадокъ въ томъ, что было глубоко истинно, и потому просто, какъ въ натурѣ.

Гоголь имѣлъ передъ глазами великій образецъ самосовершенствованія въ Пушкинѣ и воспользовался имъ, съ гениальною воспримчивостью, въ повѣстяхъ изъ хорошо извѣстнаго ему міра; но міръ простонародный до конца былъ для него закрытъ и имъ. Поэзія просто-

народной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню пзучить онъ далеко не вполне. Отъ этого любовники-простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ—будто поютъ, а иногда и просто-напросто—словами извѣстныхъ каждому пѣсень. Напримѣръ: »Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусью, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; расскажи ему все: любила бь его карія очя, цѣловала бь его бѣлое личико, да не велить судьба моя«, и т. д.

Тотчасъ видно, что авторъ не слышалъ собственными ушами, какъ говоритъ любящая поселянка—Украинка; онъ только слышалъ, какъ она поетъ.

Дивно поэтическимъ народомъ показались его современникамъ наши простолюдины, по нѣсколькимъ сценамъ изъ ихъ быта, которыя онъ написалъ не по вдохновенію глубокаго уразумѣнія своего предмета, а сочинилъ механически, обращая, какъ дѣлаютъ компильторы, стихи народныхъ пѣсень украинскихъ въ великорусскую прозу. »Воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною (говорить у него влюбленный паробокъ), гладкое поле будетъ моя хата; синяя туча—моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очя; вымоютъ дожди козацкія косточки, и вихоръ высушитъ ихъ.«

На нашъ вкусъ, въ разсказѣ дьячка,—это холодная, натянутая реторика, а не поэзія; для нашего чувства это—мертвые слова, произносимыя автоматомъ,—диссоансъ въ общемъ тонѣ разсказа; но, во времена оны, многіе, если не все, думали, что наши дѣвчата и паробки именно такую декламациею выражаютъ свои глубокія чувства, а говорливые дьячки, именно такимъ тономъ и складомъ, ведутъ разсказъ въ кругу хуторскихъ гостей пашинника.

Мы надѣемся, что изъ этихъ указаній читатель увидитъ, что Поголь, и относительно жѣстныхъ, національных или народныхъ сторонъ жизни, оказывается для насъ новѣствователемъ, не только не вносящимъ въ область нашихъ понятій ничего прежде намъ неизвѣстнаго, напротивъ—кажетъ намъ народъ украинскій сквозь какое-то розовое стекло.

Онъ не понимаетъ народа, въ его поэтической повседневности, и потому считаетъ необходимымъ набѣлнить, наруманиить его, нарядить по-праздничному и вложить ему въ уста перифразированную

пѣсню. Это отзывается тѣмъ временемъ, когда французскіе литераторы считали неприличнымъ показать своей публикѣ Шекспира такимъ, каковъ онъ есть, и очень усердно брили его, пудрили и надушали, въ своихъ переводахъ и передѣлкахъ. Ясно, что они не понимали его, какъ не понималъ Гоголь украинскаго простолюдина, этого единственно родного, кровнаго чада поэтической исторіи Украины. Поэтому, кто бы захотѣлъ по Гоголю изучать Украину со стороны этнографической, тотъ, вмѣсто пріобрѣтенія отъ него новыхъ понятій о великой области жизни человѣческой, рискуетъ нажить ошибочный взглядъ на самую характеристическую, если не на самую лучшую часть русскаго міра, какъ это и дѣйствительно случилось со многими. Мнѣ попадались очень умные люди, которые слышать не хотятъ объ истинной Украинѣ, кромѣ Гоголевской, тогда какъ Гоголевская Украина въ натурѣ не существуетъ. Одинъ господинъ, очень не глупый въ томъ, что онъ изучалъ непосредственно, простеръ свою ревность къ авторитету Гоголя до-того, что сказалъ разгораясь, въ присутствіи многихъ слушателей: »Я, пожалуй, съ вами соглашусь, что Украина не такова на самомъ дѣлѣ, какою изобразилъ ее Гоголь; но онъ, какъ гениальный писатель, изобразилъ ее такою, какою она должна быть и, конечно, будетъ.« Такъ велика потребность истинности въ литературныхъ произведеніяхъ для каждаго живого читателя! такъ тяжело убѣдиться каждому, что любимый писатель не принесъ намъ той пользы, какую должно приносить намъ всякое разумное дѣло, и всего больше—дѣло литературы!

Что касается до нравовъ и обычаевъ, изображенныхъ въ *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, то, послѣ всего намъ сказаннаго, нельзя и ожидать, чтобы они были изображены мастерски, т. е. съ глубокихъ уразумѣніемъ смысла каждаго такого явленія, какъ отеческій деспотизмъ, или злодѣйства, совмѣщающіяся въ одной и той же душѣ съ любовью, или какой-нибудь таинственный, странный обрядъ и т. п. Все это представлено у Гоголя въ видѣ какой-то помесклатуры, бросается въ глаза яркою пестротою, точно на ярмаркѣ или въ кукольной комедіи; но когда вы остановитесь надъ какимъ-нибудь поразившимъ васъ предметомъ, вы никакъ не отыщете органической связи его съ другими, и чѣмъ вы будете внимательнѣе къ рассказчику, тѣмъ менѣе онъ васъ удовлетворитъ. Для размышляющаго читателя это всего интереснѣе замѣчать у Гоголя — у того Гоголя, который, впоследствии, началъ такъ полно обнимать каждое явленіе

жизни, такъ убѣдительно изображать намъ его практическую сущность, посредствомъ самой увлекательной живописи.

Въ повѣсти *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, всѣ лица написаны тою эскизною манерою, по которой знатокъ тотчасъ видитъ, что, еслибы живописецъ захотѣлъ посидѣть надъ своей картиной и, что называется, докопчить ее, то онъ прибавилъ бы къ ней только вялость рисунка и мутность колорита. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наброски Пушкина, оставшіеся въ его бумагахъ: каждая черта въ нихъ намекаетъ на богатство знанія или, лучше сказать, разумнѣія художника въ томъ, о чемъ онъ хочетъ съ нами бесѣдовать, и, подъ дѣльными красками, подъ играющими неопредѣленно линіями рисунка, вы ужъ видите у него прочную органическую связь, видите талантливое построеніе пьесы, которое само по себѣ пастриваетъ вашу душу поэтически.

У Гоголя, Кожъ, его дочь красавица, ея любовникъ и потомъ мужъ Петро, колдунъ и колдунья, — всѣ эти лица представляются намъ неясно, потому что намалеваны безъ строгаго рисунка, хорошо обдуманнаго и провѣреннаго на натурѣ. Они принадлежатъ къ украинскому народонаселенію только по своимъ нарядамъ и фразамъ, выхваченнымъ то изъ украинской пѣсни, то изъ украинской бесѣды, въ видѣ чего-то лучшенькаго, достойнаго вниманія публики по своей оригинальности. Но, еслибы ихъ перерядить въ другую одежду, да исключить изъ ихъ рѣчи такія слова, какъ *хата*, *оселедецъ*, *рушникъ*, *кобла*, то всѣ мы призадумались бы, что это за народъ: Испанцы, Греки, Молдаване, Сербы или Поляки? Нѣтъ, Гоголь, впоследствии, началъ намъ представлять народность, не со стороны одежды и поговорокъ, какъ дѣлывала вся честная братія наша, во времена *Юрія Милославскаго*: онъ отыскалъ въ русскомъ человѣкѣ «такое», чего не имѣетъ никто изъ всѣхъ его сосѣдей, и выведенныхъ имъ, въ его повѣстяхъ, русскихъ людей угадать бы каждый даже въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, будетъ намъ не до условій обществя.

Не проинкнувъ въ характеръ времени, къ которому повѣсть относится, упустивъ изъ виду этнографію и все, что отъ нея зависитъ, не выразивъ индивидуальности дѣствующихъ лицъ, Гоголь по этому самому не могъ добраться и до сердца человеческого. Лица, дѣйствующія у него, при какихъ-то неопредѣленныхъ общественныхъ

обстоятельствахъ, посреди искусственной обстановки, напоминающей дѣтскій театръ, лица, носящія свои имена только въ видѣ кличекъ, но похожія на тысячи другихъ людей съ тѣмъ самыми или иными именами, не говорятъ ничего нашей душѣ, живутъ, такъ сказать, жизнью куколъ, которыя движутся передъ нашими глазами и исполняютъ свои роли болѣе или менѣе удачно, но когда закроется ящикъ, составляющій ихъ тѣсный и убогій міръ, между ними и нами остается одно воспоминаніе, что мы ихъ видѣли; въ душѣ нашей не прибавили они ничего и даже ничего не тронули. Поэтому повѣсть *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала* мы относимъ къ бесполезнымъ произведеніямъ фантазіи, безъ которыхъ общество могло бы обойтись точно такъ же, какъ и безъ мыльныхъ пузырей. Если она не позабыта нами совсѣмъ и не выброшена изъ нашихъ библіотекъ, то единственно потому, что написана перомъ, которымъ написанъ *Несскій Проспектъ*, *Шинель* и другія истинно художественныя произведенія Гоголя. Напечатанная въ одномъ съ ними собраніи, она приноситъ намъ пользу отрицательную, — именно ту, что на нее мы можемъ указывать, какъ на дѣтское мараше неопытнаго въ искусствѣ генія, для котораго, въ его великомъ дѣлѣ, точно такъ необходима паука самосовершенствованія, какъ и для людей обыкновенныхъ — въ ихъ малыхъ дѣлахъ.

При жалкомъ состояніи тогдашней исторической науки вообще и исторіи Украины въ-особенности, при совершенномъ отсутствіи народоизученія, которое и въ наше время находится въ дѣтскомъ состояніи, наконецъ при ничтожествѣ эстетическаго образованія въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ самомъ обществѣ, доступномъ Гоголю, онъ ни коимъ образомъ не могъ начать литературную свою дѣятельность съ чего-нибудь болѣе цѣннаго, какъ *Сорочинская Ярмарка* и *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*; но посмотрите, какъ онъ идетъ впередъ почти съ каждою новою повѣстью и прокладываетъ себѣ вѣрную дорогу, посреди всѣхъ препятствій, каковы: слѣпая критика, тупое пониманіе его таланта, со стороны большинства читателей, и, что всего опаснѣе, неизмѣрныя похвалы его друзей и почитателей. Вотъ почему, стоить не только имѣть у себя на полкѣ, но и читать первыя повѣсти Гоголя, и въ особенности молодымъ писателямъ, озареннымъ уже новыми понятіями объ искусствѣ, наученнымъ искусству самимъ же Гоголемъ, то есть его послѣдними, зрѣлыми произведеніями. Талантъ въ этихъ повѣстяхъ виденъ повсю-

ду (и именно—во всемъ, что Гоголь *зналъ*, на что онъ смотрѣлъ собственными глазами), но этотъ талантъ бродить въ потемкахъ, и потому возбуждаетъ въ знатокъ участіе, подобное тому, съ какимъ человекъ сформировавшійся слѣдитъ за жизнью молодого человека, возбуждающаго великія ожиданія. Гоголь эти ожиданія оправдалъ, и оправдалъ блистательно.

II. Кулишъ.

1 октября, 1861 г.

С. Петербургъ.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

I.

Се така баба, що чортъ їй на маховіхъ вїлахъ чоботи оддававъ.

Жило въ селі такє чєсне и тїхе подружжя; не тїлькн не лїялись, и свїрки мїжъ ними нїколи нїякої не було; якъ кажуть:

»Любилися, кохалися, якъ голубівъ пара.«

Янголі, глєдючи на щасливе їхъ життїя, рїдувались и втїшалися, а чорту було не понутру,—найбільшъ одъ того, що не можна єму нїякъ увїйти до нихъ у хату. Чого вже вінъ не робивъ, якъ біля їхъ не захожувався, щобъ вони хочъ полаялись! нічого не вдїявъ. Досїдно чорту. »Що тутъ,« дїмає, »робїти?« Далї згадавъ, що въ сїмъ же селі є преїхїдна баба, зъ біса хїтра й лукава; отъ вїпъ, не довго дїмавши, и прїйшовъ до неї за порїдою.

— Бїдъ лїско', бабїсєнько, каже, — допоможїть мїні въ моєму дїлі, а я вамъ за се оддїчу.

— Дїбре; кажї, чого тобї трєба?.. не первому, такому жъ чорту, якъ и ти, я въ прїгодї стїла.

— Ви не знїєте оттє гїспїдське подружжя, Якова и Катєрїну, що въ душі воно въ мєне сидїть?

— Знїю; а що?

— Чи не мїжна, якимъ-нєбудь побитомъ, розвестї сю гємонську пару? Хочъ би прїнаймнї полаялись.

— Чомъ не мїжна? А що ти мїні за се дасї?

— Що душі твоєї завгїдно.

¹ Народъ нашъ—великій и богатїй поэтъ. Въ своихъ пїсняхъ и разказахъ онъ даєтъ нашимъ писателямъ вїчно-свїжїя и здоровїя зерна для дальнїйшого творчества. Лучшіє наши писатели подходили ближе всего къ его взгляду, къ тону его рїчи, придавалъ своимъ произведенїямъ все величїє народної поэтической простоты и граціи. На зтотъ небольшой разказъ г. Стороженка обрацаємъ вниманїє нашихъ читателей, какъ на образцовый въ своемъ родѣ. *Ред.*

— Червоні чоботи зь срібними подківками!..

— Добре, хоч зь золотими!

Згоділись, а чортъ віри не йме. »Якъ-таки,« дүмає: »я и чортъ, а нічого не вдієвъ, ато щобъ вона, чортъ батька зна що таке, баба, та зробила!»

Дурний, хоч и чортъ! и того не знавъ, про що давно вже люде кажуть: що въ старбі іхідної баби дєсять чортівъ сидить, та ще й на двадцять сідала гуляють; що—де чортъ не справитця, туді бабу пішле!

Тільки баба віпровадила чорта, заразъ натягла на себе кожущанку и побігла до цєркви. Ще й у одного дєвона не дзвонили, а вона вже стоить на бабінцю и хрїститця и поклони бєе, а сама поглядує. Стали люде до цєркви збіраться. Тільки вгледіла Ягова, заразъ до єго и підскочила.

— Ой жаль мінї тебе, чоловіче!—каже, схиливши на бікъ голову: — дүже жаль! Не знаю, якъ тебе й вирятувать, яку тобі и порадоньку дати!..

— Чого тобі треба відъ мене? пита Яківъ.

— Охъ, мій голубе! велике, превелике горе тебе чека, нещасливого!..

— Якє горе?

— Жінка тебе не любить; зрадила небґа, закохалася въ Семена Прудкого, и налагодилась тебе зь світа зігнати, зарізати!..

— Скаженна бабо! що ти кажеш? скрикнувъ Яківъ. — Та въ мене жінка тиха, якъ горлиця; вона менє любить — души въ собі не чүе!

— Мій голубе сізний! не йми жъ мінї віри, коли не хочешъ, тільки слухай, що я тобі казатиму, та й роби, що самъ знаєшъ...

— Кажі.

— Сєгодні, якъ вернєся сь цєркви додому, жінка стане тобі ськати въ голові... Глєді жъ: якъ побачишъ піжъ, швидче вскакуй, щобъ вона не перетяла тобі горлянки!

— Тьоу на твого лісого батька! скрикнувъ Яківъ, ажъ перехрестівся.— Якє неподобне вигадує! Нехай вона на твоєї голові окошитця!.. та одъ неї скорішъ у цєркву.

А чортъ, перекинувшись горобцемъ, слүха, та зь радости ажъ підскакує, та хвостикомъ вертить. Бачить дивольський синь, що бісова баба гарздъ-такі засмутїла чоловіка; бо війшовъ у цєркву и не перехрестівся.

Съ церкви метнулася баба до Катерини; полетівъ за нею и чортъ.
 »Побачимо«, думає собі, »щобъ дальшъ буде!«

Катерина, випровадивши свого чоловіка до церкви, побраетця біля печі, весела й щаслива, якъ пташечка, а пісня такъ и виливається изъ самого серця: сказано—любить, щаслива, весела. И не схаменулася небогга, якъ лихо затуркотило у вікниці.

— Хто тамъ? пита Катерина.

— Се я, обізвалася баба.—Відчині.

Війшла баба въ хату, збідшилася, хліпа, мовчки сіла на лаві, и на добрі-день не сказала!

— Чогó се, бабусю, ви такі смутні? пита Катерина.

— Серденько моє, дитинко моя люба! каже баба, важко зітхнувши,—не питай мене: не зъ добрими вістами я до тебе прийшла... Лучче бъ ми́ні старі́ и не дожи́ть до сі́ї люто́ї бідоньки.... И зновъ розпустила патєки и заголосіла на всю хату:—Пропала ти донечко, на-віки пропала!.. Не любить тебе твій Яківъ: причарували єго до себе злаі люде, одвернули єго одъ твого серця!..

— Оттакє вигай! каже молодіця, засміявшись.—Та такбі вірної дружини, якъ мій Яківъ,—нехай здоровъ буде—на всьму світі не знайти!

— Охъ лишенько моє! такъ и я думала, та не такъ вонó війшло. Слухай, серце: Позавчбра приходила до мене удова Бистріха—щобъ їй добра не було! — и просіла зілля. »На що тобі?« питаю. Не хотіла спершу казати, а тамъ и призналася: »Закохалась,« каже, »у Якова, Катеринного чоловіка... причарувати. Вінь дуже любить свою гладку жінку.« Я й не дала: сказала, що въ мене нема того зілля. Сегодні оцє идү до церкви, зиркь — ажъ твій Яківъ ходить біля Бистрішиної хати, якось чүдно дивитця и голову понуривъ. »Охъ ми́ні лишенько!« думаю: »чогó се вінь такий? щось не благополучно!« Скорішъ у хату до Бистріхи; питаю, а вона усміхаєтця, та й каже: »Ажъ у Пётрикахъ достала того зілля.« Якъ ножемъ мене въ серце штрикнула. Де бъ то не достала? тільки гляннула я на бідолáху, заразъ и пізнала, що вже єму дадено. Не счулась, якъ оцє и до тебе прибїгла... Охъ ми́ні лихо тяжкєє! пропала жъ ти, мой гóрличко, на-віки пропала!..

И зновъ заголосіла на всю хату.

Слуха молодіця, и вже не смієтця: склепілися устони́ка й по-

сиділи; сама—як крѣйда; на очахъ тремтять слѣзи; вся труситця и хапаєтця за стіль, щобъ не впати.

— Бабусенько, пѣнечко мой! заголосіла Катеріна, облившись гіркими,—вирятуй же мене нещасливу, вирятуй мого бідного Якова! Якъ вінъ мене покине, то й я світъ покину, сама на себе руки наложу!

— Вирятую, моє серденько, вирятую, не дамъ злій личині верховодити надъ вами! тільки, мой голубонько, треба якъ найшвидче одворожувати, поки ще твій Яківъ не перепивъ недопійла, поки супротивникъ не засівъ ему въ потилиці,.. Чи нема въ тебе гострого ножа?

Молодиця скорѣнько подала бабі ножа. Отъ вона пошентала, пошакрувала надъ нимъ, та й каже:

— Озьми жъ сѣго ножа, и якъ вернетця одъ Бистрихи твій чоловікъ; то поськаєшь ему въ голові, а якъ засне, то симъ ножемъ одріжешъ у єго прядку волосся и оддасі міні, то я заразъ розібью ті чари якъ чортової матері, и приверну твого Якова зновъ до тебе!

Катеріна ажъ руки цілує у бісової відьми та дякує, а чортъ, сидючи на вікні, все чує, и весело бъ то ему, и страшно: »Не бісова баба!« думає, »Яка жъ лукава та їхідна! Съ такою и нашому братові не безпечно.«

Потіюпала вража баба додому, тільки поглядує на свої діряві черевини, та думає, яка-то вона гарна буде въ червонихъ чоботяхъ! А бідна молодиця, въ своїй хаті, місця собі не приберє; и руки ламле, и гірко плаче; серце кровью обливаетця.

И Яківъ смутний повертаєтця додому. Хочъ и не поніавъ бабі віри, однакъ важко стало на душі, одъ одної чутки, що въ єго дружина невірна. Понуро війшовъ у хату и зъ підлобья глядять на жінку. И Катеріна не привітає єго; не вінуласть, якъ завжди, ему назустрічъ; стоить, якъ у зємлю вкопана.

»Що сталося зъ моєю жінкою?« думає Яківъ, пильно на неї дивлячись.

»Се не мій Яківъ!«, думає молодиця: »такимъ поглядомъ вінъ на мене ніколи не дививсь!

Посідали,— одно до другого слова не промовить: у обохъ тяжко, важко на душі. Далі Катеріна й каже:

— Ягове, може бъ я тобі поськала въ голові, поки страва упріє.

Ажъ здригнувся сердешний Яківъ, почувши її, ажъ груди йому заложило.

— Добре... ледві промовивъ сердешний и подумавъ собі: «Мабуть, не брехала баба.»

Охъ, щось же не добромъ у сій щасливій хаті віщє! Янголі ховajúтця за образи, а чортъ вийшовъ у сина и за клямку вже берётця.

Росчісує Катерина голову Якову и приглядуетця и прислухаетця, чи не заснувъ вінъ; а сердешному чоловікові не до спання: серце вь його на шматкі розриваетця. Ажъ ось, здаётця їй, що вже вінъ заснувъ. Отъ вона тихенько й виймає зпідъ себе ножъ, а Яківъ хапъ її за руку! — Жінко!... що се?.. и закішило...

Янголі, заплющивши оченята, тікають съ хати, а чортъ ускочивъ у хату, заразь собі и кубелечко звивъ у пичурі.

Не зовсімъ—такі й збрехала вража баба: не жінка зарізала чоловіка, а чоловік жінку.

Лежить молодиця, якъ скошена квіточка: съ пробитимъ серцемъ, вся підплила кровью; а безталанный чоловікъ рве на собі волосся, бьётця вь сирю землю... Пропало любе життя на світі! пропала й душа!.....

Понісь чортъ вражій бабі чоботи, та вже теперъ и йому страшно до неї підступити,—дарма, що чортъ. Отъ вінъ настроивъ на махові віла чоботи, та такъ їй и оддавъ, щобъ и не доторкнутись до гаспедьскої відьми.

Відсіля жъ то й віроілась приказка: Се, мовлявъ, така баба, що чортъ їй на маховихъ вілахъ чоботи оддававъ.

Олекса Стороженко.

1861 г. С. Жемчужина.

II. Жидівська Дяка.

Сему вже годівъ вісімъ, якъ прихавъ—чи дє вь чорта прихавъ! пішки прилізъ—Жидъ Лейбалъ. Мо бачили на базарі новий двіръ, ще й вікна зеленимъ розмалєвані. Теперъ забагатівъ ледящо, а тоді такий прийшовъ обідраний! Жидівка замурзана, жиденя-

та гóлі... Прийшовъ, та й нанявъ хату у старóї Москóвки. Грóші, які въ ёго були, попере́водивъ. Осивъ зати́мъ, щобъ люде́й підма́нжувати та обду́ржувати; та ба́чить, що нема́ за що й рукъ зачепи́ти, крути́всь-крути́всь, — иде́ до За́вирю́хи. А я підъ той часъ до Макси́ма наведе́вся. Дивлю́сь: Жидъ уби́гъ та въ но́ги За́вирю́си: »Такий—сякий до́брóдію! по́ки жи́тиму — дя́кувати́му: ви́зволь изъ би́ди — пози́чь три карбо́ванці.« Помóрщився Макси́мъ: »Пропаду́ть«, дума́, »грóші. Лу́чче вже свому́ бра́ту помо́гти, ніжъ Жи́дові.« Оди́нче—сказа́но, щира́ душа—и Жи́да пожа́лувавъ, давъ ёму́ три карбо́ванці. »На́«, ка́же. Лей́ба зновъ у но́ги. »Я вамъ«, ка́же, »и процéнтъ одда́мъ и грóші верну́.« — »Не тре́ба ми́ні,« ка́же За́вирю́ха, »твои́х процéнтівъ, а грóши оддася́, якъ бу́дуть«.

Чи зъ Макси́мов: лё́гкої руки́, чи вже такъ Жи́дові пощасти́ло, тильки піджи́въ нашъ Лей́ба: вже й коривка́ въ ёго, и коня́чокъ пара́; купу́е, переку́пуе, прода́е. Ставъ Лей́ба не той, що бувъ, що бу́ло уся́кому попе́реду вклóнитця. При́йде бу́ло чоло́ви́къ за цвя́шками, жінка́ за ми́ломъ, дівча́ за го́лкою, хочъ би и вно́чі, — слóчить, би́жить, двéри відчи́няе, ненáче вінъ и не спить ни́го́ли; а́то вже поча́в корчму́ держа́ти, вже й че́ля́дка у ёго, и найми́ть. Вінъ ору́дуе ни́ми якъ хо́че, а самъ и зъ подушо́къ не вила́зить. На щó вже разъ—самъ пан-оте́ць зайшо́въ до ёго за чы́мсь, а вінъ ле́жить—не вста́е, та ще до сті́ни пі́ною, а до панотця́, виба́чайте, за́домъ.

За́вирю́си все жъ грóшей не да́е. Не гара́здъ и тре́ба Макси́мови́ їхъ, та корти́ть ёго́, що леда́що Лей́ба лю́дямъ горду́е, а ёму́ не верта́е грóшей. Каза́въ Макси́мъ Лей́би не разъ, а мо́ й де́сятъ разъ, такъ усé одма́га́етця: то »подо́жди«, то »черезъ ти́жні́ку верну́, бо тепе́р нема́. Хи́ба то́бі«, ка́же, »за́разъ тре́ба?«

Въ насъ у го́роді на Параски́ ярма́рокъ, са́ме передъ веси́ллями; такъ лю́де и іду́ть. По́їхавъ и я зъ Макси́момъ... Спаси́би́ Бо́гу, що хочъ не на оди́мъ во́зі, а́то бъ, мо́же, й ми́ні ли́хо бу́ло. Біла́ Лозо́вої корчмі́ зупини́ли ми ко́ней, а са́мі зайшли́ по осьму́сьці. Въ ко́рчмі люде́й ба́гато: и нашъ бра́тъ коза́къ ярма́ркуе́, и моска́лі й каца́пи ла́ютця, а въ ку́тку хурці́къ изъ чу́макомъ би́тись заво́дятьця. Ви́пили ми по чарці́, иде́мо зъ корчмі́ до во́зівъ, щобъ да́лі іха́ти, ажъ и Лей́ба тутъ на во́зі сиди́ть; а ви́з парокі́шний, а на ёму́ пуді́в мо́ со́рокъ бо́рошна въ ми́шкахъ.

Я—неха́й Бо́гъ прости́ть, мо́' черезъ ме́не чоло́ви́къ пропа́въ—

кажу до Завірюхи: »Бачь, Жидь аніхтемський тобі грошей не віддаб, а смільки въ ёго борошна! Иди та візьми одинъ мішокъ. Въ ёму не буде більшъ за сімъ пудъ.« А борошно тоді було по два вісьмигривеника. »Хочь що—небудь«, кажу, »вёрнешь.« Максимъ послухавъ, та й каже Жидові: »Ти міні, Лейбо, ще вінень гроші. Дай міні одинъ мішокъ, то й будемо квітти.«

А Лейба: »Що, що? Се ти мене грабуватимеш? Мо не я тобі, а ти міні ще вінень. Треба у книгу подвітись.«

Не втерпівъ Максимъ, пхнувъ Жіда. Той зъ вóзу й поготівся. Самъ узявъ мішокъ зъ борошномъ, положивъ на свій візъ, та й поїхавъ собі.

Идемó ми зъ Максимомъ по ярмарку, ажъ нде назустрічъ Лейба, якийсь панóкъ и два москалі.

— Ти Завірюха? питає панъ Максима.

— Я, каже Максимъ.

— Зв'яжіть ёго, каже панъ.

Здивувався Максимъ: бачить, що напастъ.

— Я й самъ підү, каже.

— Не можна, каже панъ:—розбийнигівъ треба вязати.

Потягли москалі Максима.

Приїхавъ я додóму, кажу Максимісі: »Танé й такé ліхо: понавъ твій чоловікъ черезъ Жіда увъ острогъ.« Вона й почала голосіти: »Ой лишенько моє!« каже: »звátимуть могó чоловіка острожникомъ!«

Не знала небóга, що ще й не такé ліхо буде.

— Гóді, кажу,—тобі, Катре, плакати! (Вона мені ще й родичка доводитця.) Біжі, кажу,—швідче до Стéхи: може, Филимонъ Степановичъ вівзвoлять.

То павъ до становóго. А Стéха въ ёго за хазійку жила. Сиротóю змáлку zostáлася; по чужихъ людяхъ у наймахъ жила; приняла усякого горя. А нічого казати: дівчина дóбра, до робóти охóча. Тепéрь за Остапомъ Лопуцькомъ, москалёмъ. Така прегáрна молодіця, що не треба й краще. Стáла вона за наймичку у становóго: де ні робіти, то робіти. А вінъ не на те її наймавъ. Почала вона одъ ёго тикати, а вінъ пішле розсільного, той и приведé. »Ти«, каже становій Стéсі, »поїдналась на рікъ,—гóду ще нема. Якъ годъ мине, тоді й одійдешь.« Однáче ще до гóду почала Стéха и становімъ орудувати, и станомъ заправляти. Инша бъ на

її місці велику бь сілу грбшей придбала, то людеї обдираючи, то самого підкрадаючи, а вона — грїхъ казати — не обїждала нікого, жалїла—такї свого брата; за те її теперъ усяка людина поважає.

Пїшла до її Катря. А вона, ще дівкою бувши, во Стєхою и на юлиці и на грїщі гуляла, та ще й сестри доводятця: мої дочка оббхъ хрестїла.

Роспитала Стєха, чоґо прийшла Катря. »Підожді«, каже, »сєрденько; піду побалакаю,—щб вінъ скаже.« Незабаромъ, разомъ изъ Стєхою, вийшовъ и становий. »Ти«, каже Катрі, »Стєшина сестра; треба для тебе у гбродъ шатнїтись — визволяти твого чоловіка. Моє ще можна: слїдствия не було. Колибъ не те, що новїї исправникъ,—менї бь се діло и за ухомъ не свербіло: Семєнъ Семєновичъ послушавъ би мене.« А далї й питає: »Щб жь менї за клопоти буде? Давай пять карббванцївъ, такъ поїду.«

Катря була ажъ пятнадцять наготовила. Дївниця, що Стєха моргає їй,—оддала становому пять карббванцївъ. Підвода, якъ день, якъ нічъ, у станї готова. Становий сївъ, та й поїхавъ. Ось якъ Стєха нїмъ орудувала, дякувати їй!

Катря хотїла додому йти, такъ Стєха не пустила. »Щб тобі,« каже, »дбма робїти? тїльки сумуватимешъ. Гуляй у мене, поки вєрнетця. До гброда не далєко; у нічъ и звєрнетця.« Почала частувати Катрїю чаємъ, и налївкою, а Катрі ні щб на дїшу не йде; усє плаче та вздыхає. Дївлючись на її, спогадала й Стєха своє гїркє життя, що всяке ганить, осужає, дарма що вь вічі добрі. А зї щї? Хибї вона вїнна? Не було вь її ні батька, ні матери,—нікому булї оборонїти, абб наустїти. Пнші ще думаютъ, що їй дббре жїти, а того й не знають, що Филїмонъ Степановичъ пбти її слїха, поки не впєтця; пбти й жадує; а якъ пїяний, то зїразъ бїтнєсь та глумувати.

Замєсь тбго, щббъ гуляти, проплакали цілу нічъ дївчина зъ молодїцею. Передъ свїтомъ приїхавъ становий. Вийшла відъ єго Стєха така невесєла та понура. »Не сумуй« каже Катрі: »мбже, ще Бїгъ помбже. Бувъ Филїмонъ Степановичъ у справника,—нічбго не враднєв: такїї запєклиї! Казавъ панъ, щббъ ти самá іхала до справника, тїльки щббъ хабаря єму не давала, бо вінъ не берє.«

Справникъ у насъ тоді бувъ новїї; тїльки що зъ Петербургу нїїхавъ, а єго панї за справника й постановїли. То у насъ булї

справникъ пузаті та старі, усє найбільшъ зъ офицерівъ, а сей ще зовсімъ молодий бувъ, худенький, чорнявий. Такъ, вінъ, здається, й добрий бувъ: зъ усякимъ побалакає, піколи не лається; бігтись — не бився. А Катринъ чоловікъ черезъ єго пропавъ... Такє диво?

Приїхала Катря до справника.

— Чого тобі треба? питає лакей.

— Мнї треба, каже Катря, — твого пана побачити.

— А що дася?

— Що жъ вашій милості дати? каже Катря, та й виймає трояка; ще думає, що багато дає.

Лакей подивився, похитавъ головою, та й каже:

— Сказалась, чи що? Десять карбованцівъ, ато й годъ пана не побачишь! Заразъ у шію прожену, не пушу й до-віку. Я знаю — ти Завірюшина жінка, твій чоловікъ багатиръ.

Мусила Катря дати єму десять карбованцівъ. Заразъ п до справника її покликали. Пришла вона. У справника сидить якийсь панъ, офицеръ.

— Чого тобі, голубушка, нада? питає справникъ.

Катря й розказала єму, якъ и за що узяли її чоловіка.

Справникъ поховавъ руки у кишєні, та й почавъ ходити по світлиці.

Офицеръ усє на Катрю дивитця, а далі й каже справникові:

— Чогб ви, Владімеръ Миколаєвичъ, думаете? Нехай би вона у васъ днівъ зо три погуляла: бачите, якá гáрна! А чоловіка бъ вїзволити. <

Подививсь справникъ на Катрю, почервонівъ увесь, якъ ревнє: *вонъ!*

Катря зъ світлиці: думала, що се її вінъ женє. Справникъ зупинивъ її. »Се«, каже, »я не на тебе, а на сєго падлеця кажу. Не чуете ви, чи що? Вонъ! Щобъ ваша нога більшъ у мене не була! <

Офицеръ полупавъ-полупавъ очіма, за шапку та й за двері.

— Не мбжу, голубушка, пособіти я тобі, каже справникъ. — Слїдствія я зроблю по закбну, а ти клопочі въ уїзному суді. Тамъ, мбже, твого чоловіка й вїзволять; тільки припасай грошей: вони до їхъ ласі.

Попродала Катря усю худобу, позичила у людей — чисто всі гроші перевелла, а чоловіка не порятувала. Попереду судові паничі й засідателі казали, що се пусте діло, що абі гроші, такъ и не такє діло можна повернути. А далі, якъ повітягали у Катрі гроші, такъ и сказали їй: »Старались ми, старались, та справникъ такє слідствія зробивъ, що нічого не можна було зробити. Присудили Максима на Сибірь...»

Мотнулася Катря до предводителя. Вінъ, бачите, знавъ Максима: той їму жито на вінницю постачавъ. Предводитель и нарядивъ Катрю, щобъ іхала въ губернію.

Катря застала зємлю и поїхала въ губернію. Тамъ и останніхъ грошей рішлася, а чоловіка не вірятувала, — пішовъ—такіи на Сибірь. Хотіла й Катря за нимъ ити, такъ вінъ звелівъ їй, щобъ у Матвіївці жила, дітокъ доглядала.

Теперъ Катря у моїй дочці живе: вона її хрищенія. Дочці моїй у мясніці піде двадцять—восьмий годъ, якъ вийшла заміжъ; та дітокъ Бігъ їй не давъ, такъ вона й худобу Катрі одіусе: й, бачте, за рідну дочку приняла.

Митро Олельковичъ.

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ

ОДЪ НАЙДАВНІЙШИХЪ ЧАСІВЪ. (*)

ПЕРЕДНЕ СЛОВО.

Пишучи *исторію України*, дбавъ я не про однихъ тяхъ, що по исторіи, мовъ по далѣкихъ сторонахъ, проходять и тільки самі її дива оглядають. Мусивъ я не мѣнше й на тяхъ оглядуватись, що историчнимъ живописаннямъ не вдовольняютьця, и всякої рѣчи самі по жерѣламъ историчнимъ доходять. Не подоба жъ би була мені, ведучи свою повість, разъ-пóразъ зупинятися и мої доводи до уваги товариству подавати. Тимъ я свою роботу на дві часті ділю, и що тільки менѣ въ позісті мало бъ зупинити, або її надто широко розводило, — все те въ припекі позадъ своїхъ книжокъ пускаю. За однимъ же заходомъ тутъ я й жерѣла историчні вказую, съ которихъ моя повість вичерпана. Пишучи жъ найбільшъ для того товариства, що въ великихъ городяхъ не проживає, постановивъ я собі — не то жерело вказувати, та тутъ же зъ ёго й виписку приточити, котóra або мою річъ

(*) Предлагаемая первая глава истории Украины сообщена намъ авторомъ по нашей неотступной просьбѣ. Намъ хотѣлось показать началомъ этого обширнаго труда почтеннаго нашего сотрудника, въ какой степени языкъ украинскій способенъ къ строгому научному изложенію столь-важнаго предмета, какъ исторія. Самъ авторъ не признаетъ еще этой главы оконченною ни въ литературномъ, ни въ ученомъ отношеніи. По окончаніи перваго тома его исторіи, говоритъ онъ, весьма можетъ случиться, что эта глава будетъ написана вновь. Какъ бы то ни было, но мы увѣрены, что читатели наши прочтутъ ее съ живѣйшимъ любопытствомъ.

вп'ясиє, або ширше діло оповідує. Тимъ способомъ, вкуні зъ своєю *Історією*, піиъ ще й хрестоматію виписокъ подамъ я гостинця на Україну. Въ насъ бо по маленькихъ городяхъ, селахъ и хуторахъ хіба десяту долю тихъ книжокъ—та й то на тисячі верстахъ—пзнайшозъ би, которі историкъ до свого діла поперечітує. Тимъ—то нашъ братъ Українець, війшовши зъ вищої школи на повітову службу, чи на господарство, найбільшъ тільки самими журналами пробуваєтця и, коли достатку не має, то до-віку тихъ книжокъ не зустріше, въ которихъ листокъ, чи два листки міжъ согнуе, або й сотня листківъ міжъ тисячею, про ёго рідну сторону оповідує. По собі знаю, зъ якою, бувало, жадобою коло книжокъ историчнихъ приписки перечітуєшъ, которими себе писатель перезъ товариствомъ оправляє. Иноді було й про самого автора зъ ёго розумованнямъ байдуже, а ёго приписки нові мислі въ голові засівають. Такъ же, може, ииший читатель, заглянувши мимохідь у мій текстъ, нечитанимъ ёго покіпне; маючи жъ свій, некупований розумъ, по моїхъ випискахъ пійде, и, чого здобути більше нігде,—залюбки тутъ повичітує. Багато бо есть такіхъ книжокъ, до нашого діла потрібнихъ, которихъ ні за які гроші не доскочишъ, которихъ иноді на всёму світі пять, або шість екземплярівъ и есть по бібліотекахъ далєкихъ. Що жъ сказати про рукописні жереза историчні? Тутъ ужє треба притьмомъ свою повість широкими приписками позаздъ книжки доповняти. Такъ же воно й буде въ мене, и, певно, ніхто за те на мене не поремствує.

Мішу жъ тутъ іше словцє додати: що які бъ ні були въ мене виписки, всі вони друкуватимутця тільки про людей тямущихъ, которимъ нічого вже съ чужої мови на нашу перекладувати, або старі, забути слова новими приписками вияснити. Которі книжки будуть у мене підъ рукою въ перекладі, а оригіналівъ не матиму, съ тихъ я буду перекладною мовою виписувати; якъ же тільки можна буде приточити виписку зъ оригіналу, то вже мішу перекладъ геть одсунути. Трапляєтця бо часомъ такъ, що перекладчикъ не збагне, якъ воно тамъ именно сказано, и словомъ своїмъ противъ оригіналу схібить ⁽¹⁾.

(1) Два такихъ случаи недавно мні, за моїмъ діломъ, навернулося. Въ Киевськихъ *Памятникахъ*, въ томі 1, третей нумерації, на стр. 70, козакъ, понашивъ Полякамъ у руки, одвітують на розпросі, по перекладу съ Польского, такъ: «...при первой потребности, какъ скоро паны гетманы были схвачены и войско было разбито...», а самі Поляки записали козацькі слова такъ: «...w pierwszey potrzebie, kiedy P. P. Hetmanow pojmano, u woysko zbito...»

А вишніскі рѣблятця почаству въ такіхъ случаяхъ, що не то що, а й саму ходу рѣчи треба узяти до уваги.

Ще одне слово. Підійвшись *Історію України* написати, мѣшу я догодити землякамъ, котѣри Україну своєю кохають и шанують. Що жъ, якъ не ту вони въ мене старовину побачать, котѣру звѣкли собі по книжкахъ впображати? Звѣкли въ насъ на історію України крізь наше козацтво споглядати и кругъ козацтва все рідне дієписання обертати. Тимъ часомъ самѣ козацтво було тільки буїшимъ цвітомъ, а іноді й колѣчимъ бодякомъ середъ нашого дікого стѣну. Росло въ насъ дѣ-чого багато й опрѣчь козацчини, и все те, що росло, цвіло, умірало и паново въ іншому виді родилося, все те історію нашої України становить. Тимъ-то усяку силу мѣшу я зрівно вважати, котѣра тутъ зъ іншими силами боролася, а пильнувати найбільшъ того, що въ давні часи для часівъ дѣвськихъ учинилося, та й до насъ попереходило. Не скрізь козацчину треба намъ на давнину дивитися, а зъ давнини на бліжчі до насъ віки, а въ нихъ и на козацтво споглядати. Давню історію України Татарщина намъ перебіла. Після Татарщини нові порядки по Україні постаїш, и тільки память про князівъ та їхъ усобиці зосталася. Густимъ туманомъ покрілися ті віки дотатарські, и наука не багато вдіяла, той туманъ розганяючи. Тимъ-то переїдемо ми у двохъ, у трѣхъ главахъ ті літописні споминки, та вже тоді своєю річъ на всю шириню пѣстимо, якъ до Литви й Ляхівъ доберемося.

Отѣ жъ, поблагословившись, зачинаємо своє оповідання, товариству на вжитокъ, молодімъ до читання, старіішимъ до розумного рахування. «Се начнемъ повѣсть сію.»

Напустивъ би історикъ туману своєю віписною съ перекладної рѣчи; а зъ оригіналу всякий тямущий побачить, що тутъ идѣ діло не про якусь *потребность*, а про воєнну потребу підъ Кореуємъ.—Другий случай: Святославівъ оселѣдець памятає всяке по Карамзинѣ (*Ист. Г. Р.* изд. 2-е, I, 192), а самъ Карамзинъ довідався про ёго чубату голову одъ Лѣва Дякона, котѣрий, мабуть, бачивъ Святослава на свої очі. Історію Лѣва Дякона переложивъ на Московську мѣву Д. Поповъ и надрукувавъ року 1820. У томъ перекладі про Святославоу чуприну написано такъ (стр. 97): «Голова у него была совѣтъ голая, по только на одной ея сторонѣ висѣлъ локопъ волосъ, означающій знатность рода». Тимъ часомъ у п. Соловьева, въ *Исторіи Россіи* (т. I, стр. 139) читаємо: «Всѣ волосы на головахъ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшего по обѣимъ сторонамъ, что означало егѣ знатное происхож-

ГЛАВА I.

Сь-покопъ-віку Поляне громадськими вічами правувались. — Данину Козарамъ платили. — Князькій-Русь Новгородську землю опанували. — Подпирящину підь свою рұку нахилили. — Князькій полюдною и судією даніною користувались, и сь Грєцькою землею торгували. — Вбийшись у сілу, князькій громадське право почали зневажати. — Поділивши землю міжь своїмъ рѣдомъ, усѣбицями її пустошили. — Тимъ часомъ увєсь Рұський миръ підь иїми до-кўпи збиравсь и самъ зь собою почавъ обізнаватись. — Грєцька віра ще й більшъ тому допомогла и Полянську людськість по всіхъ Рұськихъ сторонахъ росиростєрла.

Яка була зь давніхъ часівъ доля нашого рідного краю, зазнаємо тільки за тисячу роківъ. Вь ту давнину, до котѣрой не сягає наша писана память, мўсило перевернутись на Україні людей багато, а якъ вони звались, намъ и того не переказано. Тільки прослідокъ їхъ по давніхъ кладовищахъ невіголєснихъ знаходимо, та божича їхъ камяні по степовихъ могилахъ стоять нїмўючи. Мўсили жь ті невідомі намъ народи жити вь нашому краї перехожими зь мїста на мїсто скотарями. Пєвно, вони одинъ одного прогалили, одинъ у одного—хто дўжчий—одбвали найкращі паші підь свої табуни, гуртї, отарп: пєвно ще тоді землі вь нашому краї не ѳрано. Якъ же степова подпиряньска ѳбшпрь вбїлась у хлїборѣство, тоді вже, мабутъ, одинъ людъ на сїї ѳбшпрї загнїздївся, и вже кочовники не подўжали єго зь роскїшної ролї, ѳба-попї Днїпра, зїгнати. Зовемо ми народъ сей—звїдкїлі бь вінъ нї взявся—Українськимъ, бо давно вже вінъ живє на узгращїчї двохъ великихъ народівъ, не мїшаючись нї зь однимъ, нї зь другимъ, ані свого ѳблїччя, ані свого дўху не одмїняючи. Назвавсь сей народъ Русь, сь того часу, якъ почали надъ нпмъ захожі зь Балтїцького побєрєжжя князькій-Русь панувати. Якъ же ще нїякого князювання на подпирящинї не завѣдїлось, звали нашїхъ предкївъ сусїде Полянп, що вони вь поляхъ кохалися; а вони своїхъ близькїхъ сусїдъ звали—ѳбѣ Деревліне, що жили по нўщахъ, ѳбо Сїверяне, що кь півночі одь нпхъ по Деснї, по Сїлму, по Сулі порозєєлювались ¹. Далєкі жь сусїде вь Полянъ були—кь півночі: Дрегѳвичи—поза рїчкою Прїшеттю; Крївичи—у верхївїяхъ Днїпра; захожі Славїне безь прїзвища—коло Пльмєна ѳзера; Радїмпчи—по рїцї Сожї; Вїтчпчн—за

девієс. Кому жь тепєръ давати віру: чи Карамзину и Д. Попову, чи п. Соловєву? а оригнала де взїти, живучї підь Лубвїямъ ѳбѣ коло Лѳхвїцї, щѣбъ довїти правди? Тимъ-то наша вїппска сь Грєцького оригналу и станє тутъ у пригѳді чоловікові тямўшому.

річкою Окюю; а къ полудню: Дуліби або Хорвати — по ріціи Бѳгу; Угличи и Тиверці — по Дністрі.

Чи велика, чи малá булá подніпрáньська ѳбширь землі Полянської, чи густо, чи зрідка залюдняла її наші хлѳборѳбні прѳдки, доказати сѳго не докажемо. Знаємо тѳльки, що Поляне, та й їх сусѳде, правились мѳжъ сѳбе вѳчамп,—сказати би самимъ вѳцáнямъ словѳснимъ, — и старі люде на тихъ вѳцахъ замѳсть писаного закѳну имъ ставали ². Знаємо тáкожъ, що нападáли на наші пахáрські городі й сѳла розбишáцькі нарѳдове, котѳрі, не вмѳвши зъ землі корѳсть узáти, рабуваннямъ чужихъ осѳль живилися. Запѳвне, наші прѳдки одъ іншихъ дѳбре одбивáлися, якъ же булá не сила, то одчѳпѳго платили, чи то, мовлявъ, данину давáли. Найдѳжчий сѳ тихъ не-пахáрськихъ нарѳдѳвъ були Козáре. Не здолѳши супротивъ нихъ стояти, платили имъ наші стародавні прѳдки дань. Самі Козáре стояли своїми кочовищами у степáхъ по—надъ Вѳлгою и звѳдѳля ходили до насъ за даниною.

Одногѳ, мовлявъ, бáтька, та не однакові дѳти. Такъ мѳспло бѳти й мѳжъ нашими прѳдками Полянами, що не всі однаково до рѳлі привикáли, не всі однаково своїй дѳлі корѳлись. Інші по пѳщахъ сѳлами сидáли и звѳрѳловствомъ та пасѳками кормилися, якъ отъ Деревляне, а дрѳгі, мáбуть, по далѳкихъ зѳмляхъ торгомъ ходили, поки собі корѳстне мѳсто коло Пѳльменя ѳзера вѳдѳбали и *новимъ ѳгородомъ*, замѳсть Кѳева, чи, мѳже, якогѳ ще давнѳшого гѳрода, сѳли ³. Дѳтѳпні, мáбуть, були й смѳливі люде ті Новгородці, що на видноці, якъ и Поляне, на самѳму шляхѳ водянѳму зъ Балтики вѳ Чѳрпе мѳре сѳли и зо всімъ хѳжакáмп, що зъ однѳго мѳря вѳ дрѳге швѳндяли, вѳли якось повѳдитись, а вкорѳпившись мѳжъ лѳснимъ и звѳрѳловнимъ людомъ, дѳбре розжились и росторгувáлися ⁴.

Вѳ ті невпокійні, гвалтѳвні часи по—надъ Балтицькимъ уберѳжямъ оружѳи хѳжакі куѳвѳдилися, котѳрихъ пашъ лѳтописецъ Нѳсторъ зве по—Царѳградській ⁵ Варягами, и зъ людськихъ осѳль плату собі на збрѳю вимагáли, абѳ й до шѳнту жакувáли и плѳндрувáли. Воши, ті оружѳні хѳжі люде, опанувáли якось и Новгородъ та, осѳвшись помѳжъ Новгородцями, усімъ краѳемъ навкруги орудували и данину сѳ Крѳвпчѳвъ, Мѳрі, Вѳсі и іншихъ нарѳдѳвѳв брáли. Послѳ почáли вошѳ, мáбуть, дѳже на людѳи налагáти и за живѳ заколѳчувати, що Новгородці зъ сусѳями узáли собі дѳмку й волю єдину, усі рáзомъ на нихъ пѳднялися, пзъ своїхъ городѳв и сѳль їхъ повѳгнали, перестáли имъ данину давáти и самі мѳжъ сѳбе почáли правѳватися. Воно жѳ

би їй добре, та великі чваря міжъ ними щось постали, тяжкі бої стинілися: не стало правди въ нихъ, мовлявъ літовісець. Тоді зновъ якоесь міжъ себе погоділись и іншихъ уже збройнихъ людей до себе призвали, якихся побережніхъ князьківъ зъ родомъ и дружиною, которі себе Руссю звали. Рюрикъ якііся, Русинъ, піднявся зъ братами порядкомъ Повгородцямъ и їхъ сусідамъ давати и одъ іншихъ хижаківъ їхъ боронити (року 862). Сі вже здобичники зъ Повгородцями побраталися и вкѣпі зъ ними далеко своєю властью на сусідні зємлі розпростєрили.

Впорядкувавшись изъ князьками дома, Повгородці їй на своїхъ земляківъ Полянъ оглянулись, которі тоді Козарамъ данину платили. Якъ мають вони чужихъ людей користувати, то нехайъ лѣчче нашому князеві на зброю складуютья и одної зъ нами голови послухають. Така, певно, була въ нихъ дѣмка, якъ вони съ княземъ своїмъ и єго дружиною на вічі радували. І отсе вже, кликнувши на охотника по сусідніхъ землякахъ, по Чуді, Мєрі, Вєсі и Кривичахъ, пастягали Повгородці до себе кѣпу людей велику. Переволікся зъ ними князь Олєгъ черезъ Вѣлокъ, зъ річки Ловати на Дніпрѣ, и попливъ Дніпромъ внизъ, села й городи підъ одну силу підклоняючи, данину накладоючи и охочихъ людей на воєнну здобичъ закликаючи. Тоді ще мало було проїзду літомъ по пущахъ. Скрізь якъ півночі стояли пущі величєнні; а болотні затопи та озєра по всіхъ низинахъ извивалися: ° то мѣспла стародавня Русь байдаками плавати и торгї свої и воєнни водою одбувати (торгї бо тоді зъ воєною поручъ одправувалися). Дорогу Дніпрову знали сі люди добре, бо здавна звикли одъ Балтики черезъ вѣлокъ на Дніпрѣ спадати, Дніпромъ далеко внизъ гуляти и ажъ у Чорне море за торговою чи боєвою здобиччю вганїтисъ; тільки що невеликими кѣпами ходили, то мѣсили якімъ крѣмомъ зъ бережанамъ сѣ човнівъ своїхъ крамувати, абб зиснацька села шарпати, а данину зъ року въ рікъ не змогли хижакї на сєлігъ накладоувати. Дє—які, спускаючисъ у море, до Царягорода дохожали и въ Грєцького царя служити наймалися; а потімъ знову до своїхъ вертали и гайдамацтвомъ хлїба собі добували. Були жъ, мабуть, коло боку въ Олєга всякі: и такі, що торгувати й шарпати вміли, и такі, що въ Царїградї на службі побували. Де вінъ зъ ними повернувъся, всюди взявъ гору. Уже єму городъ Смоленське піддася и єго княжого мѣжа зъ дружиною, чи то бѣ намістника княжого, до себе на людській хлїбъ приїнявъ. Піддасъ Олєгові й Лѣобєчъ. І тамъ вінъ свого княжого мѣжа зъ зало-

гою посадивъ, щобъ ужъ ніхтò данини зъ Любечанъ не вимагавъ, щобъ ужъ данина на князя й на ёго дружину йшла. Тимъ часомъ Олєгови потуги більшали. Незабаромъ вінъ и підъ Кїївъ підступивъ. Не спречалися Олєгови Кїише, за князя ёго до себе приймали, и на оружно и на судову данищу згодїтпсь мусили.

Осївсь Олєгъ на горахъ у Кїєві, не звелївъ більше Козарамъ данї платїти, поставлявъ повї городї на узгранїччяхъ Кїєвськихъ, понахїлявъ підъ свою волю Деревліицъ, Сїверянъ и їншихъ полудїниихъ сусїдъ Полїнськихъ, и шїроко почавъ гетьманувати. Оцє жъ въ-осенї й зїмою їздивъ князь пзъ дружиною на вловн—добувати хутєръ; тутъ же полюючи ходївъ и на полюддѣ, чи то бъ то по людєкїихъ оселяхъ збїрати княжу дань, подїмне, чи якъ воно тоді въ насъ звалося ⁷. Тутъ ужъ сїльскѣ громада гуртомъ ёго підїймала, медї й шивѣ ждучї ёго варїла и всю ёго дружину вгонобляла ⁸. Тутъ ёму на судъ свої справн, яко третєму суддї, оддавали и судову данищу складували. Тутъ вінъ, вїючи навїзуючи и возї накладуючи всякого добра, одсплавъ до свого княжого города, щобъ було ёму съ чоґо свою дружину зодягати, харчити и коло свого боку охотою вдержувати. Тутъ и дружина княжа и на влогахъ, и на збїранню княжої рокївщини добре роскошувала, що мусили сїлине зъ останнїго добра хижакїв тихъ оружїихъ задовольнати и одъ себе въ другї сїла випровожати ⁹.

Такъ усю осїнь и зїму промшїли князькї—Русь, Олєгъ и їнші, що після ёго нашимъ краємъ орудували, и щò въ нихъ було залишне, те въ городѣхъ перепродували, скарби збїрали и тїмн скарбамн собї дружину прибільшували. По веснї жъ човнї споружали, мєдомъ, воскомъ, хутрами, бранцїамн, которїхъ бємь добували въ сусїдъ, наладоували и до Чорного моря спускались. Було тоді Чорне море ще не Турецьке и не Татарьське; то всї берегї Крїмьскї, Днїпровї жерєла и Білоберєжжя, чи, якъ навроєлі ёго въ насъ звано, Кїлїмьське поле, все те було ще добре залїднене и городамн Грєцькїмн осажене. Було де Варїгамъ торгувати, було де й напашомъ шарпати: у ті бо давнї часн торгòві лодє ходїли оружно, и князї—Русь и зъ своїмн дружинамн не для чоґо, якъ для торгòвої прибєлі по далєкїхъ зємляхъ и морїхъ швєцїали ¹⁰: щò въ однїї землї бємь здобували, те въ другїї на добру одєжу, на дорогу зброю, або на бєстрї конї мїшїли. Тò була їхъ честь и слава; тимъ воїнї й славу свою любїли, що вона їмъ золотою здавалася ¹¹.

Отъ же и Олѣгъ, підклонивши підъ себе Деревлянъ и иныхъ сусідъ, разъ-поразъ спускався, зъ своєю дружиною та зъ охотникомъ, Дніпромъ у море, то шарпаючи Грецькі побережжя, то минаючись изъ Греками своїмъ полюднимъ и здобичнимъ добромъ. Далі добравсь и до Царягорода, и почавъ ёго огнемъ и мечемъ навкруги пліндрувати. Вжахнулися Греки и, знавши, чого ёму треба, поступили ёму данину, яку схоче. Гляньмо жъ, що вимагавъ и вимігъ Олѣгъ одъ Греківъ. Поступлено ёму по дванадцять гривень сріблѣ на човенъ ¹², та ще особно на тихъ людей оружнихъ, що остались на Україні стерегти городи: Кієвъ, Чернігівъ, Переяславъ, Пѣлощке, Ростовъ, Любечъ и інші. Далі — якъ прийде Русь торгувати въ Цариградъ, то ніякого жита Грекамъ не платитимуть, та ще Греки мусѣть харчувати їхъ зъ весни ажъ до зими, поки додому вернутця, та и на дорогу харчамъ, якорямъ, канатами, парусамъ и всякою потребізою—обміслити. А за се Олѣгъ убезпечивъ Греківъ, що, торгуючи, не буде Русь на села нападати и торговихъ людей Грецькихъ рабувати ¹³.

Оце жъ уже князьки—Русь одъ моря до моря водою и сухою—ломъ владѣли, бо, осівшись у Кієві, державъ Олѣгъ Пѣвгородъ и інші верхові землі за своєю сторожею и бравъ зъ нихъ на свої залѣги оружии не малу данину, — изъ самого Пѣвгорода триста гривень сріблѣ. Може бъ Пѣвгородъ и ёго узгранчане и не схотѣли бъ уже Олѣга послухати, такъ осягъ же вінъ и позаймавъ Варізькими залѣгами усі землі низові ажъ до Волги; то було де на охотника клікати, було чимъ и військо вдовольнити, — страшна була ёго сила. Та ще жъ тимъ вінъ, мабуть, верхові землі до себе притягувавъ, що вони хлібомъ зъ низовихъ земель заживлялися, що якъ—би не пустивъ торговихъ людей съ хлібомъ угору, то верховикамъ довелось би голодувати ¹⁴.

Оце жъ уже наставъ иший порядокъ на Україні, якъ почали князьки—Русь и оберегати, зъ неі собі данину брати и своєю, Руською землею и називати. То правили землею старші родовики, громадські мужи, сходячись пзъ двохъ, пзъ трѣхъ, изъ десяти сілъ у одно мѣсто на народне вѣче и не було бильшъ ніякої власти на Україні, а теперъ уже коло князьківъ старшина оружия настала, боярами звѣлася, по городѣхъ замість самого князя зъ дружиною сидѣла, а дружина, яко народъ оружний и одягний, тежъ одъ селянъ одривлялася, до роботи не брѣлася, а все тільки воєнною здобиччю та полюднимъ живилася ¹⁵. Ні податку, ні одбутку ніякого, опрѣчь служби

підъ княжою рукою, дружинники не знали. Тимъ—то въ дружину щонайкращі люде вписувались, и ніби якийсь особний нарідъ середъ люду Українського зъ нихъ учинився. Спершу коло князя найбільшъ ті затязці кўпились, що зъ нимъ издалека вийшли и вкўпі великі землі даниною своєю обложили. Якъ же, після Олєга, інші князьки, одніъ за однімъ, настали, тоді вже чужоземці попереводились, а самі тубольці Українці городи кийжі оберегали, по походахъ зъ княземъ ходили, изъ сілъ полудие брали и здобиччю по городяхъ торгували ¹⁶. А якъ у князя, щідъ яку несподівану пригόδу, війська омаьлъ бувало, тоді вінъ охочихъ молодцівъ до себе клікавъ, або и кочовниківъ изъ дікого степу наймавъ. Кочували тоді поузъ Україну, на безлюднихъ степахъ, Печеніги ¹⁷, Половци, Торки, Берендіи, що городівъ и сілъ не осажували, а такъ, ордою, съ поля на поле перелітали, сусідні землі шарпали и до різання на всякій поклпкъ зліталися. Отъ же и було въ князькивъ три війська: одно—дружина, сказати бъ товариство, що близько коло боку въ князя держалось, друге—охоче військо зъ селянъ и городянъ, що то на здобичъ кўпились, або своєю землею боронячи, підъ княжу рўку кўпились, або жъ силомиць у військо виганялись; трєте—чужоземце, затяжне військо, орда степоваа. Все жъ те важко лежало на плєчахъ у прѣстого, неорўжного люду: всю ту силу треба було селянамъ и прѣстимъ городянамъ прохарчити, одєжею обміслити и своєюлю ихъ, яко люду оружного, перехожого и голодного, витерпѣти. Тимъ—то, славлячи Олєга князя, що вінъ поставлявъ нові городи и своїми мужами ихъ побезпечувавъ, що вінъ и верхови и низови народи підъ одну власть зібравъ и гуртовою войною на Греківъ поміжъ себе потоваришивъ, не треба намъ єго гетьманування на подіпринципи якїмєя золотимъ вікомъ уважати. Коли бувъ золотий вікъ у нашій Україні, то ще до Олєга, ще за тихъ давнєзснихъ часівъ, котѣрихъ наша письменна память не зазнає: не одъ Олєга бо, не одъ єго княжого сўду въ городяхъ и на полудді въ сєлахъ пішло наше вічовє сільскє право, що зъ рѣду въ рідъ черезъ невпокійні часи князькихъ усобиць, черезъ понўри часи Татарщини переходило та вже тоді почало въ вічїстнихъ книгахъ записуватись — а черезъ те и нажъ обявилосєя — якъ державци скрізь по Вкраїні єго зневажали ¹⁸. Пєвно князи, Русь пришли въ нашъ край на гѣтѣве; пєвно, вміли и безъ нихъ Польєне воювати, коли допомогли їмъ усі землі навкруги сєбе підъ Київського князя підклонити ¹⁹. Мабуть же и людськїсть у нихъ зъ давнихъ да-

вінь завелася, що, договóрючесь изъ Грѣками, зовсімъ не вѣрварську рѣдну вони наппесали. Не Олѣгивъ бо то бувъ розумъ и не дружини ёго, що зросла на хижацтві и въ хижацтві всю свою честь и славу ставила: въ тій Олѣговій рѣднї вважаємо ми розумъ народу покладливого, раховитого, що давно зъ сусїями знаётця и право людське по—людській шаґує ²⁰.

Вже жъ, якъ би воно тамъ ні було, а съ того часу, якъ прийняли Князе до себе Олѣга зъ ёго родомъ за князя, починаётця виразнїйша для насъ народня жизнь по Україні. Більше одъ давнїхъ потуги почали підъ княжою рукою кўпитись; більше почали низовї зѣмлі подїипряиськї зъ верховїми и зъ заверховїнїими обїзнавѣтися; більшу здобпчъ почали наші по чужїхъ зѣмляхъ здобувати и більше свїту по далѣпкхъ країнахъ убачати; а тимъ часомъ твердїйша стала наша земля супротивъ хижаківъ городѣми, и всѣкому Українцевї — Полянїну отчїзна ёго поширшала: маючи бо одного князя зъ Крївичами, зъ Деревлянїями и їншими своїми узграпчанами, и хѣдючи, за ёго прїводомъ, по чужїхъ зѣмляхъ, зѣмляками своїми почали Поляне своїхъ сусїдъ уважати.

Не дешево жъ наші прѣдки за все те приплатїлись, бо незабóромъ почали князі—прїймакї одъ Грѣцькихъ царївъ царювати вчїтись и по Україні чужї порядки заводити. Дўмка—то була така въ верховїхъ нашихъ Славїнхъ, якъ завелїсь у нихъ домовї чвѣри, що свїї дўка земляковї дўці не підкїонитця и свої своїхъ не такъ—то бѣдуть право судїти, памятаючи прѣжнї усѣбнїцї й обїди або рїдъ за рїдъ рўку тїгнути, а вже князь—чужозѣмецъ одъ усѣкого дўжчпї и всѣкому чужїї, то ёго третѣму суду всѣке підкїонитця; сїдючи жъ на громадському хлїбовї и маючи собі сўдию данїну рївно одъ усѣкого, нічого бѣдъ ёму вїчовїї судъ перехїблювати. Владатиме жъ вінъ тїльки своїмъ княженецькимъ скѣрбомъ, що на ёго сїлу зѣрѣйну ёму постўплять, а землю не владатиме, то й ні для чого ёму бѣдъ на сўдї правдою коверзувати ²¹.

До якѣгось часу воно такъ и держалось, що князь пзъ дружиною, зъ боярами й дворянами своїми бувъ самъ по собі, а мпръ изъ своїми господарствами, прѣмислами й торгѣми—самъ по собі; а послї князі, маючи по два, по три синї, почали їмъ дїленїцї роздавати, а тї зновъ своїмъ синѣмъ одъ своїхъ дѣржавъ городї удїляти. То бувъ одинъ князь на всю зѣмлю (котóру вже скрїзь прѣзвано землєю Рўською), и одна въ ёго була дружина, и одного князя слўхали воеводи, чи княжї мўжи, що

по городахъ замість ёго спділи, городі оберегали и дашину на ёго збірали, атó вже въ того свой, а въ того свой дружина, и воеводи свой, и свои порядки. Хочъ же и наказували імъ батькі, діленіці уділяючи, щобъ воиі старшого, великого князя—чи то буде братъ, чи дядько—якъ отця слухали, а про—тє незабаромъ завелись князі поміжъ собою битись, братні діленіці собі привлащувати, городъ на городъ, околицю на околицю підіймати; а городяне и селяне, люблячи одного князя, а другого не люблячи, княжу дружину охотникомъ запомагали и криваві боі зводили, а та усобиця їхъ же землі пустошила, трудящихъ людей по Україні вбавляла и заможныхъ до вбожества доводила. И вже тоді мусили князі що-найбільшъ оружного люду коло боку держати, щобъ за-взятому родичові не підатися; весь же той людъ съ княжихъ околиць харчувався. Поки жъ знаходився охотникъ, зазивавъ ёго князь до себе на воєнну здобичъ; поки були въ ёго скарби, скарбами до себе людей одъ ролі, одъ рибальства и звірловства приманювавъ; якъ же ні такъ, ні сякъ нільга було обернутися, тоді люди сіялою до воєнного одбўтку гнали ²², а ще гірша напастъ — хижу орду зъ степівъ на шарпанину и полонину затигували ²³. Лучалось не разъ, що, побивши князя зъ ёго дружиною, незлюбній лодямъ князь братню діленіцю рабувавъ, якъ чужу землю, а потімъ надъ нею не яко третій суддя и заступникъ оружний князювавъ, а яко самовладній пашъ на своєму дідизному панстві, и вже тоді вічової ради певно не такъ—то слухавъ и правду кривдою почасти переважувавъ. Тутъ ужє мусили люде князькамъ волі ажъ нікто попускати, а князюки помалу—малу себе за верховихъ владікъ звикли вважати, и не то самі стародавні звичаі переступали, та и своїхъ підручнихъ до того призвичаіли.

Не треба жъ тутъ забувати, що до селянъ дідизнихъ, стародавніхъ, за князівъ прилучились селяне нові, съ полоняцъ, чи воєннихъ бранцівъ князькихъ и боярськихъ ²⁴: на воєну бо князі ходили до сусідъ не за однимъ золотомъ та едвобами, не за габами тільки та жемчугами и бисерами: найкраща здобичъ були въ їхъ бранці, которихъ або въ бою батували, або по оселяхъ захопивши брали. Тихъ бранцівъ и бранокъ до послўги собі держали, або на ролі осажували, а хто не дбавъ про землю, ті своїми бранцями такъ якъ хутрами, медомъ и воскомъ торгували, и не то дома, та и въ Царьгородъ їхъ на—продажъ вивозили ²⁵. Оце жъ и завелись на Україні села княжі и боярські спадкові, которі вже багатши князі и бояре у убожшихъ

скупували ²⁶, а під тими селами й земля вже стала княжа, або боярська, и въ ті села не то князі, та й їх бояре людей изъ вольнихъ силъ переводили силою, або хитрощами переманювали ²⁷; и въ тихъ ужé селахъ була їмъ воля що-хотя робити ²⁸; а звикши безъ упину на своїхъ волостяхъ поводитись, квапились князі и бояре, запевне, по своїй уподобі й городянами и вольними селянами орудувати ²⁹. Чернець—літописець нічого намъ про те не переказавъ: до ёго въ скитъ не доходивъ жаль людей убогихъ, неоружнихъ. Князі зъ боярами ченцямъ монастирі будували и спершу самі тільки съ підручними до нихъ на молитву й на поряду ходили; селяне жъ прости, не покидавши довго віри своєї Славянської, попівъ и ченцівъ жахалися и, въ дорозі зздравиши, манівцями обходили, або назадъ верталися ³⁰. Віра бо Грецька зненаяцька міжъ нашихъ Славянъ упродажена. Стародавні Поляне, предки наші, прийшли на Україну безъ болюхвальства, — се вже князі по городяхъ кумири позаводили, самі їмъ кланялись изъ дружбиною и, запевне, тубольцівъ кланялись неволили. Поляне жъ съ-пунконь—віку славили въ игрицахъ и пісняхъ своїхъ сонце, огонь, воду, землю—и въ тому була віра їхъ ³¹. Якъ же зложився вже на Україні, за княжымъ приводомъ, станъ вищий по городяхъ княженецькихъ, то, обертаячись почасти зъ Греками, почавъ и звичаї Грецькі, яко народу славетного, великого, багатого, переймати, а далі й віру Грецьку гуртомъ заможніші Киїне надумались прийняти ³². Пиха була не мала въ князівъ Київськихъ: билл вони добре Греківъ и іншихъ народівъ одъ Карпатъ до Кавказу и вже себе славними на весь світъ уважали; то не до вподоби їмъ було хресті собі въ Греківъ випрошувати. Войною Русь на Грецьку землю наступила, грізно почала царівну Грецьку за свого князя сватати, и мовъ би тимъ тільки згодилась хрестъ на себе прийняти, абі царівну—християнку въ свою землю висватати. Найбільша річъ тутъ були торгї зъ Греками: ставши бо самі християнами, більший собі доступъ у Грецькі городі Русь відкрила, а потоваршивши зъ Греками, и надто почавъ Київъ и інші городі багатіти.

Такъ наша Україна изъ стародавнього свого порядку въ інший порядокъ увиходила и одні свої вигоди на другі минала. До приходу Рюрикового княжого роду, вміла вона якось одъ околичнихъ хижаківъ боронитись и въ своїхъ розлогіхъ поляхъ доволі кохатися, а про-тє за князьками и їхъ оружнимъ людомъ більший знайшла собі захистъ. Хочъ же й приймали біду городі й села одъ княжихъ дружинъ и усю—

биць, та вся Р҃ська земля у одну силу спаялася. Ще жъ и пѣдто: черезъ те саме, що князі одинъ на одного войною ходили, їхъ діленці поміжъ себе л҃чче обізнавались и торгї почали міжъ себе частїше мѣти, и л҃дськості одні въ однихъ набірались. Такъ же само й до Гр҃цької віри, що княжа дружина съ княземъ поприймала, та й по всїй землі Р҃ській прим҃сомъ розпростерли. Не малого колоту ся повинна по всїхъ селахъ и городахъ начинила; бо волхвамъ невіголосимъ тѣжко було своєї слави поміжъ мїромъ зб҃тися и свої приб҃тки новимъ попамъ уступити. Вони пародъ бунтували; по гаяхъ одъ попівъ криючись, розб҃оями живились; якъ же княжа дружина розб҃ої вгамувала, вони по нѣтрахъ и болотахъ сл҃ужби свої невіголосї правили, старосвітські пісні, игрища таємничї зъ роду въ рідъ переказували, и довго міжъ селянъ, потай християнъ, пробували, ажъ поки церкви по всїй землі Р҃ській загустїлися и попи л҃дїей страшнимъ судомъ одъ нихъ оджахн҃ли, або сілюю голдувати собі зм҃сили. Тодї вони знахурями й знахурками по селахъ одригн҃лися, а стародавня віра Славянська по сей часъ у пісняхъ, святковихъ игрищахъ, звч҃аяхъ и забубонахъ поміжъ селянами осталася. Такъ Гр҃цька віра Славянську віру изъ зеленихъ гаївъ, изъ левадъ, степівъ и пашень виргувала, гаймъ и водамъ мовчати про предковичнихъ богівъ велїла и въ сумовитї церкві селянъ позбирала. Поважчало тоді на пародъ, бо князі, опрїчъ свого с҃ду княжого, с҃дъ церковний уставили и за всяку вин҃у противъ Гр҃цького Номоканону плату владикамъ и їхъ підручникамъ назначили ³³. Чи хто зъ дівчямъ близько зїишовся, чи дівчина необачно съ кимъ полюбїлася, чи хто прогнавъ одъ себе жінку, чи хто що вгравъ у кого, чи хто підпаливъ кого, чи хто кого поганно налаявъ,—за все, про все м҃сили городяне и селяне не меншъ трѣхъ гривень сріблѣ владикамъ платити, а три гривнї тоді трѣхъ волівъ коштували. И вже въ церковному с҃ді вичовї звч҃аї геть уступали; правди тутъ голосами мирськими не дош҃укувались, бо въ Гр҃цькій землі давнѣ те повиводилось. Оцѣ жъ Гр҃цькї порядки черезъ Номоканонъ почали по нашому Славянському мїрові шїрпитись и нашу Славянську жизнь на чужїй ладъ перестроювати. Владїки по городахъ и волостяхъ мовъ би повї удільнї князі постаїли, бо въ їхъ буїлі й свої л҃дє підначальнї, которїхъ князі не судїли ³⁴, и волостелї, которї тако жъ, якъ и княжі волостелї, всяку вин҃у поміжъ мїромъ виш҃укували, розбирали и с҃дний окупъ на владїку брали. Владїки по городахъ ваг҃у й мїру уставляли; владїки десятину съ княжого с҃ду, одъ

торгівого мита, одъ данщини и одъ віри чи пені, и одъ усякого прибутку книжого на свої потребизни одбірали. Вже жъ догадѣтись, и въ літописця не питаючи, можна, чи владичні волюстелі дошукувались проміжъ міромъ, хто яку виню противъ їхъ Помокаюну вдявѣ, коли її за те йшла на владіку платѣ, якъ хто по-жіночій одиць зъ однімъ бѣтисѣ зачне ³⁵.

Тимъ часомъ почало й добро съ тої новини виникати. При церквѣхъ, при книжихъ дворахъ и монастиряхъ почали книжки заводитись и що записе Біблія одъ початку свѣту, и що переказано Грекамъ, черезъ писання, одъ стародавніхъ часівъ, все те почало до насъ по троху переходити и людський розумъ розширити. Опрічь Біблії, котора дала початокъ освѣту не одному вже народові, и въ самому Помокаюні, которий Коричю, чи то бѣ то правною книгою названо, багато де-чого про інші землі й народи повписувано. Все жъ те читалось, що дѣльше, то все густійшъ по землі Руській, а хто читавъ, той неписьменимъ розказувавъ, и такъ освѣтъ помалу міжъ людьми ширився, и наша Україна почала по троху дознаватисѣ, якъ стоить свѣтъ и якъ жили й живуть по свѣту всїкі народи. Ще жъ се не все. Нові Христїане, упевнившись, що на тимъ свѣті не бѣде вже ні печали, ні воздыхання, а вічна радість у раю въ Бѣга, покидали по часту свої сѣмѣи й достѣтки, и ходили въ Грецію, щобъ іщѣ бѣльшъ по далѣкихъ церквѣхъ и монастиряхъ нової віри навчитисѣ и про дорогу въ рай поміжъ людьми спасѣними роспитатисѣ. Паломниками такі люде звалися, и сі паломники, вертаючись до домівокъ, розносели въ народі шѣби живу словесну науку про далѣкі землі й закони й звичаї. Огъ же, чогъ торгѣви люде не перенесли одъ Греківъ у Русь, торгуючи найбѣльшъ по городахъ и мало проживаючи въ сѣлахъ, те паломники по сѣлахъ міжъ охочими слухачами роспростирали и землю слухомъ про іншу, просвѣщену жизнь несповняли.

Ще за князя Владімера по значнихъ городахъ владіки поставили: въ Києві, Пѣвгороді, Ростові, Чернігові, Бѣлгороді, Владімері на Волїні. Ті владіки, для свого жъ прибутку, церкви де змогли будували, а при церквѣхъ школи заводили, щобъ письменство міжъ людьми роспростѣрти и на поповство письменнихъ собі заготовити. То була ще одна користь одъ віри Грецької, котора зъ собою багато й Византїйщини поміжъ насъ упривадляла. Владіки бо першимъ князямъ найповажнїйшими порадниками стѣлися, а у всякому дѣлі воші за взірѣ Византїю собі мали, тимъ и князямъ по-Византїйській рѣяли и Визан-

тійський духъ їхъ книжнимъ порядкамъ надавали. А про-тѣ їхъ церковні суди, котóрими вони сѣмѣ въ домовихъ справахъ и случаяхъ судили, по всій Руській землі роспростирали спокволя людські звичаї, що тільки въ Полянѣ съ-поконъ-віку бували. Тильки бо Полянѣ и, запевне, Новгородцѣвъ не довелось їмъ наставляти, що не треба жінокъ собі крадькома хапати, не треба по дві, по три жінки разомъ держати, що зъ жѣнськимъ поломъ треба звичаїно поводитись и рáди матері, сестеръ и родичокъ одъ усякого гнилого слова вдержуватись. Оцѣ жъ, змѣснвши всякого силою, коли не словомъ, кинути старе варварство, Грецька віра, що церковнимъ судомъ и словесною наукою, а що й книжками церковними, надала більше Руському мiрові людськості и всіхъ тихъ Кривичѣвъ, Радимичѣвъ и іншу півночню звіроловню дичу до Полянѣ, скільки змогла, приподобила, а тимъ часомъ Біблію и письменство по всій землі, хочъ и не хутко, роспростѣрла, и такъ Руський миръ одъ конці до конці однімъ розумованнямъ, якѣ бъ воно вже ні було, звязала.

Після сѣго всегò, що ми сказали, подніпрянська старосвіщина, ті давні, глухі часи, якъ іще одно одного Поляниномъ, Кривичемъ, Радимичемъ, Деревлянцемъ, або Дулібомъ чи Тиверцемъ звало, такъ у нашому умі визначаютьця. Далѣко одъ старезної Греції, що вже давно здорову силу втеряла, далѣко й одъ західней Европи, що саме почала въ силу вбиватись, лежали країни безъ грانیць, страшеними пущами повкривані, великими, широкими річками, озерами, недоступними болотами поперегинані, півні звіря и птїці всякої, півні дїкої бжолї, що по дуплахъ віковичнїхъ дубівъ и сосенъ сама собі роїлася. Гуртами круторогі турї по їй бувають; табунамї дикі коні по її степахъ, по вольнихъ травахъ носятця; лосі, олені, сѣрни, сугакї одъ вовківъ по тѣмнихъ ѣтрахъ шарахкають. Дїко, понуро по тихъ країнахъ; людський голосъ рідко де чути. Скрїзь ячять лебеді та гуси на тихихъ водахъ; скрїзь гомонїть лісове птаство та шумлять, якъ те море, високовѣрхі, зъ віку нерубані пущі. Тильки понадъ Дніпромъ людські оселі позаймали узгірья и долини та понадъ Припеттю, Окою и іншими річками тулятця по болотянихъ заросляхъ села, ховаючиь одъ лихихъ сусідъ и по всякъ часъ сподїваючиь нападу. Літомъ немає проїзду впоперекъ України за водянистими низинами; зімою тильки звіролови та чужоземні торгóві гóсті прокладують дороги черезъ болотá, черезъ озера, скуповуючи шкурї и воски на вивозъ у Нїмецькі и Грецькі зѣмлі. Уподовжъ України

Йде велика водяна дорога съ півночи на полудень. Оруживий людъ простѣе хижими кѹпами зъ Варязького побережжя въ багату Грецію шукати кращої долі. Обізнавшися пзъ нимъ, почали наші Славяне тихъ прочанъ до себе оборонцями й сѹддями приймати. За їхъ приводомъ, Новгородці підклонили підъ одну власть своїхъ сусидь півночнихъ, а Поляне—своихъ сусидь полуденнихъ. Тимъ способомъ всяка земля, чи близька, чи далѣка одъ Полянъ подніпрянськихъ, почала зъ ними обізнаватися п людськості звідсіля набіратися. Съ Києва князі на поляддя ходили п всю зиму зъ дружиною по сѣлахъ переходомъ гуляли. Съ Києва вони у свої діленці прибували п зъ собою готову дружину привозили. Съ Києва жъ почали навпослі й владікъ по городяхъ ставити п весь причтъ імъ изъ людей Киевськихъ давати. Потімъ у Києві монастирь Печерський проявився п школою чернецтва на всю Руську землю стався. Оце жъ єъ того року, якъ Княне піддалися Олегові, почали Поляне на всі сторони всіма способами свою людськість розпростирати, а далі (якъ побачимо нижче) п степовихъ ділкихъ хижаківъ, що по давніхъ узгряниччяхъ поза Сулою, поза Стѹгою кочували, п тихъ почали Поляне оговтувати, на узгряниччяхъ городами осажувати п въ своихъ людей претворяти. Такъ Україна п волею й неволею зъ нерухомости вийшла, на всі сторони свіжми силами кинулася п зъ роскіданихъ по безкраїй обшпрі народівъ одну Русь учинила. Не дешеве жъ їй сей великий подвигъ обійшовся: набралася вона всякого лиха одъ самихъ тихъ козарлюгъ, що по всѣмѹ світу їй вславили п одъ сторонніхъ хижаківъ оборонили. Хотъ же вони, воюючи п порядкючи, тільки за здобиччю ганялись п хижацьку пиху вдовольняли, а про людське добро мало дбали, та все жъ, за їхъ приводомъ, наша Україна духъ свій народній у боїхъ п пригодахъ загартувала, та й далшимъ, уже не княжимъ, а козацькимъ вікамъ той самий гартъ передала. Тимъ—то й годітца намъ у свою псторію їхъ подвиги криваві повичувати п їхъ ділі, боєві образи передъ потомками вповажити.

ПРИПИСКИ ДО ПЕРВОЇ ГЛАВИ.

1) Не самі себе, мабуть, прозвали сі люде Полянами, Деревлянами, Сіверянами: до сѣго бо часу наші Чернігівці зовуть Полтавцівъ Полєвиками п Степовиками, а ті зовуть Київцівъ, що живуть висше Києва, Поліщуками, такъ само, якъ задесенськихъ Сіверянъ—Литви-

нами; саміжъ Полтавці и верхові Київці не говорять про себе: »Ми—Полєвикіи, ми—Степовникіи, ми—Поліщукіи«, все одні, якъ и за-Десєнці не скажуть про себе: »Ми—Литвиніи«. Певне, вони звались поміжъ себе тільки Славянами, розуміючи *слова* одніо дрүгого.

2) П. Соловьевъ, розбираючи літописця Нєстора, докладно вивівъ, що въ XI віку мусивъ Нєсторъ позаписувати споминки про IX—ii и давнїйші вікіи, розуміючи діло по своєму часові,—тимъ вінъ и князівъ натворивъ Полянѣмъ ще до Аскольда и Дїра. (*Истор. Росс.* III. 123). Справді нічого й споминати про Київ, Щєка и Хорїва, которі ніби—то княжили въ Полянѣхъ. Чужоземні писателі, якъ отъ Прокопій, запевняють, що Славяне правувались*спєршу безъ князівъ, радамя; та й самъ Нєсторъ пише, що до Кїя (про которого не просто оповїдує, а приписує: *якоже сказуютъ*) Полянѣ »живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстехъ, владѣюще кождо родомъ своимъ«, и въ літописці Переислава Сүздаьського записано: »а Деревляне собѣ, а Дрягвичи собѣ житъ (начаша), а Словене собѣ Новгородци, а Полочане такожъ безъ князей«.

3) Нєсторъ хвалить найбільшъ Полянѣхъ, бо й справді пахарство даєме міжъ собою людеї найкрасче и звичаї имъ надає найкрасчі: »Полянѣ бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣньє къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣньє имѣяху; брачныи обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводаху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней, что вдадуче«. (*П. С. Русск. Лит.* I, 6). А Деревлянѣхъ Нєсторъ гүдить, що вони »живяху звѣрнїськимъ образомъ, живуще скотськи: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уводы дѣвци (1). И Ра-

(1) П. Соловьевъ, въ своїй *Исторіи Россіи*, говорить, що Нєсторъ мусивъ б҃ти самъ Полянниномъ, тимъ и хвалить Полянѣхъ, бо отъ же, каже, и въ XVII віку въ Полянѣхъ хапали собі жінокъ, такъ якъ, по Нєстору, було тільки въ Деревлянѣхъ. Сїверій и й іншихъ Словянѣхъ, та й здався на Боплана. Шкода, що П. Соловьевъ не завваживъ, яку писемницю розказує Бопланъ на томү жъ саомому листкү, де й про хапаня жінокъ говорить: безъ соромѣ верає, що ніби—то наші дичата—Українки самі ходили свѣтати за себе любого паробка. Якъ же такому оповїдачу давати віру, та ще й Нєстора нимъ вясняти? Самъ Бопланъ постерігъ, що д҃уже вже перехибивъ, та й каже: Pour moy, en dix sept ans que j'ay esté en ce pays, ie n'ay point ouy parler que cela y soi arriué,—щобъ ухопивъ собі сїлоу жінку, а историкү байдуже! Байдуже єму й на те, що, по Боплану, паробкіи не тільки своєю рівню такъ хапали, та хочъ би й панськү дитину. Аби вхопивъ та переховався зъ нею с҃тки, то вже, каже, й отдають за єго. (*Description d'Ukraine, etc., par le Sieur de Beauplan, a Rüen, MDCLX, p. 64.*) Той же самий Бопланъ у тій же книзці пише, що пані знущались и гордували д҃уже нїдланми. Якъ же дочокъ своїхъ ханунамъ отдавали? Убогі, задавлені люде ханують собі дочокъ у папівъ, и пані послі не спречаютця. Се якъ разъ годитця въ учєну цитату до Нєстора!... Ils sont contrainsts, пише Бопланъ, de donner à leurs mestres ce qu'il leurs plaist demander, de sorte que ce n'est pa merueil si ces miserables n'amassent iamais rien, assuietis qu'ils sont à des conditions si dures:

димичи и Вятчи, и Сѣверъ одинъ (такий же) обичай пмѣху». (Тамъ же). Огo жъ певно все бувъ народъ звiроловний, а не пахарь-ский (1). Що Сiверяне и Радимичи не сховались у пущахъ одъ хижакiвъ Козаръ, то се тимъ, що вони жили по сей бiкъ Днiпрá; Деревляне жъ мали собі захистъ: одно—Днiпрó, друге—Полянь, а трете—великi пущи и болотá; то жили народомъ дикимъ и вольнимъ, и самóму Олégовi не зъ рáзу пiддалися, а послi на Игоря повстáли. Мáбутъ, невóля iхъ змýсила до такогo звичáю, щобъ жiнокъ собі сiлю хопати, бо Поляне, живучi на ролi, не давали своiхъ дiвчатъ (якъ—то домыслитися можна) волощогалъ, що одъ нихъ по гаяхъ поросходились, не хотiвши, мáбутъ, укúпи на ворогiвъ бити, абó данипу хижакáмъ давати. Пóслi вже, якъ обжились у пущахъ, то i самi въ себе, старимъ звичáемъ, дiвчатъ хопали. Истóрия иишихъ парóдiвъ, що зъ розбiшакъ постáли, догадку сю пiдпiрае. Новгородци жъ, вiдно, не сь такихъ волощогъ зложились, бо про нихъ Несторъ не спомянувъ, говорючи, що i Радимичи, и Вятчи и Сiверъ оди звичáи мáють, та и вся iхъ истóрия свiдчуть, що вони бiльшъ до Полянъ, анижъ до якiхъ Вятчiвъ, чи Радимичiвъ приподоблялися. Се, мáбутъ, були дóбри молодци, котóри човнáми по шпiрокому Днiпрú гуляли, вси ёго притокп зъiздили та i до славного óзера Ильмeня перескóчили, и Новгородъ собі, на взiръ старóго наднiпрянського гóрода, надъ рiчкою Вóлхвою збóдували. Хочъ же i змýсили iхъ заморськi хижакi дань собі давати, та глянью, якогo дýху се були люде: »Изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти«. (И. С. Русск. Лѣт. I. 8.) Тiльки жъ, що навпóслi, мáбутъ, багатшi на убóжшихъ насiли, абó одна сторона дру́гу обижала, чи городяне селянъ утискали, абó Новгородци Мeрю, Вeсь, Чудь почали пiдъ себе пiдгортати, а тi, мáбутъ, не давались,—тимъ и написавъ Несторъ: »и не бѣ правды въ нихъ«. Тодi—то, мáбутъ, знемигнись у чварахъ та бояхъ, якось помiркувалсь усi—старшу гóлову, князя, изза мóря собі визвати. А що *новiй iгородъ* надъ Вóлхвою (2) бувъ сiномъ старóго гóрода надъ Днiпрóмъ, вiдно по мóви и звичаяхъ Новгородскихъ (дармá, що Иванъ III Московский десятки тисячъ сeмей у

Mais c'est encore peu de chose, car leurs Seigneurs ont puissance absolue, non seulement sur leurs biens: mais aussi sur leurs vies (а дóчокъ не одимáють!), tant est grande la liberte de la noblesse Polonoise (qui vivent comme en un Paradis, et les Paysans comme s'ils estoient en un Purgatoire). (Тамъ же, р. 8).

(1) Збывае сю догадку одно словце у п. Соловьева, що Радимичи платили данину Козарямъ, а потiмъ и Олégовi по два шeляги одъ рала (Ист. Рос. I, 110). Тiльки Несторъ про рало не говорить, а пише такъ: »и влаша Олégови по шeлягу, якоже и Козаромъ даяху«. (И. С. Русск. Лѣт. I, 10). Ще разъ написавъ Несторъ про сю данину: »Коары имаху на Полянiхъ, и на Сѣверiхъ, и на Вятчiхъ, имаху по бѣгъ и вѣверицъ отъ дыма«. (Стр. 8). А все—такi про рало нема въ ёго рeчи.

(2) Самi Новгородци говорили ся Вóлхвoвъ, а не сей Вóлхвoвъ: »Волховъ наша сь молоду не мола, а чи на старость учнегъ молодъ?» (И. С. Русск. Лѣт. IV, 297).

глибоку Московщину виселивъ, а Москалівъ сюди понасилавъ, а Іванъ IV Грозный ще більше Повгородцівъ, старіхъ и новіхъ, вігубивъ); та й по тону самого літописця нашого те жъ саме завважити можна. Ось бо погляньмо. Піднівши зъ собою людей охочихъ до здобичи зъ своїхъ підручнихъ сусідъ: Чуди, Мери, Веси, Кривпчей, Олегъ приишовъ до Києва и заявивъ, що Повгородський князь має до ёго право: »и рече Олегъ Асколду и Дирови: вы вѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, вынесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ. И убиша Асколда и Дира«. (Тамъ же, 10). Киевъ прииавъ до себе Олега Повгородського безъ бою. А наввсѣмъ Повгородъ прѣбеть собі за князя, для порядку, кого—небудь изъ молодіхъ княжатъ у отця ихъ, Киевського князя Святослава. Владимиръ князь изъ Повгородцями вируговуе съ Києва Ярополка; Ярославъ—Святополка; и завсегдѣ—члѣвъ Києвъ, до того тягне й Повгородъ, и не одриваетця вінъ одъ Києва ажъ до Татаръ. Та й Песторъ, говорючи, якъ прозивались сусіде Повгородські, про самихъ Повгородцівъ пише, що въ нихъ не було ніякого такого іменія, якъ отъ: Веси, Чудь, Мери, Кривичи, а звалсь вони по—старому Славянами. »Словѣни же сѣдоша около озера Пилмера, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша ѣ Повгородъ«. (Тамъ же, 3). Вбачасмо въ тому ознаку, що Повгородці приишли на Ильмень, якъ уже тамъ були інші народи, бо каже літописецъ *прозвашася*. Не самі вони себя прозвали, а сусіде. Чого жъ вони звали ихъ Славянами, бѣвши й самі (якъ домыслиютца) тежъ Славянами? Ото, мабуть, сі Славяне позаходили давна и осіли поміжъ народівъ не—Славянськихъ и зъ ними вже певно помішались; якъ же приишли чисті подніпрійці, то якъ инше було ихъ прозивати? Подніпріянами не до—ладу, бо Дніпро бувъ далеко; Полянами тежъ не впадало, бо вони поля покинули; а народъ вони були чистий, архи—Славянський,—отъ и »прозвашася своимъ имянемъ«. А що не прозвано ихъ по ріці або по озеру, то се—домысляємось—тимъ, що вони мѣсли приити торговими гостями міжъ давніхъ тубольцівъ, а якъ були люде порядку висшого, ніжъ Мери або Веси, то заразь собі »сдѣлаша градъ.« Гляньмо: ні про кого не сказавъ Песторъ, щобъ приишовши заразь градъ зробили. Певно, то були люде зъ города захожі; певно жъ було що й оберегати въ городі; певно жъ и порядку були сі люде висшого одъ сусідъ, коли городомъ уміли сидіти. И показує—таки дальша історія, що вони були поміжъ верховіми Славянами передовиками, бо завсегдѣ були серцемъ веіхъ окрѣжнихъ народівъ. Гляньмо жъ ище й зъ другого боку. Якъ осіли Повгородці надъ Волховою, то й Поляне ніякъ инше ихъ не звали, якъ Славянами, або, по *погому* городу, Повгородцями (причина та жъ сама, що й у сусідъ Повгородськихъ),—все одно, якъ пізніші Українці Запорожани прозивали по Порогахъ Запорозянами, по Дніпровому Пізю Низовцями, а про—тѣ знали, що вони тая жъ Русь, тії жъ Українці. Песторъ такъ само споминавъ исьмомъ про тихъ Славянъ далєкихъ, якъ ми

въ своїхъ клижкахъ споминаємо про далєкихъ нашихъ земляківъ Запорозцівъ, або Черноморцівъ.

4) Коли Новгородці съ Поляпъ походять, то, певно, не розб'ємъ мандрували їхъ предки по річкахъ—верховинахъ: не зъ великою, мабуть, силою вийшли вони зъ низу, що, зробивши собі городъ, сусідъ підъ себе не підг'ортували, а зъ малою силою не здолали б'ь вони пройти розб'ємъ люднї узріччя (бо тоді узріччя були найлюднїйші), та й мусили б'ь вернутись до свого коша, внизъ; ато ні: перейшли черезъ волюкъ зъ Дніпра на річку Ловать в самє видне місце, до торгу найгоднїйше, підъ новий кїнь вїбралп.

5) П. Костомаровъ вїяснивъ намъ докладно слово *Варягъ* (*Совр.* 1860, кн. I, 6). Слова сєго ще й не було тоді, якъ князі Русь загнуздились у Новгороді и въ Києві. Песторъ, писавши въ XI віковї, якъ ужє слово *варягъ* почало значити оружного затязцю, приложивъ се слово и до князївъ, которї були Русь по своєму родовї, а варягами не звались.

6) И про Київъ пише Песторъ, оповїдуючи про мнєичнихъ князївъ Кїя, Щєка и Хорїва: «Блше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловаща зверь». (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 4). И вдрўге: «надоша я Козарѣ: сѣдиная на горахъ снхъ въ лѣтѣхъ». (Тамъ же, 7.). То правда, що сїмн самїмн словами Песторъ показує, що за єго часівъ не було вже навкругї Києва великого бору; такъ не забуваймо ж'ь, що двїстї роківъ пройшло одъ першого находу Русї до Песторового писання; та ще якъ: коли Київъ такїмъ дїкимъ лїсовимъ мїстомъ здавався Песторовї въ давнї часи, то мусенъ вїнъ—и мимо традиції—с'ь чогось узїти своєю звироловною картиною. Що води стояли тоді по Україні великі и нановїдали річнї корита, на которїхъ тепєр'ь трави косять, або й п'лугомъ орють, се всякому відомо с'ь тихъ находокъ водоходнїхъ, що въ нашихъ річкахъ и болотахъ знаходять. Отъ и недавнїми часами найдено въ ріццї Золотонїшї величєннїй мїдїаннїй явір'ь; идєсі вїнъ стоїть у Золотонєському монастирєві.

7) Песторъ пише, що Поляне и їхъ сусїде давали Козарамъ дань «по б'лгѣ и в'верцицѣ отъ дыма», то, мѝже, ся данїна и тоді вже звалась подїмнннмъ.

8) Знаємо, що такъ воно мусило б'їти с'ь того, що, якъ пороздано навпєслї дє—які сєла монастир'ямъ, то чєнци ходїли въ—осєні на поляддїя тимъ же самїмъ рѝбомъ, що й князі. Старосєвїцкї звичаї не записувались, бо зъ рѝду въ рїдъ їхъ пам'ятали и йншого прїва надъ звичаї не знали. Се вже тоді почали звичаї законами въ статутн и въ уставнї грамотн вписуватись, якъ новї порядкн на Укра-

іні позаводились и старє звичаєве правѣ стѣли занедобувати. Тимъ—то державці випрошували на свої зємлі у князівъ Лптовськихъ и въ королівъ Пѣльськихъ оборонні грамоти, и въ грамотахъ поновляли писемомъ стародавніи звичаї и на дѣльші часи ужє закономъ їхъ переказували. До насъ дійшла съ почѣтку XV віку зѣписъ про грошові и медові дані Софійської митрополічої ѳтчини, и зъ неї ми вбачаємо стародавніи звичаї підіймати и вгонобліти бірчихъ. Написано тамъ: »Подолышенская земля подъ Полозомъ, а съ ней идутъ три ведра меду и поданье, а noch птиц«. (*Акты Э. Р. I, підъ 1415 р.*).

9) Що тяжко лягало на селянъ княже люднування (¹), видно єть того, що де схотівъ князь, тамъ и прибильшувавъ дань. Новгородці платили Олєгові »міра дѣля« (одчешіого бѣ то) 300 гривень, якъ перейшовъ вінъ у Кїївъ, а за Владімера вже сєє »міра дѣля« коштувало їмъ у дєсятеро, бо 2,000 гривень присылали вони въ Кїївъ та 1,000 роздавали дружині, що стояла въ Новгороді залогою. Якій же бувъ драпика Игорь Рюриковичъ, се ми знаємо дѳбрє. »И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань— иде въ Дєрева въ дань и примышляше къ первой данн, насыляше имъ; и мужево его; возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущо же ему въспять, размысливъ рєчє дружинѣ своєй: идѣте съ данью домови, а я возьвращюся, похожю и еще—и вышедше изъ града Изъкорьстєния Деревляне, убиша Игоря и дружинну его«. (*И. С. Русск. Лит. I, 23.*) Послѣхаймо жѣ ише Данила Затѳчника, що вінъ про князівъ ише: »Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что тїунъ его—какъ огонь и рядовичи его—какъ искры«. (*Пам. Слов. XII в. 235.*)

10) Тимъ—то й Олєгъ, піділивши човнами підъ Кїївъ, оповістивъ сєбє Аскѳльдові и Дїромі людомъ торговимъ, рѳсичами державцівъ Кїївськихъ. Сю исторію ми въ своємѣ тєкєтї пропустили, бо вона й Пєсторѣ давнімъ поданнямъ передана, и хто знає, скільки въ їй правди? Здаєтця, воно такъ булѳ, що не всімъ Рюрачанамъ у верховіхъ зємляхъ угодбалось, то двѳє якїхєхъ знѣчннхъ людѣй кликнули на охѳтника, та й спустились унизъ красчої дѳлі собі шукати. Аскѳльдомъ и Дїромъ Пєсторѣ їхъ називає. Въ Кїєві їмъ дѳбрє повелѳся; плавали вони Днїпромъ и въ Грєцьку зємлю за здѳбиччу, Грєцькі села жа-

(¹) Не знаємо, чи булѳ такє слѳво, чи нї, тїлько наше ильнування троха чи не сягє часівъ полюдної княжої дані. За тисячу рѳківъ воно скривилось, а звичай остався: ильнують у насъ попѣді якъ разъ такъ, якъ князі ходили на полюддя. Дѣвають, що ильнування ишло одъ лѣну, що попѣді лѣнъ у селянъ вимагають; а намъ здаєтця, що се княже полюднування одригаєтця: не за однимъ бо лѣномъ попѣді ходять по людяхъ; та въ ипнихъ сєлахъ и въ заводі немає лѣну, а ильнування всюди єсть, де єсть, иишъ, а въ попѣ—попадѣ.

кували и хижацької слави собі набували. Ся—то, мабуть, слава дійшла й до Новгороду. Новгородські князі, певно, Аскольдові й Дірові позавидували и приплили съ потугами підь Київъ. Покинувши більшу часть човнівъ оддалікъ Києва, підплили вони двома чи трема до пристані, поховали підь чердаки своєю дружиною, щобъ людей не полохати, и послали до Аскольда и Діра. »Родичі ваші, мовлявъ, прийшли; ходіть на пристань привітайтеся«. Ті прийшли, про свою голову не порухували, а тутъ їхъ заразъ обскочили, та й темний похоронъ їмъ справили. »И убиша Аскольда и Діра, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорское, гдѣ нынѣ Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ Ольма церковъ святого Николу, а Дірова могила за святою Ориною«. (П. С. Русск. Лѣт. I, 10).

11) Козакі воювали звичаємъ варізьськимъ и звали свою славу золотою. Певно, такъ вона звалась и въ варягівъ. Святославъ говоривъ про славу (у Лева Дякона кн. IX, гл. VII) зовсімъ такъ, якъ козаки:

»Пропадѣ, мовъ порошина зъ дѣла,
Та козацька слава,
Що по всѣму світу дивомъ стала...

12) По *Руській Правді* гривню плачено за вола: така була її ціна. »Оже за кобылу 60 кунъ, а за воля гривну«. (Исл. о Р. Правдѣ, II. Калачова, 95). Про гривню див. у Карамзинѣ въ *Ист. Г. Р.* I, прим. 298.

13) Добре, мабуть, вдаліся въ знаки Грекамъ ті хижакі, що, договоряючись изъ Игоремъ, вони постановили, щобъ, прийшовши Русь у Царьградъ, жили тільки коло святого Мами, а не по всѣму городу, и въ городъ щобъ увіходили съ човнівъ своїхъ невеликими кұнами, по півъ—сотні, безъ оружжя. »Да входять въ городъ одинѣми ворота со царевымъ мужемъ безъ оружя мужъ 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, паки да пеходять; и мужъ царства нашего да хранишь ѱ.« (П. С. Русск. Лѣт. I, 21).

14) Такъ навислі наші гетьмані держали собі въ покорі Запорозький Низъ, котрій добре промишлявъ звіроловствомъ, рибою, стадами, табунами й отарами, а хліба робити не спромігся (за Татарамі). Гетьманъ Виговський говоривъ царському посланцеві Рагозину 1657 року: »Якъ не звелю я до Запорозцівъ пропускати зъ запасами людей торговихъ, то їмъ нічого буде їсти«. (Моск. Арх. Мин. Ин. Д. 1657, № 16).

15) Якъ воювавъ Святославъ изъ Цимісхнемъ, то одвітувавъ єму згорда, що єго дружина не поденщики; своїми руками собі хліба не

роблять. (Leo Diac. VI.) Навертаютьця тутъ на пам'ять козацькі слова зъ народнїї думи.

И вже мині не честь, не подоба по рїлляхъ спотикати,
 Жовті сап'янці калати,
 Дорогїї сукні піломъ набивати;
 А хочетьця мині, м'ати,
 Підъ гóродъ Тягїню піти погуляти,
 Слави-лицарства козацькому війську достати.

16) Вже въ договорі Игоря зъ Греками, року 945, міжъ родичами княжими и торговими людьми вбачаємо ім'ення Славїнські; а въ договорі Олега все ще були чужоземні.

17) За Олега князя, Печенїги воювали съ Козарами и їх підданними Уграми, а посли, погнавши Угрівъ на західъ, присунулись вони до землі Киевської. Несторъ споминає про нихъ уперве підъ 915 рокомъ.

18) Гипотеза п. Іванїшева, котрий про ту судню раду виявивъ ученому мирові великої ваги и цїнї факти. (*Русск. Бес.* 1857, III, 18).

19) Пóки сидїли князі—Русь въ Новгородській землі, то притягли підъ свою рýку тільки Крївичівъ, Мєрю, Вєсь, Чудь; бїльшъ не сила була притягти; Козаре на низу папували. Та й про походи їхъ було не чувати. А, сївши въ Києві, кїнулись вони и на Волгу, и на Чорне, и на Каспійське море. Хто жъ їмъ ту силу надавъ? Не абї—якихъ, мабуть, людєй знайшли вони на Подніпрїянщині.

20) Справді дивує насъ та Олегова рідна зъ Греками: такої рідни не зложивъ би ніякій вярварський людъ того часу,—не зложили бъ и Нормани, що всюди тоді въ Европі поберєжжя шарпали. Тамъ скáзано: «на удержаніє и извѣщеніє отъ многихъ лѣтъ межю христїяны и Русью бывшую любовь.» Отó жъ, певно, Греки здавна торговали съ Полянами, и не за дїкихъ вярварівъ їхъ знали, коли, у рїдні божбу їхъ за оборону права прекладали; коли, тамъ же въ рїдній, караючи чоловіка за душоубство смєртю и худóбу єго родичамъ убитого отдаючи, частину добра на жінку виноватого одділяли; коли за злодїйство въ рїдні пеню зъ ними уставляли; коли чужоземське судно, на бєрегъ вєржене, вповали Греки въ цїлости міжъ ними бóти и на їхъ сторожу вєзпечались.

21) Яка була умóва въ Новгородцївъ съ першими князїми, котрїхъ вони до себе поприїмали, нї звідкїлі не знаємо. Мабуть, тоді ще скрізь по пашїї Славїнщині закóнгъ пзъ роду въ рідъ звичаємъ

переходивъ, и старі голони були на вічовихъ радахъ замість вічнстихъ книгъ и писаного права, якъ отъ п. Іванншевъ и въ XVI вікові ще завваживъ (1). Якъ же одъ крутої волі князької почало сѣдне право вти въ непамять, або умисне князькими похлібцями при-тлумлятися, тоді Новгородці узяли въ свого князя Ярослава пи-сану *Руську Правду*, щобъ не всійкий тпуніть княженецький що-хоті дравъ зъ виноватого на князя, а послі, приймаючи до себе по-вихъ князівъ, укладали зъ ними особні умови одъ *старіишихъ* и *меншихъ* людей (2). Отъ изъ тихъ-то найстаріишихъ писаныхъ правъ довідумось, що князь стоявъ тільки на обороні права мирсь-кого, яко третій судді міжъ сѣтяжними, и на обороні землі мирсь-кої, яко отаманъ оружіей сіли, а самъ — щобъ ні податківъ надъ давній звичай не вимагавъ, ні землі въ свій рідъ не привлащувавъ. Віиншемо съ *первоі Новгородської грамоти*, якъ вона звѣтца, найголовніші рѣчи: »На семь, княже, цѣлуй хрестъ къ всему Нову-городу, на цѣмъ то цѣловали дѣди и отци и отецъ твой Ярославъ: Новгородъ ти держати въ старинѣ по пошинѣ (3); что волостій веѣхъ Новгородськихъ того ти, княже, не держати своими мужи, нъ держати мужи Новгородскими, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ воло-стій, а безъ посадинка тебѣ волостій не роздавати; а кому роздавалъ

(1) *Русск. Бес.* 1837, III, 4:—»связь между селениями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностію: они сходили наши издавна будучіе», или: »они издавна съ нами о шкоды вшеякіи сходились». Далі, на стр. 7: »Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне въ молодыхъ лѣтахъ вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльныя хозяйства, то поэтому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ вѣче было не только народнымъ собраніемъ, но и школою для изучения права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.« Навернулося після сѣі вписки памъ на память, що говорять Христомъ Пасекъ про Польскі сейми, которі були ті якъ віча, тільки що шляхетські віча: Powiadam więc każdemu, że wszystko na swiecie publiki cień to jest przeciwko sejmom. Nauczysz się polityki, nauczysz prawa. nauczysz się tego o czém u szkołach jako żyw nie słyszałeś. (*Pam. Chr. Paska, S. Peterb.* 1860, str. 185).

(2) Ранше XII віку до насъ не дійшла ні одна така умова, а *Руська Правда* написана въ конці X віку, або на самому початку XI-го, бо, ма-буть, князі зъ своїми тиунами перше почали вічовимъ судомъ хибити, а землю вже послі собі привлащувати. Въ *Руській Правді* ще нема рѣчи про княжу землю: у князя есть тільки коні, борті, гроші и емѣ въ сна-докъ идѣ тільки добро смѣрда, якъ умрѣ смѣрда безъ наслідниківъ, а въ первій Новгородській грамоті голосво говоритця, щобъ князі не привлащували собі землі ні сілюю, ні купуваніямъ, ані якъ инше.

(3) *Пошинна* — давній звичай, давниня. »Ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошинѣ, а ныщча то не надобѣ.« (*Акты Арх. Эксп.* I, 3). »Приѣхавше послы велики отъ Свѣйскаго короля, и доконча-ша миръ вѣчный съ княземъ и съ Новымгородомъ, по старой пошинѣ.« (*П. С. Русск. Лвт.* III, 73).

волости братъ твой Александръ или Дмитрій съ Повгородцы, тобѣ тѣхъ волостей безъ вины не лишати;—а въ Вѣжицахъ; княже, тобѣ, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ сель не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Повгородьской;—а изъ Вѣжиць, княже, людѣи не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Повгородьской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцыни;—а что, княже, братъ твой Александръ дѣлалъ насильнѣ на Повгородѣ, а того ея, княже, отпусти. А что, княже, мытъ по твоей земли и по иной волости, и по всей Суждальской земли, а то, княже, имати по двѣ векши отъ лоды и отъ воза, и отъ льну, и отъ хмѣльна короба; а дворяномъ твоимъ по селомъ у кунцевъ повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти. Тако, княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отця Ярославъ.» (*Ист. Г. Р.* изд. 2-е, IV, пр. 114).

22) Не минали, мабуть, и старіихъ людѣи, що въ Нестора записано: »И приде единъ старъ мужъ ко князю, и рече ему: княже! суть у мене еднѣ сынъ меншей дома, а съ четырьми есмь вышель, а ошъ дома.» (*П. С. Рус. Лит.* I, 53).

23) Помагаючи князімъ, хижя орда, якъ отъ Пбловці, ханала людѣи у неволю, старіихъ побивала, оселі палила, бо то була для неї найкрасча забава, такъ вона войну розуміла. Де пройшла, щобъ було пусто,—отто була Половцька слава. Затягнуши одинъ князь на другою орду и побивши своего супротивника, сидавъ у городі княжити, а орду напускавъ на села: то була дѣка ий за помічь. Такъ отъ у Нестора читаемо, що Олегъ Святославовичъ, внукъ Ярослава Владимировича, віруговавши зъ своєї волости дідька Владимира, за підмогою Половцькою, давъ імъ волю що-хоті навкругі Чернігова робити. »Приде Олегъ съ Половци, изъ Тмутороканя приде Чернигову, Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожеже около града, и манастирѣ пожеже; Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отенъ Переяславлю, а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбранящю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Со уже третее наведе поганыя на землю Руськую; его же грѣза дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено бысть, а друзіи полонени и расточени по землямъ.» (Тамъ же, 96). Рокъ 1160 Изяславъ Давидовичъ привівъ Половцівъ на Смоленську волость, и вони ввели звіділіи більшь 10,000 полоню, а скільки жъ то побито! »Той же зимы отгудѣ иде въ Смоленскую волость Изяславъ, и повоевавъ; и тамо много зла створиша Половци, взяша душъ болѣ тмы, а иныя изсѣкоша.» (Тамъ же, II, 87). Брали полонѣ

своіи грамоті: »А что бытъ отъялъ братъ твой Адександръ по-
жнѣ, а то ти, княже, не надобѣ; а что, княже, братъ твой Але-
ксандръ дѣялъ насильнѣ на Новгородѣ, а того ся, княже, от-
ступи.« Згадаймо жъ шче, що втворявъ князь Владімеръ у
Киіві, нікого не боячись и не соромлячись: »И бѣ несуть блуда,
привода къ себѣ мужьски жены и дѣвицѣ растля.« (И. Я. С.
Русс. Лѣт. I, 34). Згадаймо, якъ виібивъ Ярославъ Повгородцівъ
за те, що заступилъ за своїхъ жінокъ и побилъ ёго варягівъ: »И
разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ; пославъ
къ Повгородцемъ, рече: «уже мнѣ сихъ (варягівъ) не крѣсити.« И
позва къ собѣ нарочитые мужи, иже бяху изсѣкли Варяги, оболь-
стивъ и сѣче.« (Тамъ же, 61). Згадаймо, якъ злякались Киі-
не, прочѣвши, що Изяславъ, которого вони прогнали, вертається зъ
Ляхами. Хороший, мабуть, бувъ, що хотіли Киівъ запалити и втіка-
ти зо всіми нащадкомъ у Гречьку зѣмлю: »А се ведеть на ны Лядь-
скую землю — зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьскую землю.«
Братіи не дали Изяславу пліндрувати отцівського горада; такъ вінъ,
абі зогнати сѣрце, пославъ попередъ себе сина своего Мстислава въ
Киівъ. »И пришедъ Мстиславъ, и сѣче иже быша высѣкли (вируба-
ли съ темниці) Всеслава, чісломъ 70 чади, а другыя слѣпшиа, дру-
гыя же безъ вины погуби, не испытавъ.« (Тамъ же, 74).

30) Несторъ пише: »Аще ли кто усящеть черноризца, то въ-
зращается.« (Тамъ же 73). Князі й бояре, охристівшись, новому
богові по своєму розуму догджали и не то по городяхъ и селахъ до
хреста людей силували, та й по цѣщахъ неь попамі за старовірцями
ганяли; то мусили поши й чѣщі добре їх налякати. Съ тихъ часівъ
и досі въ селахъ ведѣтця прімха, що, якъ стрінешъ попа, абѣ
ченці въ дорозі, то безъ пригоди тобі не минѣтця.

31) Чужоземські писателі не споминяють, щобъ у Полянъ були
кумири. Перве слово про богівъ рѣбленыхъ знаходимо въ Нестора,
якъ присягавъ князь Игорьъ изъ своєю дружиною, поклавши передъ
Перуномъ свою збрѳю и зѳлото, — и то були боги, зашѣвне, не По-
лянські, а прихѳожи зъ варягами. Пише Несторъ, що князь Влади-
меръ, вернувшись одъ варягъ у Киівъ, поставлявъ по горахъ Киівсь-
кихъ кумири. Той же Владімеръ ихъ посли порубавъ, поцаливъ, абѣ
въ воду покидавъ. Плакали, каже, люде за богами, а які люде,
того въ літописці не сказано: може, варяги та захожі, которихъ до
князя въ Киівъ назѳиралось багато зъ усіхъ зѣмель. Що кумири були
не Новгородські, видно съ того, що тильки, опанувавши Киівъ, Вла-
дімеръ поставивъ Перуна въ Новгороді. »Владімеръ же посади До-
брыну уя своего въ Новгородѣ; и пришедъ Добрына Поугороду, по-
стави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему люде Новгород-
стін аки Богу.« (Тамъ же, 34). Що Перуна Новгородцямъ накіну-

то, вбачаємо и съ того ще, якъ дорекавъ ёму ганчарь Повгородський тими жертвами, що, певно, мусили люде неволею давати. Якъ укинули Перуна въ річку Вólхву, то ставъ закаръ, щобъ ніхто не переймавъ ёго. »Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перувъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынча поплви прочь.« (Тамъ же V, 121). Ще жъ звёрнемо увагу и на те, що, колибъ кумири були народні, а не вивезені варягами изъ Жмуди, чи відкляі за моря, то въ літописцяхъ би писалося, що велено ихъ по всій землі руїнувати, або—що находили ихъ попи по гайхъ, чи що, и палилп; ато ні: тільки за волхвами ганялись, а про кумири ні словечка! До насъ подоходили казанія и послання поповъ и чепцівъ X, XI, и XII віку. Попи и ченці дорекаютъ людамъ, що вони приносили жертви бісамъ на болотяхъ и коло криниць, та все—такі виходитъ — дучамъ, а не кумирамъ; дорекаютъ селянамъ, що винчаютця безъ попа, що не ходять до церквъ, а ні одинъ ні разу не сказавъ, що люде кланяютця кумирамъ. Въ уставі першого Владімера »о церковныхъ судѣхъ и десятинахъ« перелічені всі случаи, въ которихъ церковний судъ має судити городянъ и селянъ. Про кумири нема ні слова, а есть про молитви до хлѣба святого и до красі Божіоі поміжъ деревами и понадъ водами. Уже бъ же попи напередъ усёго вписали въ уставъ, щобъ брати судню плату, якъ знайдуть де кумира, и дїку бъ віру (повнѣхну плату зъ селъ чи волости) назначили за сю находу; ато ні: тільки и сказано всёго»...или кто подъ овиномъ молится, или во ржи, или подъ рощениемъ, или у воды.« (Тамъ же, VI, 83). Писана старосвітчина споминае такі часп, що не було ще въ Словянъ Перуна: може, се вона споминае про то время, якъ ще князі—Русь Полянъ не опанували. Есть у Кирилловому монастирѣві на Білому озері стародавній збірникъ, а въ томъ збірнику написано: »Оттуда же изыкоша елени класти требы артемиду і артемидѣ, рекше роду рожаницѣ. тацїи же егуптяне. Тако і до Словянъ доіде се слово і ті начаша требы класти роду и роженицамъ прежде Перуна бога ихъ, а переже того клали требу упиремъ и берегиямъ.« (Шеврева *Повѣдка еъ Кирилло-Бѣлозерскїи монастырь*, 11, 33). Про Славянську мієологію писали въ насъ недавніми часами п. Срезневскїй (*О богослуженїи древнихъ Славянъ*) и п. Костомаровъ (*Славянская Мїєологія*). Ні той, ні другий не знайшли у Славянъ камянихъ, чи деревянихъ божїищъ. Що були людські жертви богамъ у Києві, видно зъ Нестора; тільки зновъ ніхто не докаже, щобъ се не пришельці богівъ своїхъ людською кровью вгопляли. Въ одному варїанті старосвітської думи про Олексїя Поповича козакї врізали вповѣтому передъ Богомъ мизинного пальця, пустили въ море крові—п море, зачувши кровъ, утїхает. Се споминъ давнихъ жертвъ людськихъ, а все жъ и тутъ хто докаже, що не варїги занесли до Полянъ разомъ съ Перуномъ людські жертви? а козакї пішли одъ

стародавніхъ книжихъ дружинъ, то й далікимъ родамъ сю прімху переказали.

32) »Созва Володимеръ бояры своя п старцы градскіѣ. Да что ума придасте? что отвѣщаете?« (*П. С. Русс. Лѣт. I, 45*).

33) »Развергыше Гречьскій Номоканопъ«, пише въ своѣму уставі первій Владімеръ, »п обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжъ князю судити, ни бояромъ его, ни тіуномъ: и азъ сгадавъ своимъ дѣтми, со всіми князи и со всіми бояры далъ есмь тѣ суды церквамъ Божиимъ, митрополитомъ и всімъ епископьямъ по Русской земли.« (*Тамъ же VI, 82*).

34) Не судили князи не то чепцівъ и черниць, попівъ, попадь, поповичівъ, та й тихъ, що по монастирїхъ на прощу ходили (паломниківъ), и тихъ, що якимъ-небудь ремѣствомъ, чи роботою манастирїмъ служили («кто порти чернечьскыя свержетъ»), хто чѣдомъ ніби-то одужавъ и коло цѣркви тулився, когò на волю ради души спасіння випущено («задушный человекъ») и когò за виню у цѣрковний домъ узито; не судили удівъ, калікъ и всіхъ старцівъ. (*Тамъ же, 84*).

35) »Аже мужа два біетася жепьски, или укусптъ, или одереть, епископу 3 гривны.« (*Тамъ же, 86*).

36) Див. приписку З. Несторъ Полянъ одъ усіхъ іншихъ одрізнівъ звичаями. Заразъ и відно, що вони повинні всімъ сусідамъ за взіръ стояти, якъ дійдетца до християнства. Ще не говорючи про християнство, Несторъ описавъ їхъ такими, якими мусили інші неволею вчинитись, черезъ нову віру.

II. Кулішъ.

ЧТО́ ЕСТЬ МНѢ П ТЕБѢ, ЖЕНО?

Іоанна г. II. ст. 4.

(Дорогому милкові Зичевкові).

О, якъ тебе, Спасе, у тимъ сліві бачу!
 О, якъ твоє серце моімъ серцемъ чую!
 Читаю Завіть твою,—читаючи плачу:
 Високо піднявъ ти натуру людськую.

Чужа тобі стала и рідная мати;
 Зоставсь ти безъ рѣду, безъ хати на світі,
 Щобъ рѣдомъ коханнямъ серця не сковати,
 Хатнімъ упокоємъ дѣха не вгасяти.

О, знаю я, знаю, якъ те серце бѣлось,
 Якъ той духъ висѣкий злітавъ надъ землею!..
 Щѣ дітямъ на лоні у матері снілось,
 Чогѣ мѣртва чаютъ—обнявъ ти душею.

Снілись дітямъ райські віковічні квіти;
 Чаютъ мѣртва живні грядущого віку...
 Справдишъ ти, щѣ бачать чістимъ серцемъ діти;
 Справдишъ, щѣ дорѣжше всѣго чоловіку.

Ужѣ зъ раю твоімъ дѣхомъ
 На насъ повиває;
 Ужѣ знову твоє слово
 Мѣртвахъ воскрешає.

Виростають, приближають
 Твоє царство діти.
 Ой не дурпо жили й габли
 Праведники въ світі!

Виростають,—твоімъ слѣдомъ,
 Зъ матернѣго лѣна
 Утікають распинатись
 Середъ Вавилона.

» Жено мати! що тобі я?
Ти своє вчинила,
Якъ, радіючи, підъ серцемъ
Дитину носила.

» Минулися ті радіощи,
Минулися й муки...
Не вмістити тобі въ серці
Нової науки!

» Спочивай, спасенна душо,
У тихій господі,
А ми будемъ святу правду
Сіяти въ народі.

» Дай намъ, мати, те справдіти,
Що на чистімъ лоні
Снітця дітямъ непорочнимъ
Въ грішнімъ Вавилоні.

» Дай намъ, мати, доказати,
Що ми — рідні діти
Тихъ великихъ, що за правду
Гинули на світі.»

П. Кулішъ.

ПАМЯТНОЕ ДѢЛО.

Окончаніе.

Управлявшій министерствомъ юстиціи, въ предложеніи своемъ правительствующему сенату, изъяснилъ слѣдующее:

Въ этомъ дѣлѣ подлежатъ разрѣшенію три вопроса:

1) Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, рожденъ ли женою генераль-маіора Степана Ширая, Ульяною Ширай, во время существованія законнаго ихъ брака?

2) Если рожденъ въ семь бракѣ, то слѣдуетъ ли, по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ рожденіе и воспитаніе Заботина, признавать его сыномъ Степана Ширая, или происходившимъ отъ прелюбодѣянія?

3) Въ случаѣ признанія законности рожденія Александра, какія права принадлежатъ ему, по закону, на имѣніе, оставшееся послѣ Степана Ширая и жены его Ульяны?

По первому вопросу обстоятельства дѣла показываютъ, что, въ продолженіе законно-расторгнутой брачной жизни, Ульяна Ширай, въ ноябрѣ 1818 г., въ родовомъ имѣніи генерала Ширая, селѣ Соловѣ, гдѣ она имѣла безвыѣздное пребываніе, родила сына, названнаго при крещеніи Александромъ. Дѣйствительность сего событія положительно подтверждается: во 1-хъ, объясненіями самихъ дочерей Ширая, Долинской и Чернолузской, замѣчаніями ихъ повѣреннаго, и показаніями: а) священника Ивана Лапчинскаго, присутствовавшаго; въ званіи дьячка соловской церкви, при крещеніи младенца Александра, б) 18-ти присяжныхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ Ракяцкаго и Гаевского, управлявшихъ имѣніями Ширая, и в) 25-ти дворовыхъ людей села Соловы, спрошенныхъ по священническому увѣщанію.

Въ отношеніи ко *второму вопросу* о томъ, можетъ ли младенецъ Александръ, рожденный въ ноябрѣ 1818 года Ульяною Ширай,

во время законно—нерасторгнутаго брака, быть признанъ законнымъ сыномъ мужа ея, Степана Широка, или происходящимъ отъ прелюбодѣянiя, необходимо обозрѣть предварительно всѣ дѣйствовавшiя до начала сего дѣла постановленiя о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ, потому всѣ представленныя по дѣлу доводы, въ опроверженiе законности рожденiя Александра Заботина, и наконецъ сличить сіи доводы съ законами и обстоятельствами самаго дѣла.

Въ законахъ постановлено:

Ст. 121 (X. т. зак. гр.). Всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились:

1, По естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенiя брака, если только родители не отрицали законности ихъ рожденiя.

2, По смерти отца, если только между днемъ ихъ рожденiя и днемъ смерти отца не прошло времени болѣе того, сколько обыкновенно проходитъ между днемъ зачатiя и днемъ рожденiя младенца.

Ст. 122. Законными почитаются всѣ дѣти, законность коихъ не была оспорена:

1, При жизни ихъ родителей.

2, Въ теченiи десяти лѣтъ отъ ихъ рожденiя.

Примѣчанiе. Законность рожденiя лица почитается неоспоренною, когда признанiе онаго законнымъ оглашено надлежащими актами, или же другими событіями при жизни обоихъ родителей его, и потому въ продолженiе десяти лѣтъ никѣмъ не было оспорено; по минованiи сего срока, а равно и послѣ смерти обоихъ или одного изъ родителей, хотя бы и прежде истеченiя десятилѣтiя, никакой уже споръ о законности рожденiя дѣтей, когда признанiе онаго законнымъ было, какъ сіе сказано выше, оглашено при жизни обоихъ родителей надлежащими актами, или же другими событіями, не допускается ни отъ постороннихъ, ни отъ пережившаго родителя.

Ст. 123. Доказательства законнаго рожденiя суть:

1, Бракъ родителей, законно совершенный; въ случаѣ же спора о законности брака, признанiе онаго законнымъ отъ духовнаго суда.

2, Приходскія (метрическія) книги, родословныя, городовыя обывательскія книги и ревизскія сказки.

3, Свидѣтельство людей честнаго и незазорнаго поведенiя, какъ-то: приходскаго священника и двухъ обывателей того же прихода.

4, Для дѣтей, прижитыхъ въ супружествѣ, по естественному порядку слишкомъ рано, доказательствомъ законности признаются соб-

ственные показанія и письма отца и матери, не отрицающихъ законнаго ихъ рожденія.

Ст. 124. Отецъ не можетъ оспаривать законнаго рожденія дѣтей:

1, Въ гнѣвѣ на нихъ или на ихъ мать, а свою жену.

2, Если не малое время, имѣвъ ихъ у себя въ домѣ, признавалъ ихъ своими дѣтьми, а мать, и по рожденіи ихъ, своею женою.

3, При мачихѣ.

Ст. 126. Епархіальное начальство, въ слѣдствіе отношеній присутственныхъ мѣстъ и начальствъ, для разрѣшенія дѣла о законности рожденія, обращается прежде всего къ метрическимъ книгамъ, и если найдетъ, что рожденіе и крещеніе лица, о которомъ идетъ дѣло, записаны въ нихъ и запись сія не подлежитъ сомнѣнію, то доставляетъ требуемое о семъ свидѣніе присутственному мѣсту или начальству, или же выдаетъ свидѣтельство просителю, желающему имѣть метрическое свидѣтельство.

Ст. 127. Если рожденіе лица, о которомъ идетъ дѣло, въ указанномъ приходѣ въ показанное время не записано, или если метрическая запись сомнительна потому, что находится подъ другимъ чи-слоемъ или съ разиорѣченіемъ въ именахъ рожденнаго или родителей, или съ подчистками, или по другимъ причинамъ, то дѣлается справка съ исповѣдными росписями, начиная отъ указанного года рожденія до года производства дѣла, также съ метрическою и обыскою книгою о бракѣ родителей, и производится слѣдствіе, въ которомъ вопрошаются восприемники и лица, бывшія при крещеніи.

Ст. 129. Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то сверхъ показаній отъ священника, крестившаго, и бывшихъ при крещеніи, преимущественно обращается вниманіе на все относящіяся до лица, о которомъ идетъ дѣло, документы, изъ коихъ можно было бы видѣть, какъ признавали его родители, какъ оно вообще признаваемо было при жизни родителей, и не было ли при жизни родителей спора о законности его происхожденія.

Ст. 130. Смотря по надобности, консисторія собираетъ свидѣнія и изъ другихъ источниковъ, каковы суть: формулярные списки родителей, родословныя, городскія и обывательскія книги, ревизскія сказки и проч.

Ст. 131, незаконныя дѣти суть:

1, Рожденныя внѣ брака, хотя бы родители ихъ въ послѣдствіи соединены были законнымъ бракомъ.

2, Прижитыя въ незаконномъ бракѣ.

3, Пропешедшія отъ прелюбодѣянія.

Ст. 132. Незаконныя дѣти, хотя бы они воспитаны были ихъ родителями, не имѣютъ права ни на фамилію отца, ни на законное послѣ него въ имуществѣ наслѣдство. Участь дѣтей невиннаго мужа или невинной жены, обманомъ повлеченныхъ въ противозаконный бракъ, можетъ быть предаваема, но усмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, монаршему милосердію.

Статута литовскаго, раздѣлъ III, артикула 28, § 3. Незаконно-рожденнымъ признавать и такового, отъ котораго бы отецъ, при жизни своей, отрекся и сыномъ своимъ не признавалъ, токмо бы не учинилъ сего по ссорѣ и ненависти противу сына и жены своей, законной его матери, а если бы чрезъ немалое время его своимъ дѣтищемъ признавалъ и по его рожденіи его мать, а свою жену, въ домѣ своемъ терѣтъ и когда однажды его своимъ дѣтищемъ принялъ и при себѣ его имѣлъ, въ домѣ своемъ терѣтъ; то послѣ отречья отъ него не можетъ: ибо непристойно честному человѣку что—либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терѣтъ.

Представленные по дѣлу доводы противу законности рожденія Александра могутъ быть приведены къ слѣдующимъ четыремъ категориямъ:

Во-первыхъ, что подлогъ въ метрикахъ церкви села Соловы за 1818 годъ совершенъ не ранѣе 1842 г. и что метрическая тетрадь села Соловы за 1818 годъ, представленная титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, непрошированная и никѣмъ неподписанная, лишена всякой юридической достовѣрности, а потому записка въ ней Александра сыномъ Ширая и жены его Ульяны не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Во-вторыхъ, что супружеское сожитіе Ширая съ женою съ 1809 г., по самую смерть ея послѣдней, прекращено было въ слѣдствіе несогласій и болѣзни, которою она была одержима до конца жизни.

Въ-третьихъ, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, никогда не былъ признаваемъ законнымъ сыномъ ни Степаномъ Шираемъ, ни женою его Ульяною, а законность рожденія Александра не только никѣмъ и ничѣмъ оглашена не была, но напротивъ того изъ выданнаго Шираю дворянами свидѣтельства и изъ составленныхъ имъ распорядительныхъ объ имуществѣ актовъ явствуетъ,

что за смертью сына Михаила, мужское колѣно въ его родѣ пресѣлось, что въ свое время оспорено не было ни Ульяною Ширай, ни отцомъ ея Петромъ Бороздиною, ни сыновьями сего послѣдняго, однокровными ея братьями.

Въ-четвертыхъ, что Высочайше учрежденная коммисія при производствѣ слѣдствія по сему дѣлу нарушила предписанныя закономъ формы и обряды и не произвела розысканія объ обстоятельствахъ, могущихъ служить къ разъясненію дѣла.

Въ отношеніи сихъ возраженій изъ дѣла видно:

І. О МЕТРИКАХЪ.

Слѣдственной гражданской коммисіею, учрежденною по Высочайшему повелѣнію, и духовною, по указу святѣйшаго синода, обнаружено четыре книги церкви села Соловы за 1818 годъ.

О церковной книгѣ не имѣется въ дѣлѣ свѣдѣній, кромѣ удостовѣренія слѣдователей, что по сличеніи она оказалась не подлинною, а списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленіи. Тетрадь, представленная Заверухою, никѣмъ не подписана, безъ печати и не прошнурована. Въ книгѣ этой, 8 ноября, *въ статьѣ под № 15-мъ значится*: «отъ генераль-маіора Ширая и жены его Ульяны Петровны дочери Бороздиовны родился сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8-го числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ, воспріемникомъ отъ св. крещенія тому младенцу быть тогожъ села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій».

Стародубское духовное правленіе уведомило слѣдователей, что метрическія книги за 1818 годъ дѣйствительно не были завѣряемы духовнымъ правленіемъ, какъ сіе видно изъ книгъ, имѣющихся въ архивѣ.

При обзорѣ слѣдственной коммисіею и судебными мѣстами консисторскаго и правленскаго экземпляровъ метрическихъ книгъ села Соловы за 1818 годъ, найдено въ нихъ по одному поддѣльному, вшитому, обрѣзанному листу, которые отличаются отъ прочихъ цвѣтомъ бумаги и черниль, внутренними водяными знаками и размѣромъ графъ. Скрѣпа на спѣхъ листахъ протоіерея Павла Рклицбаго, священника Николая (умершаго) и дьячка Ивана Лапчинскихъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ ихъ скрѣпою на прочихъ листахъ, что подтвер-

дили, кромѣ слѣдователей, сами подписавшіе и скрѣпившіе книги Рклицкій и Иванъ Лапчинскій.

Очевидность сихъ наружныхъ признаковъ подлога въ метрическихъ книгахъ подтверждается еще, во-1-хъ, тѣмъ, что вписанный въ кописторскую и правленскую метрическія книги за 1818 годъ родившимся сыномъ дворянина Василя Лапчинскаго, Павелъ Лапчинскій, въ тѣхъ книгахъ показанъ умершимъ 6-го декабря, 2-хъ лѣтъ, и во-2-хъ, тѣмъ, что унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій, сынъ священника Николая Лапчинскаго, подъ присягою сознался, что онъ, по приказанію отца, писалъ поддѣльные листы и вшилъ ихъ на мѣсто прежнихъ, о чемъ онъ впоследствии сообщилъ священнику Ивану Лапчинскому, который это показаніе при слѣдствіи также подтвердилъ по іерейской совѣсти.

Засимъ, остается разрѣшить вопросъ, былъ ли рожденный Ульяною Ширай сынъ Александръ записанъ въ тѣхъ книгахъ, на тѣхъ листахъ, которые замѣнены другими.

По вопросу сему изъ слѣдствій гражданскаго и духовнаго вѣдомства видно:

а, Священникъ Иванъ Лапчинскій, бывший въ 1818 году дьякономъ соловской церкви, по іерейской совѣсти, показалъ, что въ метрической книгѣ, хранившейся до 1839 года при помянутой церкви, Александръ былъ записанъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны, но въ семь послѣднемъ году, по приказанію Ширая, объявленному ему Заверухою, книга эта была отдана имъ Заверухѣ, который замѣнилъ ее другимъ экземпляромъ, гдѣ уже не было записано рожденія Александра. Въ доказательство справедливости сказаннаго, Иванъ Лапчинскій представилъ письмо къ нему благочиннаго Демы. Священникъ Иванъ Лапчинскій книгу, хранившуюся у Заверухи, признаетъ подлинною, взятою у него симъ послѣднимъ въ 1839 году. Показаніе это 16 марта 1843 года Лапчинскій подтвердилъ предъ архіепископомъ черниговскимъ Павломъ, сдѣлавшимъ о томъ письменное на-оберточномъ листѣ засвидѣтельствованіе.

б, Священникъ Оедоръ Лапчинскій, бывший дьякономъ соловской церкви, по іерейской совѣсти, подтвердилъ показаніе Ивана Лапчинскаго, дополнивъ оное сознаніемъ, что въ 1839 или 1840 году, вскорѣ послѣ смерти жены Ширая, онъ, изъ угожденія сему послѣднему, по порученію Заверухи, писалъ копію съ экземпляра метрической книги духовнаго правленія, въ которомъ не было записано рож-

денія Александра. Этою копією вполсѣдствіи была замѣнена подлинная церковная метрическая книга.

в, Благочинный Дема подтвердилъ показаніе Лапчинскихъ во всемъ, что до него касалось.

г, Дворянинъ Ракцкій, занимавшійся письменными дѣлами у Ширая, подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что Александръ былъ записанъ въ метрику, но безъ спроса и желанія Ширая, и когда членъ духовнаго правленія, священникъ Пашинскій (умершій), объявилъ ему о томъ, то Ширай разсердился и велѣлъ тому священнику выключить Александра; но какъ исполнено было это желаніе, онъ, Ракцкій, не знаетъ.

д, Унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій (сынъ священника Николая Лапчинскаго) подъ присягою сознался, что метрическія книги села Соловы за 1818 годъ были писаны имъ; что въ этихъ книгахъ, въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., записанъ былъ сынъ Ширая Александръ, но чрезъ годъ послѣ рожденія сего послѣдняго, а настоящее не помнитъ, онъ, Лапчинскій, по приказанію своего отца, въ книгахъ метрическихъ, присланныхъ протоіереемъ Леонтіемъ Ракцкіимъ, переписалъ листы, гдѣ Александръ былъ вписанъ; и вмѣсто него, на вновь вшитыхъ листахъ, вписалъ сына дворянина Лапчинскаго, Павла, и что скрѣпы на новыхъ листахъ, вмѣсто священника и дьячка, сдѣлалъ онъ, Лапчинскій, по приказанію отца.

е, Титулярный совѣтникъ Заверуха, подъ присягою сознался, что онъ дѣйствительно, по приказанію Ширая, выпросилъ у священника Іоанна и дьячка Федора Лапчинскихъ бывшую при соловской церкви метрическую книгу, въ которой, какъ Ширай неизвѣсто отъ кого узналъ, значился записаннымъ Александръ, непризнанный имъ сыномъ; что въ замѣнъ взятой книги Ширай просилъ отдать копію съ метрики стародубскаго духовнаго правленія, доставленную ему столоначальникомъ Барщевскимъ; что показаніе священника Федора Лапчинскаго, будто бы онъ, Заверуха, убѣждалъ его писать копію, несправедливо, и что когда онъ, Заверуха, получилъ подлинную соловскую церковную метрическую книгу, то предъявилъ ее Шираю, который, прочитавъ, возвратилъ ему и сказалъ: «пусть у тебя останется».

На данной Заверухѣ съ священникомъ Федоромъ Лапчинскимъ очной ставкѣ, каждый изъ нихъ остался при своемъ показаніи.

ж, Вдова секретаря стародубскаго духовнаго правленія Масловская

(родственница Заверухи, по словамъ повѣренныхъ Долинской и Чернолузской), подъ присягою показала, что она, по болѣзни мужа, принимала соловескія метрическія книги, и въ оныхъ былъ записанъ Александръ сыномъ Ширая, и что въ послѣдствіи, въ февралѣ или мартѣ 1819 года, она видѣла, какъ книги эти взялъ изъ правленія священникъ Пашинскій.

з, Поручикъ Иванъ Губчицъ, дальній родственникъ Ширая, въ письменномъ отзывѣ объяснилъ, что когда въ 1839 или въ 1840 году онъ сказалъ Шираю, что московскій (Заботинъ) имѣетъ метрическое свидѣтельство, то съ сими словомъ Ширай, встревоженный, вскочилъ и сказалъ Заверухѣ: «что это значить?» — «Несправедливо, ваше превосходительство, отвѣчалъ Заверуха, вездѣ уничтожено».

Совокупность сихъ сознаній и показаній, учиненныхъ по іерейской совѣсти или подъ присягою (кроме Губчица), въ опроверженіе которыхъ противная сторона противопоставляетъ одні лишь догадки, пеняющія предъ закономъ судебной достовѣрности, уничтоженіе въ метрическихъ книгахъ консисторіи и правленія тѣхъ именно листовъ, въ коихъ записаны были родившіеся въ ноябрѣ 1818 года, и наконецъ логическая послѣдовательность выше доказанныхъ фактовъ рожденія и крещенія въ селѣ Соловы Александра, требующая записки сего послѣдняго, подъ какою бы то званіемъ ни было, въ метрическихъ книгахъ соловеской церкви, въ которыхъ его нынѣ вовсе не значится,—приводятъ къ слѣдующимъ убѣжденіямъ: 1, что Александръ Заботинъ въ ноябрѣ 1818 года былъ записанъ въ метрическихъ книгахъ соловеской церкви сыномъ Степана Ширая и, по распоряженію сего послѣдняго, единственнаго лица, имѣвшаго въ томъ интересъ, исключенъ изъ книги, и 2, что все подлоги и подмѣны въ метрическихъ книгахъ учинены были до кончины Ширая, послѣдовавшей въ августѣ 1841 года.

II. о личныхъ супружескихъ отношеніяхъ супруговъ Ширай.

Изъ присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній видно:

Гаевскій, управлявшій соловескимъ имѣніемъ съ мая 1818 г., и Ракицкій, занимавшійся по письменнымъ дѣламъ Ширая съ 1811 г., объявили: Ширай жилъ съ женою въ несогласіи, но посѣщалъ ли онъ ее, не знаютъ и не замѣтили. Къ сему Гаевскій присовокупилъ, что Ширай, проѣзжая въ Черниговъ, заѣзжалъ въ Солово, останав-

ливался въ большомъ домѣ и проживалъ тамъ по нѣскольку дней; что въ началѣ 1818 года Ширай былъ въ Соловѣ и что въ день рожденія его женою сына Александра ночевалъ тамъ и поутру уѣхалъ въ Черниговъ. Это подтвердили и пять соловскихъ дворовыхъ людей, спрошенныхъ по священническому увѣщанію, присовокупивъ къ тому, что Ширай, бывая въ Соловѣ, видѣлся съ женою.

Заверуха, поступившій къ Шираю на службу въ 1834 году, показалъ, что съ 1834 года Ширай жены не навѣщалъ.

Титулярный совѣтникъ Середа.—что, по неспвинимея въ народѣ слухамъ, Ульяна Ширай родила сына, но не отъ мужа.

Животкевичъ, — что во время освѣщенія соловскаго дома, когда Ширай жплл вмѣстѣ, преосвященный черниговскій, по просьбѣ Степана Ширая, назидаль жену его Ульяну, въ особыхъ покояхъ, о вѣрности супружества; а коллежскій регистраторъ Янжулъ, что при женѣ Ширая видѣлъ сына ея Александра, который жплл при ней до 5-ти лѣтъ, но отъ Ширая ли рожденъ Александръ,—не знаетъ.

Показаніе свидѣтелей насчетъ образа жизни Ульяны Ширай разногласны; одни утверждаютъ, что она содержалась въ Соловѣ неприлично своему званію и терпѣла недостатки, другіе напротивъ того свидѣлствуютъ, что ей производилось приличное и достаточное содержаніе.

О болѣзняхъ, которыми была одержима Ульяна Ширай, коллежскій ассесоръ Животкевичъ подъ присягою показалъ, что она имѣла припадки въ родѣ сумасшествія и тогда выходила изъ благопрістойности къ мужчшнамъ.

Графъ Гудовичъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Некрецкій въ письменныхъ отзывахъ показали: *первымъ*, что рѣдко имѣлъ случай видѣть Ульяну Ширай, но ему казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ, она была женщина скромная и кроткая, а *второй* слышалъ, что въ болѣзненныхъ припадкахъ она предпочтала бесѣду, званію ея несвойственную.

Наконецъ докторъ Кузминскій, пользовавшій Ульяну Ширай съ 1834 года, въ отзывѣ объяснилъ, что она вскорѣ послѣ смерти сына Михаила страдала желтухою, потомъ водяною и отъ двухъ послѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ 1838 году параличныхъ ударовъ, въ 1839 году скончалась. Во время малоколичественныхъ очищеній имѣла общее умопомѣшательство, продолжавшееся иногда и по недѣлѣ и

обнаруживавшееся бессонницею, говорливостію, или молчаливостію и угрюмостію.

По единогласнымъ отзывамъ секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, сличавшихъ письмо Петра Бороздны, отъ 16 августа, съ другимъ его письмамъ и документомъ, имъ подписаннымъ, въ почеркѣ сего письма не найдено сходства съ почеркомъ его на другихъ бумагахъ; второе письмо Бороздны, отъ 17 іюня, въ которомъ онъ приглашаетъ Ширая для сообщенія какой-то тайны, не можетъ служить къ разъясненію обстоятельствъ настоящаго дѣла, а третье письмо Ширая, хотя и не оспоренное въ подлинности почерка, есть не болѣе, какъ черновой проэктъ письма, неизвѣстно когда и къ кому писаннаго и посланнаго или нѣтъ.

По показанію Долинской и Чернолузской, Ширай писалъ письмо сіе въ 1811 году къ Немировичу-Донченкѣ. Въ письмѣ этомъ есть смыслъ, но обвиненія, которыя въ немъ взводятся, не оправдываются ни обстоятельствами дѣла, ни единодушнымъ показаніемъ о характерѣ и душевныхъ качествахъ Ульяны Ширай. Во всякомъ случаѣ проэкты писемъ Ширая, въ которыхъ онъ по произволу могъ писать все, что ему вздумалось, не должны быть приняты за доказательства при рѣшеніи дѣла. Но признавая даже бумаги, представленныя Долинскою и Чернолузскою, несомнѣнно писанными въ 1809 и 1811 годахъ Бороздною и Шираемъ, очевидно, что если юридически невозможно по двумъ письмамъ обвинить Ульяну Ширай въ прелюбодѣяннн въ томъ періодѣ времени, къ которому письма эти относятся, то тѣмъ менѣе они могутъ служить доказательствомъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ нарушеніи въ 1818 году супружеской вѣрности, по истеченіи 8-ми или 9-ти лѣтъ отъ ихъ написанія, ибо предшествовавшія событія или поступки не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе принять можно за юридическій доводъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ прелюбодѣяннн въ 1818 году, показаніе Животкевича, что преосвященный черниговскій во время освященія соловскаго дома, по просьбѣ Степана Ширая, назидаль въ особомъ покоѣ жену его въ вѣрности супружеской. Судя по словамъ Животкевича (Ширай жили тогда вмѣстѣ), событіе это должно быть отнесено къ промежутку времени между 1801—1810 годами. Что же касается до побудительной причины къ означенной просьбѣ Ширая, то столько же вѣроятно, что поводомъ къ тому могло быть нарушеніе женою супружескаго долга, сколько, если не болѣе, несопо-

вательная подозрительность и даже одно простое желаніе утвердить жену силою пастырскаго слова въ неизмѣнной супружеской вѣрности.

При подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, не оказывается между оными не только удостовѣренія, но даже и намека на преступную съ кѣмъ либо связь Ульяны Ширай. Сдѣланное повѣреннымъ дочерей Ширая указаніе на Рухлядку (умершаго), управлявшаго соловѣцкимъ имѣніемъ до 1818 года, явно опровергается и своею голословностію и присяжнымъ показаніемъ помѣщика Янжула, что Рухлядка обращался съ Ульяною, по своему невѣжеству, грубо. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ (Ракицкій, Гаевскій, Заверуха, Попсуі, Гредченко) говорятъ о несогласіи Ширая съ женою; но несогласіе не доказываетъ еще совершеннаго и постояннаго разрыва супружескихъ отношеній. Въ представленномъ Долинскою и Чернолузскою проэктъ черноваго письма Ширая сказано, что онъ до нѣкотораго времени не можетъ видѣться съ женою; слѣдствіемъ же обнаружено, что онъ, Ширай, бывалъ по нѣскольку дней въ селѣ Соловѣ, гдѣ жена его постоянно жила и что въ имѣніи семь онъ былъ какъ въ началѣ 1818 г., такъ и въ день рожденія женою Александра, а по удостовѣренію пяти дворовыхъ людей, онъ не только бывалъ въ селѣ Соловѣ, но даже видѣлся съ женою своею Ульяною. Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ Ширай, какъ удостовѣряетъ черниговское дворянское депутатское собраніе, находился въ стародубскихъ своихъ имѣніяхъ, а не въ Черниговѣ, какъ доказывали его дочери.

Законъ (ст. 121 и 131 X Т.) рожденныхъ въ законномъ бракѣ дѣтей признаетъ незаконными въ томъ единственно случаѣ, когда они произошли отъ прелюбодѣянія. Показанія противной стороны о рожденіи Александра Ульяною Ширай отъ прелюбодѣянія, или явно опровергнуты, или ничѣмъ не доказаны, а въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго довода о нарушеніи Ульяною Ширай, въ 1818 году, супружескаго долга и со стороны соперниковъ Александра не представлено никакихъ указаній, которыя бы приводили къ вѣроятному предположенію о томъ, кто могъ быть отцомъ его, Александра, или существовалъ ли канцеляристъ, или другое какое либо лицо, сыномъ котораго онъ могъ быть, подъ фамилією Заботина, поступить въ воспитательный домъ.

III. О НЕПРИЗНАНІИ ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРОМЪ ШИРАЕМЪ И ЖЕНОЮ ЕГО
УЛЬЯНОЮ АЛЕКСАНДРА ЗАКОННЫМЪ ИХЪ СЫНОМЪ И О НЕОГЛАШЕ-
НІИ ЗАКОННОСТИ СЕГО ПОСЛѢДНЯГО.

Подложное исключеніе Александра изъ метрическихъ книгъ села Соловы, непомѣщеніе его въ свидѣтельство, взятомъ въ 1819 году отъ суражскаго предводителя дворянства, для предъявленія правъ на наследство послѣ полковника Будлянскаго, и наконецъ оговорка Ширая во всѣхъ, составленныхъ имъ въ 1838 году распорядительныхъ, актахъ объ имуществѣ, что за смертію сына Михаила мужское ко-дѣнно пресѣклось, неоспоримо доказываютъ нежеланіе Ширая призна-вать Александра законнымъ своимъ сыномъ. Но если нѣтъ въ фактѣ сѣмъ ни малѣйшаго сомнѣнія, то равномѣрно не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что такого рода непризнаніе не можетъ служить основаніемъ къ лишенію Заботина такихъ правъ, которыя, по рож-денію его въ законномъ бракѣ, закономъ ему присвоены. По литов-скому статуту (разд. 3 артикулъ 28, § 3), дѣйствовавшему до 1842 года въ Черниговской губерніи, не признавшій законнымъ сына, ро-жденнаго женою, долженъ былъ учинить отреченіе и не держать ни жены, ни дитяти въ своемъ домѣ, ибо непристойно, какъ сказано въ сѣмъ законѣ, честному человѣку что либо худое и безчестное въ сво-емъ домѣ терпѣть. Соображая съ обстоятельствами дѣла сѣей законъ, современнѣй по рожденію Заботина въ 1818 г. и мѣстный по со-вершенію событій въ Черниговской губерніи, нельзя упустить изъ ви-ду, что послѣ рожденія Ульяною Ширай сына Александра, она без-выѣздно до самой кончины жила въ родовомъ имѣніи своего мужа въ Соловѣ, въ которомъ бывалъ и самъ Ширай, а сынъ, ею рожден-ный, оставался при ней въ томъ же имѣніи до 4-хъ лѣтъ. По сѣмъ виду, что Ширай зналъ о рожденіи женою его сына Александра, и этого обстоятельства не отвергаютъ противники Заботина, а потому пребываніе Александра въ домѣ Ширая до 4-хъ лѣтъ и неучиненіе сѣмъ послѣднимъ формальнаго отреченія, узаконяютъ такъ сказать рожденіе Александра, хотя бы Ширай убѣжденъ былъ и въ против-номъ, ибо по общимъ основаніямъ гражданскихъ законовъ неотрица-ніе въ установленномъ порядкѣ мужемъ такого событій, какъ рожде-ніе его женою сына, равносильно въ послѣдствіяхъ признанію его законнымъ.

Переходя отъ литовскаго статута къ общему своду законовъ, долж-

но признать, что дѣйствовавшіе и дѣйствующіе законы наши имѣли всегда въ виду, съ одной стороны, огражденіе освященныхъ церковью отношеній мужа и жены отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а съ другой, защиту гражданскихъ правъ дѣтей, происходящихъ отъ сего союза. Посему отреченіе отъ дитяти, рожденнаго женою въ законномъ бракѣ, зависитъ не отъ произвола мужа, а отъ закона, вслѣдствіе предъявленнаго имъ установленнымъ порядкомъ и своевременно спора и доказаннаго имъ нарушенія женою супружеской вѣрности. Съ сею цѣлю, въ Высочайше утвержденномъ мѣстнѣ государственнаго совѣта 6-го февраля 1850 года (которое впрочемъ по времени изданія на настоящее дѣло не распространяется), установленъ даже срокъ, для предъявленія мужемъ спора о законности младенца, рожденнаго его женою; съ сею же цѣлю постановлено въ ст. 121 и 131, что рожденные въ законномъ бракѣ признаются незаконными, въ случаѣ доказаннаго происхожденія отъ прелюбодѣянія жены, а въ ст. 122 X Т. и примѣчаніи къ оной, что законность рожденія младенца не подлежитъ спору, если не была она оспорена, при жизни его родителей или въ теченіи 10-ти лѣтъ послѣ рожденія его, когда только признаніе лица было оглашено надлежащими актами и событіями. Прочія постановленія X Т. Св. Зак. гр. о дѣтяхъ законныхъ, по внутреннему ихъ содержанию, исключительно относятся къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ законнаго брака.

Изложенными выше обстоятельствами дѣла обнаружено, что Александръ записанъ былъ законнымъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны въ метрическихъ книгахъ соловской церкви, слѣдовательно рожденіе его было оглашено въ исключительно установленномъ для сего актѣ; если же Ширай имѣлъ основаніе признавать Александра не своимъ сыномъ, а происходящимъ отъ прелюбодѣянія жены, то обязанъ былъ представить доказательства въ установленномъ порядкѣ и своевременно; но самовольное устраненіе Александра посредствомъ свидѣтельства и распорядительныхъ актовъ отъ правъ гражданскихъ, усвоенныхъ рожденіемъ въ законномъ бракѣ, лишеніе и присвоеніе которыхъ не зависитъ отъ произвола частнаго лица, предъ лицомъ закона не можетъ имѣть никакой силы и дѣйствія. Александръ рожденъ Ульяною Шираемъ въ 1818 году, оставался при ней въ родовомъ имѣніи Ширая Соловѣ до 4-хъ лѣтъ, потомъ отправленъ въ деревню Болдовку, а оттуда отданъ Михаиломъ Шираемъ, сперва на воспитаніе въ Новгородъ-Сѣверскъ священнику Мануйловичу, а потомъ въ

московскій воспитательный домъ подъ вымышленнымъ именемъ Заботина. Всѣ сія событія, подтвержденныя свидѣтельскимп показаніями, не были и не могли быть для Ширая тайною. Этого не отрицаютъ даже дочери его Долинская и Чернолузская. Объясненіе же, что Ширай не оспаривалъ законности рожденія въ видахъ нравственныхъ для избѣжанія соблазна и позора, едва ли имѣеть прочное основаніе. Рѣшеніе всякаго рода дѣлъ должно быть утверждаемо на фактахъ и на точной силѣ закона, а не на нравственныхъ убѣжденіяхъ, подсажающихъ разнообразнымъ сужденіямъ, и не на умозрительныхъ догадкахъ, которымъ могутъ быть всегда противопоставлены другія догадки, для опредѣленія относительнаго достоинства которыхъ въ законѣ не преподано ни правила, ни руководства. Нельзя также допустить начала, не признаннаго положительнымъ закоподательствомъ, что отъ непосредственнаго, основаннаго часто на одномъ подозрѣніи, усмотрѣнія отца зависитъ признаніе однихъ дѣтей, рожденныхъ женою его въ законномъ бракѣ, законными, а другихъ незаконными. Такое начало не только ослабило бы освященное уставомъ церкви состояніе семейное, но повлекло бы къ самоуправству, неумѣстному въ благоустроенномъ государствѣ, и можно сказать клонилось бы къ потрясенію гражданскаго общества въ самыхъ его основаніяхъ.

Объясненіе Долинской и Чернолузской, что Ульяна Ширай никогда не признавала Александра своимъ сыномъ, какъ основанное не на доводахъ, а однихъ голословныхъ предположеніяхъ, не представляется уважительнымъ. Письма Ульяны Ширай къ священнику Мануйловичу показываютъ пѣжнѣйшую материнскую привязанность ея къ своему дитяти. Въ этихъ письмахъ, она называетъ его своимъ Сашинькой, своимъ маленькимъ Сашинькой, своимъ малюткой, а Михаила старшимъ своимъ сыномъ, что служитъ доказательствомъ того, что былъ у нея въ сіе время и младшій сынъ Александръ, потому что съ 1809 года Петра не было уже въ живыхъ. Изъ дѣла ясно видно, что отъ Ульяны Ширай скрывали судьбу сына Александра и отдачу его въ воспитательный домъ, ибо когда Александръ находился въ Москвѣ, то она въ письмѣ къ Мануйловичу считала его очень далеко за Москвою. Раскрытыя слѣдствіемъ тайная подмѣна листовъ въ метрическихъ книгахъ духовныхъ консисторій и правленія и выносъ метрической книги изъ церкви села Соловы, послѣ смерти Ульяны Ширай, приводятъ къ заключенію, что и самъ Степанъ Ширай не рѣшался гласно отвергать законность рожденнаго женою его Уль-

яною сына Александра. При немѣни въ виду со стороны Ширая спора о законности рожденнаго женою его Ульяною Ширай сына, сія послѣдняя не имѣла ни повода, ни основанія заявлять актами и доказывать судомъ законность, никѣмъ не отвергаемую. Во время составленія Шираемъ въ 1838 году распорядительныхъ объ имѣніи актовъ, какъ видно изъ свидѣтельства врача Кузминскаго, она разбита была параличемъ и притомъ, оставаясь безвыѣздно, въ селѣ Соловѣ, въ полной власти мужа, не имѣла возможности знать о тѣхъ актахъ, которые мужъ ея совершилъ, въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ. Молчаніе отца Ульяны Ширай, Петра Борозды, который, впрочемъ, по показанію Долинской и Чернолузской, умеръ чрезъ 2 года послѣ рожденія Александра, во время пребывания сего послѣдняго при матери, а также молчаніе прочихъ родственниковъ Ульяны Ширай, не могло и не можетъ лишить Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, тѣхъ правъ, какія ему законно принадлежать.

По всеѣмъ симъ соображеніямъ, доказывающимъ положительно, что законность рожденія Александра женою Ширая Ульяною Ширай, утвержденная метрическою книгою, не была формальнымъ порядкомъ оспорена Степаномъ Шпрасмъ, и сѣдую точному смыслу современнаго настоящему событію закона литов. статута разд. III, артик. 28 § 3, а также т. X св. зак. гр. ст. 121, 131 и 122 и примѣч. къ сей послѣдней статьѣ, нельзя не придти къ заключенію, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, долженъ быть признанъ законнымъ сыномъ генераль-маіора Ширая и жены его Ульяны.

Что же касается до ссылки Долинской и Чернолузской на примѣрное дѣло о званіи дочери княгини Касаткиной-Ростовской (Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 16-го октября 1844 г.), то дѣло сіе, по самому существу своему, не можетъ быть поставляемо въ примѣръ въ настоящемъ случаѣ: въ дѣлѣ княгини Касаткиной-Ростовской доказано было: а) что княгиня Касаткина-Ростовская созналась письменно московскому митрополиту и словесно въ духовной конвенторіи, что въ теченіи 6-ти лѣтъ не имѣла съ мужемъ сообщенія; признанія сіи учинены одно за 7-мь мѣсяцевъ до рожденія ею дочери, а другое чрезъ 15-ть мѣсяцевъ послѣ рожденія; б) что княгиня Касаткина-Ростовская не жила въ домѣ мужа, а вела отдѣльную, свободную, независимую жизнь, и в) что дочь, рожденная ею проѣздомъ чрезъ Курскъ, была записана въ метрику безъ означенія отца, который о существованіи дочери и не зналъ.

Изъ обнаруженныхъ же слѣдствіемъ событій о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, напротивъ того, видно, что мать сего послѣдняго Ульяна Ширай никогда и ни предъ кѣмъ не заявляла о прекращеніи супружескихъ отношеній; что она, Ульяна Ширай, жила постоянно и безвыѣздно въ имѣніи своего мужа, въ полной отъ него зависимости; что рожденный ею младенецъ былъ записанъ, въ метрикахъ, сыномъ ея мужа Степана Ширай, и что сей послѣдній о существованіи младенца, жившаго при матери 4 года, не былъ безызвѣстенъ. По сямъ основаніямъ, а равно и потому еще, что постановленные по одному дѣлу рѣшенія частныя, или такъ называемыя сепаратныя, по 68 и 69-й ст. 1-го т. основ. зак., не имѣютъ силы закона для другаго дѣла,—послѣдовавшее по дѣлу Касаткиной-Ростовской рѣшеніе не можетъ быть примѣняемо къ настоящему дѣлу.

IV. ОБЪ УПУЩЕНІЯХЪ, ДОПУЩЕННЫХЪ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖЕННОЮ СЛѢДСТВЕННОЮ КОММИСИЕЮ.

По всеподданнѣйшему докладу генераль-адъютанта графа Бенкендорфа, его императорское величество повелѣтъ соизволивъ: обстоятельства, изложенныя въ запискѣ флигель-адъютанта Демидова 2-го о самовольномъ лишеніи генераломъ Шираемъ сына, рожденнаго его женою, правъ дворянства и наследства, изслѣдовать черниговскому губерническому предводителю дворянства Ладомирскому съ полковникомъ корпуса жандармовъ Ливенцовымъ и флигель-адъютантомъ Демидовымъ. Черниговскій, полтавскій и харьковскій генераль-губернаторъ, объявляя о семъ Высочайшемъ повелѣніи, предложилъ предводителю дворянства: «для избѣжанія всякихъ промаховъ, взять всѣ возможные мѣры предосторожности, дабы въ особенности, прежде приступленія къ слѣдствію, настоящая Высочайшая воля оставалась въ тайнѣ и чтобы всѣ дѣйствія, которыя будутъ предприняты къ раскрытію сущности этихъ обстоятельствъ, отнюдь не дѣлались гласными прежде ихъ совершенія». Такимъ образомъ учрежденная, по Высочайшему повелѣнію, слѣдственная коммисія для изслѣдованія противузаконныхъ поступковъ Степана Ширай, и по своему составу, и по указанному для нея образу дѣйствія, выходила изъ разряда обыкновенныхъ слѣдственныхъ коммисій.

Тѣмъ не мѣнѣе нельзя не признать, что слѣдователями допущены были два главные отступленія отъ закона при производствѣ розысканій по настоящему дѣлу: а) въ противность 1 и 2 п. 2367 ст. X т., спрошенъ подъ присягою прикосновенный къ дѣлу титулярный совѣтникъ Заверуха, и б) приведены къ присягѣ вдова Масловская и Заверуха на другой день послѣ допроса (2386 ст. X т.). Объ участіи же унтеръ-офицера Лапчинскаго въ подлогахъ по метрическимъ книгамъ слѣдователи могли узнать не прежде, какъ послѣ допроса, которому по закону предшествовала присяга.

Что касается до другихъ упущеній, то слѣдуетъ принять во вниманіе:

1) Свѣдѣніе о рожденіи Ульяною Шпрай, кромѣ Александра, сына Константина, основано на прешрожденной къ слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ генералъ губернаторомъ запискѣ, шкѣмъ не подписанной, а потому имѣющей всѣ свойства и признаки подметнаго письма. Рожденный, будто бы, Ульяною Шпрай Константинъ не значится въ метрическихъ книгахъ, какъ увѣдомило слѣдователей стародубское духовное правленіе; никто изъ спрошенныхъ лицъ не сдѣлалъ указанія, въ подтвержденіе сего обстоятельства, а Долинская и Чернолузская никакихъ свѣдѣній, по сему предмету, не сообщили. Очевидно, что слѣдователи не имѣли ни повода, ни основанія производить дальнѣйшія розысканія о лицѣ небываломъ.

2) Равномѣрно не представлялось основанія производить дальнѣйшія розысканія о сочинителѣ письма изъ г. Шацка, подписаннаго А. Заботинъ, и адресованнаго къ Долинской и Чернолузской. Другой Заботинъ, кромѣ того, о которомъ въ дѣлѣ семь рѣчь идетъ, и который въ то время находился въ Черниговской губерніи, до сихъ поръ не являлся, а по секретному розысканію, какъ увѣдомилъ тамбовскій гражданскій губернаторъ, въ Шацкѣ Заботина не оказалось. Сего, кажется, достаточно для убѣжденія, что письмо изъ Шацка есть вымысль, неимѣющей даже признаковъ правдоподобія, тѣмъ болѣе, что въ тождествѣ Заботина, неоспариваемомъ Долинскою и Чернолузскою съ младенцемъ, рожденнымъ въ 1818 году Ульяною Шпрай, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказываютъ показанія: по іерейской совѣсти священника Мануйловича, у котораго Александръ воспитывался, подъ присягою жены Мануйловича, которая указала даже примѣты его, Александра, штабсъ-капитана Емельяновича, директора ремесленнаго заведенія при воспитательномъ домѣ коллежскаго

совѣтника Розенкампфа и предсмертное письмо Михаила Ширая къ своимъ сестрамъ.

3) Сличеніе подписи Петра Борозды на письмѣ, представленномъ Долинскою и Чернолузскою, учинено было секретарями стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, которые единогласно признали письмо это неимѣющимъ по почерку сходства съ другими бумагами, писанными и подписанными Бороздою. Законность обряда сличенія Долинская и Чернолузская не оспариваютъ, и такъ—какъ имѣть закона, чтобы производить вторичное сличеніе и давать предпочтеніе въ степени достовѣрности показаній секретарямъ губернскихъ мѣстъ и правительствующаго сената предъ секретарями судовъ 1 степени, то возраженіе по сему предмету не имѣетъ законнаго основанія.

4) Изъ дѣла видно, что Александръ находился до 4-хъ лѣтъ при матеря, а до 7 лѣтняго возраста у повгородъ-сѣверскаго священника Мануйловича. Посему, и какъ на основаніи 116 правила Помокано-на и 3 п. указа 6 ноября 1822 г., дѣти обоего пола допускаются къ исповѣди не ранѣе 7 лѣтняго возраста, то Александръ, до отправленія въ Москву, не могъ значиться въ исповѣдныхъ книгахъ, а потому и дальнѣйшія розысканія по сему предмету бесполезны.

5) Возраженіе Долинской и Чернолузской, что слѣдователи допустили мѣстнаго священника Іоанна Лапчинскаго къ увѣщанію нѣкоторыхъ лицъ, спрошенныхъ безъ присяги, и къ приводу нѣкоторыхъ изъ допрошенныхъ къ присягѣ, не имѣетъ основанія. Имѣть закона, воспрещающаго участвующему въ дѣлѣ священнику приводить къ присягѣ и увѣщевать допрашиваемыхъ, а потому дѣйствія слѣдователей въ семъ случаѣ не могутъ быть признаны противузаконными. Къ тому же и увѣщанія и присяга производились священникомъ въ присутствіи слѣдователей.

6) Жалоба Долинской и Чернолузской о недонущеніи ихъ, во время сабдствія, къ отводу свидѣтелей и къ присутствованію при приведеніи къ присягѣ лицъ, спрошенныхъ по сему дѣлу, не имѣетъ также основанія. Слѣдователи, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія о приведеніи въ извѣстность обстоятельствъ, изложенныхъ въ запискѣ полковника Демидова о поступкахъ, относящихся собственно до генерала Ширая, не считали и не могли считать Долинскую и Чернолузскую отвѣтчицами за отца въ подлогахъ, снмъ послѣднимъ учиненныхъ. Кромѣ того, изъ дѣла видно, что возраженіе сіе было въ виду государственнаго совѣта, при разсмотрѣніи вопроса о поряд-

къ производства подлежащаго дѣла и, Высочайше утвержденнымъ 16 октября 1844 г. мѣншемъ совѣта, предоставлено было Долгинской право участія только въ дальнѣйшемъ производствѣ сего дѣла.

По всѣмъ вышеизложеннымъ основаниямъ и принявъ на видъ: Высочайшее повелѣніе, чтобы дѣло сіе не затягивалось, и ст. 2443 Х т., которая воспрещаетъ, подъ видомъ приведенія въ ясность обстоятельствъ дѣла, заводить справки, кои къ существу дѣла не принадлежатъ, а служатъ только къ промедленію онаго, я не нахожу достаточнаго основанія обращать настоящее дѣло къ новому переслѣдованію, тѣмъ болѣе, что новый допросъ въ семь случаевъ, касаясь не другаго, а именно того же предмета, о которомъ большая часть спрошенныхъ лицъ уже разъ показали подъ присягою, имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ видъ вызова ихъ къ клятвопреступленію и заключалъ бы въ себѣ совершенное отступленіе отъ законовъ, охраняющихъ силу и важность данной единожды присяги.

Изысканныя соображенія, основанныя на розысканіяхъ о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, обнаруживаютъ: а) что сей послѣдній рожденъ въ 1818 г. Ульяною Ширай въ законномъ бракѣ съ генералъ-маіоромъ Шираемъ и воспитывался при матери до 4 лѣтъ въ имѣніи ея мужа, для котораго существованіе сего младенца не было тайною; б) что законность рожденія отъ Ширая и жены его Ульяны сына Александра оглашена была метрическими книгами, изъ которыхъ онъ вносилъ въ исключенъ подлогами и подмѣнами; в) что большинство свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою и по священническому увѣщанію, утвердилъ рожденіе Александра Ульяною Ширай отъ мужа ея Степана Ширая; г) что Ульяна Ширай не вела отдѣльной, независимой жизни отъ мужа, а имѣла постоянное, безвыѣздное пребываніе въ родовомъ имѣніи сего послѣдняго, въ которомъ онъ проживалъ по нѣсколькимъ днѣмъ, и видѣлся съ своею женою; д) что нарушение Ульяною Ширай супружеской вѣрности въ предшествовавшее до рожденія Александра время ничѣмъ не доказано; е) что Ширай законность рожденія женою его сына Александра не только нигдѣ и никогда не оспаривалъ формальнымъ порядкомъ, но даже нигдѣ и не оглашалъ до самой смерти своей; ж) что посредствомъ представленныхъ противною стороною доводовъ легко можно оспаривать законность рожденія, если не всякаго, то весьма многихъ, въ явное оскорбленіе святости брака, ограждаемаго законами, и наконецъ з) что подлогъ не можетъ быть оправ-

дываемъ никакими нравственными убѣжденіями, которыя, какъ выше уже замѣчено, подлежатъ разнообразнымъ сужденіямъ.

Всѣ сѣн уваженія и прилагаемое къ нимъ общее правило, по ко-ему всякое невинно-утраченное или похищенное право должно быть возстановлено силою закона, приводятъ къ положительному заключенію, что рожденнаго въ 1818 году Ульяною Шпрай сына Александра, на основаніи значащихся по дѣлу сему неотрицаемыхъ данныхъ и по точному содержанію лит. ст. разд. III арт. 28 § 3 и ст. 121, 122 и примѣчанія къ оной X т. св. зак. гр., надлежитъ признать законнымъ ея и генераль-маіора Ширая сыномъ и, вслѣдствіе того, возвратитъ ему отчество и фамилію, по закону принадлежащія, и всѣ права, съ сею фамиліею сопряженныя.

Признавъ такимъ образомъ Александра законнымъ сыномъ генераль-маіора Ширая и жены его Ульяны, и обращаясь затѣмъ къ разрѣшенію *третьяго и послѣдняго вопроса*—о правахъ Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ родителей, нельзя не замѣтить, что права Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ его родителей, различны по разнообразію свойствъ сихъ имуществъ. При разрѣшеніи сего вопроса слѣдуетъ рассмотреть: а, права Александра Ширая на благопріобрѣтенное имѣніе отца; б, права на родовое имѣніе сего послѣдняго, и в, права на родовое имѣніе матери.

Генераль-маіоръ Шпрай крѣпостнымъ духовнымъ завѣщаніемъ, писаннымъ 9 ноября 1838 года, сознаннымъ и явленнымъ въ установленномъ порядкѣ, предоставилъ все свое благопріобрѣтенное имѣніе двумъ дочерямъ Марьѣ, по мужу Долинской, и Анастасьѣ, вышедшей впоследствии замужъ за Чернолузскаго. Посему и имѣя въ виду, что по раздѣлу 8 артик. II § 1 всякій властенъ вещи свои движимыя и недвижимыя имущество, имъ самимъ пріобрѣтенное, записать кому пожелаетъ, слѣдуетъ признать, что Александръ Шпрай не можетъ имѣть никакого участія въ благопріобрѣтенномъ имѣніи отца.

Родовому же своему имѣнію генераль-маіоръ Шпрай составилъ, 1 ноября 1838 г., распределительный актъ, созданный въ установленномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ. Въ актѣ сего сказано, что онъ, Шпрай, сѣмъ распределительнымъ вѣчнымъ записомъ, утверждаетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе единственнымъ по немъ наследникамъ, полковницѣ Марьѣ Долинской и дѣвицѣ

Анастасъ Ширай (нынѣ Чернолузская), все родовое, по наслѣдству доставшееся ему имѣніе, съ тѣмъ, что онѣ могутъ вступить во владѣніе симъ имѣніемъ не прежде, какъ послѣ его смерти. Актъ сей, по самому своему названію распределительный, не можетъ быть причисленъ къ разряду актовъ дарственныхъ, а ближе всего подходитъ, и по названію и по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ. Всякій актъ, посредствомъ коего распределяется имѣніе на случай смерти, есть безспорно не дарственный, а завѣщательный актъ; симъ единственно отличается повсемѣстно даръ отъ завѣщанія.

По литовскому статуту (разд. 8 арт. II § 1) дозволено было завѣщевать имѣніе благопріобрѣтенное, но не отцовскія и материнскія родовыя имѣнія.

Собразивъ означенный распределительный актъ Ширая о родовомъ его имѣніи, учиненный на случай его смерти, съ приведеннымъ закономъ литовскаго статута, оказывается, что актъ сей, какъ содержащій завѣщательныя распоряженія о родовомъ имѣніи, предъ закономъ не можетъ имѣть силы, а потому Александръ Ширай имѣетъ неотрицаемое право на получение изъ родового имѣнія, оставшагося послѣ отца, наслѣдственной части, на точномъ основаніи ст. 828 и 952 X т. Св. Зак. Гражд.

Переходя засимъ къ обсужденію правъ Александра Ширая на родовое материнское имѣніе, слѣдуетъ замѣтить, что объ имѣніи семь имѣются въ виду два акта:

Первый, дарственная запись самой Ульяны Ширай, составленная 17 августа 1809 г., по коей она все движимое и недвижимое свое имѣніе утвердила вѣчно и потомственно сыновьямъ своимъ Михаилу и Петру и дочерямъ Марьѣ и Анастасіи, съ тѣмъ, чтобы, по причинѣ ихъ малолѣтства, отъ сего времени владѣлъ и распоряжалъ имѣніемъ по смерти своей мужъ ея, безъ всякаго со стороны ея пренятствія и противорѣчія. Сверхъ того дарительница предоставила мужу своему права и власть сказанныхъ дѣтей ея распределить наслѣдственнымъ записаннымъ отъ нея имѣніемъ, по его усмотрѣнію и знанію положенія и выгодъ тѣхъ имѣній, и что кому изъ дѣтей опредѣлено имъ будетъ, о томъ никто съ нимъ спорить права не имѣетъ; себѣ же Ульяна Ширай предоставила право пользоваться продовольствіемъ и жизненными припасами. Далѣе Ширай постановила, что она запись свою переимѣнить и нарушить не можетъ, и что равнымъ образомъ

мужъ ея не можетъ присвоивать себѣ правъ и власти болѣе той, которыя отъ нея въ сей записи точными и ясными словами ему предоставлены. Актъ сей сознавъ и вписавъ въ актовую книгу, въ предписанномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ.

Ближайшее разсмотрѣніе сего акта Ульяны Ширай показываетъ, что сія послѣдняя при жизни своей, съ самаго дня совершенія записи (отъ сего времени, какъ сказано въ записи) отчуждала отъ себя и предоставила постороннимъ лицамъ и право собственности и право владѣнія и распоряженія принадлежавшимъ ей имѣніемъ; посему записи сія содержитъ въ себѣ необходимыя условія дарственной записи. А какъ на основаніи литовскаго статута разд. III арт. 41 дозволено было вочинникамъ дарить какъ благопріобрѣтенныя, такъ и родовыя свои имѣнія, то совершенная Ульяною Ширай дарственная запись должна сохранить свою силу.

Признавать сію запись дарственною на случай смерти нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Существенное различіе, между дарственною записью при жизни, дарственною на случай смерти и духовнымъ завѣщаніемъ, въ томъ и заключается, что на основаніи сихъ послѣднихъ актовъ, какъ владѣніе, такъ и распоряженіе даримымъ имуществомъ оставляется за дарителемъ до самой его кончины и переходитъ къ постороннему лицу только послѣ его смерти; настоящимъ же актомъ Ульяна Ширай, какъ выше уже сказано, и право владѣнія и право распоряженія, съ самаго дня совершенія акта, предоставила постороннимъ лицамъ.

Возраженіе, что дѣти Ульяны Ширай, получивъ по акту отъ матери право собственности на подаренное имъ имѣніе, могли вступить во владѣніе и распоряженіе онымъ только по смерти отца своего, и что посему самый актъ нельзя не признать актомъ на случай смерти, не имѣетъ законнаго основанія потому, что одно только условіе о смерти самаго дарителя имѣетъ вліяніе на признаніе акта дареніемъ на случай смерти или духовнымъ завѣщаніемъ. Въ настоящемъ же случаѣ смерть дарительницы не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на право дѣтей ея вступить во владѣніе и распоряженіе подареннымъ имъ имѣніемъ. Что касается до условія относительно вступленія дѣтей Ульяны Ширай во владѣніе имѣніемъ послѣ смерти ея мужа, то это условіе не ослабляетъ силы акта, ибо не только по литовскому ста-

туту, но даже по законамъ общимъ, право пользованія можетъ быть отдѣляемо отъ права владѣнiя.

Второй актъ о родовомъ имѣнiи Ульяны Ширай есть актъ распределительный мужа ея Степана Ширая 5 ноября 1838 года, которыми онъ по праву, предоставленному ему предъядущею дарственной записью жены, раздѣлилъ поровну родовое имѣнiе Ульяны Ширай между двумя дочерьми, съ тѣмъ, чтобы онѣ вступили во владѣнiе послѣ его смерти.

Право собственности на родовое имѣнiе Ульяны Ширай принадлежало, по дарственной ея записи 1809 года, ея дѣтямъ: сыновьямъ Михаилу и Петру и дочерямъ Марiи и Анастасiи, и потому настоящiй распределительный актъ Ширая есть не что иное, какъ послѣдствiе предоставленнаго ему женою права раздѣлить между ними подаренное имѣнiе. Въ такомъ видѣ законность распределительнаго акта Степана Ширая не можетъ быть оспариваема. Но съ другой стороны, рассматривая сей послѣднiй актъ въ отношенiи къ наследственнымъ правамъ Александра Ширая, нельзя не принять во вниманiе, что если бы, при составленiи Шираемъ распределительнаго акта на родовое имѣнiе жены, сыновья его Петръ и Михаилъ находились въ живыхъ, то, по точнымъ словамъ дарственной записи ихъ матери, онъ, Ширай, не могъ бы сыновей своихъ лишить слѣдующихъ имъ частей изъ подареннаго имъ матерью имѣнiя. Дарственной записью 1809 г. Ульяна Ширай, утверждая права собственности на принадлежавшее ей имѣнiе за дѣтьми, тогда ею рожденными, сдѣлала въ актѣ семь оговорку, что мужъ можетъ только распределить между сказанными дѣтьми имѣнiе, по знанiю положенiя и выгодъ имѣнiя; слѣдовательно, не исключая изъ нихъ ни одного. Въ окончанiи дарственной записи, какъ бы въ подтвержденiе вышесказаннаго, Ульяна Ширай объяснила, что мужъ ея присвоивать себѣ права и власти болѣе той, которая ему въ сей записи точными и ясными словами предоставлена, не можетъ. Очевидно, что если бы сыновья Шираевъ Михаилъ и Петръ находились въ живыхъ, то Степанъ Ширай не имѣлъ бы права, по слѣдъ упомянутой записи жены своей, лишить ихъ участiя въ имѣнiи, подаренномъ имъ матерью. При совершенiи распределительной Ширая записи, Петра и Михаила не было уже въ живыхъ: первый умеръ въ 1809 году, а второй въ 1833 году, но каждый изъ оставшихся въ живыхъ законныхъ наследниковъ вступалъ въ законныя права собственности послѣ умершаго. Такимъ образомъ послѣ Петра въ принадлежавшую

ему по акту матери часть вступили: братъ Михаилъ и сестры, а послѣ Михаила долженъ наследовать признанный законнымъ братъ его Александръ и сестры Марья и Анастасья. Соображенія сии о порядкѣ наследованія, въ правахъ собственности на материнское имѣніе, основаны на разд. 3, арт. 17 § 2 литовскаго статута, въ которомъ сказано, что въ томъ случаѣ, если бы братья и сестры и не раздѣлили еще доставшееся имъ послѣ родителей имѣніе и одинъ изъ братьевъ, не оставя по себѣ дѣтей, умеръ, тогда его часть отческихъ и купленныхъ имѣній идетъ въ раздѣлъ токмо на братьевъ или на ихъ потомковъ, на сестеръ же слѣдуетъ выдѣлъ приданого соразмѣрно четвертой части всего отческаго и купленнаго имѣнія. А если бы осталась материнская часть, то братья съ сестрами поровну между собою оное раздѣлить должны. Въ настоящемъ случаѣ Петра и Михаилъ умерли въ то время, когда материнское имѣніе по записи принадлежало имъ въ собственность, но не было раздѣлено по случаю пожизненнаго владѣнія отца; посему, на основаніи вышеприведеннаго закона, какъ собственная Михаила Ширая часть въ материнскомъ имѣніи, такъ доводящаяся ему по наследству послѣ брата Петра, должны быть раздѣлены поровну между Александромъ Ширасемъ и сестрами его Марьею Долинскою и Анастасьею Чернолузскою.

Руководствуясь вышензложенными соображеніями и законами, управившій министерствомъ юстиціи полагалъ:

1) Рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра признать законнымъ сыномъ ея и генераль-маіора Ширая, возвративъ ему отчество, фамилію и все права, по рожденію принадлежащія.

2) Родовое имѣніе генераль-маіора Ширая раздѣлить между сыномъ Александромъ и дочерью, женою генераль-маіора Марьею Долинскою и женою коллежскаго совѣтника Анастасьею Чернолузскою, на точномъ основаніи 828 и 952 ст. X. т. св. зак. гр.

3) Изъ родоваго материнскаго имѣнія часть, доводящуюся умершему, въ 1833 году, Михаилу Шираю, какъ по собственному праву, такъ и по наследству послѣ умершаго въ 1809 году брата Петра, раздѣлить поровну, между Александромъ Ширасемъ и сестрами Долинскою и Чернолузскою; все затѣмъ остальное имѣніе материнское оставить въ безспорномъ владѣніи настоящихъ вѣтчинницъ.

4) Благопріобрѣтенное недвижимое и движимое имѣніе генераль-маіора Ширая, согласно завѣщанію его, оставить въ безспорной собственности генераль-маіорши Долгннской и коллежской совѣтницы Чернолузской.

По выслушаніи сего предложенія, въ общемъ собраніи сената составилось узаконенное большинство гг. сенаторовъ, согласныхъ съ предложеніемъ и такимъ образомъ дѣло получило окончательное разрѣшеніе, согласно мнѣнію г. управлявшаго министерствомъ юстиціи.

ПЕРЕДОВЫЕ ЖИДЫ.

«Папе! сказали жиды Янкець... знаете ли, что дѣлается?»

Т. Бульба, Гоголя.

Основа (VI-я книжка), по поводу рѣзко-высказаннаго ей неудовольствія одного изъ ея читателей за слово *Жиды*, употребляемое ея сотрудниками, выразила, между прочимъ, свое участіе къ живущимъ на украинской почвѣ Жидамъ, какъ къ людямъ, которые, вмѣсто любви и уваженія къ себѣ, внушали и внушаютъ всему не-еврейскому населенію Украины чувства противоположныя. Въ статьѣ *Основы* съ сожалѣніемъ говорилось, что еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ, и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ, не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа. »

Говоря такимъ образомъ, *Основа* надѣялась, что передовые люди еврейскаго племени въ Украинѣ, безпрестанно доводящіе до свѣдѣнія публики о своей образованности, поймутъ насъ какъ люди въ самомъ дѣлѣ образованные, и употребятъ зависящія отъ нихъ средства къ распространенію между украинскими Жидамъ новыхъ гражданскихъ идей, на обоюдную пользу пришельцевъ и туземцевъ. Не тутъ-то было! Не въ ту сторону направлены умы передовыхъ Жидовъ. Правда, они сами признали за нами историческое и филологическое право — называть ихъ этнимъ именемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностью, они вывели (въ 10 № своего журнала — *Сіонъ*) заключеніе, что «стремленія» *Основы* очевидно — *исключительно національныя*; что «*Основа* никакъ не допускаетъ, чтобы въ Малороссіи могли жить другіе люди, кромѣ малоруссовъ»; что *Основа* не позволяетъ никому быть равно-

душинымъ къ *особымъ* судьбамъ украинской націи; что эта нація готова приняться за *истребленіе* или *изнаніе* *Ижидовъ*; что *Основа* требуетъ отъ *Ижидовъ* сочувствія не къ судьбамъ цѣлаго отечества, а къ судьбамъ одной изъ частей его, и т. п.

Каждому, надѣясь, изъ этого ясно, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ передовые *Ижиды*, для достиженія своей цѣли; каждый, кто читалъ *Основу* вообще и VI книжку въ—особенности, знаетъ, есть ли, во всемъ, сказанномъ *сіонскимъ* публицетомъ, хоть одно слово правды... За то, что мы не восхищаемся дѣлами предковъ ихъ на украинской почвѣ и не видимъ благословенія небеснаго въ томъ, что дѣлаютъ вообще *Ижиды* въ наше время вездѣ, гдѣ имъ дозволено и не дозволено жить, передовые *Ижиды*, не обинуясь объявляютъ насъ проповѣдниками инквизиціи и обновителями варварскихъ и феодальныхъ временъ. Тутъ же рядомъ, они отпускаютъ такого рода фразы: «Въ равнодушій къ общимъ судьбамъ *нашего отечества Россіи*... въ противодѣйствіи его пользамъ — *Основа* не упрекаетъ насъ и, *при всемъ желаніи*, не могла бы упрекнуть: *безчисленное множество* фактовъ могли бымы привести въ такомъ случаѣ въ свою защиту.» Каково!.. Невольно вспоминается гоголевская сцена, въ которой *Ижиды* увѣряютъ Запорожцевъ, что они съ ними, какъ братья родные... Въ статьѣ, занимающей пять столбцовъ *Сіона*, не менѣе пяти разъ упомянуты слова: *отечество, отечественные интересы, все наше отечество*, — словомъ, передовые *Ижиды* относительно «собранія земли Русской» опереживаютъ и самихъ *Іоанновъ* московскихъ. Съ такими литераторами не намъ имѣть дѣло. Мы готовы отстаивать свои убѣжденія со всею искренностію любви къ правдѣ, насколько она намъ ясна, но странно было бы сражаться неравнымъ оружіемъ. Предоставимъ передовымъ *Ижидамъ* идти къ своей цѣли избраннымъ имъ дорогою. Не впервые слова: *прогрессъ, цивилизація, гуманность, просвѣщеніе*, подвергаются подобному злоупотребленію.

Выражая такимъ образомъ личное мое мнѣніе о недостойномъ способѣ полемики, къ которому, въ слѣпномъ увлеченіи національнымъ эгоизмомъ, прибѣгнули передовые *Ижиды*, я руководюсь чувствомъ, пробужденнымъ оскорбленіемъ достоинства печатнаго слова, тѣмъ—самимъ чувствомъ, которое, около трехъ лѣтъ тому назадъ, заставило меня взяться за перо въ пользу Евреевъ, обиженныхъ *Иллюстраціею*. Статью, помещенную въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1858, т. XVIII, ноябрь, кн. 2-я) и подписанную, вмѣстѣ со мною, Костомаровымъ, Маркомъ Во-

вчкомъ, Номисомъ и Шевченкомъ, писалъ я. Въ ней было сказано слѣдующее:

« Много вѣковъ уже христіанскія націи, составляющія ширѣ Русскую имперію, клеймятъ скитающееся по всему міру племя Евреевъ именами злодѣевъ, предателей, обманщиковъ, враговъ Божіихъ и человѣческихъ. И не на словахъ только высказывалось противъ Евреевъ негодованіе обществъ и правительствъ, которыя не умѣли увлечь ихъ человѣческими средствами на путь истины и добра. Ихъ изгоняли, топили, жгли и рѣзали, какъ хищныхъ звѣрей. Было бы неестественно этимъ жертвамъ слѣпago озлобленія фанатиковъ оставить обычай, за которые ихъ ненавидѣли, и усвоить себѣ характеръ своихъ гонителей. Не говорю уже о самомъ вѣроисповѣданіи, которое, чѣмъ ожесточеннѣе было поносимо христіанами, тѣмъ казалось выше и святѣе въ глазахъ Евреевъ, тѣмъ тѣснѣе связывало ихъ въ одинъ корпоративный союзъ, во имя не-до-конца прогнѣваннаго ими Егобы. Такимъ образомъ, христіане, ревнуя по вѣрѣ и отъ всего сердца желая обратить на путь истины скитающихся по свѣту потомковъ Израиля, этимъ самымъ отдаляли ихъ отъ пути истины и дѣлали глухими къ евангельскому слову. Еврея видѣли и должны были видѣть своихъ враговъ въ проповѣдникахъ человеколюбиваго ученія, прибѣгавшихъ къ брани, угрозамъ, гоненіямъ и убійствамъ. Евреи сдѣлались и должны были сдѣлаться заклятыми врагами иновѣрцевъ, воздержавъ хулы на ихъ вѣру, на ихъ учителей, на ихъ храмы—школы и на священныя для нихъ обычай. Евреи, стѣсняемые повсемѣстно даже самими законами, поневолѣ обратились къ хитрости и плутовству, поневолѣ освятили вѣроученіемъ своимъ всякій вредъ, который они могутъ сдѣлать безнаказанно христіанству» (но извинительно ли прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ передовымъ Жидамъ нашего времени?) « Евреи дошли до изувѣрства въ ненависти къ христіанамъ. Какъ ни возмутительно для насъ многое изъ того, что мы знаемъ о Евреяхъ по достовѣрнымъ, письменнымъ и печатнымъ, свидѣтельствамъ, но это должно служить для насъ только мѣрою золъ, которыми такъ долго и такъ повсемѣстно подвергались несчастные потомки Израиля. Съ другой стороны, современный практической разумъ доказываетъ намъ очень убѣдительно, что ни къ чему доброму не привела Евреевъ всеобщая вражда къ нимъ христіанскихъ народовъ, и что одно свободное просвѣщеніе да равенство гражданскихъ правъ способны очистить еврейскую національность отъ всего, что въ ней

есть непріязненнаго къ иновѣрцамъ. Русскіе литераторы, стоящіе во главѣ новаго русскаго движенія къ человѣчности, глубоко сознали эту истину. *Русскій Вѣстникъ* первый сдѣлался органомъ просвѣщенныхъ представителей еврейскаго племени, во имя независимости всякой сознающей себя народности, и первый представилъ торжественную манифестацію русскихъ и польскихъ писателей противъ *Иллюстраціи*, которая, нося европейское имя, дышетъ временемъ Іоанна IV Грознаго въ своихъ сужденіяхъ о Евреяхъ. Въ сорока осьми именахъ, подписавшихъ протестъ, напечатанный въ 21 № *Русскаго Вѣстника*, я увѣренъ, есть и имена малороссіянъ, которые, вообще, никогда не оставались позади представителей Великороссіи, во всякомъ истинно-человѣческомъ движеніи. Но, между этими именами, я не вижу ни одного, съ которымъ связана идея собственно-малороссійской, украинской или южнорусской народности, проявившаяся въ последнее время въ литературныхъ произведеніяхъ разнаго рода. Много или мало извѣстно покажется такимъ именъ, но голоса ихъ слыются въ этомъ дѣлѣ особенно важное значеніе, выражая мнѣніе о еврейскомъ вопросѣ того народа, который больше Великороссіянъ и Поляковъ терпѣлъ отъ Евреевъ и выразилъ свою ненависть къ Евреямъ, во времена оны, многими тысячами кровавыхъ жертвъ. Этотъ народъ не могъ входить въ причину зла, заключающуюся не въ Евреяхъ, а въ религіозно-гражданскомъ устройствѣ Польши. Онъ мстилъ Евреямъ съ такимъ простодушнымъ сознаніемъ праведности кровопролитія, что даже воспѣлъ свои страшные подвиги въ своихъ истинно-поэтическихъ пѣсняхъ. И несмотря на то, современные литературные представители этого народа, дыша инымъ духомъ, сочувствуя инымъ стремленіямъ, прикладываютъ свои руки къ протесту *Русскаго Вѣстника* противъ статей *Иллюстраціи*.»

Тѣ, что написалъ я года три назадъ, я повторяю и теперь, какъ доказательство, что мой взглядъ на вопросъ о Евреяхъ не измѣнился; но ни прежде, ни послѣ я не допускалъ и не допускаю за Евреями права—дѣйствовать безъ разбора всякимъ оружіемъ,—въ родѣ *сіонскаго*, или въ родѣ неумѣтнаго притязанія г-на П—ва,—для достиженія хотя бы самыхъ естественныхъ и справедливыхъ цѣлей. *Основа*, безъ-сомнѣнія, вполне со мной согласна.

П. Кулишъ.

О ПОВѢСТИ Г. КУЗЬМЕНКА.

Есть таланты, не нуждающиеся въ пособіи критики, для того, чтобъ быть оцѣненными по достоинству. Широкій взмахъ крыльевъ генія самъ за себя говоритъ каждому слишкомъ-убѣдительно. Самые нападки тупыхъ, привязчивыхъ судей искусства еще больше возвышаютъ его достоинство въ глазахъ общества, которое чуетъ душою живую силу, исходящую изъ души поэта. Но не всѣ начинаютъ одинаково; не всѣ на первый разъ производятъ созданія, отъ которыхъ сіяетъ сверхъестественнымъ свѣтомъ. Тяжкія обстоятельства жизни, густой мракъ, окружающій юношескіе годы талантливаго писателя, внѣшній гнетъ, душевное уныніе, недостаточность научной образованности—все это вмѣстѣ можетъ парализовать иногда самыя прекрасныя способности ума и сердца, можетъ сдѣлать то, что человѣкъ, призванный къ высшей общественной дѣятельности, навсегда останется въ низменномъ кругу поденщиковъ, едва зарабатывающихъ насущный хлѣбъ, едва заслуживающихъ вниманія со стороны дѣятелей мысли и слова. Къ такимъ талантамъ принадлежитъ, по своимъ тяжкимъ житейскимъ обстоятельствамъ, г. Кузьменко. Мы не имѣемъ права раскрывать ихъ передъ обществомъ въ подробности, но скажемъ, что они едва не подавили окончательно его благородной природы, отличенной искрой таланта истиннаго, самобытнаго. Первые его стихотворенія, напечатанныя мною въ *Хатъ*, были таковы, что я не могъ ихъ представить читающему обществу иначе, какъ съ охранительнымъ предувѣдомленіемъ. Это были цвѣтки, испускающіе едва замѣтное благоуханіе посреди безвонныхъ злаковъ и посреди растений, поражающихъ обоняніе сильно, но неприятно. Надобно было освѣжить вокругъ нихъ воздухъ, чтобы люди, непривыкшіе узнавать подобныя вещи сразу, дали имъ какую-нибудь цѣну. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ читателей дали имъ цѣну высокую,— не потому, чтобы эти стихотворенія были сильно проникнуты поэзіею сердца, но потому, что въ нихъ слышался какой-то трогательный напѣвъ, какой-то тихій, очень тихій и робкій, но задушевный голосъ. Казалось, что авторъ ихъ поетъ въ присутствіи ка-

кой-то грубой, тупой силы и бонся, чтобъ его пѣсня не разбудила этой силы отъ ея сна животнаго, а между-тѣмъ желаетъ подѣлиться своими чувствами съ подобными себѣ несчастливцами, въ услажденіе, какъ своего собственнаго, такъ и ихъ горя. Но, несмотря на выгодное впечатлѣніе, произведенное этими стихотвореніями на нѣкоторыхъ изъ моихъ собесѣдниковъ, ни я, ни они не чаяли въ г. Кузьменкѣ автора замѣчательнаго, не пророчили ему свѣтлой литературной будущности. Мы слишкомъ хорошо знали тяжесть его житейскаго положенія и мертвящее дѣйствіе окружающей его среды. Участіе къ нему, какъ къ человѣку, заостряло нашу чувствительность къ его поэзіи, и мы давали ей, казалось намъ, больше цѣны, чѣмъ бы, можетъ быть, слѣдовало. Но прошло около двухъ лѣтъ, и имя Кузьменка появилось въ *Основѣ* между пишущими прозою. Возвратясь въ Россію послѣ продолжительнаго отсутствія и перечитывая изданныя безъ меня книжки *Основы*, я съ грустью встрѣтилъ это имя: я не ожидалъ, никакъ не ожидалъ, чтобы г. Кузьменко, при тѣхъ данныхъ, какія мнѣ были извѣстны о немъ, могъ произвести что-нибудь. способное занять меня, какъ простаго читателя. Но я ошибся самымъ пріятнымъ образомъ. Повѣсть его, носящая заглавіе: *Не такъ ждалося, да такъ склалося*, поразила меня изящною простотою языка и необыкновеннымъ тактомъ изложенія. Я съ радостью увидѣлъ, что имѣю дѣло съ талантомъ, который, подобно живому ручью, прокладываетъ себѣ дорогу черезъ засоренныя всякимъ соромъ мѣста и вноситъ свѣжесть и жизнь всюду, гдѣ безъ него были только тлѣнь и запустѣніе. Тихо, тихо журчитъ этотъ ручеекъ, тихо льется по кореньямъ въ густой тѣни, но съ перваго взгляда видно, что онъ течетъ въ великое море мысли, примыкая къ болѣе могучимъ и свѣтлымъ потокамъ. Говоря просто, я былъ не только занятъ, увлеченъ, но даже тронутъ простымъ и скромнымъ, до убожества скромнымъ, рассказомъ г. Кузьменка. Выведенные имъ на сцену характеры развиваются и дѣйствуютъ какъ-будто мимо вѣдома автора. Онъ пишетъ такъ, какъ-будто въ его повѣсти вовсе не участвуетъ художническое соображеніе, какъ-будто она вѣсье не вымыслена, — и въ этомъ именно заключается ея главное достоинство. Часто подходитъ онъ къ такимъ мѣстамъ въ своемъ рассказѣ, которыя для писателей, менѣе чуткихъ къ искусству, составляютъ камень претыканія на пути, и всегда минуетъ ихъ съ уиѣньемъ, внушаемымъ однимъ художническимъ инстинктомъ. Съ трепетомъ слѣдилъ я за его повѣстью, до конца опасаясь, чтобъ онъ не впалъ въ обычную у насъ болтливость, уничтожающую все удовольствіе, какое чувствуешь отъ прикосновенія къ другому уму, къ другому сердцу, — нѣтъ! онъ до послѣдней черты остался вѣренъ тому цѣломудрію фантазіи, которая отли-

часть всѣ истинныя таланты. Въ повѣсти его кое-чего (впрочемъ весьма немногаго) недостаетъ, но нѣтъ ничего лишняго. *Ничего лишняго*:—эти слова можно сказать о весьма-весьма немногихъ литературныхъ произведеніяхъ вообще, и въ особенности о произведеніяхъ нашей украинской словесности. Этими словами мы выражаемъ г. Кузьменку величайшую похвалу, какую считаемъ себя вправѣ, покажѣсть, высказать ему передъ читающимъ обществомъ. Если г. Кузьменко не напишетъ ничего большаго, то повѣсть его останется всегда на примѣтъ у знатоковъ нашей молодой литературы. Если онъ не напишетъ ничего плошаго, то займетъ очень видное мѣсто въ ряду нашихъ писателей. Но если онъ напишетъ хоть одну вещь, настолькоъ выше своей повѣсти, насколько она выше всѣхъ его стихотвореній, то мы станемъ указывать на него, какъ на писателя образцоваго.

II. Кулишъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

Ѳ.

Грамота на Рошцы и разборъ ея. ()*

І. ГРАМОТА.

На оборотѣ написано: «Божією милостію Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы.»

Визу написано: «Справилъ подъячій Иванъ Бринъ.»

(Пергаментъ. Сверху орелъ, кругомъ ободокъ и цвѣты, все золотое. Годы означены ц.- славянскими буквами).

Божією милостію мы Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы; Московскіе, Киевскіе, Владимірскіе, Повгородскіе, Цари Казанскіе, Цари Астраханскіе, Цари Сибирскіе, Государи Псковскіе и Великіе Князья Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вятцкіе, Болгарскіе и иныхъ, Государи и Великіе Князи Новагорода Низовскіе земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, и всея севѣрныя страны, Повелители и Государи Иверскіе земли, Каптолинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ Князей, и иныхъ многихъ государствъ и земель, восточныхъ и западныхъ, и сѣ-

(*) Эту статью, составленную покойнымъ Михайломъ Александровичемъ Стаховичемъ для «Юридическихъ Записокъ», сообщилъ намъ издатель этого сборника, П. Г. Рѣдкинъ, какъ прямо подходящую, по своему содержанию, къ предмету *Основы*. Подлинная грамота находится у П. Г. Рѣдкина. Ред.

верныхъ, отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и Государя и Обладатели. *Наше Царское Величество* (золотомъ) пожаловали знатного войскового товарища Ивана Павлова сына Лисицу велѣли ему дать сию нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту на село Рошицы, да на селцо Пекарн и на мельницы на рекѣ Ромнѣ, и на иныхъ рѣчкахъ стоящіе со всѣми къ нимъ угоди, да на мельницу з греблюю и ставомъ в селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся. Для того въ нынѣшнемъ во ЗРЧИ-мъ году билъ челомъ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству онъ Иванъ, что въ прошлыхъ годѣхъ служилъ отецъ ево Павелъ Отцу Нашему Блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Великому Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, и на тѣхъ службахъ подъ Оржищевымъ убитъ отъ неприятелей. Такъ же и онъ Иванъ служилъ Отцу нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству, и Брату Нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству; такъ же нынѣ и Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству служить со всякимъ усердіемъ многие годы и посылашъ былъ во Царь-городъ ко святѣйшимъ вселенскимъ патріархамъ отъ митрополіи Кіевской, чтобъ оную митрополію Святѣйшій Константинопольскій Патріархъ уступилъ и отдалъ подъ благословеніе святѣйшаго Московскаго и всея Россіи и иныхъ сѣверныхъ странъ Патріарха. И по той ево посылкѣ та митрополіа святѣйшему Московскому Патріарху уступлена и совершенно отдана. Да и въ Чигиринскихъ и въ иныхъ во многихъ такъ же и въ лѣто ЗРЧЕ и въ лѣто ЗРЧЗ во обихъ крымскихъ походахъ онъ былъ, и съ неприями съ турскими и съ крымскими людьми бился, не щадя головы своей. И за тѣ ево службы, по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу, подданной Нашъ войска Запорожскаго обохъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа далъ ему Ивану въ Нашихъ Царскаго Величества Малороссійскихъ городѣхъ для пополненія Нашей Царскаго Величества службы въ уѣздѣ Роменскомъ село Рошицы съ людьми нопсолитыми съ мельницами на Ромнѣ и на иныхъ рѣчкахъ стоящими и со всеми къ нему принадлежащими угоды, да ему жъ Ивану подтвердилъ листомъ своимъ

селцо Пекарн, въ полку Прилуцкомъ въ сотне Краснанской обрѣтающееся съ людьми посполитыми, которымъ селцомъ онъ и прежде сего владѣлъ. Да мельницу зъ греблею и ставомъ въ уѣздѣ воронежскомъ въ селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся бывшаго Гетмана за которую мельницу заплатилъ онъ въ войсковую казну тысячу сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ. А Нашей же Великихъ Государей Нашего Царского Величества жалованной грамоты, во укрепленіе и утверженіе того въ семъ на вѣчное владѣніе, ему и женѣ и дѣтямъ ево недано, и чтобъ Мы Великіе Государя Наше Царское Величество пожаловали ево Ивана велѣли на тѣ ево вышесписанные село Рошицы, да на село Пекарн и на мельницы и на всякия угоды дать Нашу Царского Величества жалованную грамоту, а въ листу подданнаго нашего войска запоржскаго обоихъ сторонъ Днестра Гетмана Ивана Степановича прошлаго РЧС году написано: « по Нашему Государей Нашего Царского Величества указу, видя онъ въ войске запоржскомъ многія службы знатнаго войскового товарища Ивана Лисицы, которыя онъ отъправляя, и впредь отправлять ихъ Царскому Величеству имѣть со всякою вѣрностію, далъ ему в роменскомъ уѣздѣ село Родинецъ съ людьми посполитыми съ мельницами на рекѣ Ромнѣ и на иныхъ рѣчкахъ стоящими со всѣми къ нему принадлежащими угоды и принадлежностями, да ему жъ утверждаетъ въ полку прилуцкомъ въ сотне Краснанской селцо Пекарн съ людьми посполитыми и со всѣми къ нему надлежащими угоды, которыми онъ и при бывшемъ Гетманѣ прежде сего владѣлъ, также утверждаетъ ему въ воронежскомъ уѣздѣ въ селѣ Локоткахъ мельницу зъ греблею и съ ставомъ бывшаго Гетмана за которую заплатилъ онъ Лисица въ войсковую казну тысячу сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ, и приказалъ ему Ивану и женѣ ево и дѣтемъ владѣть ею совсякими приходящими съ нее доходы вѣчно, а селомъ рошицами и селцомъ Пекарями и мельницами и всякими къ нимъ належащими угоды владѣть ему, и всякое отъ людей посполитыхъ опрѣчь казаковъ, послушаніе и повинность, а съ мельницъ размѣровые доходы обрати вѣчножъ. А до казаковъ ему, которые полковые Ихъ Царскаго Величества службы служить,—дѣла нѣтъ, и чтобъ ему въ томъ владѣши никто изъ старшихъ и черни ныне и впредь не имѣли никакъ не чинити препоны, а войты тѣхъ селъ съ людьми посполитыми во всемъ были ему послушны.

Мы Пресвѣтлѣйшіе і Державнѣйшіе Великіе Государя Цари и

Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, наше Царское Величество, слушавъ того ево Иванова челобитья и подданнаго нашего войска запорожскаго обонхъ сторонъ Днепра Гетмана Ивана Степановича даннаго ему листа, пожаловали его Ивана за службы отца Его и его и Намъ Великимъ Государемъ Нашему Царскому Величеству вышеписанные вѣрные и родѣтельные службы велѣли ему тѣмъ селомъ и селцомъ и мельницами со всякими къ нимъ належащими угодыя которые по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу написалъ ему въ вышеписанномъ листу подданной Намъ войска запорожскаго обонхъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичъ, такъ же и купленою его мельницею въ селѣ Локоткахъ будетъ кого въ чемъ спору какова не будетъ владѣть и всякіе съ нихъ обыкыые подати и пожитки употреблять, на что и сію Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту дать ему указали. и впредь будущимъ роду ево; и то все Мы Великіе Государи Наше Царское Величество силою сей нашей Царскаго Величества жалованной грамоты ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ и роду ево укрѣпляемъ и утверждаемъ, и быти тому селу и селцу и мельницамъ и всякимъ угодыамъ за нимъ въ вѣтчинѣ, потому, что онъ ту Нашу Царского Величества милость и жалованье получилъ за свои вѣрные и радѣтельные и знатные къ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству службы, и чтобъ впредь, смотря на тѣ его службы и вѣрное радѣнье, дѣти его и внучати и кто по немъ роду его будетъ такъ жеб Намъ Великимъ Государемъ Нашего Царскаго Величества и Нашимъ Государскимъ Наслѣдникомъ служили, и ему вышеупомянутому Лиспцѣ и женѣ его и дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ, тѣмъ селомъ и селцомъ и мѣльницаи съ належащими къ нимъ угодыи владѣть и всякіе доходы имать и пожитки употреблять. И тѣ вышеписанные (все опять именуется) ему Ивану и т. д. въ роды ихъ неподвижно; и волю имъ тѣ вѣтчины продать и заложить и въ приданные дать и во всякіе крѣпости укрѣпить. А для вѣщаго утверждѣнія Нашей Царскаго Величества милости и вѣчнаго владѣнія тѣмъ селомъ и селцомъ и мельницами со всѣми къ нимъ подлежащими угодыи ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ себъ Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту утвердить Нашею Царского Величества печатію повелѣя. Писана ся Наша Царскаго Величества жалованная грамота,

въ Нашемъ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра ЗРЧП мѣсяца Марта VI дня, государствованія Нашего И году.

Великихъ Государей Ихъ Царскаго Величества думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ.

При грамотѣ въ серебряномъ кругломъ ковчегѣ, печать; на крышкѣ гербъ,—двуглавый орелъ безъ московскаго герба со скипетромъ и державою; внутри отлично - сохранившаяся краснаго воску печать, съ гербомъ: орелъ съ московскимъ гербомъ на груди, подъ нимъ столъ; на столѣ булава; на одной сторонѣ 7 человекъ:—передніе видно, что кругловолосяе, въ латахъ, короткихъ кафтанахъ съ саблями, а одинъ съ знаменемъ; съ другой стороны въ длинныхъ шубахъ, одинъ со скипетромъ; кругомъ печати краткій титулъ Царей. На грамотѣ обертка шолковой матеріи; у печати кисти серебряныя, идутъ отъ приштаго куска серебряной парчи.

II. РАЗБОРЪ.

Извѣстно, что, послѣ ослабленія южной системы русскихъ княжествъ, главнымъ центромъ русской православной іерархіи была Москва. Въ ней основалась единственная (кромѣ кіевской) митрополія и возрасла до патріархіи. Сначала Москва и Кіевъ сносились съ греческими патріархами отдѣльно, такъ же, какъ въ древнія времена и многія великія княжества находились въ самостоятельныхъ отношеніяхъ съ Греціею, особенно Владимірское. До временъ московскаго патріаршества по разнымъ русскимъ городамъ являются греческіе епископы и архіепископы, посвящаемые въ Константинополѣ. Со времени же патріарховъ московскихъ, сѣверная и восточная части Россіи единственно отъ нихъ стали получать своихъ пастырей; греческіе исчезаютъ, а разсадникомъ русскихъ пастырей становятся русскіе сѣверные монастыри. По кіевская митрополія и подчиненныя ей епископства продолжаютъ, въ это время, находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ константинопольскому патріарху, который рукополагаетъ ихъ митрополитовъ. Однако, значеніе православныхъ іерарховъ, въ странѣ, угнетенной католицизмомъ, стало такъ маловажно въ это время, что униаты присвоивали себѣ часто имя кіевскихъ митрополитовъ, вмѣстѣ съ властью и управленіемъ. Жестокая оппозиція, которую составлялъ народъ, противилась такому порядку, и кровью отстаивала свою православную

независимость отъ хитростей польской политики, въ то самое время, какъ на сеймахъ открыто разсуждали о томъ, чтобы всѣми силами стараться объѣднить и ослабить русское духовенство, и тѣмъ упизнить его въ глазахъ народа. Еще въ недавнее время видны были слѣды этихъ ужасныхъ мѣръ. Когда послѣдовало распоряженіе о поддержаніи благолѣпія и порядка русскихъ церквей въ Бѣлоруссіи, (гдѣ часто въ помѣщичьихъ селеніяхъ католическіе костелы, посѣщаемыя единственно господиномъ и его домочадцами, были каменные и богатоукрашенные зданія, а русскія церкви—полуразрушенныя, деревянныя, съ бѣднѣйшею утварью и одеждами), то многіе изъ крестьянъ того края приносили, для новыхъ, строившихся, церквей, утвари и дорогія церковныя вещи. Одинъ крестьянинъ принесъ хранившіяся съ незапамятныхъ временъ серебряныя церковныя врата, преданіе о коихъ передавалось отъ отца къ сыну, на смертномъ одрѣ. Съ самого начала преобладанія Литвы и Польши, въ южно-русскомъ краѣ, видно стремленіе къ соединенію подъ одно управленіе съ православною Москвою въ церковномъ отношеніи. Начало новой московской митрополіи положилъ св. Петръ митрополитъ, родомъ волынецъ, который удержалъ при себѣ и кievскую митрополію. Но литовскіе князья успѣли разъединить эти митрополіи: Кіевъ началъ имѣть отдѣльныхъ митрополитовъ, которые большею частью держались сношеній съ папою и униєю, такъ—что единственною оградою православія на югѣ осталась община козацкая и нѣкоторые ея представители. Вотъ причина, почему многія лица изъ знатныхъ родовъ стали вступать въ ряды духовенства. — Обычай этотъ еще недавно существовалъ въ Малороссіи, гдѣ многіе изъ дворянъ были священниками и архіереями, напр. Іоасафъ Горленго, гдѣ и теперь многія церкви имѣютъ своихъ настоятелей изъ дворянскихъ родовъ. Многіе преданнѣе—православію митрополиты кievскіе, по рукоположеніи ихъ въ Царьградѣ, оставались при одномъ имени, но безъ власти. По освобожденіи Россіи отъ самозванцевъ и внутреннихъ неурядицъ, южно-русская козацкая община не преминула содѣйствовать ближайшему средству охраненія вѣры и первой ея колыбели, Кіева — соединенію южной Руси съ Москвою и кievской митрополіи съ московскою патріархією. Кіевскій соборъ постановилъ это іерархическое соединеніе. Тогда Гедеонъ Святополкъ князь Четвертинскій, вторично прибылъ въ Москву, для рукоположенія въ митрополиты. О поставленіи его во епископа Переяславскаго хлопоталъ еще Богданъ Хмельницкій, но признано было необходимымъ испросить предварительно

согласіе патріарха Діонсія на подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху. Отъ кievской митрополіи былъ посланъ въ Цареградъ войсковою товарищъ Иванъ Павловъ Лисица, для пеходатайствованія отъ патріарха уступки кievской митрополіи подь благословіеніе московскаго и всея Россіи патріарха, и вельдствіе этой посылки, кievская митрополія была уступлена и навсегда отда на московскому патріарху. За такія службы дана была Лисицѣ вотчина, перешедшая къ его дочери, которая была замужемъ за предкомъ нашимъ, городецкимъ сотникомъ, Андреемъ Стаховичемъ. Онъ же, Андрей Стаховичъ, получилъ вотчину и жалованшю на нее грамоту по купчей, съ утвержденіемъ универсальнымъ Гетмана Скоропадскаго, отъ брата умершаго Ивана Лисицы, кievскаго монаха Досифея, *трактовавшего науки* въ кievской академіи.

Вотъ отношеніе напечатанной здѣсь грамоты къ политической исторіи Малороссіи и исторіи церкви русской. Подобные документы, несомнѣнно важны въ историческомъ отношеніи съ точки зрѣнія государственной, доселѣ составляютъ основаніе гражданскихъ правъ высшаго малороссійскаго дворянства, и потому они не менѣе важны въ юридическомъ отношеніи. Грамота на Рошницы съ этой стороны весьма замѣчательна. Постараемся представить краткій экзегетическій разборъ ея.—

Грамотою укрѣпляются войсковому товарищу Лисицѣ данныя ему отъ Мазены вотчины: села Рошницы и Пекарн, по пожалованію, и мельница съ прудомъ въ селѣ Локоткахъ, на рѣкѣ Воронежѣ, купленная у Мазены на наличныя деньги. Владѣлецъ просилъ объ укрѣпленіи его правъ жалованною грамотою, которая пужна была ему, несмотря на то, что гетманъ далъ и записалъ за нимъ вотчины съ людьми посполитыми, по указу великихъ государей. Владѣнія, по данному гетманскому листу и по другимъ утвердительнымъ листамъ, были приказаны «для пополненія царской службы,» почему Лисица и выражается въ просьбѣ, что вотчины даны ему за службы (исчисляя ихъ, онъ упоминаетъ и о посольствѣ въ Цареградъ) и «для службы;» въ жалованной же грамотѣ велѣно селу быть за нимъ «въ вотчинѣ.» Что же значить, спрашивается, владѣніе для службы и по службѣ, котораго недостаточно для правъ вотчинника, и для чего пужна Лисицѣ грамота, если былъ у гетмана царскій указъ о пожалованіи? Разберемъ сначала смыслъ владѣнія по гетманскому листу. Гетманъ приказываетъ Ивану Лисицѣ владѣть вѣчно имѣніемъ, со всеми доходами, и всякое послушаніе отъ людей посполитыхъ имѣть, а до

козаковъ, которые Ихъ Царскаго Величества службу чинятъ, ему дѣла нѣтъ, и чтобъ никто изъ старшинъ и изъ черни не имѣлъ ему чинить препоны, а войты съ людьми были бы послушны. Здѣсь раздѣляется народъ на два сословія: на козачество и посполство. До козаковъ владѣльцу дѣла нѣтъ: они въ отношеніи къ нему составляютъ особое сословіе, и не должны ему чинить препоны. Войты, ближайшіе начальники людей посполитыхъ, должны быть ему вмѣстѣ съ ними послушны. Въ слѣдующихъ за этою грамотою универсалахъ гетмана Мазены, (конхъ списки я имѣю), также различаются сословія, напримѣръ по одному: » Пани Лисичена подала просьбу въ томъ, что въ имѣніи ея тѣ люди, которыхъ небожчикъ (Лисица) съ козацтва до громады привернулъ, опять снова ухилиются и не хотятъ за громадою тягнуги и посполыхъ повинностей отбувати, велятъ ихъ до громады привернути. » Въ другихъ универсалахъ, посполымъ людямъ велятъ не укрываться въ козачество, и отбывать повинности на стояковъ (расположенные на квартирахъ военныя команды), старшинамъ не велятъ дѣлать владѣльцу кривды и шкоды (универсалы Скоропадскаго слѣдующему владѣльцу, Якову Лисичѣ). То же самое повторяется въ листахъ и универсалахъ при введѣ во владѣніе. Такимъ образомъ, гетманскій листъ опредѣляетъ отношенія владѣльца къ людямъ, живущимъ въ мѣстахъ его владѣнія. Онъ долженъ распорядить отправление общихъ повинностей. Гетманъ даетъ свой листъ, по царскому указу, т. е. по общему своему праву раздавать имѣнія для исполненія службы. На этомъ основаніи, онъ утверждаетъ прежнія владѣнія и гражданскія сдѣлки объ отчужденіи имѣній и назначаетъ новыя помѣстья въ награду за службу; назначая кому-либо имѣніе. Гетманъ опредѣляетъ право владѣнія извѣстнаго лица и даетъ оное со всеми средствами въ предѣлахъ предоставленной ему власти. Грамотою же утверждается право поземельной собственности. Въ ней нѣтъ уже распоряженій объ отношеніяхъ владѣльца къ людямъ: это дѣло гетманскаго управленія, и о немъ упоминается въ грамотѣ, какъ въ протоколѣ, вмѣстѣ съ просьбою и съ гетманскимъ представлениемъ къ наградѣ. Грамота утверждаетъ распоряженіе гетмана, и для частнаго лица опредѣляетъ его твердое и нерушимое право чисто гражданского характера: цари велятъ быть имѣніямъ за Лисицею »въ вотчинѣ.« Различіе укрѣпленія по грамотѣ и листамъ гетманскимъ весьма отчетливо выражается въ слѣдующихъ словахъ этихъ актовъ: Гетманъ велитъ вотчиннику владѣть и всякое отъ людей

послушаніе имѣть; а грамотою цари велятъ владѣть и пожитки употреблять; укрѣпляютъ изъ рода въ родъ недвижно. Вотчину эту волею онъ продать, заложить, въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить, т. е. грамотою дается право собственности, тогда какъ гетманъ даетъ одно право владѣнія. Владѣніе дается по общимъ чиновнымъ распоряжкамъ, а собственность — какъ частное, неограниченное право. На этомъ основаніи грамота, единственный оплотъ такого права, дается со всею торжественностью, не только юридическою, но даже дипломатическою. Печать краснаго воску, приложенная къ этой грамотѣ, вѣроятно, осталась со времени сношеній царя Алексѣя Михайловича съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ.

М. Стаховичъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Новый уставъ объ акцизѣ съ табаку.

1-го августа 1861 года обнародованъ Высочайше утвержденный 4 июля 1861 года уставъ объ акцизѣ съ табаку, при особомъ указѣ сенату, въ которомъ сказано, что дѣйствующія объ акцизѣ съ табаку постановленія были подвергнуты общему пересмотру, вслѣдствіе того, что потребление табаку постоянно распространяется во всѣхъ сословіяхъ, доходъ же казны отъ налога на сей предметъ роскоши не возрастаетъ въ достаточной съ его потребленіемъ соразмѣрности.

Согласно новому уставу, потребление табаку въ имперіи подлежитъ платежу пошрины; а посему производство табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, кромѣ разведенія и продажи табаку плантаторами, допускается не иначе, какъ съ соблюденіемъ особыхъ, въ уставѣ семь постановленныхъ, правилъ.

По уставу, табакъ раздѣляется на 2 вида: сырой и приготовленный. Сырымъ табакомъ признаются табачные листья и стебельки, высушенные и вытѣренные въ папушахъ или связкахъ, не свернутые въ рули и кароты. Приготовленнымъ же табакомъ почитаются: а) листья и стебельки, свернутые въ рули и кароты; б) табакъ тертый и крошенный, нюхательный и курительный; в) всякаго рода табакъ, свернутый или завернутый въ табачные листья, бумагу, солому и т. п. г) табачныя крошки и вытерки. Разводители табаку могутъ, безъ платежа акциза и взятія свидѣтельства на право продажи, продавать плантаціяхъ, ярмаркахъ и торгахъ собственный свой табакъ въ сыромъ видѣ оптомъ и въ разницу, для внутренняго употребленія и вывоза за границу.

Съ приготовленнаго табаку внутренней выдѣлки взимается акцизъ, посредствомъ бандеролей. Привозный иностранный табакъ оплачивается установленными таможенными пошлинами.

Лица, желающія содержать заведенія, для приготовления и продажи табаку, кромя соблюденія общих постановленій о производствѣ торговли, обязаны брать ежегодно особыя акцизныя свидѣтельства. Развозъ и разносъ всякаго рода табаку производится не иначе, какъ по свидѣтельствамъ и накладнымъ.

Наблюденіе за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, для обезпеченія исправнаго поступленія въ казну установленныхъ съ табаку сборовъ, возлагается на акцизный надзоръ.

О разведеніи табаку и развозкѣ его съ плантацій. Согласно этимъ правиламъ, разведеніе табаку предоставляется лицамъ всѣхъ состояній.

Сырой табакъ внутренняго произрастенія развозится съ плантаціей, въ предѣлахъ акцизнаго округа или губерніи, если такая не принадлежитъ къ округу, не иначе, какъ уложенный въ связки или другія помѣщенія въсомъ, не менѣ пуда (netto), по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ на сей предметъ отъ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ начальствъ. На вывозъ сыраго табаку за предѣлы акцизнаго округа, или губерніи, выдаются отъ акцизнаго надзора особыя накладныя, съ платою за каждую по 30 к. Табакъ же, застигнутый на пути или торгѣ, безъ свидѣтельства или накладной, подлежитъ задержанію, какъ корчемный.

О приготовленіи табаку и табачныхъ фабрикахъ. Приготовленіе табаку дозволяется только на табачныхъ фабрикахъ; домашнее же приготовленіе табаку, только для собственнаго употребленія, а не для продажи, дозволено единственно табакоразводителямъ, въ жилищахъ при плантаціяхъ. Табачныя фабрики могутъ быть учреждаемы купцами всѣхъ гильдій и лицами торгующими, по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ столицахъ, портовыхъ, губерпскихъ и уѣздныхъ городахъ, со взятіемъ акцизныхъ свидѣтельствъ и съ разрѣшенія министра финансовъ. Владѣльцы табачныхъ фабрикъ обязаны ежегодно выбирать на каждую фабрику изъ казны бандеролей: въ Одессѣ на сумму не менѣ 3000 рублей, во всѣхъ другихъ южнорусскихъ городахъ и мѣстахъ не менѣ 1500 рублей. Фабрики, коихъ владѣльцы не выберутъ, въ какую либо треть, определенной пропорціи бандеролей, закрываются. Фабрика, по этой причинѣ закрытая, можетъ быть вновь открыта, въ теченіе того же года, не иначе, какъ по дополнительной выборкѣ обязательнаго количества бандеролей, какое за весь годъ съ нея причиталось бы, по самый день ея возобновленія. По прошествіи же года, таковая фабрика можетъ быть открыта не иначе, какъ по предварительной выборкѣ количества бандеролей, причитающагося за цѣлую треть года, сверхъ законенной годовой пропорціи. Содержаніе, при табачныхъ фабрикахъ, лавокъ и лавочекъ, для разночной продажи табаку, не дозволено. Виѣ фабрики и совершенно отъ нея отдѣльно, табачный фабрикантъ можетъ имѣть двѣ лавки, для разночной продажи своихъ издѣлій, а если желаетъ имѣть ихъ болѣе, то долженъ брать на каждую особый билетъ, съ платежемъ, на основаніи 517 ст. уст. о пошл., независимо отъ установленнаго акцизнаго свидѣтельства, на каждую табачную лавку.

Табачные фабриканты обязаны ежегодно, въ декабрѣ мѣсяцѣ, представлять мѣстному акцизному надзору, для скрѣпы приложенія печати, двѣ прошпурованныя книги, въ которыя фабриканты, въ теченіе слѣдующаго за симъ года, обязаны записывать приходъ и расходъ сыраго и приготовленнаго на фабрикѣ табаку.

Объ акцизныхъ свидѣтельствахъ. Акцизныя свидѣтельства ежегодно выда-

ются изъ уѣзднаго казначейства всѣмъ желающимъ открыть или продолжать содержаніе табачной фабрики, склада для оптовой продажи табаку, лавки, или лавочки, или производить продажу табаку, для мѣстной раскурки въ трактирѣ или на гульбищахъ, а равно перепродажу русскаго листоваго табаку въ развозъ.

За акцизные годовыя свидѣтельства на право приготовленія и продажи табаку взымается слѣдующая плата: 1) На табачныя фабрики: въ Одессѣ по 150 руб., а въ другихъ мѣстахъ по 100 руб.

2.) На склады для оптовой продажи: а) исключительно листоваго табаку внутренняго произрастенія, по 15 руб.; б), всякаго рода табаку, русскаго и иностраннаго, въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, по 30 руб.

3.) На табачную лавку и на право разничной продажи приготовленнаго табаку, русскаго и иностраннаго: въ Одессѣ по 25 руб., въ другихъ мѣстахъ по 15 руб.

4.) На табачныя лавочки и на право разничной продажи приготовленнаго табаку, внутренней выдѣлки: въ Одессѣ по 10 руб., въ другихъ мѣстахъ по 5 рублей.

5.) На право продажи табаку и сигаръ изъ бандероленныхъ помѣщеній, для куренія на мѣстѣ: а), для трактировъ, ресторановъ, гостиницъ, кофейныхъ домовъ и буфетовъ при клубахъ, театрахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и въ другихъ публичныхъ заведеніяхъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 20 руб.; въ другихъ мѣстахъ и на пароходахъ по 10 рублей; б), для харчевенъ, портерныхъ лавочекъ, ренсковыхъ погребовъ и питьевыхъ домовъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 15 руб.; въ другихъ мѣстахъ по 7 рублей; в), для корчмъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 10 руб.; въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, равно въ мѣстечкахъ и селеніяхъ по 5 руб.

6.) На право разноса табаку и сигаръ на публичныхъ гульбищахъ, гдѣ дозволено курить, для продажи цѣльными и обандероленными помѣщеніями, по 1 руб.

7.) На право перепродавать, русскій сырой табакъ въ развозъ, по 2 руб.

О торговлѣ табакомъ. Покупка сыраго табаку внутренняго произрастенія у плантаторовъ, пудовыми связками или помѣщеніями, дозволяется лицамъ всѣхъ состояній повсемѣстно; лица же, занимающіяся перепродажею сего табаку въ развозъ, обязаны брать акцизное свидѣтельство, которое выдается лицамъ всѣхъ званій, съ платою по 2 руб. въ годъ. Содержаніе складовъ, для оптовой продажи исключительно русскаго сыраго табаку, внутренняго произрастенія, дозволяется купцамъ всѣхъ трехъ гильдій и лицамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, со взятіемъ на каждый таковой складъ узаконеннаго акцизнаго свидѣтельства. Склады для оптовой продажи всякаго табаку, т. е. русскаго и привознаго, въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, могутъ содержать только купцы первыхъ двухъ гильдій, по узаконеннымъ акцизнымъ свидѣтельствамъ.

Изъ табачныхъ лавокъ дозволяется розничная продажа всѣхъ сортовъ приготовленнаго табаку внутренней выдѣлки и привознаго. Содержать табачныя лавки могутъ купцы и лица, торгующія по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, гдѣ сіе дозволено, со взятіемъ на каждую акцизнаго свидѣтельства.

Изъ этого правила сдѣлано исключеніе для черноморскихъ козаковъ, которымъ, на основаніи дарованныхъ привилегій, дозволено, въ предѣлахъ своихъ

земель, производить пролажу табаку, подъ установленными бандеролями, въ лавкахъ, вмѣстѣ съ прочими товарами, безъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, по однимъ только акцизнымъ свидѣтельствамъ, на табачныя лавки установленныя.

Табачныя лавочки, со взятіемъ на нихъ акцизныхъ свидѣтельствъ, могутъ содержать мѣщане и лица, торгующіе по свидѣтельствамъ четвертаго рода; изъ сихъ лавочекъ дозволяется продавать въ разницу табакъ внутренняго приготовленія.

Розничная продажа сыраго табаку русскаго произрастенія дозволена только изъ табачныхъ лавокъ и лавочекъ. Розничная же продажа привознаго иностраннаго табаку, въ листьяхъ и стебелькахъ, повсемѣстно запрещена.

Крестьяне, живущіе въ селеніяхъ мелочныя лавочки, могутъ продавать изъ нихъ табакъ внутренняго приготовленія безъ, взятія свидѣтельствъ четвертаго рода и только по акцизнымъ свидѣтельствамъ на табачныя лавочки. Право это предоставлено и отставнымъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, приписаннымъ къ селеніямъ.

На ярмаркахъ торговля табакомъ должна производиться съ заявленіемъ о томъ ярмарочному начальству и по особымъ выданнымъ отъ него билетамъ.

О порядкѣ развоза табаку. Согласно правиламъ, въ этой главѣ малочисленнымъ, всякій табакъ-приготовленный, равно иностранный, въ листьяхъ и стебелькахъ, долженъ быть развозимъ не иначе, какъ по свидѣтельствамъ городскихъ и сельскихъ начальствъ, или по форменнымъ накладнымъ, отъ акцизнаго надзора выдаваемымъ, со взиманіемъ за каждую по 30 коп. платы.

Накладныя пишутся по особой формѣ; въ нихъ, за подписью акцизнаго пристава, должны быть обозначены: а), количество и качество отправляемаго табаку; б), имя возчика; в), имя отправителя, день отправленія и мѣсто, откуда табакъ высылается; г), трактъ, по коему онъ слѣдуетъ; д), мѣсто назначенія и лицо, коему онъ адресованъ.

Для полученія накладной, акцизнымъ чиновникамъ предъявляются бумаги, удостоверяющія, что отправляемый табакъ доставленъ отправителю законными путями, а именно: а), въ случаѣ приобрѣтенія табаку отъ разводителей, въ селеніяхъ акцизнаго округа, свидѣтельства мѣстнаго городского или сельскаго начальства; б), въ случаѣ привоза изъ-за границы—таможенные провозныя ярлыки, и в), въ случаѣ привоза изъ другихъ мѣстъ—накладныя мѣстнаго надзора.

Накладныя, ярлыки и свидѣтельства, при транспортахъ табаку, должны быть предъявляемы во всякое время акцизному надзору, городской и сельской полиціи, по ихъ востребованію.

Транспорты съ табакомъ, слѣдующіе при накладныхъ, подвергаются только поверхностной повѣркѣ числа и знаковъ помѣщеній и цѣлости печатей надзора, къ нимъ приложенныхъ; а внутренней, подробной повѣркѣ могутъ быть подвергнуты только въ случаѣ, если печати окажутся вломанными, или число и знаки помѣщеній не будутъ соответствовать означеннымъ по накладной.

О вывозѣ русскаго табаку за границу. Вывозъ сыраго табаку русскаго произрастенія за границу предоставляется плантаторамъ и купцамъ всѣхъ трехъ гильдій, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для развоза табаку по имперіи.

Фабрикантъ, желающій отправлять свои табачныя издѣлія за границу, обязанъ вскаій разъ приглашать мѣстный акцизный надзоръ, для освидѣтельство-

ванія предназначенныхъ къ вывозу помѣщеній, которыя могутъ быть, безъ обложенія бандеролями, перевозимы въ таможи, за печатами надзора и съ его удостовѣреніемъ о количествѣ отправляемаго табаку. Таможи, освидѣтельствовавъ вновь сіи помѣщенія, выдаютъ отправителю свидѣтельство, которое должно быть имъ представлено акцизному надзору, въ теченіи полугодя; въ случаѣ же непредставленія въ сей срокъ свидѣтельства таможи, о дѣйствительномъ вывозѣ за границу безбандерольнаго табаку, съ фабрики; подъ печатами надзора, отпущеннаго, содержатель фабрики обязанъ внести причитающійся за все количество акцизъ, по высшему сорту табаку. Купцы, производящіе заграничную торговлю, но неимѣющіе своихъ фабрикъ, могутъ представлять въ таможи приготовленный табакъ внутрешней выдѣлки, для вывоза за границу, не иначе, какъ въ помѣщеніяхъ обандероленныхъ; стоимость бандеролей возвращается имъ, если, по предварительномъ удостовѣреніи таможи, что таковыя помѣщенія ею пропущены, отправитель представитъ еще удостовѣреніе російскаго консульства того мѣста, куда табакъ отправленъ, о томъ, что онъ дѣйствительно туда, въ опредѣленномъ количествѣ, прибылъ.

Этимъ кончается первый раздѣлъ устава, носящій общее заглавіе: «о порядкѣ производства табачной промышленности и взиманіи акциза съ табаку».

Засимъ слѣдуетъ второй раздѣлъ: *«учрежденіе акцизнаго управленія по табачному сбору.»*

Центральное управленіе сосредоточивается въ министерствѣ финансовъ, по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, а надзоръ за ходомъ табачной промышленности, въ губерніяхъ, возложенъ на казенныя палаты и уѣздныя казначейства, на начальниковъ акцизныхъ округовъ, ихъ помощниковъ, табако-акцизныхъ приставовъ, надзирателей и корчемную стражу по акцизу съ табаку.

Акцизный надзоръ за точнымъ поступленіемъ табачныхъ сборовъ и за правильнымъ производствомъ табачной промышленности распредѣляется на акцизные округа и дистанціи или районы.

Акцизный округъ составляется изъ одной или нѣсколькихъ смежныхъ губерній.

Каждый табако-акцизный округъ управляется начальникомъ онаго, который имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ всѣ дистанціи, составляющія округъ и есть главный начальникъ окружной корчемной стражи. Мѣстопробываніемъ начальниковъ округовъ назначаются главные центры табачной промышленности, въ томъ числѣ: Кіевъ, Одесса и Полтава или Харьковъ.

Дистанціею называется извѣстная часть округа. Каждую дистанціею заводится акцизный приставъ 1 или 2 класса.

Для вспоможенія надзору за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, состоятъ при ономъ корчемная стража.

При акцизныхъ округахъ, полагается, для порученій и приобрѣтенія познаній въ дѣлахъ акцизныхъ, одинъ или два чиновника.

Акцизные округа учреждаются постепенно, по мѣрѣ того, какъ потребуетъ распространеніе табачной промышленности; на первое время учредятся семь округовъ, въ томъ числѣ Югозападный: изъ губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, Новороссійскій, изъ губерній: Херсонской, Таврической, Екатеринославской и области Бессарабской, и Малороссійскій, изъ губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской и Курской.

Въ губерніяхъ, не въ акцизвключенныхъ округахъ, наблюдение за правильностью производства табачной промышленности возлагается на казенныя палаты, отъ которыхъ надзоръ поручается: въ губерскихъ городахъ—чиновникамъ ихъ вѣдомства, а въ уѣздныхъ и другихъ городахъ—чиновникамъ уѣздныхъ казначействъ, виннымъ и солянымъ приставамъ, акцизнымъ надзирателямъ по питейнымъ сборамъ и проч. чиновни.

Начальники губерній, палаты государственныхъ имуществъ, удѣльныя конторы и всѣ мѣстныя управления, а равно и городскія и земскія полиціи должны оказывать акцизному надзору полное, съ ихъ стороны, содѣйствіе.

Акцизный надзоръ по табачнымъ сборамъ, тамъ, гдѣ онъ учрежденъ отдѣльно отъ казенныхъ палатъ, не зависитъ отъ нихъ, собственно по прямымъ его обязанностямъ, состоящимъ въ наблюденіи за табачною промышленностью во всѣхъ ея видахъ, но долженъ представлять казеннымъ палатамъ всѣ свѣдѣнія и справки и исполнять всѣ порученія, какія, по отчетности, взысканіямъ и дѣламъ исковымъ, палаты сіи отъ него потребуютъ.

Начальники округовъ обязаны осматривать лично всѣ вѣренныя мѣстныя диспанси не менѣе двухъ разъ въ году. Всѣмъ чиновникамъ, на коихъ возложенъ надзоръ по табачному сбору, предоставляется употреблять, для открытія злоупотребленій, лицъ всякаго званія, подъ ихъ личною отвѣтственностью.

Акцизный надзоръ, направляя дѣйствія свои къ раскрытію и предупрежденію незаконнаго приготовленія и продажи табаку, обязанъ притомъ поступать съ надлежащею умѣренностію, не дѣлая помѣшательства торговцамъ и фабрикантамъ. Въ частныя жилища надзоръ доступа не имѣетъ; но въ случаѣ основательныхъ подозрѣній, если встрѣтится надобность сдѣлать домовый обыскъ, то таковой производится, на основаніи общихъ узаконеній.

Денежныя взысканія за нарушение правилъ новаго устава и суммы, поступающія отъ продажи кофеискованныхъ предметовъ, за вычетомъ 10%, для причисленія къ пенсіонному капиталу государственнаго казначейства, обращаются въ особый капиталъ, для выдачи награжденій служащимъ по части акциза съ табаку. Если же открыватель не принадлежитъ къ акцизному вѣдомству, то изъ означенныхъ суммъ поступаетъ въ капиталъ только половина, а другая выдается открывателю. Кроме того, для увеличенія средствъ надзора и поощренія служащихъ, съ дохода, превышающаго сборъ отъ продажи бандеролей и свидѣтельствъ, въ 1858 году по каждому акцизному округу или губерніи поступившій, ежегодно отчисляется 15%, изъ коихъ 5 употребляются на усиліе средствъ и улучшение надзора; остальные же 10 раздѣляются, въ пособіе къ жалованью между мѣстнымъ специальнымъ надзоромъ и чиновниками, занимающимися дѣлопроизводствомъ, по части акциза съ табаку, въ министерствѣ финансовъ.

Акцизные чиновники, за всякое умышленное поущеніе корчемнымъ дѣйствіямъ по табачной промышленности, исключаются изъ службы, съ утратою всѣхъ заслуженныхъ, по силѣ сего устава, преимуществъ, а если доказано, что это сдѣлано ими изъ корыстныхъ видовъ, то подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за лихоимство.

Лица, которымъ порученъ надзоръ за исполненіемъ табако-акцизныхъ узаконеній, за всѣ преступленія и проступки по службѣ, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ вообще за нарушение обязанностей службы, а за нанесеніе, своими несправедливыми дѣйствіями, частнымъ лицамъ убытковъ—денежному вознагражденію обиженныхъ, по приговору суда.

О порядкѣ производства дѣлъ по задержанію корчемнаго табаку и слѣд- ствій по нарушеніямъ акцизныхъ, по табачной части, правилъ. Главная цѣль спеціальнаго табако-акцизнаго надзора состоитъ въ наблюденіи за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, въ открытіи золупотребленій и въ ихъ немедленномъ пресѣченіи; а посему, на всѣхъ акцизныхъ чиновникахъ лежитъ прямая обязанность, всякое уклоненіе отъ акцизныхъ правилъ, открытое ими самими непосредственно, или чрезъ объявленіе городской или земской полиціи, или чрезъ доносъ частнаго лица, прекращать, и, составивъ о нарушеніи письменный актъ, при постороннихъ свидѣтеляхъ, представить оный на разсмотрѣніе и рѣшеніе мѣстной казенной палаты.

Актъ объ открытіи нарушенія акцизныхъ правилъ, касающихся табачной промышленности, долженъ быть составленъ акцизнымъ чиновникомъ, съ точнымъ объясненіемъ обстоятельствъ дѣла, подписанъ составителемъ, скрѣпленъ двумя посторонними свидѣтелями и предложенъ къ подписанію самому нарушителю.

Еслиже сей послѣдній отъ сего откажется, то о семъ должно быть упомянуто въ самомъ актѣ, и въ такомъ случаѣ акцизный надзоръ обязанъ потребовать мѣстную полицію, для засвидѣтельствованія акта. Таковой актъ имѣетъ силу полнаго доказательства, доколѣ не будетъ опровергнутъ положительными противъ него доводами.

Корчемной стражѣ вмѣняется въ обязанность задерживать всякаго, кто продаетъ табакъ безъ бандеролей, а равно останавливать всякаго рода табакъ, развозимый безъ оправдательныхъ видовъ, т. е. безъ форменныхъ накладныхъ свидѣтельствъ мѣстныхъ начальствъ, или таможенныхъ ярлыковъ, и представлять какъ задержанныхъ людей, такъ и табакъ, при нихъ найденный, своему ближайшему начальству, которое, по разсмотрѣніи представленнаго стражею обстоятельства, или составляетъ актъ, истребовавъ отъ задержанныхъ людей обезпеченіе въ исправномъ вѣсѣ могущаго причитаться съ нихъ взыскація, каковой актъ получаетъ законное движеніе, или, въ случаѣ невинности задержанныхъ, ихъ освобождаетъ. Задержанные корчемною стражею люди подлежатъ аресту только въ случаѣ, если откроется подозрѣніе въ поддѣльныхъ на табакъ бандероляхъ, или въ подложныхъ бумагахъ, или если, при ихъ задержаніи, они окажутъ сопротивленіе, съ нанесеніемъ оскорбленій или побоевъ корчемной стражѣ, или если не представятъ достаточнаго обезпеченія или благонадежнаго поручительства, въ могущемъ причитаться съ нихъ взыскаціи. За исключеніемъ сихъ случаевъ, задержанные должны быть немедленно отпущены, съ отобраніемъ у нихъ показанія объ ихъ личности и о мѣстѣ ихъ жительства, а равно и всѣхъ другихъ свѣдѣній, въ коихъ окажется надобность.

Казенная палата, получивъ отъ акцизнаго надзора актъ объ открытомъ имъ нарушеніи акцизныхъ правилъ, безъ замедленія, и не позже семи сутокъ, считая со времени поступленія сего акта въ палату, обязана сдѣлать постановленіе, о мѣрѣ взыскація съ виновнаго. Если же дѣло должно быть произведено судебнымъ порядкомъ, то палата дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ формальнаго слѣдствія чрезъ судебного слѣдователя.

Если, по разсмотрѣніи дѣла казенною палатою и по утвержденіи департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли, или по рѣшенію судебного мѣста, задержанные табакъ и другіе предметы признаются некорчемными, то оные возвращаются хозяину ихъ или его повѣренному, съ предоставленіемъ имъ права понесенные убытки отыскивать съ виновныхъ въ неправильномъ задержаніи-

Если цѣнность предметовъ, признанныхъ некорректными и потому подлежащими возврату, не будетъ превышать ста руб., то возвратъ ихъ предоставляется казеннымъ палатамъ, безъ особаго разрѣшенія департамента, и только съ уведомленіемъ его.

Дѣла, о нарушеніи акцизныхъ по табаку правилъ, подлежатъ вѣдомству судебныхъ мѣстъ, когда обвиняемый въ семь нарушеній можетъ подлежать личному наказанію, разутья подъ сѣмь и запрещеніе или ограниченіе правъ по торговлѣ табакомъ.

Подлежащія судебному разсмотрѣнію дѣла о нарушеніи устава объ акцизѣ съ табаку производятся въ судебныхъ мѣстахъ, на основаніи правилъ, установленныхъ для производства дѣлъ, сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ.

Дѣла о нарушеніи акцизныхъ правилъ, когда обвиняемый, по существу падающаго на него обвиненія, можетъ подлежать одному денежному взысканію, съ конфискаціею табаку и другихъ предметовъ, или безъ оной, вѣдаются и рѣшаются мѣстными казенными палатами, съ соблюденіемъ слѣдующаго порядка: по разсмотрѣніи акта акцизнаго надзора, если дѣло признается подлежащимъ рѣшенію казенной палаты, сія послѣдняя немедленно постановляетъ рѣшеніе, которое объявляется съ подпискою виновному или его повѣренному, съ тѣмъ, чтобы въ сей же подпискѣ онъ показалъ, доволенъ или не доволенъ рѣшеніемъ.

Недовольный рѣшеніемъ палаты можетъ, въ теченіе мѣсяца, со дня объявленія ему рѣшенія, привести на него жалобу въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли. Таковая жалоба можетъ быть подаваема въ самую казенную палату, которая, не приводя своего рѣшенія въ исполненіе, обязана поданную жалобу немедленно отправить въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ и своимъ по жалобѣ объясненіемъ. Если подписавшій на рѣшеніе казенной палаты неудовольствіе, въ теченіе мѣсячнаго срока, жалобы не подастъ, то рѣшеніе сіе вступаетъ въ законную силу.

Объявившій неудовольствіе на рѣшеніе департамента мануфактуръ и внутренней торговли можетъ принести жалобу правительствующему сенату не позже 3-хъ мѣсяцевъ, по объявленіи ему рѣшенія.

Плантаторы, фабриканты и торговцы, уличенные въ нарушеніи законовъ объ акцизѣ, подвергаются штрафу, количество котораго зависитъ отъ важности нарушенія, вмѣстѣ съ тѣмъ конфискаціи снарядовъ и табаку, закрытію фабрики или лавки, лишенію права приготавливать табакъ и торговать онымъ, и, наконецъ, въ случаѣ поддѣлки свидѣтельствъ, накладныхъ и бандеролей, исправительному наказанію.

При новомъ уставѣ приложенъ тарифъ бандеролей по табачному акцизу и продажныхъ цѣнъ табаку и сигаръ.

Не выписывая вполнѣ всего тарифа, въ которомъ означены цѣны табаку и бандеролей отъ 1 фунта до $\frac{1}{4}$ фунта, мы выпишемъ только цѣны табаку въ количествѣ 1 фунта, точно также, какъ и цѣны бандеролей, соответствующихъ этому количеству табаку.

Табакъ нюхательный:

1 фунтъ.

IV сортъ ц. табака съ включ. бандер. не выше 12 к., ц. одного бандер. 4 к.

II — — — — — — — — — — 24 к., — — — — 8 к.

II	—	»	—	»	—	—	»	—	48 к., »	—	—	16 к.
I	—	»	—	»	—	—	»	отъ	63 к., »	—	—	30 к.

ТАБАКЪ КУРИТЕЛЬНЫЙ:

1 фунтъ.

V	сорть	п.	табака	со	включ.	бандер.	не	выше	10 к.,	п.	одного	бандер.	3 к.
IV	—	»	—	»	—	—	»	—	22 к.,	»	—	—	6 к.
III	—	»	—	»	—	—	»	—	40 к.,	»	—	—	12 к.
II	—	»	—	»	—	—	»	—	80 к.,	»	—	—	28 к.
I	—	»	—	»	—	—	»	—	92 к.,	»	—	—	36 к.

Сигары и папиросы:

100 штукъ.

V	сорть	для	одиѣхъ	папиросъ	не	выше	30 к.	9 к.
IV	—	—	—	—	»	—	46 »	14 к.
III	сорть	для	сигаръ	и	папиросъ	1 р.	30 к.
II	—	—	—	»	—	2 р.	63 к.
I	—	—	—	»	—	отъ 2 р.	36 к.	1 р. — »

ТАБАКЪ ВЪ КАРОТАХЪ:

1 фунтъ.

II	сорть	со	включеніемъ	бандероля	не	выше	84 коп.	19 к.
I	—	»	—	—	—	отъ 1 р.	4 коп.	38 к.

ТАБАКЪ ВЪ РУЛЯХЪ:

1 фунтъ.

II	сорть	со	включен.	бандер.	не	выше	62 коп. п. одного бандер.	14 к.
I	—	»	—	—	—	отъ 73 коп. »	—	24 к.

О порядкѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава объ акцизѣ съ табаку. Вслѣдъ за издачіемъ новаго устава, 18 августа обнародовано высочайше-утвержденное 4 июля сего года мѣстніе государственнаго совѣта оприведеніи означеннаго устава въ дѣйствіе не позже 3-я мѣсяцевъ, со дня его утвержденія, съ соблюденіемъ притомъ постепенности по слѣдующимъ предметамъ: 1) дозволено фабрикантамъ и торговцамъ продажу табачныхъ издѣлій, подъ прежними бандеролями, производить до 1-го мая 1862 г. съ сего же срока должны быть приведены въ исполненіе правила о развозѣ табаку, по свидѣтельствамъ и накладнымъ, и 2), правила о выборкѣ бандеролей въ усилеиномъ, противъ нынѣшняго, размѣрѣ, о платѣ за акцизные свидѣтельства и веденіе контрольных книгъ, по новой формѣ, на табачныхъ фабрикахъ и складахъ, и о содержаніи уже существующихъ фабрикъ, съ соблюденіемъ условій, чтобы при нихъ не было лавокъ для различной продажи табаку и чтобы запасы сыраго табаку не находились отдѣльно отъ самыхъ фабрикъ, а равно чтобы не содержались фабрики въ одномъ домѣ и на одномъ дворѣ съ лавками для различной продажи и съ заведеніями для раскурочной продажи табаку, — обязательны для табачныхъ фабрикантовъ и торговцевъ лишь съ 1-го января 1862 г., причѣмъ предоставлено министру финансовъ, разрѣшать и болѣе продолжительные сроки, для тѣхъ фабрикантовъ и торговцевъ, которые связаны особыми, по найму фабричныхъ и торговыхъ помѣщеній, контрактами (мѣст. госуд. сов. 4 июля въ сен. вѣд. 18 августа 1861 г. № 66).

Новое положеніе о питейномъ сборѣ.

1-го августа обнародовано высочайше-утвержденное 4-го июля 1861 года положеніе о питейномъ сборѣ. Цѣль новаго положенія ясно видна изъ высочайшаго указа, при которомъ оно обнародовано. Дѣйствующіе нынѣ, сказано въ этомъ указѣ, способы взиманія въ казну питейнаго сбора, составляюща; го одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, представляютъ многія существенныя неудобства, какъ по разнообразію своему и неравномѣрности распределенія въ разныхъ частяхъ имперіи, такъ и еще болѣе по существованію почти всюду откупной системы, сопряженной съ крайнимъ для народа отягощеніемъ и стѣсненіемъ частной промышленности. Далѣе, въ указѣ повелѣно открыть губернскія и окружныя акцизныя управленія съ 1-го июля 1862 года, въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ томъ составѣ, въ какихъ окажется нужнымъ, по усмотрѣнію министра финансовъ, и ассигновать, съ того же срока, на содержаніе сихъ управленій въ-теченіе 1862 года до 1,500,000, а съ 1-го января 1863 года до 3,000,000 р. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

По новому положенію, въ губерніяхъ великороссійскихъ, Ставропольской, прибалтійскихъ, западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, въ областяхъ: Бессарабской, Кубанской и Терской, въ землѣ войска Донскаго, а также въ губерніяхъ и областяхъ Восточной и Западной Сибири, доходъ съ питей въ пользу казны, съ 1863 года, получается въ видѣ: 1) акциза съ производимаго количества питей, и 2) патентнаго сбора съ заводовъ для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта, а также съ заведеній для продажи питей. Акцизу подлежатъ: а) спиртъ и вино, выдѣляемые изъ хлѣба, картофеля, свекловицы, свеклосахарныхъ остатковъ и кигайскаго проса (сорго); б) водки, выдѣляемая изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и, такъ называемые, пейсаховыя; в) приготовляемые въ Россіи: портеръ, пиво всѣхъ родовъ и медъ; г) брага, приготовляемая на особо-устроенныхъ заводахъ. Не подлежатъ платежу акциза: а) всѣ спиртовые напитки и издѣлія, приготовляемые изъ спирта и вина, оплаченныхъ уже акцизомъ; б) спиртъ, употребляемый для выдѣлки освѣтительной жидкости; в) спиртъ и вино и издѣлія изъ оныхъ, вывозимые за границу; г) виноградное вино, укусы и медовый квасъ.

Акцизъ съ спирта и вина, а также съ водокъ пейсаховыхъ и выдѣляемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, назначается по расчету содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; акцизъ съ портера, пива и меда, а также съ выдѣляемой на особыхъ заводахъ браги, назначается, соразмѣрно силѣ и продолжительности дѣйствія заводовъ, на которыхъ приготовляются сіи напитки. Патентный сборъ соразмѣряется съ родомъ заведенія и выгодами мѣстности.

Продажа оплаченныхъ акцизомъ питей составляетъ предметъвольнаго промысла, и потому ни опредѣленной цѣны, ни нормальной крѣпости напиткамъ, ни числа мѣстъ продажи оныхъ не назначается.

Акцизъ съ спирта, вина и водокъ вимается въ казну, по мѣрѣ ихъ продажи. Акцизъ съ заводовъ пиво- и медоваренныхъ и съ заводовъ для выдѣлки браги вносится, за время ихъ дѣйствія, впередъ.

Патентный сборъ вимается, при выдачѣ патентовъ на право производства напитковъ или на право торговли ими.

Управление питейнымъ сборомъ. Главное управление дѣлами, относящимися до взиманія въ казну дохода съ питей принадлежитъ Министерству Финансовъ, по департаменту разныхъ податей и сборовъ.

Мѣстное завѣдываніе, въ губерніяхъ и областяхъ и въ земляхъ войска Донскаго, питейнымъ доходомъ возлагается на губернское акцизное управленіе, которому въ уѣздахъ подчиняются окружныя акцизныя управленія. Губернское акцизное управленіе завѣдываетъ питейнымъ доходомъ въ одной только губерніи или области или въ нѣсколькихъ сосѣдственныхъ, смотря по числу и обширности заводовъ; точно также и окружное управленіе назначается для одного или для нѣсколькихъ уѣздовъ.

Губернское акцизное управленіе состоитъ изъ управляющаго акцизнымъ сборомъ, его помощника и ревизоровъ. Окружное акцизное управленіе составляютъ: надзиратель акцизнаго сбора и его помощники. Всѣ должностныя лица акцизнаго управленія имѣютъ, во всякое время, право свободного входа въ винокуренныя, водочныя, пиво—и медоваренныя заводы, а равно и въ заводы, приготовляющіе другія издѣлія изъ оплаченныхъ акцизомъ вина и спирта. Равнымъ образомъ они имѣютъ свободный доступъ во всѣ мѣста оптовой и розничной продажи питей, подлежащихъ акцизу, во всякое время, пока заведеніе открыто для публики, а когда оно не открыто, то, въ видахъ надзора, могутъ требовать впуска въ эти мѣста, днемъ отъ 5 часовъ утра до 9-ти часовъ вечера; ночью же осмотръ производится только въ крайней необходимости.

Главнѣйшія обязанности управляющаго акцизнымъ сборомъ слѣдующія: 1) наблюденія за исполненіемъ правилъ о винокурении, пиво—и медовареніи и о выдѣлкѣ водокъ и издѣлій изъ вина и спирта; 2) наблюденіе за исполненіемъ правилъ о питейной продажѣ; 3) наблюденіе за дѣйствіями должностныхъ лицъ акцизнаго управленія; 4) наблюденіе за поступленіемъ доходовъ съ питей; 5) наблюденіе за ревизією дѣлъ и отчетности подвѣдомственными ему должностными лицами; 6) доставленіе вѣдомостей и отчетовъ надлежащимъ мѣстамъ; и 7) разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Помощникъ управляющаго исполняетъ его обязанности, во время его отсутствія, болѣзни, увольненія въ отпускъ и во время службы и кроиъ того, наравнѣ съ ревизорами, исполняетъ возложенныя на него управляющимъ порученія. Обязанности окружнаго акцизнаго управленія состоятъ: въ повѣркѣ описаній заводовъ, приготовляющихъ питея, подлежащія платежу акциза, и въ намѣреніи заводской посуды; въ выдачѣ свидѣтельствъ на производство напитковъ и патентовъ на заводы и торговлю напитками; въ наблюденіи за выдѣлкою и продажей напитковъ; въ наблюденіи за поступленіемъ казенныхъ доходовъ; въ полученіи и доставленіи отчетныхъ свѣдѣній губернскому акцизному управленію и въ производствѣ дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Казенная палата ревизуетъ отчетъ губернскаго акцизнаго управленія и представляемыя имъ заводскія, подвальныя и другія книги.

Уѣздное казначейство принимаетъ поступающія въ уплату акциза суммы, ведетъ отдѣльный счетъ акцизу, поступающему съ каждаго завода, продаетъ гербовую, для патентовъ, бумагу, доставляетъ, куда слѣдуетъ, вѣдомости и отчеты, по питейнымъ доходамъ.

Начальникъ губерніи, имѣя наблюденіе за исполненіемъ положенія, не только долженъ содѣйствовать акцизному управленію, по его распоряженіямъ и

представленія, но и принимать непосредственно зависящія отъ него мѣры къ огражденію казны, во всѣхъ случаяхъ, касающихся къ ущербу питейнаго дохода; онъ также ревизуетъ акцизное управленіе на общахъ основаніяхъ, постановленныхъ для обозрѣвія губерній.

Городскія и земскія полиціи, съ своей стороны, имѣютъ непосредственное наблюденіе за исполненіемъ, заводчиками и продавцами питей, установленныхъ въ положеніи правягъ.

О лицатахъ, имѣющихъ право на выдѣлку напитковъ, подлежащихъ акцизу.

Напитки эти готовятся на особыхъ для каждаго заводахъ, которые должны устроиваться отдѣльно одинъ отъ другаго и не имѣть никакой связи, какъ между собою, такъ и съ заводами, выдѣлывающими изъ спирта и вина другіе, высшихъ сортовъ, напитки и издѣлія.

Правомъ винокуренія, въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ и области Бессарабской, пользуются: 1) дворяне, владѣющіе недвижимыми населенными имѣніями; 2) войсковые обыватели въ Харьковской губерніи, пользовавшіеся симъ правомъ до 12 февраля 1837 года; 3) колонисты въ Таврической губерніи, до истеченія дарованныхъ имъ привилегій; 4) владѣющіе въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ винокурными заводами, по правамъ заставнымъ, традиціоннымъ и эквивизорскимъ, на основаніи прежнихъ законовъ, еслитѣ лица принадлежатъ къ потомственному дворянству, признанному департаментомъ герольдіи; 5) недворяне, владѣющіе населенными имѣніями въ Бессарабіи, только на тѣхъ винокурняхъ, которыя ими устроены, до изданія акцизнаго положенія 23 ноября 1840 г., или на устройство которыхъ они получили до означеннаго времени дозволеніе, и 6) лица, имѣющія право на фабричную и заводскую промышленность въ области Бессарабской.

Въ землѣ войска Донскаго право курить вино принадлежитъ: чиновникамъ и войсковымъ обывателямъ.

Правомъ дѣланія водокъ, изъ виноградныхъ винъ, винограда, выжимокъ и остатковъ его, и изъ фруктовъ, пользуются: 1) дворяне и чиновники; 2) купцы всѣхъ трехъ гильдій; 3) лица, коимъ даны особыя привилегіи; 4) всѣ войсковые обыватели въ землѣ войска Донскаго; 5) людьми всѣхъ состояній, имѣющіе собственные виноградные сады, а въ области Бессарабской и Крымскомъ полуостровѣ и неимѣющіе собственныхъ садовъ, всякаго состоянія владѣльцы поземельной собственности и другія лица, въ томъ числѣ и государственные крестьяне.

Правомъ выдѣлки водокъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, пользуются лица, имѣющія сахарные и свеклосахарные заводы.

Правомъ приготовленія пейсаховой водки пользуются Евреи въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Волынской и Подольской.

Правомъ варенія пива, портера и меда, а также браги, на пивоварняхъ, для продажи, пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и области Бессарабской, въ городахъ, а въ новороссійскихъ губерніяхъ и области Бессарабской и въ казенныхъ селеніяхъ: дворяне, чиновники, купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговья свидѣтельства. Въ землѣ войска Донскаго, право то имѣютъ: чиновники, войсковые обыватели, почетные граждане, купцы трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговья свидѣтельства.

Въ селахъ и деревняхъ свободное вареніе пива, браги, меда, въ корчагахъ и котлахъ, для домашняго обихода, дозволяется всѣмъ, проживающимъ въ сихъ мѣстахъ, лицамъ, съ тѣмъ: а) чтобы, для производства сихъ издѣлій въ котлахъ, не было возводимо особыхъ постоянныхъ построекъ и чтобы вывариваемое пиво и медъ не были пускаемы для распитія въ другихъ деревняхъ, а также, чтобы пиво и медовареніе производилось только для храмовыхъ и мѣстныхъ сельскихъ праздниковъ, для свадебъ и такъ называемыхъ помочей, во время полевыхъ работъ, и б) вареніе же пива и браги въ корчагахъ можетъ быть производимо во всякое время.

Правила о винокурениі. Учрежденіе винокуренныхъ, также, какъ пиво-и медоваренныхъ и другихъ заводовъ производится съ вѣдома акцизнаго управленія и мѣстной полиціи.

Система винокурениа и устройства завода предоставляется усмотрѣнію заводчика, съ тѣмъ, что наименьшій размѣръ для винокуреннаго завода полагается въ 340 ведеръ емкости всѣхъ квасильныхъ чановъ въ совокупности при 4-хъ суточномъ броженіи, т. е. чтобы каждый чанъ былъ не менѣе 135 ведеръ; устроить заводы меньшаго размѣра не дозволяется, а гдѣ такіе существуютъ, то должны быть къ 1 января 1863 года или доведены до законнаго размѣра или закрыты.

Выкурка вина дозволяется изъ хлѣба, солода, свекловицы и картофеля, но безъ примѣси патоки и другихъ сахаристыхъ веществъ. Каждый срокъ винокурениа, на который заводчикъ испрашиваетъ особое свидѣтельство, долженъ быть не короче двухъ недѣль, и въ разрѣшенный срокъ винокурение должно производиться безъ перерыва.

Объявленія заводчиковъ, желающихъ производить винокурение, должны быть подаваемы надзирателю акцизнаго сбора, по-крайней-мѣрѣ, за недѣлю предъ наступленіемъ срока.

О выдѣлкѣ водокъ виноградныхъ, фруктовыхъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и пейсаховыхъ. Заводы, для выдѣлки этихъ питей, устрояются съ вѣдома окружнаго акцизнагоуправленія и полиціи, всякихъ размѣровъ, но употреблять на нихъ можно только квасильные чаны и перегонные кубы.

Приготовлять водки изъ меда, медовыхъ остатковъ и такъ называемаго воронка запрещено; изъ этого исключаются только пейсаховыя водки, употребляемыя еврейми, которыя дозволяется дѣлать изъ меда и патоки.

О пиво- и медоварениі.

Пивоваренный заводъ можетъ быть устроенъ, по совокупному объему заторныхъ и вспомогательныхъ чановъ и котловъ, не менѣе 100 ведеръ, а медоваренный, если онъ устроенъ отдѣльно отъ пивовареннаго, не менѣе 35 ведеръ емкости котла.

Порядокъ же осмотра завода, подачи объявленій и выдачи свидѣтельства на пиво и медовареніе почти тотъ же, какъ и для винокуренныхъ заводовъ.

Приготовленіе браги, на особыхъ для того заводахъ, подчиняется правиламъ о пивоварениі.

Объ акцизѣ съ вина и спирта. Для учета надлежащаго акциза за вино и спиртъ, выдѣлываемые на заводахъ, принимается въ основаніе: а) крѣпость

этих напитков и б) их выходы нормальные и действительные. Крепости, т. е. содержание в вине безводного спирта определяется по спиртомеру Траллеса.

Нормальная выкурка вина или спирта определяется, по расчислении количества и рода припасовъ, употребленных на винокурение, и сообразно установленным нормамъ выходовъ вина изъ каждого рода продуктовъ.

Выходы вина исчисляются на градусы безводного спирта, и для сего принимаются следующие двѣ нормы, изъ которыхъ одна называется высшею, а другая нижею:

Изъ 1 пуда ржаной муки и всякаго сухаго

Солода	высшая 32%	высшая 34%
— Зеленаго солода	— 31 $\frac{1}{2}$	— 23,5
— Пшеничной муки и кукурузы	— 34	— 36
— Ячменной муки	— 29	— 31
— Овсяной	— 24	— 25,5
— Гороховой	— 32	— 34
— Гречишной	— 29	— 31
— Проса	— 25,5	— 27
— Картофеля	— 8	— 8,5
— Свекловицы	— 6,5	— 7

Каждый заводчикъ можетъ избрать ту или другую норму, съ тѣмъ, чтобы, по избранной имъ нормѣ, курение производилось въ продолженіи цѣлаго срока; по избранной нормѣ и определяется количество акциза.

Объ акцизѣ съ вина и спирта, выдѣлываемыхъ изъ свеклосахарныхъ остатковъ и китайскаго проса и съ водокъ кизлярскихъ, пейзазовыхъ и вообще выдѣлываемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ. Акцизъ съ этихъ издѣлій взимается также, по количеству содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; подробныхъ же правилъ объ исчисленіи акциза съ этихъ предметовъ, въ положеніи не имѣется, и они будутъ изданы особо.

Объ акцизѣ съ пива и медоваренія. Акцизъ съ пивоваренія взимается по совокупной емкости (въ ведрахъ) заводской посуды, по числу заторовъ производимыхъ въ сутки и числу 13 дневныхъ сроковъ, въ продолженіе которыхъ было разрѣшено производить пивовареніе.

Акцизъ съ медоваренія взимается, по емкости медоваренныхъ котловъ и также числу 13 дневныхъ сроковъ, на которые было разрѣшено медовареніе.

Относительно продажи вина и спирта, безъ платежа акциза, и о возвращеніи акциза, постановлено: что вино и спиртъ, отправляемые за границу, не подлежатъ платежу акциза; при отправленіи жеводокъ, лака и другихъ издѣлій изъ оплаченнаго акцизомъ вина и спирта, акцизъ возвращается изъ казны отправителямъ этихъ издѣлій.

Спиртъ, употребляемый для выдѣлки освѣтительной жидкости, отпускается изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ, безъ оплаты акцизомъ, когда такой спиртъ будетъ измѣренъ и сдѣланъ негоднымъ для питья—примѣсью скипидара, въ количествѣ не менѣе $\frac{1}{10}$ ведра на одно ведро спирта.

О приготовленіи питья и издѣлій изъ вина, оплаченнаго акцизомъ. Напитки и издѣлія всѣхъ родовъ, приготовляемые изъ оплаченныхъ акцизомъ вина, спирта, или водокъ, не подвергаются платежу вторичнаго акциза.

При этомъ, правомъ дѣланія для продажи разныхъ напитковъ пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и области Бессарабской: 1) помѣщикамъ въ ихъ имѣніяхъ; 2) лица, имѣющія на то особыя привилегіи, впродъ до прекращенія оныхъ; 3) временныя владѣльцы казенныхъ имѣній; и 4, въ городахъ (исключая владѣльческихъ) лица, записанныя въ торговая гильдіи.

Въ землѣ же войска Донскаго правомъ этимъ пользуются всѣ вообще обыватели.

Дозволяется учреждать въ городахъ повсемѣстно заводы, въ которыхъ изъ оплаченнаго акцизомъ вина приготавлиются на продажу разные водки, настойки, наливки, лакъ, политура, освѣтительная жидкость, одеколонъ, духи и другія издѣлія.

Въ селеніяхъ устройство подобныхъ заводовъ виною, въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ по введеніи сего положенія въ дѣйствіе, не допускается, а по истеченіи двухъ лѣтъ будутъ по этому предмету составлены особыя правила.

О патентномъ сборѣ съ заводовъ для выдѣлки напитковъ и разныхъ издѣлій изъ вина и съ заведеній для продажи питей.

Съ заводовъ, выдѣлывающихъ напитки, подлежащіе оплатѣ акцизомъ, и издѣлія изъ спирта или вина, а равно съ заведеній, изъ которыхъ производится продажа питей (за исключеніемъ заводскихъ подваловъ), взимается патентный сборъ. Сборъ этотъ получается съ держателей заведеній, обязанныхъ ежегодно брать патенты, на установленной для того бумагѣ.

Слѣдующіе заводы для выдѣлки напитковъ, подлежащихъ акцизу, и издѣлій изъ вина и спирта оплаченныхъ акцизомъ, — обязаны брать патенты: 1) винокурениые; 2) выдѣлывающіе водки виноградныя, фруктовыя, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и пейсаховыя; 3) пивоваренныя и медоваренныя; 4) выдѣлывающіе разные водки изъ оплаченныхъ уже акцизомъ вина и спирта; 5) выдѣлывающіе освѣтительную жидкость; 6) приготавлиющіе лакъ, политуру, одеколонъ и духи.

Заведенія, назначенныя для продажи напитковъ, обязанныя брать патенты, суть: 1) оптовые склады вина и спирта, открываемые частными лицами, за исключеніемъ складовъ собственно при заводахъ; 2) реисковые погреба, продающіе напитки на выносъ, постоянные, а равно и временные, на ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской, Корейной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Киевской (Контрактовой), и Полтавской (Шльинской); 4) погреба, продающіе исключительно русскія вина на выносъ и распивочно; 5, трактирныя заведенія, если въ нихъ пожелаютъ производить распивочную продажу; 6) питейныя дома, шинки и корчмы; 7) постоянныя дворянныя сѣдышныя дома; 8) временныя выставки; 9) портерныя и пивныя лавки; 10) реисковые погреба съ распивочною продажей, постоянные и временные на ярмаркахъ.

Сверхъ того, обязаны брать патенты дома малороссійскихъ казаковъ, войсковыхъ обывателей, колонистовъ, панцирныхъ бояръ и западныхъ однодворцевъ, живущихъ на собственныхъ или общественныхъ земляхъ, если въ сихъ домахъ производится продажа питей.

Общая положенія о торговлѣ напитками.

Оптовая и дробная продажа питей составляетъ предметъ свободной торговли; самая продажа напитковъ производится по вольной цѣнѣ, причѣмъ определенной крѣпости питей въ продажѣ не устанавливается; напитки должны

быть доброкачественные, без вредной примеси и могут быть всякой крепости.

Продажу питей дозволяется производить изъ заводскихъ подваловъ и, кромѣ того, а) изъ слѣдующихъ торговыхъ заведеній: оптовыхъ складовъ, ренсковыхъ погребовъ, штофныхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ; б) изъ трактирныхъ заведеній, питейныхъ домовъ, шинковъ, временныхъ выставокъ, ренсковыхъ погребовъ (съ распивочною продажою), портерныхъ лавокъ, корчемъ, или заѣзжихъ домовъ и постоялыхъ дворовъ (съ питейною продажою); в) изъ станціонныхъ и частныхъ домовъ.

Склады, для оптовой продажи вина и спирта, дозволяется учреждать: а) винокурнымъ заводчикамъ безъ торговыхъ свидѣтельствъ, для продажи вина и спирта только собственныхъ своихъ заводовъ, и б) всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ гильдіяхъ, или имѣющимъ торговля сеидѣтельства первыхъ трехъ разрядовъ. Ренсковые погреба (безъ распивочной продажи) могутъ содержать купцы и крестьяне, торгующіе по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ.

Питейные дома, шинки, временныя выставки, портерныя лавки, корчмы и постоялые дворы (съ питейною продажою), а равно и погреба, назначенныя исключительно для продажи русскихъ виноградныхъ винъ, предоставляется содержать всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право на мелочную торговлю.

Еврейскъ, въ мѣстахъ постоянной ихъ осѣдлости, дозволяется питейная торговля только въ городахъ и мѣстечкахъ.

Открытіе питейныхъ заведеній, а также ренсковыхъ погребовъ съ распивочною продажою, разрѣшается: а) въ городахъ и посадахъ—думами и замѣняющими ихъ мѣстами; б) въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ—по мірскимъ приговорамъ сельскихъ обществъ, съ утвержденія: въ казенныхъ селеніяхъ, палаты государственныхъ имуществъ, а въ удѣльныхъ—удѣльныхъ конторъ; в) въ земляхъ казачьихъ войскъ—станичными сборами; г) на земляхъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи министерствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ,—палатами государственныхъ имуществъ и удѣльными конторами; и д) на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, — владѣльцами сихъ земель.

Открытіе продажи питей, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, производится не иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ владѣльцевъ; на земляхъ же, отведенныхъ въ пользованіе крестьянъ, (согласно мѣстныхъ положеній 19 февраля 1861 г. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, именно ст. 108-й положенія для губерній повороссійскихъ и малороссійскихъ; 80-й для губерній Кіевской, Подольской и Волынской), заведенія для продажи питей открываются съ согласія сельскаго схода и разрѣшенія помѣщика.

Въ губерніяхъ западныхъ и въ Бессарабской области, въ тѣхъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ право продажи питей принадлежало исключительно ихъ владѣльцамъ, право это сохраняется за ними.

Питейная продажа въ мѣстахъ, не принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, не можетъ быть отдаваема исключительно одному лицу, или какимъ-либо образомъ стѣсняема въ пользу одного или нѣсколькихъ лицъ. Равноѣрно жители (не исключая живущихъ въ имѣніяхъ владѣльческихъ) имѣютъ полное право покупать для собственнаго употребленія, а не для продажи, напитки тамъ, гдѣ найдутъ выгоду.

О раздробительной продажѣ питей. Раздробительная продажа производится: 1) распивочно и на выносъ — изъ питейныхъ домовъ, временныхъ выста-

вокъ, шинковъ, корчемъ, или заѣзжихъ домовъ, постоялыхъ дворовъ, портерныхъ лавокъ, ренсковыхъ погребовъ и изъ частныхъ домовъ лицъ, живущихъ на то право; 2) только на выносъ—изъ штофныхъ, а также фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ и изъ ренсковыхъ погребовъ; 3) только распивочно—въ трактирныхъ заведеніяхъ, въ буфетахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ станціонныхъ домахъ.

Заведенія для раздробительной продажи дозволяется учреждать во всякомъ населенномъ мѣстѣ; но учрежденіе корчемъ и постоялыхъ дворовъ съ питейною продажою дозволяется и не въ населенныхъ мѣстахъ, не иначе однакоже, какъ на проѣзжихъ дорогахъ, на переправахъ и пристаняхъ.

Заведенія, производящія распивочную продажу питей, не могутъ быть помѣщаемы въ зданіяхъ, занимаемыхъ учебными и богоугодными заведеніями, казармами и тюрьмами.

Не дозволяется учреждать питейные дома, шинки и выставки ближе 40 сажень отъ христіанскихъ церквей, монастырей и кладбищъ, равно учрежденіе сихъ заведеній не допускается въ срединѣ селеній, гдѣ существуютъ волостные сходы, и они должны быть помѣщаемы въ концѣ селеній.

Не дозволено быть содержателями питейныхъ заведеній или сидѣльцами въ оныхъ лицамъ, состоявшимъ подъ уголовнымъ преступленіемъ или оставленнымъ по суду въ подозрѣніи, по такимъ преступленіямъ, за которыя опредѣлены въ законахъ наказанія, соединенныя съ потерей правъ состоянія. Въ селеніяхъ не дозволяется содержаніе питейныхъ домовъ и шинковъ должностнымъ лицамъ сельскихъ управленій.

Во всѣхъ мѣстахъ, для продажи питей назначенныхъ, должны быть соблюдаемы чистота и опрятность и отнюдь не должно быть допускаемо неустройства и безчинства.

Продажу въ питейныхъ домахъ и выставкахъ разрѣшается производить въ зимнее и осеннее время съ 7 часовъ утра, а въ лѣтнее и весеннее отъ восхожденія солнца до 10 часовъ вечера; въ городахъ же и на ярмаркахъ,—съ того же времени до 11 часовъ вечера.

Въ воскресные и табельные дни въ портерныхъ лавкахъ, питейныхъ домахъ, шинкахъ, выставкахъ и въ ренсковыхъ погребахъ, воспрещается распивочная продажа: въ селеніяхъ, гдѣ есть церкви, и въ городахъ до окончанія въ приходской церкви литургіи и во время крестнаго хода.

Въ селеніяхъ, гдѣ происходятъ волостные или мірскіе сходы, распивочная продажа запрещается въ тѣ дни, когда происходятъ сіи сходы, до окончанія оныхъ.

Питья не дозволено продавать въ долгъ, на счетъ будущаго урожая, или подъ закладъ платя, посуды или иныхъ вещей, и промѣшивать на хлѣбъ и другія сельскія произведенія, но всегда на наличныя деньги. Равнымъ образомъ воспрещается виноторговцамъ, подъ какими бы то ни было условіями, выговаривать и производить уплату, вмѣсто денегъ, виномъ, а также производить подобную уплату, по долговымъ обязательствамъ или за произведенныя для нихъ работы.

Запрещается продавать вино и другіе напитки распивочно малолѣтнимъ.

Виноторговцы и сидѣльцы обязаны не допускать покупателей напиваться до безпамятства; но еслибы это случилось, то присмотръ за такимъ лицомъ лежитъ на обязанности виноторговца или сидѣльца. Если же пьяный, остав-

ленный безъ присмотра, умереть, наувѣчать себя, или будетъ обокраденъ, то виноторговецъ или сидѣлецъ подлежить отвѣтственности.

За частыя уклоненія виноторговцевъ отъ правилъ для продажи напитковъ, если только они навлекаютъ неудовольствіе большинства мѣстныхъ жителей, предоставляется обывателямъ того мѣста просить подлежащее судебное мѣсто о закрытіи такихъ заведеній, хотя бы срокъ, на который дозволено существованіе заведенія, еще не истекъ.

При новомъ положеніи приложено росписаніе патентнаго сбора съ заведеній для приготовленія питей и надѣлій изъ вина и спирта и съ заведеній для продажи питей, а также размѣра акциза съ вина и съ пиво-и медоваренія.

1. Относительно патентнаго сбора постановлено, что онъ взимается: или въ одинаковомъ повсемѣстно размѣрѣ, или въ разныхъ размѣрахъ, смотря по мѣстностямъ, которыя раздѣляются на три разряда: къ 1-му разряду относятся обѣ столицы, ко 2-му разряду причисляются города: всѣ губернскіе и кромѣ того въ числѣ другихъ: Кишиневъ, Новочеркасскъ, Бердянскъ, Керчь, Николаевъ, Одесса, Ростовъ на Дону, Таганрогъ, Ейскъ, Аккерманъ, Бердичевъ, Кременчугъ и Елисаветградъ; къ 3-му же разряду относятся всѣ прочія мѣстности.

На этомъ основаніи патентный сборъ съ 1-го января 1863 года взимается ежегодно въ слѣдующихъ размѣрахъ:

А) съ заведеній для выдѣлки напитковъ.

1) съ винокуренныхъ заводовъ, имѣющихъ квасильные чаны въ совокупности ёмкостью	въ 340 ведръ, 10 р.	} о б щ и е м ѣ с т н о с т и				
	отъ 340 до 1,080 —		20 р.			
и загѣмъ на каждыя 340 ведръ емкости сихъ чановъ прибавляется по			10 р.			
2) съ пивоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ посуду емкостью	въ 100 ведръ, 20 р.		} о б щ и е м ѣ с т н о с т и			
	отъ 100 до 180 —			30 р.		
и загѣмъ на каждыя 80 ведръ емкости посуды прибавляется по				10 р.		
3) съ медоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ котлы емкостью	въ 38 ведръ, 20 р.			} о б щ и е м ѣ с т н о с т и		
	отъ 38 до 50 —				30 р.	
и загѣмъ на каждыя 15 ведръ емкости котловъ прибавляется по					10 р.	
4) съ заводовъ водочныхъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда	78 р.				} о б щ и е м ѣ с т н о с т и	
— — — — — 3-го —	80 р.					} о б щ и е м ѣ с т н о с т и
5) съ заводовъ, выдѣлывающихъ лакъ, политуру, духи и освѣтительную жидкость, повсемѣстно	10 р.					

Б) съ заведеній для продажи напитковъ:

1) съ оптовыхъ складовъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда	80 р.
— — — — — 3-го —	25 р.
2) съ штофовыхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ:	
въ мѣстностяхъ 2-го разряда	25 р.
— — — — — 3-го —	10 р.
3) съ ренсковыхъ погребовъ:	
а) безъ распивочной продажи: въ мѣстн. 2-го разряда	100 р.
— — — — — 3-го —	35 р.

б) съ расписочною продажею, добавочныхъ:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда	50 р.
— — 3-го —	25 р.

Съ открываемыхъ на ярмаркахъ: Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Киевской (Контрактной) и Полтавской (Ильинской) временныхъ реисковыхъ погребовъ:

безъ расписочной продажи	35 р.
съ расписочною продажею	60 р.

На всѣхъ прочихъ ярмаркахъ, временные реисковые погреба, открываемые безъ расписочной продажи, не обязаны брать патентовъ, а съ расписочною продажею каждый временный погребъ обязанъ брать патентъ того же размаъра, какой назначенъ для временныхъ выставокъ.

4) съ погребовъ, продающихъ исключительно русскія виноградныя вина (на выносъ и расписочно), въ мѣстностяхъ 2-го разряда . . . 15 р.
— — 3-го — 5 р.

5) съ трактирныхъ заведеній: въ мѣстностяхъ 2-го разряда. 50 р.
— — 3-го — 15 р.

6) съ буетовъ повсемѣстно:

а) при театрахъ и на пароходахъ	15 р.
б) на станціяхъ желѣз- } главныхъ	75 р.
ныхъ дорогъ. } остальныхъ	15 р.

7) съ портерныхъ и пивныхъ лавокъ:
въ мѣстностяхъ, 2-го разряда 25 р.
— — 3-го — 10 р.

8) съ питейныхъ домовъ, шинковъ и корчемъ:
въ мѣстностяхъ 2-го разряда 50 р.
— — 3-го — 15 р.

Съ шинковъ, открываемыхъ въ собственныхъ домахъ малороссійскими козаками, войсковыми обывателями, колонистами, панцырными боярами и западными однодворцами, живущими на собственныхъ или общественныхъ земляхъ 10 р.

9) съ постоянныхъ дворовъ, гдѣ производится питейная про-
дажа:
въ мѣстностяхъ 2-го разряда 35 р.
— — 3-го — 10 р.

10, съ временныхъ выставокъ повсемѣстно по 5 р. за каждый разъ, на который она открывается, но за продолжающіяся болѣе недѣль по 5 р. за каждую недѣлю.

II Что касается до размѣра акциза съ выкуриваемого на заводахъ вина или спирта, то онъ вѣздается по количеству содержащагося въ нихъ алкоголя или безводнаго спирта, и съ 1-го января 1863 г. назначается акцизъ по 4 к. съ градуса ($\frac{1}{100}$ ведра) или по 4 р. съ ведра безводнаго спирта.

Съ 1-го же января назначенъ акцизъ а.) въ губерціяхъ: Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской, и Черниговской и въ области Бессарабской съ пивоваренія: съ ведра емкости пивоваренной посуды за каждый день дѣйствія при одномъ заторѣ въ день по 9 коп., при двухъ заторахъ по 15 коп. и при трехъ-по 21 коп., съ медоваренія: по 80 к. съ каждаго ведра емкости медовареннаго котла за каждый день дѣйствія завода; б.) въ землѣ войска Донскаго съ пи-

оваренія, съ ведра емкости пивоваренной посуды, за каждый день дѣйствія, при одномъ заторѣ въ день, по 13 коп., при двухъ заторахъ по 22 коп., а при трехъ—по 31 коп. съ медоваренія по 1 р. 20 коп. съ каждого ведра емкости медовареннаго котла, за каждый день дѣйствія завода.

Въ новомъ положеніи особо изложены правила о разсрочкахъ въ платежѣ акциза за вино, отпускаемое изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ. Согласно этимъ правиламъ, заводчику или хозяину оптоваго склада предоставляется право отпускать изъ подвала или склада въ продажу вино, съ получениемъ отъ покупателей слѣдующаго за оное акциза, но съ тѣмъ, чтобы у него никогда не оставалось невнесенной въ мѣстное уѣздное казначейство акцизной суммы болѣе 1000 руб. ср. и чтобы на первое число каждаго мѣсяца оное непременно вносило сполна акцизы за все вино, имъ проданное, въ теченіи истекшаго мѣсяца, хотя бы собранная акцизная сумма и не доходила до означеннаго размѣра.

При отправкѣ вина изъ завода въ оптовые склады, разсрочки во взносѣ акциза допускаются для заводчика или хозяина склада, подъ залоги или ручательства благонадежныхъ и владѣющихъ недвижимою собственностію лицъ, въ исправномъ и своевременномъ взносѣ разсроченнаго акциза, управляющимъ акцизнымъ сборомъ той губерніи, гдѣ имѣется заводъ или гдѣ находится складъ.

Къ изданному положенію приложены правила о переходѣ къ казенному съ 1-го января 1863 года завѣдыванію питейнымъ сборомъ.

Главнѣйшія правила, по привилегированнымъ губерніямъ и по землѣ войска Донскаго, слѣдующія:

А, по привилегированнымъ губерніямъ:

1. *Меры въ отношеніи заводовъ, приготовляющихъ нитія, подлежащія акцизу и издѣлія изъ вина и спирта.*

Всѣ существующіе винокуренные заводы должны быть къ началу винокуренія 1862—1863 г. описаны, и посуда ихъ измѣрена и заклеена, на основаніи новаго положенія, которому и подчиняется въ періодъ 1862—1863 г. производство винокуренія; для сего заводы должны быть снабжены патентами и свидѣтельствами, вести установленныя книги и состоять подъ наблюденіемъ и учетомъ акцизнаго управленія.

Всѣ обязанности, возлагаемыя положеніемъ объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина, 23 ноября 1848 года, на заводчиковъ и покупателей, въ отношеніи куренія, продажи и провоза вина и платежа акциза должны исполняться, по 1-е января 1863 года, въ точности.

Винокуреннымъ заводамъ дозволяется, независимо отъ откупа вина на существующихъ правилахъ, на продовольствіе 1862 года, отпускать его оптовымъ торговцамъ, открывшимъ склады въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, для продажи въ 1863 году по ярлыкамъ уѣздныхъ казначействъ, на существующемъ нынѣ основаніи и по предъявленіи заводчикамъ покупателями разрѣшеній на открытіе оптовыхъ складовъ и по взносѣ въ казну акциза.

При этомъ откупщики не должны дѣлать никакихъ притѣсненій, подъ опасеніемъ взыскапія поесенныхъ торговцами или заводчиками убытковъ. Пиво и медоваренные заводы должны быть къ 1-му января 1863 г. тоже описаны и измѣрены и съ этого времени они дѣйствуютъ, на основаніи новаго положенія. Къ 1-му января 1863 года приводится, чрезъ акціонное управленіе, въ извѣстность наличность пива и меда на заводахъ и ледникахъ, принадлежащихъ заводчикамъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти остатки пива и меда были оплачены акцизомъ по 20 к. съ ведра.

Заводы, для приготоленія хлѣбныхъ водокъ и разныхъ издѣлій изъ спирта, должны къ 1-му января 1863 г. снабдить себя установленными новымъ положеніемъ патентами и книгами.

Къ тому же сроку приводится на этихъ заводахъ въ извѣстность наличность, какъ вина и спирта, такъ и приготоленныхъ изъ нихъ издѣлій. При приведеніи въ извѣстность наличности разныхъ издѣлій изъ вина, принимается, по спиртомѣру Траллеса, содержаніе безводнаго спирта:

Въ ведрѣ рома, разныхъ водокъ и наливокъ	60%
Въ ведрѣ лака и полмтуры, освѣтительной жидкости, гофманскихъ капель, одеколона и духовъ	78%

Всѣ виноиздѣлія на этихъ заводахъ, оказавшіяся въ наличности къ 1-му января 1863 г. оплачиваются акцизомъ.

2. О заготовленіи запасовъ питей на 1863-й годъ.

Випокуреннымъ заводчикамъ и купцамъ, желающимъ открыть оптовую торговлю виномъ изъ складовъ, въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, дозволяется учреждать эти склады не ранѣе, какъ за 4 мѣсяца до 1863 года, съ заявленіемъ о томъ мѣстному акціонному управленію и платежемъ акциза; вино же провозится, по ярлыкамъ уѣзднаго казначейства.

Вино, находящееся въ складахъ, нынѣ существующихъ по мѣстамъ, гдѣ уничтожены чарочные откупа, должно быть приведено къ 1-му января 1863 года въ извѣстность и оплачено акцизомъ, въ противномъ случаѣ должно быть подвергнуто публичной продажѣ. Продажа питей изъ откупныхъ заведеній, по чарочнымъ откупамъ, прекращается въ 10 часовъ вечера 31 декабря 1862 года.

3. О мѣрахъ къ отеращенію напуска вина.

Нѣкто изъ нынѣшнихъ чарочныхъ откупщиковъ не долженъ, нигдѣ и ни подъ какимъ предлогомъ, открывать питейной продажи, кромѣ питейныхъ, въ откупъ каждаго, заведенія, которыя правительствомъ дозволены.

4. О приведеніи остатковъ питей въ извѣстность.

Всѣ, содержимыя чарочными откупщиками и частными лицами, заведенія для продажи питей, могутъ имѣть остатки оныхъ къ 1-му января 1863 года, и для того къ 20-му декабря 1862 года содержатели означенныхъ заведеній должны доставить объявленіе о количествѣ вина, спирта, водокъ, наливокъ, портера, пива и меда, могущихъ примѣрно остаться у нихъ къ 1-му января 1863 г.; повѣрка сихъ объявленій акціоннымъ управленіемъ производится 31 декабря 1862 года; при этомъ должна быть внесена разность между новымъ и прежнимъ акцизомъ.

Б, по землѣ войска Донскаго.

Мѣры, установленныя въ привилегированныхъ губерніяхъ относительно описанія и измѣренія заводовъ, приготоляющихъ питея, подлежащая акцизу,

и издѣлія изъ вина и спирта и подчиненія ихъ новому положенію, примѣняются и къ землѣ войска Донскаго.

Винокуреннымъ заводамъ, дозволяется отпускать вино для продовольствія 1863 года: а) въ частные оптовые склады и б, въ питьевые дома и штофныя лавки. Отпускъ вина въ оптовые склады производится, съ начала 1862 года, какъ изъ-винокуренія 1861-1862 года, такъ и изъ винокуренія 1862-1863 г., а въ питьевые дома и штофныя лавки только изъ винокуренія 1862-1863 г., и не ранѣе 15 декабря 1862 года; за вино, выпускаемое изъ винокуренія 1862-1863 г. долженъ быть внесенъ акцизъ.

Къ 1-му января 1863 г. приводится въ извѣстность наличность пива и меда на заводахъ и въ ледникахъ, причемъ пива сімъ оплачиваются акцизомъ по 30 к. сер. за ведро.

При приведеніи въ извѣстность наличности разныхъ издѣлій изъ вина и спирта, принимается содержаніе безводнаго спирта: въ ведрѣ настоекъ и наливкохъ 38% по Траллесу; въ ведрѣ сладкихъ довокъ и ликеровъ — 53%; въ ведрѣ политуры, лака, духовъ и проч. — 95%.—

Казна заготовляетъ вино, на 1863 годъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это будетъ признано нужнымъ и тѣмъ порядкомъ, какой окажется удобнѣйшимъ, и хранить вино въ войсковыхъ подвалахъ. Оптовые склады въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся войсковые подвалы, а если не встрѣтятся препятствій, то и въ другихъ, дозволяется учреждать винокуренымъ заводчикамъ, купцамъ и всѣмъ, имѣющимъ въ войскѣ Донскомъ право на торговлю, соответствующую торговлѣ купцовъ 3-й гильдіи, съ разрѣшенія войсковаго правленія по ярлыкамъ, для провоза вина, окружныхъ казначействъ; причемъ выпускъ вина изъ оптовыхъ складовъ въ питьевые дома и штофныя лавки не дозволяется ранѣе 15 декабря 1862 г.

Продажа питей изъ откупныхъ заведеній прекращается 31 декабря 1862 года.

Порядокъ заявленія остатковъ питей, въ войсковыхъ подвалахъ и во всѣхъ мѣстахъ продажи питей, а равно и у частныхъ лицъ, въ войскѣ Донскомъ, тотъ же, какъ и въ привилегированныхъ губерніяхъ. Войсковое вино приводится въ извѣстность, первоначально по расчету на пѣнное вино для окончанія счетовъ съ комиссіонеромъ, а затѣмъ доброта его опредѣляется по спиртомеру Траллеса и оно принимается въ казну, по взаимному соглашенію министровъ военнаго и финансовъ. За тѣ остатки, которые окажутся къ 1-му января 1863 года въ разныхъ заведеніяхъ для продажи питей, у частныхъ лицъ и на заводахъ водочныхъ и выдѣлывающихъ разные издѣлія изъ вина, и за которые войскомъ уже полученъ питейный сборъ, на основаніи дѣйствующаго положенія, причитающійся въ казну акцизъ возвращается войскомъ, съ которымъ казна и производитъ, по сему предмету, расчеты.

Всѣ расчеты съ комиссіонеромъ производятся войсковымъ правленіемъ на основаніи положенія о хозяйственномъ управленіи питейными сборами въ войскѣ Донскомъ.

Новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ. 1-го августа 1861 г. обнародовано новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ, вызванное, какъ видно изъ особаго высочайшаго указа, неудобствомъ дѣйствующихъ нынѣ о трактирныхъ заведеніяхъ правилъ. Въ этомъ указѣ сказано, что какъ устройство трактирныхъ заведеній тѣсно связано съ системою питейнаго сбора, и какъ новое положеніе о системѣ этого сбора будетъ приведено въ исполне-

ніе съ 1-го января 1863 г., то и новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ должно быть приведено въ полное дѣйствіе также съ этого времени, для чего и должны быть опредѣлены и указаны, по взаимному соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, тѣ предварительныя мѣры, которыя будутъ приняты, для введенія въ дѣйствіе сего положенія.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній за право содержанія ихъ опредѣляется мѣстнымъ городскимъ обществомъ, съ утвержденія губернскаго начальства; заведеніе, обложенное этимъ акцизомъ, платитъ его въ городскую казну, причемъ количество этого средняго акциза соразмѣряется какъ съ состояніемъ трактирнаго промысла въ городскомъ поселеніи, такъ и съ потребностями городской казны, для удовлетворенія общественныхъ расходовъ. Внутренняя раскладка общей суммы акциза, слѣдующей въ доходъ городского поселенія, производится особымъ платежнымъ обществомъ, составленнымъ изъ всѣхъ содержателей трактирныхъ заведеній; это общество, черезъ каждые четыре года, выбираетъ изъ среды своей, для раскладки акциза, депутатовъ, одновременно съ которыми выбирается и равное число кандидатовъ. Депутаты эти приступаютъ къ раскладкѣ акциза на слѣдующій годъ, не позже 1-го ноября каждаго года. При раскладкѣ средній годовою акцизъ помножается на общее число трактирныхъ заведеній, и получаемая такимъ образомъ сумма составляетъ общую сумму акциза, подлежащую поступленію въ доходъ городского поселенія. Составленная депутатами раскладка выставляется, для общаго свѣдѣнія, въ самой думѣ, или замѣняющемъ оную мѣстѣ, съ 15-го ноября по 1-е декабря. Сверхъ того, не позже 20-го ноября раскладка печатается въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Кто изъ содержателей трактирныхъ заведеній найдетъ себя несправедливо обложеннымъ, по раскладкѣ сравнительно съ другими содержателями, тотъ можетъ, не позже 1-го декабря, обратиться съ жалобою къ депутатамъ, которые, не входя ни въ какую переписку, постановляютъ окончательное, по сему предмету, заключеніе и утверждаютъ раскладку не позже 15-го декабря; причемъ объявляется каждому содержанию количество акциза, причитающагося съ него къ уплатѣ на слѣдующій годъ. Въ случаѣ прекращенія трактирнаго промысла, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, заплаченный за полгода акцизъ не возвращается городскою казною. Содержатели заведеній обязаны: 1) держать у себя въ услуженіи благонадежныхъ людей; 2) учредить въ заведеніяхъ внутренній присмотръ за недопущеніемъ безпорядковъ или воровства; и 3) имѣть у дверей прочныя запоры и замки.

Содержаніе постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавочекъ дозволяется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право торговли, и число сихъ заведеній не ограничивается. Свидѣтельства на содержаніе ихъ выдаются думою или замѣняющимъ ее мѣстомъ, порядкомъ, опредѣленнымъ для трактирныхъ заведеній вообще; но акцизъ, съ нихъ взимаемый, устанавливается не посредствомъ городской раскладки, а однообразно, и опредѣляется ежегодно городскимъ обществомъ. Правила, касающіяся благочинія и полицейскаго надзора въ этихъ заведеніяхъ тѣ же, что и въ трактирныхъ. Разрѣшеніе на содержаніе трактирнаго заведенія внѣ города дается казенною палатою, которая при этомъ взимаетъ съ просителя акцизъ, выдаетъ свидѣтельство на гербовой бумагѣ и увѣдомляетъ о выданномъ разрѣшеніи мѣстную земскую полицію. Число такихъ заведеній не ограничивается; къ содержанію ихъ допускаются купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане, цеховые и крестьяне, безъ записки въ торговые разряды.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній внѣ города раздѣляется на 3 класса: въ первомъ онъ составляетъ 60 руб., во 2-мъ — 30 руб., въ 3-мъ — 15 руб.; при подведеніи заведенія подъ тотъ или другой классъ, принимаются въ соображеніе выгоды, представляемыя каждою мѣстностью. Причисленіе по каждой губерніи трактирныхъ заведеній внѣ городскихъ поселеній къ тому или другому классу дѣлается казенною палатою, съ утвержденія губернатора. Что же касается до постоянныхъ дворовъ и корчемъ, внѣ города, то учрежденіе и содержаніе ихъ предоставляется всякому, безъ испрошенія особыхъ на то дозволеній и безъ платежа акциза въ пользу казны. (Сен. вѣд. 1 августа 1861 г., № 61.)

ВІСТІ.

Де-що зъ Полтави.

(до Редактора.)

Сёго року весна здавалась бути раннєю, а на ділі вийшло що пізня. Передъ Юріємъ траві зовсімъ не видко було, а зъ половини квітня дощі стали перепадать частійшъ и частійшъ. Зазеленіло поле и лўки, мовъ заткались травою та квітами; житá и пшениці, крий Боже, які гарні! ярнами жъ похвалитись не можно. На Ївана Купала тільки-що почалась у насъ косовиця. Дощі багато мішали: сонце вняситця, косарі ударять у кдсі, а громадільники тільки-що поспіють згромадити, якъ дощъ знову пуститця и поміша роботі. Дощі и досі перепадають. Давно уже у насъ було таке літо: ажъ любо подивитись на трáви та на лани зъ пашнєю.

Окрўгъ Полтави мало козачої землі, а хоча й е у якімъ селі, то и багато вже народилось на неі. Наші Полтавські козаки більшь хлібороби и беруть землю за скіпщину у панівъ, а траву косять зъ половини, та ще зъ того треба й покористуватись. Поневолі прийде та́ думка що:

Въ того доля ходить полемъ,
Колоски збірає,
А моя десь ледащиця..

Але-жъ, добродію, якъ би то ви самі подивились, сёго-літа, на нашъ край, то, може бъ, що й веселе згадали. У насъ, після знесєння крѣпацтва, здаетця, усе помолодшало: и степъ, и лани, и лю-

де. Хоч воно нашимъ, тільки-що визволеннямъ крепакамъ, и не все гараздъ... ну, та надія и воля—велике діло. Подивились би, Кажу, вп, сѣго щастливого літа, на косарівъ та на дівчатъ у стѣнжкахъ и барвінковихъ вінкахъ, або прислухались, якъ вітеръ повіє... почувли бъ, якъ звенить коса гонивъ за п'ять, а пісня зъ усіхъ сторони такъ степомъ и розлягається, якимъ-сь новимъ та добримъ галасомъ... то й сказали бъ: «збрехали ті незвані пророки, що віщували катъ зна що!» Весело подивитись—якъ зіркі засяють на блакитнімъ небі и перепели начнуть перекликатись—якъ наші косарі и громадільники, напруцювавшись за цілісінкнй день вдоволь, біля табору, повечерявши співають. Не знали ті пророки нашого працѣвнтого народу, або й не хотіли знати...

Не вслили ми обізнатись зъ полемъ, наюхатись доволн того весняного паху и надивитись на васильки, на матерняку, на петрівъ батігъ, що такъ блакитними квітами увесь степъ уквив, на червону розу—та куди вамъ! нашихъ усіхъ квітівъ и не перелічпшь... не вслили дослухати кукування зозулі и несківчачемої пісні лавворінка, а вже треба, завгодя, лагодитись зъ своїмъ добромъ у городъ на ярмарокъ, бо вже земляки, битимъ шляхомъ, зъ різнихъ сторони, идуть зъ хурами, нізкою тягнутця москалі повозками зъ вагою, скриплять татарські гърби и тарабанять, усі у пилу, якъ у диму, жидівські брики...

Наша Іллінська, у послідні роки, безъ спору взяла гору надъ усіма українськими ярмарками. Обороть, котрий у Ромні не підіймався вище 9 мнлліонівъ, теперъ сягає до 23 мнлліонівъ, а часомъ и більшь, бо й не диво: Катеринославщина, Херсонщина и Кримъ не тягнули до Ромна, а після переводу у Полтаву, стали вислати на сей ярмарокъ свої степові багатства. У Ромні вовна була на невеликі гроші, а тутъ відъ вовни залѣжить увесь ярмарокъ. Іллінська не одинъ ярмарокъ, а два, одинъ по другімъ: першь *кішннй* чи сільскій, а потімъ *красннй*, чи мануфактурнй. Сей становитця у самімъ городі, у кам'янихъ и дошаніхъ лавкахъ и шоплахъ. Про нѣго нехай хто другий напише. А що до сільского—то мнн самому привелось на німъ що дня товктися—то я зъ вами про нѣго и побалакаю.

Підъ ярмарокъ городъ відступивъ велику лощину, поміжъ Подоломъ и Ворскломъ. Есть то плащина рівна, котра сягає десятихъ трохи не на сто; е де поміститись и води хорошої вдоволі. Відъ вїзду зъ Полтави по праву-ручъ иде, самою середншою ярмарка, подовжня широка вулиця верстовъ на п'ять. По обохъ бокахъ тієї вулиці стоять, збу-

довані підъ ярмарокъ, дощані ятки й балагани зъ крамомъ низчого сорту: килимами, полѣтнами, рядовиною, панчохами и иншимъ. Тутъ буває продажа и у гуртъ, и у розницю. Рядомъ стоять шопи зъ бакалією, а по середині *зборний рядъ* (гостинниці, трахтирі, вино, пиво. .). Подовжня вулиця прорізується у перпендикулярі поперешніми; кожна зъ своїмъ особнимъ товаромъ, якъ отъ: залізомъ, ремішною роботою, кожухами, литварями, смухами, брилами, люльками, чобітьми... усѣго не перелічишъ. За зборнимъ рядомъ по ліву—ручъ—тютюнъ. Поручъ зъ нимъ вовна—найбільшъ шпанка. Сей товаръ первий на весь ярмарокъ; вінъ займає одніи велику площину, по-надъ Вореклю, геть ажъ до самої толоки. Вовна стоїть зложена високо рядами—ніби тіи мурі—розділена перелюками. Черезъ шляхъ відъ вовни—шкурп, на возахъ и кучама, и кримські невироблені смушки; далій вози, колѣса, скрипі, бѣндарська робота и всякий віробъ зъ дерева; ще далій вже починаютьца лѣки, де, скільки око сягне, розсипалсь по зеленому килиму чумацькі валкі и табуни. Ближай шкъ Вореклю, простяглася друга подовжня вулиця, паралельне до першо. Сей е справжня *кінна*. Тутъ стоять, безъ перерву, по обидва боки, коні коло ковбязівъ, щось верстви чи не на дві. Далій, у загонахъ товчутьца косяки степовихъ коней. За ними скотъ и барани, а по надъ самою річкою стоять, одні проти другихъ черезъ вулицю, московські зводи и наші чумаки, дожидаючись одправи. Зъ другого жъ боку, по близу Подола по-надъ самою течією, котра колись прозивалась Полтавкою, иде третя подовжня вулиця; тутъ почувшъ звишній галасъ нашихъ перелюнокъ и перепечаекъ; тутъ готується и продається збіжа. Рядомъ зъ ними сіль, потімъ сіно на возахъ, а тамъ, поминувши цілий рядъ зъ бочками дѣгтю, попадешъ знову на кінну. По тимъ вулицямъ и перелюкамъ снує народъ піший и кінний и переливається, мовъ воданá філя.

Україна и сусідні краї вислали сюди кѣженъ свое добро: Москва—красний товаръ, залізо, ұпряжь; Донщина—коней, вино, кавтаръ и рибу; Кримъ—вина, бакалію, шкури, смухи; Польща—коляси, нечичанки; Ніжевъ, Прилука и Роменъ—тютюнъ; зъ-за Десни, Дніпромъ—дѣготъ, вирѣвки, дошки; Кременчукъ—волока, пѣводи, мило; Біла Церква—машини; Черкаси й Сміла—сахаръ; Кавказъ и Чорноморье—косяки коней. Вовни шпанки найбільшъ вислала Полтавщина и Катеринославщина, а тако-жъ Слобідська Україна, Херсонщина, Німці зъ Молошноі и зъ підъ Маріо-поля (Маріуполя). Наші мі-

стѣчка: Грунь, Котельва и Водолаги вислали повозки, колѣса и инше зъ дерева; Решетилівка, Санжари и Білики—смушки; Полтава и Красний Кутъ—бѣндарські виробы; Опoшня и Великі Будища—гончарські. Харчі, овесъ и сіно доставчала Полтава и ближні села.

Найкращі коні у косякахъ були панівъ: Озеровського, Иловайського, Куликовського и баришниківъ зъ Курської губернии—Дятлова и Циганка. Жиди пригнали косяки коней пайнизчого сорту. Кіньми висчого сорту, зъ панських заводівъ, Воронежської, Курської, Полтавської и Екатеринославської губерний и баришниківъ Курських и Воронежських, були биткомъ набиті великі стайні, на Подолі збудовані підъ ярмарокъ. Але-жъ заводські коні, на сѣгорочнімъ ярмарку, мали невеликкій збитъ, бо для конниці мало закупали; за те коні зъ косяківъ збувались лѣгко: їхъ продавали по ціні відъ 40 до 70 карбованьцівъ; найбільшъ брали наізжі жиди, москалі—звощики, панки и для пограпичнїї сторѣжі, на пруську гряницю—туди куплено однимъ заходомъ 900 штукъ.

Вовна не вся продана; зъ Австрїи и Пруссїи було закупащиківъ сего року меньше, якъ торікъ, а больше закуплено у Чернигівську губернию, Білгородъ, Москву, підмосковні губернии и Польшу. Привезено жъ було дуже багато: були партїи и такі, що мали відъ 2½ до 4 тисячъ пудівъ, павівъ полтавських и екатеринославських (Базишевського, Струкова). Продавалася: обніжки відъ 8—ми до 11—ти, а перегонъ відъ 15—ти до 17—ти карбованьцівъ. Тютюнъ продавався відъ 1-го до 2½ карбованьцівъ за пудъ, дівлячись по зборці и сорту. Найкрасчий тютюнъ бувъ серебрянський, Прилуцького повіту. Пархаськихъ машинъ, на сѣгорочний ярмарокъ, було багато привезено зъ Білої Церкви. Мастакї того діла похвалявали найбільшъ парову мукомельню, Варшавської роботи, що меле за годину 15 пудівъ на три сорта бѣрошна, а для виниці то й 20 пудівъ. Цїнилась вона до 3-хъ тисячъ карбованьцівъ. Молотилка зъ кінськимъ приводомъ, у 6 силъ, молотила по 8 кіпъ за годину; цїнилась за 1500 карбованьцівъ. Були виставлені на продажъ и для заказу: віялки, сїялки, соломорізки и кінскі граблі Білоцерковської роботи. Жїтокъ не було. Скоть хоррший бувъ тільки зъ заводівъ князя Кочубея. Цїна на скоть була не висока. Баранї на расплодъ, злекторальной породы, зъ добримъ руномъ, продавались тожъ поцінно. Сїно платилось відъ 1½ до 3-хъ карбованьцівъ за візъ; овесъ черезъ пізню вѣсну бувъ тільки торіш-

ній и продавався по 23 копейки за мірку. Чумаки платили, за попасъ, зъ пари волівъ відъ 5-ти до 10 копієкъ на-день.

Ярмарокъ почався 12-го іюля; дощі перепадали и пошехували шляхъ, а 14-го підъ самий горячий торгъ на коні, обідніє пори, набігла хмара, загримотівъ грімъ и пішовъ чустрити дощъ, якъ зъ відра. Середъ народу блискавка убила въ смерть двоохъ жидівъ и порозбивала багато телеграфнихъ стовпівъ. Народъ оступивъ вбитіхъ; жиди джеркотіли, галасували... ажъ ось, надійшовъ чумака, и почувши, що блискавка кого-сь убила, знявъ шапку и перехрестивъ. «Экой ты! Богъ жидовъ побилъ, а ты крестишься,» гукнувъ на нѣго якій-сь москаль съ гурту. «Хйба-жъ жиди й не люде? Богъ надъ усіма!» одізвався чумака. Жиди, якъ почули, кивулись до чумака, обнимають, за руки беруть. »Правда, братіку, правда... Ось половікъ! сей правдиве у Бога віруе.» 20-го іюля стали роз'їзжатись хури зъ товаромъ. Чумаки брали підъ хуру до Австрійскої грانیці по 90 копієкъ зъ пуда, у Чернігівську губернію по 30 коп., у Маріуполь по 40 к., у Харківъ по 20 к., у Крымъ на Бериславъ по 30 к. 30-го іюля на ярмарковому плацу вже було пусто; ярмарокъ стоявъ троха не три тижни.

Теперь, якъ слову, добавлю де які подумки, котрі навівъ на мене сѣгорочній ярмарокъ. Коли нашу Іллінську дробити по націямъ, то можно вивести такий рішнєць: на сільскімъ, чи кіннімъ, ярмарку найбільша груда товару йде зъ рукъ нашихъ земляківъ, чи то панівъ, чи прѣстихъ; тутъ наші беруть гору и лічбою и капиталомъ. Москалі у своихъ рукахъ держуть тільки торгъ невысокимъ красшимъ товаромъ и то на половину зъ нашими. Залізо жъ и ремінна работа уся въ московськихъ рукахъ. Торгъ бакалією у рукахъ у орменъ, караїмівъ и греківъ та вони більшъ торгують не тутъ у самімъ городі, на особнімъ плацу. У татаръ тільки торгъ шкурами й смухами, а що до жидівъ, то сей народъ, по правді сказати, нічого не впроблює самъ, а тільки перекупає и переиродує чуже—найбільшъ вовцу, коні, смухи и цїрья. Біднійші торгують, не маючи ніякого капиталу и якось-то небриваютьця. На сімъ ярмарку жиди й москалі мало у чімъ конкурируютъ поміжъ себе. Інакъ воно стоїть на ярмарку краснімъ чи то мануфактурнімъ, котрий починаетця у самімъ городі черезъ десять днівъ згодя, на сáмого Іллю. Тутъ уже нашимъ землякамъ нема про-світу; нашъ панъ тільки купователь на роздробъ, а простий—за поти-кача. Московські купці, що торгують висчимъ краснимъ товаромъ, мають тутъ, у жйдахъ Бердичівськихъ и Полськихъ, жвавихъ и сильнихъ

капиталомъ конкурентівъ. Мають жахаюця московські кущі и фабриканти, що жида одібють у нихъ торги по Україні, коли такъ добиваюця, щобъ постягувати усі наші ярмаркі у Харьківъ, дѣ вони позакупували усі ярмаркові будови, та й жида тамъ великої сили не мають; бо жити імъ у тій місті не вільно. Гомонять москалі-себъ то на більшу користь усѣму краєві, а навспражки для того, щобъ загарбати у свої руки усі торги зъ початку на сімъ боці Дніпра, а потімъ посунутись и за Дніпръ, тай тамъ поборюкатись зъ жидами. Гарний та далекий нюхъ у того купецтва! Знаємо ми дуже добре тую московську монополію, що бувало привезе український панъ у Харьківъ вовну, а московський купчина дає ціну яку самъ схоче, та, заклавши назадъ руки а шапку зігнувши на бакіръ, усміхаючись и каже: «Ужъ, батюшка, напрасно-сь изволите безпокоитись, знаємъ-ста, что барышнѣ платице надо, а барышнѣ на башмачки,» та й вередѣе дѣти, ажъ поки панъ не поклѣнитця и на ёго волю здастця. Якъ дивитись очима московськихъ фабрикантівъ, то воно може й добре було бъ на світі, якъ би тільки самі фабрики процвітали та добрі зиски давали, а багатирі-монополісти, ще більшъ, кишені набивали; а якъ же подивився очима тутѣшнього хлѣбороба, поглянешъ на нашъ плодючий край та поміркуешъ объ тій, що найкористнійше для нашого батьківського промыслу—хлѣборобства, то й скажешъ спасибі тій жидамъ та чужоземськимъ закупщикамъ, що своєю конкуренцією, на усюди-роскинутихъ по краю ярмаркахъ, ціну на наші пахарські продукти підіймають, а красний товаръ, и красний и дешевший до насъ привозють. Якъ прислухаешся до того галасу купецького, то зразу зрозуміешъ, що се ті самі наші добродії, що не дуже давно такъ галасували за тарифъ: «не треба, казали, збавляти пошлинъ, бо якъ у московськихъ фабрикантівъ на копійчину буде меншъ барышнѣвъ, то усімъ вамъ прійдетця вмірати, хочъ у васъ токі й набиті стогами.» Не диво, що наша плодюча країна бідна на гроші, бо такъ усе добре, спасибі за ласку, добродії умудрували, щобъ капитали позтягати туди десь за Оку. «Продавайте, кажуть, вашу шеницу у Одесъ або Бердянськъ та привозьте ті грошки, що візьмете, до насъ—ми вамъ ситцівъ за те надаемо, такихъ що, може, черезъ тиждень й на ганчіркі згодятця; а у бусурменівъ не купуйте, бо й законъ не позволя, та й дежъ той патріотизмъ буде? Продавати імъ своє добро, а гроші намъ, за хамло, віддати—то инше діло—заке, якъ слідъ доброму патріотові робити; бо то наше діло, за-

сівши у Харькові, далій відь чужої конкуренції, грошима орудувати та зь вашої праці розживатися, а ваше... у землі копатися, а гроші вамъ, хахламъ, на віщо здался?.. »Эге жъ, правда! отъ хочъ биї до заліза; нашому хліборобови треба ёго, куди не киньсь; наші стени тільки дождають заліза доброго и дешевого, щобъ прокинутись та за діго повимъ ладомъ узятись. Э! такъ, бачите; уральскі заводчиккі—отті бідні, що Европа на нихъ дивуетця—треба їхъ пожаліть—старцями стануть, якъ заходне залізо у нашъ край (для користи нашого, багатиря бъ то, хлібороба) пустять. Наша Україна найбільшъ, здаецця, витерпіла відь того тарифу, а її ще й лають, що, бачъ би то, до праці не здатна. Оце тежъ саме и зь нашими ярмарками; здаецця и сліпий побаче, що легше купцеві переїзжати зь своїмъ легкимъ крамомъ зь ярмарку на ярмарокъ, а ніжъ намъ, зь нашими важкими пахарськими продуктами, до одного пункту, зьїздитися та одинь другому ціну збавляти, а чуже у дорожнети підіймати. Тай зь самої патури того діла бачитця, що край, де пахарсьтво покриває усякїй другий роздобутокъ, повиненъ роскинути свої ярмарки по усімъ закуткамъ, а не стягувати у одинь пунктъ. Отъ хочъ би на прикладъ: Владимирська губернія має усього 8 ярмарківъ, а у Полтавській їхъ безъ малого 300. Ще кажуть:—коли по шляхахъ покладуть залізні колії, то ярмаркі самі зведутця ні нащо. Але жъ ми бачимо, що у тихъ краяхъ, де пахарсьтво бере гору надъ фабрикама, а земля поділена на невелички маєтности (якъ и у насъ), тамъ ярмаркі держатця и тоді, якъ вже залізні колії покривають цілий край, а тільки де-які великі підупали. Та хочъ би й такъ, то на що жъ завгоді псувати те, що повстало зь самого життя народнёго и поки до чого—має ще свою силу? Сама наука навчає, що у те діло мішатись не треба, бо силоміць можно тільки зтурбувати ціле краєве господарство, а покорістуютця тільки де-які капіталісти. Для нашого краю булобъ найкористнійшъ, щобъ наші ярмаркі зоставались такъ, якъ були, безъ жаднихъ добавокъ и переставокъ, а вже самъ часъ и місце покажуть, де торгъ вімре, а де зацвіте, бо того не вгадаешъ; знаємо ми добре такі ярмаркі, де тільки на папері торгують, а є и такі, що й не щитаютця ярмарками, а товару й народу повиісінько. Такъ чи тожъ насъ хліборобівъ послухають? Змагаютця московські багаті за центральний пунктъ для свого товару; годі, кажуть, швендяти зь ярмарка на ярмарокъ—велика трата, такъ треба десь вище клопотатися, щобъ силою їхъ до одного міста позтягувати. А чи памъ

відъ того легше чи важче—проте хто дбатиме?.. А бодай васъ, панове купецтво, які жъ то ви патриоти для своєї кишені! Се вже, бачите, такé кòло: що зъ централизаціі, куди не верни, а вийде монополія; а зъ монополіі, централизація. Воно такъ усюди діялось.

В. Куликъ.

Полтава. Р. 1861, 4 авг.

Р. С. Я вже мавъ одсилати до васъ сей листъ, ажъ ось на-бігли дві новєські звістки: перша та, що збòлено будувати у Полтаві великі кам'яні лавки підъ ярмарокъ, а друга — сарана. Сєго дива тутєшні старі люде не пам'ятають. Добре тому, хто убрався зъ хлїбомъ завгодї. У давні рокі сарана зупинялась на степахъ, и до Полтавщини ніколи не долїтала; сєго жъ року дотягла, кажуть, ажъ до Чернігівщини.

В. К.

ОТЪ МАРТА ДО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЯРМАРКИ.

Вы слышали жалобы на ужаснѣйшіе снѣга прошлой зимы, на это безпримѣрное бездорожье въ нашей Украинѣ и знаете, что многимъ отраслямъ украинской производительности и торговли былъ нанесенъ чувствительный вредъ. Такъ, напримѣръ, для сахарныхъ заводовъ не было возможности заготовить дровъ. Снѣга были до-того глубоки, что въ лѣсахъ нельзя было рубить, самая же перевозка еще труднѣе потому, что и на большихъ транспортныхъ битыхъ дорогахъ тянулася узкая, едва отвердѣвшая полоса, съ неисчислимымъ множествомъ ухабовъ, ѣзда совершалась гуськомъ и при встрѣчахъ одинъ всегда тонулъ въ глубокомъ рыхломъ снѣгу: что же можно было сдѣлать съ нашимъ рабочимъ скотомъ, при вывозкѣ изъ луговыхъ или лѣсныхъ мѣстъ?

Крещенскую ярмарку и контракты, какъ вамъ извѣстно, торговали хорошо, но сахарники были очень наказаны: вмѣсто настоящей пропорціи сахара, у нѣкоторыхъ едва была получена третья часть. Снѣга на югѣ были глубже, чѣмъ на сѣверѣ — извозчики ѣхали по тридцати и болѣе дней тамъ, гдѣ обыкновенная ѣзда 10, 12 дней. Вслѣдствіе недоставки на Крещенскую изъ заводовъ сахара, у многихъ были незначительные сборы денегъ, а въ виду вслѣдъ затѣмъ

наступающихъ контрактовъ, гдѣ совершаются рафинерами главныя покупки неску, это имѣло нѣкоторое вліяніе на дѣла рафинадныхъ заводчиковъ.

Съ первыхъ чиселъ марта наступила весна, ознаменовавшая себя снѣсепіемъ во многихъ мѣстахъ мостовъ, но къ апрѣлю путь отвердѣлъ и появились извозчики на колесахъ. — Всякій съ жаромъ бросался дополнить несдѣланныя отправки, и цѣны на извозъ были не ниже зимнихъ. — Въ нашихъ мѣстахъ, особенно поддерживалъ цѣну на провозы Бѣлгородъ, по случаю большой отправки до Москвы сала. Несмотря, однакожъ, на дороговизну весеннія отправки обошлись выгодиѣе; товаръ пришелъ своевременно, межъ тѣмъ, какъ слышно, много товару, отправленнаго по зимнему пути изъ Кіевской губерніи, получено въ Москву чрезъ два и три мѣсяца.

Теперь о прошлой зимѣ, межъ украинскими торговцами, нѣтъ и помину, всякій смотритъ впередъ и старается разгадать «будущее», но это будущее, несмотря на опытность многихъ, закрыто отъ насъ непроницаемой завѣсой.

Первая наша весенняя ярмарка Елисаветградская—Егорьевская. Благодаря Бога, въ этомъ году, эта ярмарка вышла хороша. Многіе покупатели—Евреи появились ранѣе настоящаго начала, т. е. 23-го числа, и хорошо покупали недорогіе бумажные, пестрядные и холщевые товары. Хорошіе покупатели были большею частію изъ тѣхъ мѣстъ, откуда прежде не бывали, какъ-то: Кпшинева, Бердичева и Каменецъ—Подольска. Нѣкоторые полагали, что причиною хорошей торговли на этой ярмаркѣ отдаленность времени отъ зимнихъ ярмарокъ — Воскресенской и другихъ; положительно можно сказать — не это причина. Какъ увидѣте ниже, несмотря на возрастающую цѣну бумажныхъ товаровъ отъ дороговизны хлопка, этими товарами торгуютъ хорошо на всѣхъ ярмаркахъ, и потому, навѣрное, это можно отнести къ перемѣнѣ положенія крестьянъ, какъ все равно никто не похвалится торговлей шелковымъ товаромъ и т. п.

Егорьевская ярмарка, за немногими исключеніями, чисто мануфактурная. Цѣнность товара привозимаго я опредѣлить вамъ не могу, но мануфактурныхъ товаровъ было количествомъ до 2½ т. лошадей. — Эта ярмарка удалена отъ семи украинскихъ ярмарокъ, отъ-чего, въ нѣкоторые года, она страшно наказываетъ торговцевъ. Наша яр-

морочная система такова: если товаръ остался въ Маслянской, то будетъ лежать до Вознесенской, если остался въ Вознесенской, отправится въ Ильинскую, оттуда въ Харьковъ или Крелевецъ. Все это разстояніа такіа, что провозъ не составляетъ значительнаго расхода; но совсѣмъ другое если товаръ остался въ Егорьевской. До Елисаветграда провозъ всегда стоитъ особенно—дорого, по случаю весенняго времени и затруднительной переправы въ Кременчугъ. Въ этомъ году провозъ изъ Москвы былъ отъ 1½ до 2-хъ рубл. съ нуда, да кромѣ того, въ Кременчугъ за переправу черезъ Дибиръ на разстояніи 2-хъ верстъ платили 3 рубл. съ лошади, 6 рублей съ пары и 9 рубл. съ тройки!. Слѣдовательно, если къ этому провозу прибавить провозъ до Полтавы (куда обыкновенно отправляютъ остатки отъ Егорьевской), то это ужъ будетъ крайне большой расходъ на недорогіе мануфактурные товары.

Интересуетъ многихъ эта ярмарка продажею за деньги, не на кредитъ; но и при хорошей торговлѣ, какая была въ этомъ году, ярмарка приноситъ убытки. На многіе бумажные товары расходъ среднимъ числомъ составляетъ 15%, тогда—какъ на другихъ ярмаркахъ не болѣе 5 и 7%. Помѣщенія для ярмарки хороши: лавки каменные, цѣны за нихъ умѣренныя; дѣйствіа комитета ярмарочнаго заслуживаютъ благодарности.

Вслѣдъ за Егорьевскою ярмаркою, слѣдуетъ Вознесенская.—Бумажными недорогими мануфактурными товарами, несмотря на прибавку въ цѣнѣ 3% и даже 5%, торговали также хорошо; были хорошіе покупатели для Ермолинца (Каменецъ—подольск. губерні.). Тонкими бумажными, шерстяными и шелковыми товарами торговали обыкновенно.—Я не былъ на этой ярмаркѣ, и потому, къ сожалѣнію, не могу сообщить вамъ, подобно Маслянской ярмаркѣ, статистическихъ данныхъ, относительно украинскихъ товаровъ,—могу только сказать вамъ, что гг. сахарникамъ съ Вознесенской пришлось выдерживать постепенное пониженіе цѣны на свой товаръ. Попринципъ того, что Москва и Петербургъ мало требовали песку и отъ несвоевременной продажи его въ Крещенскую и др. ярмарки, накопились излишніе запасы на заводахъ и въ складахъ, и потому, несмотря на незначительность Вознесенской ярмарки, сахаръ понизился на нѣкоторые сорта 25 коп., а на другіе и 50 коп. на нудѣ.—Воску оказалось до 4-хъ т. пудъ, но покупателей было мало и цѣна упала до 20 рублей.—О табакѣ свѣдѣній не имѣю.

Троицкая ярмарка (въ Харьковѣ) имѣеть для нашего края большое значеніе. Характеристическая черта ярмарокъ, описанныхъ мною выше, состоитъ въ томъ, что къ намъ привозятъ мануфактурные товары, продаютъ, и везутъ отъ насъ деньги. Эта же ярмарка наоборотъ:—она какъ бы возвращаетъ назадъ увезенныя деньги своимъ солиднымъ товаромъ — шерстью; но, къ сожалѣнію, мы не такъ счастливы, какъ великорусскіе, мануфактуристы — Шерсть въ этомъ году значительно понизилась въ цѣнѣ и нашъ край противъ прошлаго года теряетъ въ этомъ товарѣ болѣе милліона рублей серебромъ!

Количество шерсти на ярмаркѣ было до 250 т. пуд.

Грязной помѣщичьей до 130 т. пуд.

Перегона « « « 100 т. пуд.

Нѣмецкихъ колоній и др. 20 т. пуд.

Грязная шерсть продавалась отъ 8 до 8 р. 75 к., нѣкоторыя лучшія партіи проданы отъ 9 до 9 р. 40 к. *Перегонъ* нѣмецкій и купеческій проданы отъ 12 до 13½ рублей; перегонъ помѣщичій—отъ 13½ до 15½ рублей; нѣсколько партій лучшаго сорта проданы отъ 16 до 18 рублей. *Обножки* изъ хорошихъ партій перегона проданы отъ 9 до 12 рублей.

Покупатели были изъ Австрій, Пруссій, Москвы, Черниговской губерніи, Харьковскіе, Бѣлгородскіе и Изюмскіе моченики.

40 т. пуд. осталось непроданнымъ.

Различная торговля въ городѣ шла тихо и многіе магазины очень жаловались.

О. Нез — ій.

УКРАИНЦЫ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Изъ Саратова.)

Прошло сто лѣтъ, какъ нашъ край наводнился различными колонистами, какъ-то: украинскими, татарскими, нѣмецкими, гернгутерами и, наконецъ, переселенцами изъ губерніи Тамбовской, Пензенской, Калужской и Костромской.

Колонисты—украинцы превосходятъ другихъ численною; жизнь ихъ, по сравненію съ другими, также больше имѣетъ значенія для нашего края.

Волга для украинца сдѣлалась извѣстной еще во времена бунта Стеньки Разина, у котораго много было охотниковъ изъ Украины попить на чужой счетъ. Они видѣли широкія степи саратовскія, привольныя землей и водой, и по ихъ слѣдамъ, земляки стали ходить на далекую Волгу, для заработковъ на судахъ или рыбныхъ ватагахъ. Дальшій путь заставлялъ многихъ оставаться здѣсь у хозяина и на зиму. Мало-по-малу они сроднялись съ чужой вольной стороной и многіе изъ нихъ вовсе не торопились домой, гдѣ вольная воля была только богачамъ да чиновникамъ, замѣнившимъ польско-панскую администрацію въ Украинѣ. Облюбовавъ себя на Волгѣ уютное мѣстечко, захожіе селились, обзаводились семействами и забывали о своемъ родѣ-племени въ Украинѣ. Возвращавшіеся домой бурлаки рассказывали про привольное житье-бытье волжское, конечно съ безчисленными прибавленіями, и увлекали въ наши степи новыхъ переселенцевъ. Такъ было до временъ Екатерины II, которая, именнымъ указомъ 1763 года, повелѣла назначить огромное пространство свободныхъ земель на саратовскихъ степяхъ, для желающихъ тамъ поселиться. Украинцы, одни уже знакомые съ вольной приволжской жизнью, другіе наслушавшись рассказовъ о нашемъ краѣ, охотно бросали свои родныя села и переселялись къ намъ. Они селились гдѣ кому было любо. Первыми *хатами* большею-частью были *землянки*; но эти землянки устроивались на самыхъ живописныхъ мѣстахъ. Стоитъ только посмотреть на слободы Покровскую, Никольскую, Дубовскую и Рыбинскую, чтобъ отдать честь украинскому вкусу и уму. Двѣ первыя особенно отличаются не только прекраснымъ мѣстоположеніемъ, но и выгоднымъ положеніемъ для торговли. Слобода Покровская (украинскія слободы никогда не называются *селами*) стоитъ на лѣвомъ берегу Волги, на небольшомъ возвышеніи. Во время большого разлива Волги, она стоитъ какъ бы на островѣ. Здѣсь и въ слободѣ Никольской первоначально построены были, въ 1797 году, по повелѣнію Екатерины II, запасныя соляныя магазины, куда они обязаны были возить соль съ Эльтонскаго озера. Въ этихъ двухъ пунктахъ сгруппировалось почти все первое поселеніе, такъ-что впоследствии колонистамъ нужно было выселиться изъ этихъ слободъ, — что дало начало многимъ другимъ малымъ слободамъ и хуторамъ. Слободы Покровская и Николаевская называются, по своему богатству, городками. Въ той и другой—по три каменныхъ церкви, что рѣдко можно встрѣтить въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. По своей величинѣ и богатству,

эти церкви могутъ стать наравнѣ съ городскими—уѣздными. Что касается другихъ слободъ и хуторовъ украинскихъ, то объ нихъ можно сказать только то, что они все живутъ лучше великорусскихъ селъ, т. е. и богаче и чище. Обогащаютъ ихъ поля и степи. Лѣтомъ украинцы работаютъ въ полѣ, а зимою возятъ сѣно для своего скота и для продажи. Лишь только въѣдешь въ украинскую слободу, ее сейчасъ можно отличить отъ великорусской: украинскія хаты всегда обмазаны бѣлою глиною, съ чистыми окнами и окрашенными ставнями. Дворъ у украинца очень рѣдко можно встрѣтить съ плотными тесовыми заборами или сараями, и съ крѣпкими воротами, особенно въ тѣхъ селахъ гдѣ украинцы живутъ одни. Жизнь открытая вытекаетъ у нихъ изъ ихъ нравовъ. Воръ—украинецъ—явленіе очень рѣдкое. Коня и вола никогда у нихъ не запираютъ замкомъ. Войдете въ хату—передъ вами печь безукоризненно—бѣлая, порядокъ въ домашней посудѣ и опрятность во всемъ домѣ. При этой внѣшней чистотѣ, нельзя не обратитъ вниманія на ихъ нравственную чистоту. Чтобы узнать украинца съ этой стороны, нужно только побывать на ихъ *вечернїцяхъ*, куда у нихъ собираются *дівчата* и *парубки* въ осенніе и зимніе вечера. Здѣсь парубокъ и дівчина, единственно по свободному выбору влюбляются другъ въ друга и остаются вѣрными до гроба. Здѣсь нѣтъ корыстныхъ расчетовъ, а одна любовь чистыхъ и неспорченныхъ сердецъ. Оттого—то у украинцевъ царствуетъ любовь и въ семействѣ. Украинецъ очень рѣдко оставляетъ свой домъ, а если оставляетъ, то ужъ вмѣстѣ съ своей *жінкою*. Да и соблазнить украинку тоже почти невозможно.

Въ дѣлѣ религіи, украинецъ понимаетъ вещи просто и ясно. Сектантовъ и раскольниковъ нѣтъ между украинцами нашего края. Все зажиточные украинцы отдають своихъ дѣтей къ дячку, для обученія грамотѣ, чтобы имѣть удовольствіе слышать ихъ пѣніе на клиросѣ и чтеніе во время богослуженія. Прихожанинъ—украинецъ удѣляетъ отъ своего имѣнія для церкви очень охотно, не такъ, какъ дѣлаютъ крестьяне селъ великорусскихъ, особенно прпволжскихъ, гдѣ пошъ долженъ выпрашивать, домогаться того, что ему слѣдуетъ, и при этомъ слышать укоры. Въ церковь наши украинцы ходятъ почти все; одѣваются для этого всегда чистенько; стоятъ съ благоговѣніемъ. Украинецъ любознатель и понятливъ. Только бѣда въ томъ, что ему приходится читать книги на чужомъ языкѣ, и съ трудомъ усвоивать смыслъ ихъ, особенно подъ руковод-

ствомъ безграмотныхъ грамотѣевъ. Украинецъ съ особенною охотою читаетъ книги на своемъ языкѣ, и еслибы на это обратили вниманіе, то дѣло образованія пошло бы гораздо успѣшнѣе. Украинецъ добръ, даже черезчуръ добръ, когда онъ пиѣтъ дѣло съ своими сосѣдами въ торговыхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Естественно, ихъ простота не иначе должна считаться, какъ глупостію, въ глазахъ такихъ сосѣдей, которые стоятъ на томъ, чтобы что продать, то и надуть,—а не обмануть, такъ и не продать. Торговать украинецъ нашъ мало способенъ, потому что онъ обезпеченъ во всѣхъ своихъ домашнихъ потребностяхъ; а если онъ продаетъ, то единственно то, что у него лишнее, какъ напримѣръ: лѣтомъ — траву, а зимою—сѣно, хлѣбъ и проч. Украинское купечество, сосредоточенное въ Покровскомъ городкѣ, большею частію занимается закупкою зернового хлѣба.

Украинскія пѣсни поются иногда и нашими великороссіянами. Лучшими пѣвцами у саратовскихъ великороссіянъ считаются тѣ, которые, кромѣ своихъ пѣсенъ, знаютъ много и украинскихъ. Когда украинскіе купцы закупаютъ хлѣбъ въ великорусскихъ селахъ, то великоруссы имѣютъ дѣло съ ними всегда охотнѣе, чѣмъ съ своими, потому что украинецъ не обманетъ и не обвѣситъ.

Въ заключеніе, сообщу свѣдѣніе объ одномъ украинцѣ—самоучкѣ-механикѣ.

Никита Зуенко, уроженецъ Покровской слободы, всю свою жизнь ломалъ свою, непросвѣщенную наукой, голову надъ нѣсколькими машинами, и между прочимъ надъ такою, которая бы возила тяжести по водѣ безъ паровъ. Саратовцы видѣли эту машину, только вполувину сдѣланною. Одинъ купецъ брался отлить эту машину, но, кажется, смерть его уничтожила и послѣднія надежды бѣдняка-украинца. Онъ теперь живетъ въ Астрахани, и надѣется, съ помощію какого-нибудь богача, докончить свое давно-здуманное дѣло.

Великороссіянинъ 0—овъ.

О МАЛОРОССІЯНАХЪ ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Оставляя Малороссію, быть-можетъ надолго, я думалъ, что, во все время моего пребыванія въ Сибири, я не увижу родного человѣка, не услышу родного слова. Каково же было мое удивленіе, когда, черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ моемъ въ Пермь, гуляя, или, вѣрнѣе, блуждая по берегамъ рѣки Камы, услышалъ я родные звуки! Я сначала самъ себѣ не повѣрилъ и подумалъ, что слышу мѣстный говоръ крестьянъ Пермской губерніи (1), но прислушавшись, разубѣдился, и подошедши поближе къ кучкѣ людей, состоявшей изъ пяти человѣкъ, увидѣлъ тутъ козаковъ, изъ которыхъ два говорили по-малороссійски. Чтобы удостовѣриться, что они точно говорятъ по-малороссійски, я спросилъ у одного изъ нихъ: какъ называется эта рѣка? »Яка? де? оце, кажуть, Кама. Та ми сами не тутешні«. — »А відкіля жъ ви?« началъ я по-малороссійски. — »Такъ и ти, мабутъ, не тутешній, ти землякъ нашъ!« Распросивши, я узналъ, что они въ 1847 году вышли изъ Саратовской губерніи и поселились въ Петропавловскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи; нынѣ служатъ въ пограничномъ Тобольскомъ козацьемъ войскѣ, защищающемъ границу отъ набѣговъ Ташкенцевъ и Коканцевъ. Земляковъ нашихъ въ этомъ войскѣ около трехъ тысячъ. Потомъ я узналъ отъ нихъ, что они встрѣтились въ Перми, съ земляками же козаками Оренбургскаго войска и были очень рады этой встрѣчѣ. Выпроводивши ихъ въ Кіевъ, куда они шли на богомолье, мнѣ хотѣлось повидаться съ Оренбургскими козаками-земляками. Черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ, я познакомился съ тремя изъ нихъ. Всѣ три отличались стройностью, проворствомъ, расторопностью и энергіей, и всѣ три отлично говорили

(1) Въ мѣстномъ говорѣ Пермской губерніи ъ выговаривается, какъ и у малороссіянъ за м, з за ъ, а не за g, o безъ ударенія за o, а не за a, и пр.; словъ также много сходныхъ съ малороссійскими, наприм. слобода, нехай и проч.; даже головная стрижка такая же, какъ у нашихъ земляковъ. Все это объясняется тѣмъ, что здѣшнія мѣста заселены выходцами изъ Новгородской земли, а Новгородцы, по мнѣнію профессора Н. Нв. Костомарова, часть южно-русскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ и удалившаяся на сѣверъ. *Основа*, кн. 1 и 3, статьи: «о федеративномъ началѣ» и «Двѣ русскія народности».

по-велико-русски и по-малоросійски, такъ что, въ теченіе четырёхъ мѣсяцевъ, я имѣлъ хорошую практику малоросійскаго языка. Меня очень удивляло то, во-1-хъ, какъ они, живя постоянно между чуждымъ имъ населеніемъ, не забыли роднаго языка; во-2-хъ, какъ они не изуродовали его, что весьма часто случается у насъ, въ Украинѣ, съ тѣми земляками, которые поживуть съ великороссами или съ панами. Я хотѣлъ-было, по ихъ разсказамъ, составить полное описаніе быта нашихъ земляковъ Оренбургскихъ козаковъ, но, за вѣздомъ изъ Перми, не успѣлъ. У меня, впрочемъ, сохранились отрывки ихъ разсказовъ, которые сообщаю:

«Оренбургскіе козаки живутъ у Троицкому уїзді Оренбургской губерні; наши земляки (козаки) живутъ не вмѣстѣ зъ руськими, а особо. У Ключевскій станиці наши живутъ у двохъ селахъ, тільки не знаю, якъ звуть; у Чисменскій ст., у селахъ Новому-Черному, Богородиньскому и у Лишцахъ; у Миколаевскій стан. у Кулябчиньскому селі, у Шерпенюванскій ст. одно село, у Магнитній кріпості; 7-го полку на ричці Судуку е одно село; 6-го полку село № 7-й, 5-го полку село Березовьске; у степу на линіи на р. Тургай, на Иргизи (городокъ е Иргизъ); у городкахъ Ахметети, Старо-Орському и Ново-Орському; у селі Кумахъ подъ Орськимъ; коло Оренбурга по селамъ: Каминьському, Ниженьському и Краснохолі 1-го полку (село велике, соть віснїй душъ; зъ ёго повиходили у самий степъ, у городокъ Карабутакъ и инші); 1-го жъ полку, по селахъ: Бурганці, Статишчевій, Озірій, Микольціяхъ, Пидгоринощському. У самому Оренбурсі живутъ козаки и міщане-земляки, а селяне живутъ відъ Оренбурга къ Самарі. У Челябиньському уїзді у одному селі живутъ селяне.

Козаки наши спершу повиходили селянами зъ губерній: Харьковської, Самарської, Саратовської, Воронежської, Курської и зъ иншихъ. Виселялись, бо тутъ славно, просторно було жить; линія була, мало людей було. Такъ вони жили селянами до 1842 году. У козаки повернули, щобъ вони образовані були, щобъ оружїе було и все чисто. Которі сами хотіли, бо гля дітей, щобъ у салдати не видавать и щобъ земля була; якъ у крестьянахъ жили, то землю миряли четвертями, а теперъ — скільки твоя душа бажа, стільки й орн. — —

Запорожці жили спершу у Краснохолі, ми по однімъ боці річки

Чорної, а вони по другімъ. Скільки ми жили у Краснохолі, такъ їхъ усе було дражнять:

Білогірці дурні вівці —
 Не моляця Богу;
 Запрягають и родичівъ —
 Ідуть у дорогу.

Вони у церкву ходять и хрестятця, тільки мова якась така, що й ми не розберемъ. Зъ нихъ ще глузують такъ: яшовъ, кажуть, запорожець, зустрівся зъ руськимъ, та й каже: «чи не знаходивъ ти, шо я загубивъ, *тірбочки* (торбочки), симъ вилупеньцівъ (яйця), и три перепічки (пышка), висвицакою (батигъ) завязана?» Руській каже: я найшовъ торбочку зъ яйцями, та пишкам, батогомъ завязана. «Ні, це не моя.» Відъ своєї торби одперся! Іжаківъ (по їхньому *дики кабаньці*) іли. Жінки ходять, якъ и наші, у очіпкахъ, дергахъ, або запаскахъ, а дівчата у білихъ свиткахъ (куцина). Звичаї: вечерниці, різдвянські святки, пасхи святять, и всі звичаї, якъ и у насъ.

Теперъ ми обжились у козакахъ, такъ лучче и привільній. Лісівъ багато: сосновихъ, березовихъ, дубовихъ, то-що; до якого села ближче, то до того й ліси. У Орській стан. и у другийхъ—горн, а у Краснохолі—степъ азійська, рівна, и у Чименській стан. степъ, озера по лпніи и у Чименській стан. Зъ солонихъ озеръ сіль беремо даромъ, не одъ казни; тільки сіль тоді бува, якъ засуха. Річки у насъ: Уралъ, Уй, Уильця, Иргизъ, Чорнивця, Буранка, Тузакъ, Сундукъ и Оръ; річки не великі, очеретомъ поросли; риба: лпни, сазани, шука, окунь; у озеряхъ одинъ карась. У Троицькому уїзді е й болота. За нами починаютьи степи, днівъ десять безъ корму, тільки поллинець росте, шісокъ. На Тургаі и Иргизи дики коні, дики свині, сайгаки, тигри, а за Тургаемъ полози. Полозъ такий ясний, наче луска рибыча, наче сребрений; де вінъ пролізе, тамъ и трава не росте, вінъ якъ махне хвостомъ, такъ и зобьє, потімъ кровь сєє.

По степу и у Троицькому уїзді е могяли, наче конані, середина западе, наче тамъ шо провалитця, кажуть, шо розбойники тутъ стояли и накопували: Мамай и Пугачъ; и влзди е, тільки взять пхъ не можна, бо давно положені; которі добували, такъ ні — не йдуть уже. На нашому степу виведена—називаєтця киркою, на церкву по-

хожа, и гробки кругомъ, верху нема. Ни хто не зна, відь кого вона зосталась.....

Хлібъ роблять зъ цілого и живуть. Пахатної, окреме сінокосу и лісу, 30 десятинъ на душу; тільки родитця, заразъ и нарізують землю. Починають сіяты після паски, на 4-мъ тижні, и до паски тижнівъ за два, якъ весна тепла, и сіють до Тройці. Сіють года три зряду пшеницю, а потімъ якъ помлкъша, овесъ, або жито. Пшениця у насъ: кубанка, або турка, черноколоска, гирка и черногузка; ячмінь: зъ остюками и голій, просо кійкувате. Горохъ сіють по цілині, просо, и лёнъ; коноплі по мякому, після лёну. Пшеницю и жита жнуть, а овесъ та ячмінь жнуть и косять. Кісь—*горбушь* нема⁽²⁾. Жнуть після Петра, й місяць жнуть и неділя три жнуть. Хлібъ кладуть на степену, у токахъ, а до дому не возять, а уже возять чисте зерно. Молотять ціпази, биками и кіньми. Пшенишний хлібъ щодня ідять, житне борошно Орда бере, у городі продають, ячмінь у рудники на крупи беруть, вівсяною соломою кормлять биківъ, а житна, ишенишна, то-що, лежить, поки зогніе, бо сіна багато. Лёнъ и коноплі продають, а собі сім'я на масло йде, масло бьють.

Повинности: 25 асс. земської повинности зъ душі, штрафовка домівъ, якій домъ скільки стое, 3 р., 10 р., 15 р. то-що. За казенні кобиля 15 к. ср. зъ душі. Служба 25 літь, 3 годи на службі, а годівъ 5 отдыхаемо. Коні и зброя—все свое. Якій бідний козакъ—иде у робітники.

Скотину пасуть Киргізи и Камличини, за корову 10 к. у літо, за пару биківъ тожъ 10 к., за вівцю зъ ягнямъ 27 к., за коней 30 к. с., за телятъ 6.

Оруть усю Петрівку на пшеницю, а весною на овесъ та жито. Оруть плугомъ та волами, у кого нема спрягаютьця. Якъ починають оратъ, Богу молятця и землю цілують. На сорокъ святихъ, печуть хрестики изъ кіста и жайвороночки: хрестики кладуть у ту пшеницю, шо весною сіють, а коли положять на ниві—и починае

(2) Косами *горбушами* въ Пермской губерніи называются косы съ выгнутымъ болѣе обыкновеннаго желѣзомъ и съ короткой рукояткой; онѣ поэтому очень неудобны. Косецъ долженъ находится непрерывно въ согнутомъ положеніи и трава скашивается только по верхамъ; наши косы въ Пермск. губ. называются *литовками*; ихъ здѣсь не много.

орати, з'оравши—з'їсть; а жайвороночки на сорокъ святихъ ідять. Волочать волами и бороною (боронять), раломъ ралють овси и жита. Живуть всю весну и святкують на полі, поки одсіютьця, до самої Тройці. Тамъ и хати є, и бані. И по селахъ є бані, зімою у дворі, а літомъ на березі бані. Жвнуть помочами: просять помочи и горілку пьють, наче весілля усе літо, хочъ не просипайся...»

П. Фонменко.

Красноушискъ, Пермской губ.

Іюль 1861.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

№№ XIV и XV изображаютъ нѣсколько портретовъ, снятыхъ съ натуры И. И. Соколовымъ, въ Полтавской губерніи. На рисункѣ № XV, одинъ портретъ представляетъ чумака съ *чуприною* и въ шапкѣ, — снятый въ Золотоношскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Вереміевкѣ.

Рисунокъ № XVI изображаетъ *старцівъ* (нищихъ) и снятъ мною съ натуры, на ярмаркѣ, въ селѣ Срібномъ, въ Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда.

Л. Ж.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Просимъ гг. авторовъ извинить насъ за непомѣщеніе въ этой книжкѣ статей, которыя были для нея предназначены, но, по обстоятельствамъ, откладываются до слѣдующей.

Въ нѣсколькихъ письмахъ насъ просятъ высказать наше мнѣніе по поводу статьи, помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Современника*, подъ названіемъ: «Національная безтактность.»

Не имѣвъ, до настоящей минуты, подъ-рукою русинской литературно-политической газеты — *Слово*, по затруднительности полученія

славянскихъ изданій изъ Австрійской имперіи,—мы не могли удовлетворительно отвѣчать на сдѣланные намъ запросы; теперь же, получивъ, наконецъ, при помощи с.-петербургской газетной экспедиціи, послѣдніе помера *Слова*, мы надѣемся, въ X-ой книжкѣ *Основы*, сообщить нашимъ читателямъ данныя, убѣдительныя для всякаго, что вина враждебныхъ отношеній между Русинами и Поляками вовсе не со-стороны Русиновъ и, въ-особенности, не со-стороны униатскаго духовенства, которое, въ Галичинѣ, лучше, чѣмъ гдѣ-либо, поняло свое призваніе посреди пренебреженнаго народа, открыто и прямодушно становится на сторону угнетаемыхъ и смѣло борется за его права, не смотря на свою бѣдность, на оскорбленія и поруганія, которыми щедро надѣляютъ своихъ противниковъ сильныя интригою, богатствомъ и политическимъ преобладаніемъ іезуиты — въ ксендзовской и не-ксендзовской одеждѣ, (какъ говоритъ авторъ польской же брошюры: *Ręce ze się pojednamy*) въ религіозной и не-религіозной сферѣ.

При этой книжкѣ, равно и при другихъ журналахъ и газетахъ, прилагается подробное объявленіе объ изданіи *Основы и Живописной Украины* въ будущемъ году. Просимъ посѣшнить подпискою, дабы дать возможность редакціи распорядиться своевременнымъ напечатаніемъ и доставленіемъ на почту надлежащаго числа экземпляровъ. Редакція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры для устраненія медленности въ выходѣ и пересылкѣ нашего вѣстника въ отдаленныя мѣста.

Остающіеся экземпляры *Основы* за текущій годъ могутъ быть уступлены: выписывающимъ не менѣе пяти экземпляровъ—по 9 рублей за экземпляръ съ пересылкою, и по 8 р.—безъ пересылки; выписывающимъ не менѣе десяти экземпляровъ—по 8 р. съ пересылкою, и по 7 р. — безъ пересылки.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 9-Й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

- Б**авитись — мѣшкать.
Ввередитись — надорваться.
Верста — верста.
Вкинутись — приключиться.
Вигеблѣваний — гладко выстроганный.
Виращковатий — съ большими вытарашенными глазами.
Вишарованый — вымытый, вычищенный (погъ).
Гидко — гадко.
Глива — родъ грушъ.
Голубити — лѣзть.
Гудзикъ — пуговща.
Духпѣти — сильно дунуть; быстро побѣжать, ускákatъ.
Дуженный — очень сильный.
Жердка — жердь, вѣшалка.
Закалятись — запачкаться; замараться.
Заспіль — за-одно.
Збагнути — понять, уразумѣть.
Збигатись — сбѣгаться.
Здобичъ — добыча.
Злінути — улетѣть; взлетѣть.
Кануперъ, канупіръ — душистое растение.
Квасоля — турецкіе бобы; фасоля.
Кихоть — коготь.
Кожнісінский — всякій безъ исключенія.
Колистраторъ — вол. регистраторъ.
Коритись — покоряться; повиноваться.
Мало-що — чуть-чуть, немного.
Мари — родъ носилокъ для покойниковъ.
Межѣ (м) — межъ; между.
Миттю — скоро, орометтю; со всѣхъ ногъ.
Млиновий — мельничный.
Мрець — мертвецъ.
Недавнечко — (умен.) не такъ давно.
Німкѣня — Нѣмка.
Нѣда — скука.
Обняти — обнять.
Обночувати — переночевать.
Оврашокъ — хорець.
Околія — околонецъ.
Онупрій — Онуфрій.
Опентати — опутать, попутать, отуманить кого.
Опріскливий — сердитый; огрызающийся.
Орчяковий — пристяжной.
Падькатись — принадлеать; ухаживать.
Пахоші — духи, благовоинный запахъ.
Підцюкувати — подрубать.
По-близу — вблизи, возлѣ.
По-друзькій — по-дружески.
Поливляній —
Посіяти — (въ переносномъ смыслѣ) растерять.
Попасувати — кормить лошадей въ дорогъ.
Просторо — просторно; пространно.
Проходити — прослудить.
Птишня — птичникъ.
Пудити — бить, гнать.
Пундикъ — сладкій пирожокъ.
Ратище — конь.
Розжівляий — разгорѣвшійся, пышашій.

Росплóдженнй—разведенный, взро-
шенный.

Садовити — сажать; усаживать.

Свóлокъ — балка, поддерживающая
потолокъ въ хатѣ.

Семий — седьмой.

Сівъ — посѣвъ.

Сідуха — смѣлка.

Сірий — сѣрый.

Скрѣнечка — (уменьш.) сундучокъ.

Снага—способность, удача къ чему
нибудѣ.

Стернй—стебли соломы, остающіеся
на корню послѣ жнивья.

Степóкъ — небольшая стѣня.

Стілець — маленькая скамеечка.

Стинáтись — схватиться съ кѣмъ.

Судженнй — суженный.

У-рѣстичъ — кула попалю; во всѣ
стороны.

Флювáтись — волноваться.

Хижиий — хищный, жадный, свое-
корыстный.

Ходъварокъ — родъ фермы.

Чигáти — поджидать кого въ заса-
дѣ.

Чибкну́тись — поцѣловаться.

Чужая-чужина—чужіе люди.

Яструбъ — ястребъ.

ПОПРАВКИ.

1) Въ статьѣ: *Украинскія незабудки*, стр. 37, строка 30, вмѣсто *закипала*,
слѣдуетъ читать—*закипѣла*.

На стр. 42, стр. 34, вмѣсто *и насъ въ уездѣ*, слѣдуетъ читать—*у насъ
въ уездѣ*.

На стр. 46, стр. 13, вмѣсто *Троицотки*, слѣдуетъ читать—*Чечотки*.

2) Въ примѣчаніяхъ къ думѣ *Кумейки*, на стран. 53, стр. 18 снизу напе-
чатано: *не чуждается*, должно быть—*не чуждалось*.